

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
*INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
*INSTITUTE OF ECONOMY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

3(128)
2025

В Н О М Е Р Е

In This Issue:

Визуальные символические репрезентации политической власти
Visual Symbolic Representations of Political Power

***Мировая валютно-финансовая система
в усложняющейся геополитической реальности***
*The Global Monetary and Financial System
in an Increasingly Complex Geopolitical Reality*

***Стратегии выживания советских военнопленных
в движении Сопротивления***
Survival Strategies of Soviet Prisoners of War in the Resistance Movement

***Ценность и бесценность ИИ-текстов
в современном медиапространстве***
The Value and Valuelessness of AI-Generated Texts in the Contemporary Media Space

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *А.Г. Володин* – доктор исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.В. Кузнецов* – зам. главного редактора, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Н.Ю. Лапина* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *А.И. Миллер* – доктор исторических наук, Европейский университет, Россия, *И.Н. Молчанов* – доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *А.Д. Некипелов* – академик РАН, доктор экономических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь – доктор исторических наук *М.В. Ковалев*

Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук, профессор *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *М.А. Зинько*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

<u>РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА</u>	<u>RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW</u>
<i>Кузнецов И. И., Атаманенко А. А. Визуальные символические репрезентации политической власти: военный парад как элемент государственной политики в год 80-летия победы во Второй мировой войне</i>	<i>Kuznetsov I. I., Atamanenko A. A. Visual Symbolic Representations of Political Power: The Military Parade as an Element of State Policy in the Year of the 80th Anniversary of Victory in the Second World War</i>
<i>Королев А. С. Сотрудничество России и стран Центральной Азии в сфере институтов гражданского общества: текущее состояние, проблемы и потенциал</i>	<i>Korolev A. S. Cooperation between Russia and Central Asian Countries through Civil Society Institutions: Current Status, Challenges and Potential</i>
<i>Зинько М. А. «Он прибыл сюда по кончине уже его светлости»: к истории создания австрийским живописцем И. Б. Лампи Старшим портрета Г. А. Потемкина-Таврического (из собрания Государственного Эрмитажа)</i>	<i>Zin'ko M. A. “He Arrived Here after the Death of his Lordship”: On the History of the Creation by Austrian Painter J. B. Lampi the Elder of the Portrait of G. A. Potemkin-Taurichesky (from the Collection of the State Hermitage Museum)</i>
<i>Горюнов С. А. В со-авторстве с цензором: цензура как «закулисье» литературной жизни (на материале цензурных документов Комитета 2 апреля 1848 года)</i>	<i>Goryunov S. A. Co-Authored with the Censor: Censorship as the ‘Backstage’ of Literary Life (Based on the Censorship Documents of the Committee of April 2, 1848)</i>
<u>РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ</u>	<u>RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY</u>
<i>Молчанов И. Н., Молчанова Н. П. Мировая валютно-финансовая система в усложняющейся геополитической реальности</i>	<i>Molchanov I. N., Molchanova N. P. The Global Monetary and Financial System in an Increasingly Complex Geopolitical Reality</i>

Мищенко Я. В. Великобритания на пути интеграции в тихоокеанский регион: поиск новых сфер сотрудничества в глобальном мире	83	Mishchenko Ya. V. The United Kingdom on the Path to Integration into the Pacific Region: Searching for New Areas of Cooperation in the Global World
Белинский А. В. Правый терроризм в ФРГ: история, идеология, особенности	96	Belinskii A. V. Right-Wing Terrorism in the Federal Republic of Germany (FRG). History, Ideology, and Characteristics
Кудаяров К. А. Оценка научной дипломатии в российско-киргизских отношениях: мнения экспертов Киргизской Республики	114	Kudaiarov K. A. Assessment of Science Diplomacy in Russian-Kyrgyz Relations: Opinions of Experts from the Kyrgyz Republic
Раренко М. Б. Рецепция классических произведений в постиндустриальном обществе	128	Rarenko M. B. Reception of Classical Works in Post-Industrial Society
<u>ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА</u>		<u>PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY</u>
Решетников С. В. Стратегии выживания советских военнопленных в движении Сопротивления: случай С. Е. Сапожникова	144	Reshetnikov S. V. Survival Strategies of Soviet Prisoners of War in the Resistance Movement: The Case of S. E. Sapozhnikov
Лиманова С. А., Тихонов В. В. Резэвакуация Академии Наук СССР: организационные и институциональные проблемы	159	Limanova S. A., Tikhonov V. V. Re-Evacuation of the Academy of Sciences of the USSR: Organizational and Institutional Problems
<u>РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ</u>		<u>REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS</u>
Феофанов К. А. Цивилизационные подсистемы как детерминанты противостояний в современных международных отношениях	173	Feofanov K. A. Civilizational Subsystems as Determinants of Confrontations in Contemporary International Relations

Бондарь Д.Д. Меры противодействия РФ санкционному давлению в области энергетики	187	Bondar D. D. Measures of the Russian Federation to Counter Sanctions Pressure in the Energy Sector
Леонов Е.С. Современная стратегическая коммуникация и стриминговые платформы	202	Leonov E.S. Contemporary Strategic Communication and Streaming Platforms
Неренц Д.В. Ценность и бесценность ИИ-текстов в современном медиапространстве	216	Nerents D. V. The Value and Valuelessness of AI-Generated Texts in the Contemporary Media Space
Громова А.В. Влияние К.Д. Ушинского на педагогические воззрения императрицы Марии Александровны	232	Gromova A. V. K.D. Ushinsky's Influence on the Pedagogical Views of Empress Maria Alexandrovna
Вершинина М.В. Империя и «общегосударственная душа»: Ахмед-бек Агаев о необходимости изучения Востока (по материалам газеты «Каспий»)	250	Vershinina M. V. The Empire and the 'All-State Soul': Ahmed bey Agayev on the Necessity of Studying the East (Based on Materials from the Newspaper Kaspii)

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Барфоломеев Ю.В. Рец. на: Кочукова О.В., Кочуков С.А. «Художник на боевом поле»: репортажная графика Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2024	260
Алешкова И.А. Рец. на: Заславская Н.М. Цифровизация государственного экологического управления: правовые основы. М., 2024.	271

REVIEWS

Varfolomeev Yu. V. Review of: Kochukova O.V., Kochukov S.A. "An Artist on the Battlefield": Reportage Graphics of the Russo-Turkish War of 1877–1878 (Moscow, 2024)	
Aleshkova I. A. Review of: Zaslavskaya N.M. Digitalization of State Environmental Governance: Legal Foundations (Moscow, 2024)	

И.И. Кузнецов, А.А. Атаманенко

**ВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ:
ВОЕННЫЙ ПАРАД КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ГОД 80-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

***Аннотация.** Статья посвящена комплексному анализу военного парада как уникальной формы символической репрезентации политической власти и эффективного инструмента государственной политики в контексте юбилейных коммеморативных мероприятий 2025 года, приуроченных к 80-летию окончания Второй мировой войны. В центре исследования – парады, проведенные в России, Китае и США, которые рассматриваются как сложные политико-символические действия, объединяющие элементы военной демонстрации, театрализованного ритуала и визуальной коммуникации власти. Теоретико-методологическая база исследования позволяет интерпретировать парад как эстетизированную и мифологизированную форму политического стиля.*

Для сравнительного анализа авторами выделены пять ключевых критериев: масштаб и организационная структура парадов, уровень международного участия, риторика публичных выступлений политических лидеров, особенности медиарепрезентации и экономические затраты на проведение мероприятий. Сопоставление показывает, что российские и китайские парады сохраняют сакральный характер, подчеркивая преемственность исторической памяти, стабильность власти и национальное единство. В то же время американский парад 2025 года ориентирован на внутриполитическую мобилизацию граждан и укрепление индивидуального имиджа президента.

В условиях обостряющейся международной конкуренции и роста глобальной военно-политической напряженности парады продолжают играть ключевую роль в формировании коллективной памяти и укреплении национального самосознания, оставаясь мощным средством политической мобилизации и символического диалога власти с обществом.

Ключевые слова: военный парад; политика памяти; символическая власть; политический ритуал; Россия; Китай; США; международные отношения; 80-летие Победы.

Кузнецов Игорь Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: politbum@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0274-8728

Web of Science Researcher ID: K-6253-2018

Атаманенко Артемий Андреевич – аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: aaatamanenko@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4433-7847

Web of Science Researcher ID: OON-4804-2025

Kuznetsov I.I., Atamanenko A.A.

**Visual Symbolic Representations of Political Power:
The Military Parade as an Element of State Policy in the Year
of the 80th Anniversary of Victory in the Second World War**

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the military parade as a unique form of symbolic representation of political power and an effective instrument of state policy in the context of commemorative events in 2025 dedicated to the 80th anniversary of the end of World War II. The research focuses on parades held in Russia, China, and the United States, which are viewed as complex political and symbolic acts combining elements of military demonstration, theatrical ritual, and visual communication of power. The theoretical and methodological basis of the research allows for interpreting the parade as an aestheticized and mythologized form of political style.*

For the comparative analysis, the authors identified five key criteria: the scale and organizational structure of the parades, the level of international participation, the rhetoric of public speeches by political leaders, the specifics of media presentation, and the economic costs of holding the events. The comparison shows that the Russian and Chinese parades retain a sacred character, emphasizing the continuity of historical memory, the stability of power, and national unity. At the same time, the American parade of 2025 is focused on domestic political mobilization and strengthening the individual image of the president.

In the context of escalating international competition and growing global military and political tensions, parades continue to play a key role in shaping collective memory and strengthening national identity, remaining a powerful means of political mobilization and symbolic dialogue between the government and society.

Keywords: *military parade; politics of memory; symbolic power; political ritual; Russia; China; United States; international relations; 80th anniversary of Victory.*

Kuznetsov Igor Ivanovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University. Russia, Moscow.

E-mail: politbum@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0274-8728

Atamanenko Artemiy Andreevich – PhD Candidate, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University. Russia, Moscow.

E-mail: aaatamanenko@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4433-7847

Введение

2025 год ознаменован 80-летием окончания Великой Отечественной войны и Второй мировой войны. В связи с этим мемориальные нарративы приобретают особую значимость в государственной политике тех стран, для которых эти события являются фактическим источником мифа-основания [Бубнов 2017]. Современная Российская Федерация на законодательном и символическом уровне признает принципиальную значимость победы советского народа в Великой Отечественной войне для исторического развития страны и ее места в миропорядке [Бешкинская, Миллер 2020]. Китайская Народная Республика, объявившая о своем основании в 1949 г., также в ее современном виде появилась по итогам окончания Второй мировой войны и поражения Японии как основного противника стран-союзников на азиатских театрах боевых действий. Учитывая юбилейный характер двух дат (9 мая 1945 г. для РФ и 3 сентября 1945 г. для КНР), коммеморативные практики этих государств заслуживают особого внимания. Нам видится важным обратиться к такой своеобразной форме политического мероприятия и коммеморативного действия, как военный парад. Будучи одновременно демонстрацией военных технологий и политико-символическим событием, парад становится интересным вызовом для политического анализа. Более того, сравнение символических потенциалов этих парадов представляется перспективным предприятием для расширения дискуссии о мультимодальных формах политики памяти.

В контексте 2025 г. и обсуждения символической роли парадов в политических стратегиях ведущих мировых держав появляется еще один выбивающийся случай. Речь идет о военном параде 14 июня 2025 г. в США. Его хронологическое расположение между Парадом Победы в Москве 9 мая и военным парадом в Пекине 3 сентября вызывает неизбежные сравнения. Несмотря на то, что символический повод в данном случае отличается и связан с 250-летием армии США, морфологические особенности парада и его временная локализация приводят к формированию единого «парадного» контекста. Данный парад является личной инициативой президента США Дональда Трампа и не является традиционным. Это различие также создает удачную точку для сравнения между тремя описанными парадными событиями.

Мы ставим перед собой цель на основании сравнения военно-политических и символических потенциалов трех парадов, проведенных в России, Китае и США в 2025 г. реконструировать логику политической власти этих государств в презентации оценок истории и собственных позиций в сфере международных отношений. Для этого нам потребуется обозначить соответствующую аналитическую рамку, выделить критерии сравнения и сформулировать итоговый результат сравнения, обозначив перспективы использования полученных результатов и дальнейших исследований в данной сфере.

Методологическая рамка и критерии сравнительного анализа

Чаще всего военный парад упоминается в литературе, посвященной общим аспектам политики памяти, однако исключительно в формате перечисления. Анализ драматургии военного парада и его символической роли встречается довольно редко. Чаще всего такой анализ связан с комплексным изучением мер коммеморации, например Великой Отечественной войны, среди которых парад выступает одной из форм развития общей содержательной линии [Данилова 2023].

Р. Уортман в своем фундаментальном труде «Сценарии власти» упоминает о параде как ритуале, формирующем особый режим восприятия власти и ее возможностей. Уортман утверждает, что в период правления Павла I и Александра I военный парад становится «принципиальной церемонией» российской монархии, а роль верховного главнокомандующего, принимающего парад, фиксируется как один из главных «ликов» императора [Wortman 2006, p. 85–97]. Компонентами парада становятся не только сам проход военных частей по определенной территории, но и обрамляющие его выступления, а также организация пространства и времени для наблюдения за парадом. Военный парад в такой интерпретации становится драматургической и эстетической репрезентацией государства как организатора символического пространства.

Парад чаще всего обрамлен возвышенным эмоциональным фоном, а участие в параде для военнослужащих становится высокой статусной наградой. Парад выступает инструментом сакрализации власти, создания ее особого экзальтированного восприятия через символически нагруженную драматургию [Callahan 2020, p. 19–31]. Все эти аспекты военного парада могут быть объединены концепцией политического стиля, предложенной Ф. Анкерсмитом. Политический стиль – это комбинация эстетических и символических практик, отличающих политическое поведение актора от всех иных акторов, его политическая индивидуальность [Анкерсмит 2012, с. 166–200]. Парад, будучи семиотическим актом субъективации власти в рамках организованного сюжета, становится одним из наиболее ярких и метафоричных выражений ее конкретного политического стиля.

Комплексный характер парада создает мультимодальное пространство репрезентации политической власти. Сочетание военного, политического и культурного значения парада дает возможность видеть пересечение этих властных проекций, объединяющихся для создания «принципиальной властной церемонии». Предложенная нами теоретическая рамка позволяет выйти за пределы рассмотрения парада сугубо как мемориальной практики или военной демонстрации, выделяя его политико-символическое значение и возможности интерпретации через властную риторику.

Это открывает нам возможность задать критерии анализа указанных выше парадов, прошедших в 2025 г. В связи различными формами воздействия парадов на целевые аудитории нам видится важным сравнить как организационно-символические параметры, так и особенности восприятия этих парадов. На этой основе мы выделим следующие критерии:

1. Масштаб проведения парада;
2. Историко-политические нарративы;
3. Количество приглашенных внешних гостей (представители государств и международных организаций);
4. Публичные презентации лидеров;
5. Освещение события в национальном и международном информационном пространстве;
6. Оценки стоимости парада и иных затрат на него.

Предложенная конфигурация позволяет сделать упор непосредственно на политико-символических эффектах и последствиях проведения военного парада. Указание его символического и информационного контекста позволяет создать объемное представление о месте парада в символической стратегии инициирующего его властного актора в лице государства в целом или конкретного политического лидера в частности.

Россия, Китай, США: сравнительный анализ крупнейших парадов 2025 г.

Парад Победы 9 мая 2025 г. в России прошел в Москве на Красной площади. Это место является исторически и политически значимым пространством, будучи символическим центром как столицы, так и страны в общем. Парад Победы, также являющийся ежегодным с 1995 г., не является исключением [Парад Победы 2025]. И сам парад, и избранное место подчеркивают преемственность и поддержание военно-политических традиций. В рамках парада по Красной площади прошли свыше 11 000 военнослужащих и 70 единиц военной техники. Парад состоял из сухопутной и воздушной частей. Отдельно упоминается об участии в параде участников Специальной военной операции. Также в параде участвовали и зарубежные воинские подразделения из 13 стран [Как прошел парад 2025].

Среди гостей парада присутствовали главы 24 стран, а также министры из еще четырех государств и иные официальные представители трех государств. Среди гостей также присутствовали руководители трех международных организаций: Нового банка развития БРИКС, Евразийской экономической комиссии и Организации исламского сотрудничества [Как на Красной площади 2025]. На парад были приглашены только представители дружественных Российской Федерации государств. Из-за этого, к примеру, представители западноевропейских стран в качестве гостей на параде не присутствовали.

Открывающая речь Президента России В.В. Путина заняла почти 9 минут. В ходе выступления президент России обратился к нарративам исторической памяти и сохранения исторической правды. Президент напомнил о том, что именно СССР принял наиболее жестокий удар со стороны нацистского режима в Германии и стал одним из главных его победителей. Отдельно было упомянуто о приближении победы после открытия второго фронта в Европе западными союзниками [Парад Победы 2025]. Основным символическим посылом выступления стал призыв к сохранению памяти об уроках Второй мировой и Великой Отечественной войн и к стремлению избежать повторения подобных событий в будущем.

Российские СМИ позитивно оценивали общий уровень организации и символическую значимость парада. Официальную трансляцию вели Первый канал, «Россия 1», Пятый канал, РЕН ТВ и др. [Парад Победы в Москве в прямом эфире 2025]. Зарубежная информационная реакция включала два основных сюжета: во-первых, провал западных стран в попытке изолировать Россию в международной среде, так как парад посетили представители иностранных государств [A Divisive Show 2025], во-вторых, проведение парада параллельно со Специальной военной операцией в Украине и описание демонстрируемых образцов актуального вооружения российской армии [Putin, Xi 2025].

Информация о затратах на проведение парада не опубликована. Некоторые эксперты могут выделить общие суммы на празднование дня победы в Москве (178–285,6 млн руб.) [На празднование Дня Победы 2025], а в общем оценки организации Парада Победы колеблются в диапазоне до 500 млн руб. [Сколько стоит 2025].

Проведение парада на Красной Площади в 2025 г. стало не только важным мемориальным поводом, но и способом продемонстрировать место России в современной системе международных отношений. Зарубежные реакции показывают, что парад стал показателем провала политики изоляции. При этом общие организационные затраты остаются вне открытых источников и реконструируются экспертами на основе доступных данных и экстраполяций.

3 сентября 2025 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине прошел военный парад, посвященный 80-летию окончания Второй мировой войны и победы над милитаристской Японией. Предыдущий парад проходил там же в 2019 г. и был приурочен к годовщине объявления КНР [Гордость и убеждения 2019]. Именно на этой площади в 1949 г. Мао Цзэдун провозгласил образование Китайской Народной Республики [Буров 2019]. В ходе парада по площади прошли 12 000 солдат, более 100 единиц техники, как наземной, так и авиационной. В параде приняли участие представители всех сухопутных и воздушных родов войск [China displays 2025].

На официальной части парада присутствовали лидеры 26 иностранных государств, включая Российскую Федерацию. Также среди гостей были представители пяти международных организаций: АСЕАН, СНГ, ООН, Банк развития БРИКС и ШОС [Почетные гости 2025]. За исключением заместителя Генерального секретаря ООН все представители международных организаций являются их лидерами.

Открывающее выступление Председателя КНР Си Цзиньпина заняло чуть менее 7 минут. В своей речи китайский лидер отметил, что Китай всегда находится на «правильной стороне истории» [Full text of President Xi's speech 2025]. Наиболее интересной деталью стал внешний вид председателя: он был одет во френч, напоминающий традиционную одежду Мао Цзэдуна в его визуальных репрезентациях [Xi Jinping leads 2025]. Китайский лидер создает необходимый ему ассоциативный ряд с историко-политическим контекстом, видя себя соразмерным по значению лидером в истории Китая.

Официальные китайские СМИ обозначили позитивную роль парада в публичном поле. Западные политики и информационные ресурсы высказались в критическом ключе. Заместитель председателя Европейской комиссии Кая Каллас заявила, что наблюдаемый парад является символом «вызова мировому порядку, основанному на правилах» [China's 80th Victory Parade 2025]. Президент США Дональд Трамп выразил озабоченность тем, что Владимир Путин и Си Цзиньпин «устраивают заговор», выставив в своих социальных сетях фотографию двух лидеров [Trump accuses Xi 2025]. В общем зарубежную реакцию можно описать как экзальтированную, особенно в области оценки военных новинок китайских вооруженных сил.

Эксперты из Тайваня, на которых чаще всего ссылаются СМИ, говорят о том, что общие затраты составили 5 млрд долл. [Taiwan flags 2025]. Более точных подтверждений найти не представляется возможным.

Парад в Пекине является, в первую очередь, демонстрацией военно-политического потенциала внешним наблюдателям. Статус гостей (главы государств и лидеры международных организаций) в интенции китайского руководства должен закрепить высокий статус мероприятий. В историко-символическом ключе парад служит напоминанием о заявляемой Китаем собственной ведущей роли в победе над странами Оси на азиатских театрах боевых действий. Рефлексируемые события (в том числе на уровне «превращения» Си Цзиньпина в Мао Цзэдуна) представляют особую значимость как для исторической памяти, так и для современного политического вооружения китайской политической элиты.

Наконец, рассмотрим несколько отличающийся от двух предыдущих, но попадающий в те же хронологические рамки парад, прошедший

14 июня в Вашингтоне. Парад является личной инициативой президента США Дональда Трампа. Выбор столицы в качестве локации обусловлен ее политическим статусом, однако историко-символические и традиционные параллели в данном случае отсутствуют. В параде приняли участие более 6000 солдат, 150 единиц наземной техники и 50 единиц воздушной техники [Trump's Army 2025]. В параде приняли участие представители всех родов войск, в том числе и войска Национальной гвардии (внутренние войска США).

Международные гости на парад приглашены не были. Наиболее яркой публичной персоной стал сам президент США, выступивший с речью, продлившейся чуть менее 10 минут. В своем выступлении американский лидер сделал акцент на непобедимости американской армии и ее лидирующих позициях в военной сфере. Трамп отдельно выделил роль американской армии в международных конфликтах, завершив свою речь заявлением о том, что США всегда «получают благословение Господа и сохраняют железную волю» [President Donald Trump's 2025]. Общая логика выступления соответствует риторике MAGA, предполагающей достижение военно-политического ренессанса США под руководством Дональда Трампа.

СМИ отмечали, что впечатления от парада оказались смазанными параллельно проходящей протестной акцией «No Kings» (англ. «Нет королям») [No Kings 2025], связанной с критикой политической линии Трампа. Совпадение парада с днем рождения американского президента добавило дополнительную степень политизации всего события [Trump praises 2025]. Парад стал объектом довольно серьезной критики со стороны противников Трампа, а массовая американская аудитория, не привыкшая к параду как форме репрезентации власти, не получила планируемый организаторами аффективный заряд [3 takeaways].

Наконец, стоимость парада оценивается в интервале от 25 до 45 млн долл. Такие данные указывает большинство крупных СМИ, опираясь на официальные заявления Белого Дома. Эта сумма, несоизмеримая с затратами на тот же китайский парад, также выступала объектом критики на фоне сокращения общих правительственных бюджетов. Американский парад является единственным из рассматриваемых, для которого есть открытые (пусть и неточные) финансовые данные, раскрытые представителем власти.

Представленный парад заметно отличается общей тематикой своего мемориального посыла. Он не предполагал наличия иностранных гостей, что отделяет его от двух парадов, описанных выше. Однако выступление президента США и реакция в медиапространстве выступают соизмеримыми категориям с остальными объектами сравнения.

Обсуждение результатов

В завершение нашего анализа представим сравнительную таблицу по выделенным критериям.

Таблица

Критерий анализа	Парад 9 мая 2025 г. на Красной площади в Москве	Парад 14 июня 2025 г. в Вашингтоне	Парад 3 сентября 2025 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине
1	2	3	4
Масштаб проведения парада.	11 000 военнослужащих, 70 единиц военной техники.	6600 солдат, более 100 единиц наземной и воздушной техники.	12 000 солдат, более 120 единиц наземной и воздушной техники.
Историко-политические нарративы.	Традиционный вынос знамени Победы, присутствие на параде исторической военной техники.	Присутствие на параде исторической военной техники, присутствие на параде подразделений в исторической военной форме, проведение в конце парада церемонии принесения военной присяги.	Выступление Си Цзиньпина во френче, имитирующем костюм Мао Цзэдуна, присутствие на параде исторической военной техники.
Количество приглашенных иностранных гостей.	28 представителей иностранных государств (из них 24 – главы государств), 3 лидера международных организаций.	Нет.	26 лидеров стран, 5 лидеров или представителей международных организаций.
Публичные презентации лидеров.	Выступление Президента РФ Владимира Путина. Акцент на сохранение исторической памяти, исторической правды, усвоении уроков истории.	Выступление президента США Дональда Трампа. Акцент на ведущей роли армии США в мире, грядущем развитии и дальнейшем возвышении США.	Выступление председателя КНР Си Цзиньпина. Акцент на исторической роли Китая и его современной значимости в мировой политике.

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Освещение в национальном и международном медиапространстве.	Национальное медиапространство: позитивные оценки. Внешняя оценка: фиксация факта провала политики изоляции России.	Национальное медиапространство: критические оценки в связи с параллельными протестными акциями и личностным фактором президента Дональда Трампа. Внешняя среда: скептическое отношение к параду.	Национальное медиапространство: позитивные оценки. Внешнее пространство: рассмотрение парада как «вызова мировому порядку, основанному на правилах».
Оценки стоимости парада.	До 500 млн руб. (примерно 6,2 млн долл. США).	25–45 млн долл. США.	5 млрд долл. США

Организационно парад становится мероприятием, содержащим как военно-символические, так и политико-символические послы. Создавая аффективное пространство восприятия, в котором комбинируются военная драматургия, музыка, риторические выступления политиков и визуальное оформление, военный парад выступает точкой сборки символического капитала власти и ее политического стиля.

Выводы

Несмотря на то, что парады являются частью символической стратегии стран, ранее являвшихся членами единой коалиции, в настоящее время очевидна тенденция «приватизации» победы. Каждое из тройки государств выстраивает собственный исторический дискурс Великой Победы и, соответственно, подчеркивает свой решающий вклад в ее достижение. Кроме того, парады демонстрируют устойчивый курс на поддержание высокого международного статуса страны – державы, способной к обеспечению собственной безопасности на современном уровне и, если понадобится, формированию «проекции силы».

Целевыми аудиториями парадов (внешними и внутренними потребителями информации) по-разному воспринимается коммуникативная стратегия США, КНР и России. В этом проявляется не только различный исторический контекст военного опыта страны (США, в отличие от КНР и России не вели масштабных войн на собственной территории с XIX столетия; СССР/России приходилось/приходится сталкиваться с прямой агрессией на собственной территории; КНР никогда в собственной истории не имела опыта столь масштаб-

ного перевооружения и военного строительства с возможностью «проекции силы» за пределами своей территории), но и несколько иной статус военных в социальной структуре общества. До определенного периода привлекательность военной службы в России сильно снижалась (с конца 1980-х – середины 2000-х годов), в КНР – наоборот, повышалась, а в США в значительной мере зависела от способности политического руководства преодолеть так называемый «вьетнамский синдром» в целой череде «локальных» военных операций (от Ирака и Афганистана, до Ливии и Сирии).

В отличие от России и Китая, в случае американского парада заметна прежде всего личная имиджевая стратегия президента Д. Трампа: выбор даты («случайно» совпавшей с днем рождения), «раскачка» темы настоящего «миротворца» накануне начала работы Нобелевского комитета, формирование образа человека, способного прекращать войны и насилие в мире [Trump wants 2025]. Военный парад стал важным испытанием для новой американской администрации республиканцев: продемонстрировать способность добиться понимания среди военных в условиях крайне непростой внутривнутриполитической ситуации.

Может возникнуть ощущение, что в современных условиях парад может быть неуместен в связи с более эффективными способами наблюдения за властью. Однако на практике мы видим использование ведущими военными державами парада как репрезентационного инструмента. Это свидетельствует в том числе и о росте мировой военно-политической напряженности и обращении политических сил к публичному отображению силовых государственных аспектов через соответствующие политические ритуалы и события.

Библиография

Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 288 с.

Барышева Е.В. Репрезентация власти как форма политического конструирования социальной среды // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2011. № 1(62). С. 123–131.

Бешкинская В.С., Миллер А.И. Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну. 75-летие Победы в российской политике памяти – предварительные итоги // Россия в глобальной политике. 2020. Том 18. №5(105). С. 60–88.

Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретации коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. №4. С. 3–11.

Буров В.Г. Китайской народной республике – 70 лет // Свободная мысль. 2019. №5(1677). С. 5–20.

Гордость и убеждения: как Китай отметил свое 70-летие // Известия. 2019, 2 окт. URL: <https://iz.ru/927505/nataliia-portiakova/gordost-i-ubezhdeniia-kak-kitai-otmetil-svoe-70-letie> (дата обращения: 23.10.2025)

Данилова Е.А. День Победы как платформа для реализации политики памяти и глобального позиционирования России в мире в комплексной стратегии российского национального брендинга // *Власть*. 2023. №1. С. 84–94.

Как на Красной площади отметили 80-летие Победы // *Эксперт*. 2025, 9 мая. URL: <https://expert.ru/obshchestvo/kak-na-krasnoy-ploshchadi-otmetili-80-letie-pobedy/> (дата обращения: 23.10.2025).

Как прошел парад в честь 80-летия Победы на Красной площади в Москве // *Ведомости*. 2025, 9 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/pobeda80/articles/2025/05/09/1109148-kak-proshel-parad> (дата обращения: 23.10.2025).

На празднование Дня Победы потратят 1,5 миллиарда рублей – лидирует Санкт-Петербург // *RTVI*. 2025, 5 мая. URL: <https://rtvi.com/news/na-prazdnovanie-dnya-pobedy-potratyat-15-milliarda-rublej-lidiruet-sankt-peterburg/> (дата обращения: 23.10.2025).

Парад Победы 9 мая 2025 года в Москве // *День города Москва*. 2025, 8 мая. URL: <https://den-goroda.moscow/parad-pobedy/> (дата обращения: 23.10.2025).

Парад победы в Москве в прямом эфире посмотрели более 38 миллионов человек // *ТАСС*. 2025, 12 мая. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/23918351> (дата обращения: 28.10.2025).

Парад Победы на Красной площади // *Президент России*. 2025, 9 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/73995> (дата обращения 23.10.2025).

Почетные гости и новейшее вооружение: как прошел военный парад в Пекине // *РИА Новости*. 2025, 3 сент. URL: <https://ria.ru/20250903/parad-2039285617.html> (дата обращения: 23.10.2025).

Сколько стоит парад Победы? // *Победа права*. 2025, 22 сент. URL: <https://pobedaprava.ru/skolko-stoit-parad/> (дата обращения: 23.10.2025).

A Divisive Show of Military Might in Moscow: What to Know // *The New York Times*. 2025, May 9. URL: <https://www.nytimes.com/2025/05/09/world/europe/russia-victory-day-parade-moscow.html> (дата обращения: 23.10.2025).

Callahan W. *Sensible Politics. Visualizing International Relations*. New York: Oxford University Press, 2020. 364 p.

China displays its military strength in a parade on the 80th anniversary of the end of WWII // *APNews*. 2025, September 3. URL: <https://apnews.com/article/china-military-parade-world-war-xi-jin-ping-ed1f7b3e245882dd91b597df24eafbea> (дата обращения: 23.10.2025).

China's 80th Victory Parade and the Politics of Power and Symbolism // *Asia Media Centre*. 2025, September 7. URL: <https://www.asiamediacentre.org.nz/china-s-80th-victory-parade-power-optics-and-global-dilemmas> (дата обращения: 23.10.2025).

Full text of President Xi's speech at the commemoration to mark the 80th anniversary of the victory of the Chinese People's War of Resistance Against Japanese Aggression and the World Anti-Fascist War // *CGTN News*. 2025, September 4. URL: <https://news.cgtn.com/news/2025-09-04/Full-text-of-President-Xi-s-speech-at-V-Day-commemorative-meeting-1GoGtFYsbJK/p.html> (дата обращения: 23.10.2025).

No Kings // *NoKings.com*. 2025. URL: <https://www.nokings.org> (дата обращения: 23.10.2025).

President Donald Trump's Full Remarks at the 250th Anniversary of the US Army Grand Military Parade // *The White House*. 2025, June 14. URL: <https://www.whitehouse.gov/videos/president-donald-trumps-full-remarks-at-the-250th-anniversary-of-the-us-army-grand-military-parade/> (дата обращения: 23.10.2025).

Putin, Xi and friendly world leader celebrate Russia's Victory Day at Moscow Parade // *CNN*. 2025, May 9. URL: <https://edition.cnn.com/2025/05/09/europe/russia-victory-day-parade-intl-hnk> (дата обращения: 23.10.2025).

Taiwan flags huge cost of China's military parade in growing war of words // *Reuters*. 2025, September 1. URL: <https://www.reuters.com/world/china/taiwan-flags-huge-cost-chinas-military-parade-growing-war-words-2025-09-01/> (дата обращения: 23.10.2025).

3 takeaways from the military parade and No Kings protests on Trump's birthday // NPR. 2025, June 15. URL: <https://www.npr.org/2025/06/15/nx-s1-5433765/3-takeaways-from-the-military-parade-and-no-kings-protests-on-trumps-birthday> (дата обращения: 23.10.2025).

Trump accuses Xi of conspiring against the U.S. with Putin and Kim at China military parade // NBC News. 2025, September 3. URL: <https://www.nbcnews.com/world/china/trump-accuses-putin-kim-xi-conspiring-us-china-military-parade-rcna228723> (дата обращения: 23.10.2025).

Trump praises military force at US Army's 250th anniversary parade // CNN. 2025, Octy 14. URL: <https://edition.cnn.com/2025/06/14/politics/trump-us-army-military-parade> (дата обращения: 23.10.2025).

Trump wants to be 5th U.S. President to win the Nobel Peace Prize. There are obstacles // CBC. October 9: <https://www.cbc.ca/news/world/trump-nobel-peace-prize-prospects-9.6932861> (дата обращения: 23.10.2025).

Trump's Army Military Parade, by the Numbers // U.S. News. 2025, June 13. URL: <https://www.usnews.com/news/national-news/articles/2025-06-13/trumps-army-military-parade-by-the-numbers> (дата обращения: 23.10.2025).

Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. From Peter the Great to the abdication of Nicholas II. Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2006. 496 p.

Xi Jinping leads Beijing parade displaying China's military power // AlJazeera. 2025. September 3. URL: <https://www.aljazeera.com/gallery/2025/9/3/xi-jinping-leads-beijing-parade-displaying-chinas-military-power> (дата обращения: 23.10.2025).

References

A Divisive Show of Military Might in Moscow: What to Know. The New York Times. 2025. May 9. URL: <https://www.nytimes.com/2025/05/09/world/europe/russia-victory-day-parade-moscow.html> (date of access: 23.10.2025).

Ankersmit F. Politicheskaja reprezentacija [Political representation]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. 288 p. (In Russ.)

Barysheva, E.V. Reprezentacija vlasti kak forma politicheskogo konstruirovaniya social'noj sredy [Power representation as a form of political construction of social reality]. Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie, Vostokovedenie [Bulletin of RSUH. Political science, History, International Relations, Foreign Regional Studies, Oriental studies]. 2011. N 1(62). P. 123–131. (In Russ.)

Beshkinskaja V.S., Miller A.I. Stradanija, podvig tyla i obshhaja otvetstvennost' za vojnu. 75-letie Pobedy v rossijskoj politike pamjati – predvaritel'nye itogi [Suffering, heroism on the home front, and responsibility for the war. The 75th anniversary of Victory Day in the memory of Russian politics – preliminary results]. Rossiya v global'noj politike [Russia in global politics]. 2020. Vol. 18. N 5(105). P. 60–88. (In Russ.)

Bubnov A.Ju. Istoricheskaja politika i bor'ba interpretacija kollektivnogo proshlogo v publichnoj sfere [Historical politics and the struggle to interpret the collective past in the public sphere]. Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Tula State University Bulletin. Humanities]. 2017. N 4. P. 3–11. (In Russ.)

Burov V.G. Kitajskoj narodnoj respublike – 70 let [The People's Republic of China turns 70]. Svobodnaja mysl' [Free thought]. 2019. N 5(1677). P. 5–20. (In Russ.)

Callahan W. Sensible Politics. Visualizing International Relations. New York : Oxford University Press, 2020. 364 p.

China displays its military strength in a parade on the 80th anniversary of the end of WWII. AP News. 2025. September 3. URL: <https://apnews.com/article/china-military-parade-world-war-xi-jinping-ed1f7b3e245882dd91b597df24eafbea> (date of access: 23.10.2025).

China's 80th Victory Parade and the Politics of Power and Symbolism. Asia Media Centre. 2025, September 7. URL: <https://www.asiamediacentre.org.nz/china-s-80th-victory-parade-power-optics-and-global-dilemmas> (date of access: 23.10.2025).

Danilova E.A. Den' Pobedy kak platforma dlja realizacii politiki pamjati i global'nogo pozicionirovaniya Rossii v mire v kompleksnoj strategii rossijskogo nacional'nogo brendinga [Victory Day as a platform for implementing the policy of remembrance and global positioning of Russia in the world in the comprehensive strategy of Russian national branding]. Vlast' [Power]. 2023. N 1. P. 84–94. (In Russ.)

Full text of President Xi's speech at the commemoration to mark the 80th anniversary of the victory of the Chinese People's War of Resistance Against Japanese Aggression and the World Anti-Fascist War. CGTN News. 2025. September 4. URL: <https://news.cgtn.com/news/2025-09-04/Full-text-of-President-Xi-s-speech-at-V-Day-commemorative-meeting-1GoGtFYsbJK/p.html> (date of access: 23.10.2025).

Gordost' i ubezhdenija: kak Kitaj otmetil svoe 70-letie [Pride and Conviction: How China Celebrated Its 70th Anniversary]. Izvestija [News]. 2019. Oct. 2. URL: <https://iz.ru/927505/nataliia-portiakova/gordost-i-ubezhdenii-kak-kitaj-otmetil-svoe-70-letie> (date of access: 23.10.2025). (In Russ.)

Kak na Krasnoj ploskhadi otmetili 80-letie Pobedy [How the 80th anniversary of Victory Day was celebrated on Red Square]. Jekspert [Expert]. 2025. May 9. URL: <https://expert.ru/obshchestvo/kak-na-krasnoj-ploschadi-otmetili-80-letie-pobedy/> (date of access: 23.10.2025). (In Russ.)

Kak proshel parad v chest' 80-letija Pobedy na Krasnoj ploskhadi v Moskve [How the parade in honor of the 80th anniversary of Victory Day on Red Square in Moscow went]. Vedomosti [News]. 2025. May 9. URL: <https://www.vedomosti.ru/pobeda80/articles/2025/05/09/1109148-kak-proshel-parad> (date of access: 23.10.2025). (In Russ.)

Na prazdnovanie Dnja Pobedy potratjat 1,5 milliarda rublej – lidiruet Sankt-Peterburg [1.5 billion rubles will be spent on Victory Day celebrations – St. Petersburg leads the way]. RTVI. 2025. May 5. URL: <https://rtvi.com/news/na-prazdnovanie-dnya-pobedy-potratyat-15-milliarda-rublej-lidiruet-sankt-peterburg/> (date of access: 23.10.2025). (In Russ.)

No Kings. NoKings.com. 2025. URL: <https://www.nokings.org> (date of access: 23.10.2025).

Parad Pobedy 9 maja 2025 goda v Moskve [Victory Day Parade on May 9, 2025 in Moscow]. Den' goroda Moskva [Moscow City Day]. 2025. May 8. URL: <https://den-goroda.moscow/parad-pobedy/> (date of access: 23.10.2025). (In Russ.)

Parad Pobedy v Moskve v prjamom jefire posmotrli bolee 38 mln chelovek [More than 38 million people watched Victory Parade in Moscow online]. 2025. May 12. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23918351> (date of access: 28.10.2025). (In Russ.)

Parad Pobedy na Krasnoj ploskhadi [Victory Parade on Red Square]. Prezident Rossii [President of Russia]. 2025. May 9. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/73995> (date of access: 23.10.2025). (In Russ.)

Pochetnye gosti i novejshee vooruzhenie: kak proshel voennyj parad v Pekine [Distinguished guests and the latest weaponry: How the military parade went in Beijing]. RIA Novosti [RIA News]. 2025. Sept. 3. URL: <https://ria.ru/20250903/parad-2039285617.html> (date of access: 23.10.2025). (In Russ.)

President Donald Trump's Full Remarks at the 250th Anniversary of the US Army Grand Military Parade. The White House. 2025. June 14. URL: <https://www.whitehouse.gov/videos/president-donald-trumps-full-remarks-at-the-250th-anniversary-of-the-us-army-grand-military-parade/> (date of access: 23.10.2025).

Putin, XI and friendly world leader celebrate Russia's Victory Day at Moscow Parade. CNN. 2025. May 9. URL: <https://edition.cnn.com/2025/05/09/europe/russia-victory-day-parade-intl-hnk> (date of access: 23.10.2025).

Skol'ko stoit parad Pobedy? [How much does the Victory Parade cost?]. Pobeda prava [Victory of law]. 2025. Sept. 22. URL: <https://pobedaprava.ru/skolko-stoit-parad/> (date of access: 23.10.2025). (In Russ.)

Taiwan flags huge cost of China's military parade in growing war of words // Reuters. 2025. September 1. URL: <https://www.reuters.com/world/china/taiwan-flags-huge-cost-chinas-military-parade-growing-war-words-2025-09-01/> (date of access: 23.10.2025).

3 takeaways from the military parade and No Kings protests on Trump's birthday. NPR. 2025. June 15. URL: <https://www.npr.org/2025/06/15/nx-s1-5433765/3-takeaways-from-the-military-parade-and-no-kings-protests-on-trumps-birthday> (date of access: 23.10.2025).

Trump accuses Xi of conspiring against the U.S. with Putin and Kim at China military parade. NBC News. 2025, September 3. URL: <https://www.nbcnews.com/world/china/trump-accuses-putin-kim-xi-conspiring-us-china-military-parade-rcna228723> (date of access: 23.10.2025).

Trump praises military force at US Army's 250th anniversary parade. CNN. 2025. Ogtu 14. URL: <https://edition.cnn.com/2025/06/14/politics/trump-us-army-military-parade> (date of access: 23.10.2025).

Trump wants to be 5th U.S. President to win the Nobel Peace Prize. There are obstacles. CBC. October 9: <https://www.cbc.ca/news/world/trump-nobel-peace-prize-prospects-9.6932861> (date of access: 23.10.2025).

Trump's Army Military Parade, by the Numbers. U.S. News. 2025, June 13. URL: <https://www.usnews.com/news/national-news/articles/2025-06-13/trumps-army-military-parade-by-the-numbers> (date of access: 23.10.2025).

Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. From Peter the Great to the abdication of Nicholas II. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2006. 496 p.

Xi Jinping leads Beijing parade displaying China's military power. Aljazeera. 2025. September 3. URL: <https://www.aljazeera.com/gallery/2025/9/3/xi-jinping-leads-beijing-parade-displaying-chinas-military-power> (date of access: 23.10.2025).

А.С. Королев

**СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В СФЕРЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА:
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ¹**

***Аннотация.** В статье рассматривается специфика сотрудничества России со странами Центральной Азии (ЦА) по линии институтов гражданского общества (ИГО) с акцентом на текущее состояние, системные вызовы и перспективы развития двусторонних связей. Анализ показывает, что взаимодействие в данной сфере остается периферийным и во много фрагментарным направлением двусторонней повестки и значительно уступает политическому и экономическому диалогу с целевыми странами. Для Казахстана ключевыми ограничителями являются государственноцентричность модели третьего сектора и недостаточная гибкость российских институтов публичной дипломатии, что снижает потенциал для вовлечения молодежи в проекты по линии ИГО. В Киргизии ситуация осложняется высокой зависимостью местных неправительственных (НПО) или некоммерческих организаций (НКО) от иностранных доноров и конкурентной средой, где особенно активно действуют США, ЕС и Турция через образовательные проекты. В Таджикистане развитие гражданского сектора ограничено жестким государственным контролем, однако образование становится важным ресурсом российской «мягкой силы», прежде всего через проекты Россотрудничества. В Узбекистане сотрудничество ограничивается малочисленными российскими НПО и жесткими институциональными барьерами в данном секторе со стороны республики.*

В то же время российское присутствие сохраняет устойчивые сильные элементы в целевых странах. Среди них — историко-культурная близость, востребованность русского языка и образования, наличие филиалов российских университетов в регионе, а также функционирование Россотрудничества и сети Русских домов, способных обеспечивать прямую поддержку образовательных и культурных инициатив. Важным каналом остаются и научно-экспертные коммуникации, вовлекающие широкий круг российских и центральноазиатских организаций.

Ключевые слова: гражданское общество; третий сектор; Россия; Центральная Азия; неправительственные организации; образование; экспертный диалог.

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда. Проект № 24-28-00249 «Большая игра» ЕС, Китая, России и США в Центральной Азии в новых геополитических условиях: последствия для России.

Королев Александр Сергеевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Факультета международных отношений СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург, доцент Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Россия, Москва.

E-mail: askorolev@hse.ru

Scopus Author ID: 58316991800

Korolev A.S.

Cooperation between Russia and Central Asian Countries through Civil Society Institutions: Current Status, Challenges and Potential

Abstract. *The article examines the specifics of cooperation between Russia and the Central Asian countries through civil society institutions (CSIs), with an emphasis on the status, systemic challenges, and prospects for the development of bilateral ties. Interaction in this area remains peripheral and largely fragmented within the bilateral agenda and is significantly less developed than political and economic dialogue with the target countries. For Kazakhstan, the key constraints are the state-centric nature of the third-sector model and the insufficient flexibility of Russian public diplomacy institutions, which reduces the potential for involving young people in CSI projects. In Kyrgyzstan, the situation is complicated by the high dependence of local NGOs on foreign donors and a competitive environment, in which the United States, the European Union, and Turkey are particularly active through educational projects. In Tajikistan, the development of the civil sector is limited by strict state control, but education is becoming an important resource of Russian “soft power,” primarily through projects of Rossotrudnichestvo. In Uzbekistan, cooperation is constrained by a small number of Russian NGOs and strict institutional barriers in this sector on the part of the state.*

At the same time, the Russian presence retains stable and strong elements. Among them are historical and cultural proximity, demand for the Russian language and education, the presence of branches of Russian universities in the region, the activities of Rossotrudnichestvo, and the network of Russian Houses. Scientific and expert communication, involving a wide range of Russian and Central Asian organizations, remains an important channel.

Keywords: *civil society; third sector; Russia; Central Asia; non-governmental organizations; education; expert dialogue.*

Korolev Alexander Sergeevich – Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg, Associate Professor of the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow.

E-mail: askorolev@hse.ru

Scopus Author ID: 5831699180

Введение

Исследование сотрудничества России и стран ЦА по линии институтов гражданского общества в последние годы постепенно выходит за рамки феномена «мягкой силы» и приобретает более многомерный характер. Если в 2000–2010-е годы в академической среде доминировали оценки роли русскоязычного образования и культурных центров как инструментов гуманитарного влияния РФ, то в работах 2020-х годов больше внимания стало уделяться институциональным ограничениям, конкуренции с зарубежными акторами, а также взаимодействию государственных и негосударственных акторов в третьем секторе.

Наиболее проработанным направлением в литературе является исследование культурно-образовательных форматов сотрудничества РФ и стран ЦА. Большинство авторов рассматривают именно их как главный канал взаимодействия России с ИГО республик. М. Ларуэль в своей работе отмечает, что через филиалы российских университетов, грантовые программы и культурные центры РФ формирует устойчивую гуманитарную инфраструктуру, которая формально имеет «гражданский» характер, но институционально встроена в государственную стратегию [Laguette 2021, с. 19]. Ч. Зиглер связывает эти процессы с феноменом «авторитарной диффузии», когда, по мнению автора, Россия транслирует в страны ЦА не только культурные инициативы, но и правовые нормы регулирования третьего сектора [Ziegler 2016, с. 554]. М. Губайдулина и А. Пайзова на примере Казахстана демонстрируют сильные и слабые стороны российской «мягкой силы» в республике. В частности, они отмечают, что многие гуманитарные инициативы РФ, в том числе по линии третьего сектора негативно воспринимаются в республике (особенно после 2022 г.), что во многом связано с активными дезинформационными кампаниями западных стран [Gubaidullina, Paizova 2025, с. 153].

Российские исследователи также подчеркивают значимость этого вектора взаимодействия со странами ЦА. Так, К.Г. Муратшина рассматривает социально-ориентированные НКО в качестве ключевого канала усиления гуманитарного присутствия России в странах ЦА, в частности в Туркмении [Муратшина 2020, с. 248]. Этот вывод развивает в своей работе А.С. Королев. По его мнению, российские НКО проводят успешную работу по реализации образовательных и культурных проектов, в частности, по продвижению русского языка и культуры. Вместе с тем автор указывает на ограниченность повестки и недостаточное информационное освещение деятельности российских ИГО [Королев 2024, с. 16]. В.В. Комлева сравнивает деятельность российских и западных НКО в странах ЦА и приходит к выводу об ограниченной целевой аудитории российских ИГО, которые, по мнению автора, не придают большой важности работы с такими группами, как женщины, социально уязвимые категории населения и дети [Комлева 2021, с. 16].

Другим значимым тематическим блоком исследований является анализ институциональной специфики функционирования гражданского общества в ЦА с учетом различных ограничений и влияние этих ограничений на взаимодействие России и целевых государств в третьем секторе. Ч. Зиглер делает акцент на зависимости стран региона от средств зарубежных доноров, которая, по его мнению, создает парадокс. По его мнению, внешняя поддержка необходима для развития ИГО, но одновременно с этим она ограничивает их способность формировать независимую повестку и выступать автономными акторами [Civil society 2014, с. 72]. К. Нокс и Д. Шарипова развивают концепцию «управляемого гражданского общества». Они подчеркивают, что сотрудничество России и стран ЦА в третьем секторе во многом институционально строится на ГОН-ГО, т. е. организациях, созданных государством или аффилированных с ними, что снижает их автономность и доверие к продвигаемым ими инициативам со стороны населения [Knox, Sharipova 2024, с. 115].

Таким образом, проведенный обзор литературы позволил сделать вывод о высоком уровне теоретико-методологической и эмпирической изученности современного состояния третьего сектора стран ЦА, его институциональных ограничений и влияния западных доноров, особенностей гуманитарного сотрудничества РФ и целевых государств региона. Однако практически отсутствуют комплексные исследования, посвященные оценке эффективности российского взаимодействия с центральноазиатскими партнерами в третьем секторе с учетом факторов внутренней (особенностей функционирования моделей третьего сектора в РФ и стран ЦА) и внешней (конкуренция зарубежных доноров) среды. Тем самым данное исследование стремится восполнить этот академический пробел.

Методология исследования и основной понятийный аппарат

В настоящей работе с опорой на существующие подходы автор понимает под ИГО прежде всего институционализированные форматы в виде НПО и НКО и иных профильных организаций, а также использует термины «гражданское общество» и «третий сектор» как синонимичные понятия. Таким образом, методологической основой исследования выступает институциональный подход, рассматривающий гражданское общество как совокупность формальных организаций, механизмов их взаимодействия с международными акторами, а также ресурсов, обеспечивающих реализацию общественно значимых инициатив.

Кроме того, при анализе сотрудничества РФ и целевых стран ЦА в третьем секторе автор сосредоточивается на образовательной, научно-экспертной и культурной сферах. Данный выбор обусловлен тем фактом, что именно эти направления представляют наибольшую стратегическую ценность для формирования долгосрочного гуманитарного присутствия России в регионе и характеризуются более высокой устойчивостью к политическим колебаниям. Выбор

указанных сфер также продиктован сопоставимостью моделей гражданского общества РФ и стран ЦА.

Туркмения не включена в список исследуемых стран в исследовании ввиду специфики регулирования национального третьего сектора, а именно практически полного отсутствия взаимодействия с зарубежными ИГО и закрытостью данных, что делает её несопоставимой с остальными странами региона.

Казахстан

Сотрудничество России и Казахстана по линии гражданского общества на протяжении многих лет относилось к периферийным направлениям двусторонней повестки. Как результат, текущий уровень коммуникаций российских ИГО с казахстанскими существенно уступает качеству политического диалога обеих стран. Во многом это связано с особенностями существующих моделей функционирования гражданского общества обеих стран, а именно государствоцентричностью третьего сектора РФ и РК [Тюхов 2022, с. 368]. В подобной системе ИГО практически не участвуют в формировании актуальной повестки или ее реализации.

Наряду с этим системным ограничением для раскрытия потенциала коммуникаций ИГО обеих стран является недостаток финансирования профильных фондов, прежде всего Фонда им. А. Горчакова и Русского мира. Грантовые инициативы этих структур не получили уровня распространения, сопоставимого с фондами других государств, что приводит к нехватке совместных инициатив НПО в Казахстане и органов публичной дипломатии РФ.

Помимо этого, государственные институты с российской стороны – Россотрудничество, Росмолодежь и Посольство РФ в РК при формулировании целевой аудитории своей деятельности зачастую не учитывают текущие демографические тенденции в Казахстане. В особенности это касается работы с молодежью, чем активно пользуются конкуренты РФ – профильные институты США, Великобритании, ЕС, Турции. Одновременно с этим стоит отметить и низкую активность казахстанских ИГО в инициировании повестки и разработке планов двустороннего сотрудничества с российскими институтами.

Тем не менее, несмотря на ряд сдерживающих факторов в развитии связей по линии ИГО России и Казахстана, существуют и позитивные практики взаимодействия по данному треку. В частности, научно-экспертные коммуникации являются одной из наиболее масштабных областей сотрудничества с точки зрения количества участвующих в двусторонних коммуникациях ИГО и по числу реализуемых проектов, в том числе в онлайн-формате. К устоявшимся форматам можно отнести сотрудничество Ассамблеи народов Евразии (АНЕ) с рядом ИГО и государственных органов РК, в частности с Ассамблеей народа Казахстана (АНК). АНЕ плотно взаимодействует с Гражданским альянсом Казахстана – крупнейшей сетью НПО Казахстана. Обе организации со-

трудничают в сферах культуры, предпринимательства, интеграционных связей и общественной дипломатии.

Еще одним примером успешного взаимодействия ИГО России и Казахстана в данной сфере можно назвать ежегодный Гражданский форум в Казахстане и Форум гражданских инициатив некоммерческих и неправительственных организаций РФ и РК, на полях которого главы российских государственных профильных ведомств и организаций встречаются с представителями некоммерческого сектора двух стран. В 2021 г. он проводился на базе РАНХиГС [Форум гражданских инициатив 2021]. Наряду с представителями государственных органов его участниками выступали региональные ИГО из различных приграничных субъектов РФ.

В целом трек научно-экспертных коммуникаций имеет значительно больший нереализованный потенциал. Решение задач в этом направлении требует расширения количества участников диалога и повестки взаимодействия, в том числе за счет узкоспециализированных проблем социального характера.

Киргизия

Сотрудничество ИГО России и Киргизии на сегодняшний день является относительно неразвитым. Связано это, прежде всего, с самой моделью гражданского общества республики. Практически полное отсутствие у государства механизмов финансовой и институциональной поддержки ИГО и открытый режим «входа» для иностранного спонсорства сформировало наиболее конкурентную среду за иностранное влияние на пространстве ЦА [Кудаяров 2024, с. 31].

Если в случае с Казахстаном формат взаимодействия с иностранными партнерами выстраивается вокруг выделения образовательных грантов для учебы за рубежом, то применительно к Киргизии в основном создается локальная экосистема работы в пределах страны. В частности, речь идет о запуске в КР университетов под патронажем страны-донора, которые по сравнению с государственными вузами имеют значительно больший объем финансирования, располагают более продвинутой материально-технической базой и привлекают большее число студентов [Кудаяров 2024 а, с. 23]. Зарубежные университеты делают ставку на долгосрочную перспективу – формируют благоприятную для себя среду и пул студентов, которые по окончании обучения способны стать лидерами общественного мнения в КР и активно транслировать позитивный образ государства – спонсора образовательных услуг. Подобная практика характерна для США на примере Американского университета в Центральной Азии (АУЦА), стран ЕС на примере Академии ОБСЕ в Бишкеке и Турции как на уровне официальной Анкары (Кыргызско-Турецкий университет «Манас»), так и институтов «гюленовского» толка («Сапат») [там же]. На этом фоне ключевые образовательные институты и профильные структуры РФ, в частности, Кыргызско-Российский Славянский университет им.

Б.Н. Ельцина (КРСУ), ответственные за международную деятельность с КР, проигрывают конкуренцию западным структурам по насыщенности повестки и общему уровню взаимодействия с кыргызстанскими ИГО.

Несмотря на наличие ряда сдерживающих факторов, существуют позитивные практики взаимодействия по линии третьего сектора. Значимой сферой активности связанных с Россией ИГО является поддержка русского языка. Наиболее системно работают в этой сфере фонды «Русский мир» и Российские центры науки и культуры (РЦНК), которые проводят бесплатные языковые курсы и курсы повышения квалификации, обеспечивают доступность литературы и организуют круглые столы для учителей [Муратшина, Мамин 2022, с. 68]. Похожую деятельность осуществляет «Русская гуманитарная миссия», проводящая конкурсы и мастер-классы для учителей русского языка. Приоритетность русского языка в направлении работы фондов объясняется высоким запросом на его изучение как среди школьников и студентов, так и среди представителей госуправления Киргизии [Фонд «Русский мир» 2022].

Кроме того, научно-экспертные коммуникации по-прежнему остаются сферой, где задействованы значительные институциональные и финансовые ресурсы взаимодействия РФ и КР по линии третьего сектора. Опору в этом направлении составляют ряд ИГО, ориентированных на продвижение интересов России. Примером таких организаций являются Фонд «Евразийцы – новая волна», дискуссионный клуб «Пикир» и Центр экспертных инициатив «Ой Ордо». Данные НПО активно освещают в общественном информационном поле Киргизии вопросы, связанные с внешней политикой РФ и ключевыми региональными проблемами, например, обострением приграничных конфликтов государств ЦА [Разетдинова 2022].

Таким образом, несмотря на наличие отдельных позитивных практик, наращивание российского присутствия и усиление коммуникации с ИГО Киргизии сталкивается с серьезными проблемами, включая высоко конкурентную среду и прозападный уклон значительного числа НПО в республике.

Таджикистан

Основными вызовами для развития сотрудничества России и Таджикистана по линии ИГО являются слабая представленность российских институтов, обусловленная историческими (период Гражданской войны в республике в 1992–1999 гг.) и системными проблемами третьего сектора страны. Таджикистанские ИГО не в состоянии эффективно справляться со своими базовыми функциями по плюрализации общественной повестки и формированию стабильной экосистемы сотрудничества с внешними партнерами.

Тем не менее, несмотря на наименее комфортный для зарубежных агентств и фондов режим функционирования гражданского общества в Таджикистане

среди анализируемых стран ЦА, российские ИГО имеют позитивные практики работы в республике. Именно в случае Таджикистана Россотрудничество демонстрирует наибольшую гибкость и способность к адаптации к существующему регуляторному режиму и системным ограничениям третьего сектора республики. В особенности это касается таких направлений, как образование [Погорельская, Погодаев 2024, с. 244]. Данная сфера является одной из наиболее масштабных по числу реализуемых инициатив и охвату целевой аудитории из числа таджикистанских граждан. Основу присутствия по данному треку формирует Русский дом в Душанбе. Он напрямую финансирует строительство школ и оказывает поддержку образовательных инициатив таджикистанских ИГО, направленных на формирование позитивного образа России в РТ.

В частности, в рамках подобного взаимодействия Россия с 2019 по 2022 г. профинансировала строительство пяти школ [Россия выделила 2021] в пяти крупнейших городах РТ – Душанбе, Худжанде, Бохтаре, Кулябе и Турсунзаде – проектной мощностью 1200 учеников каждая. Преподавание в этих школах, начавших работу в сентябре 2022 г., ведется российскими преподавателями на русском языке [Таджикистан становится 2022]. Наряду с этим Россотрудничество и Посольство РФ в РТ передает учебную и художественную литературу таджикистанским школам [Россотрудничество подарило 2020], оказывая им методологическую поддержку и предлагая курсы повышения квалификации при участии российских образовательных и гуманитарных НКО. К примеру, АНО «Русская гуманитарная миссия» регулярно проводит курсы повышения квалификации таджикистанских учителей,ставляет книги в библиотеки [Книжная помощь 2021] и оказывает методическую поддержку желающим изучать русский язык в Таджикистане. В то же время Таджикистан занимает третье место по числу обучающихся в российских вузах студентов [Таджикистан вошел в топ-3 2024], а основой российского присутствия на образовательном пространстве РТ является совместный Российско-таджикский славянский университет (РТСУ).

Описываемые позитивные примеры взаимодействия, обусловленные прежде всего повышенным спросом таджикистанского общества в сфере образования, имеют потенциал для масштабирования в рамках двустороннего сотрудничества по линии ИГО.

Узбекистан

Деятельность российских НПО в Узбекистане носит ограниченный характер. Это обусловлено их малочисленностью (четыре российских НПО в Реестре негосударственных некоммерческих организаций республики [Государственный реестр 2025]), так и жесткой политикой руководства Узбекистана по отношению к третьему сектору в целом и иностранным НПО. Институты власти и ГОН-ГО играют доминирующую роль в формировании повестки третьего сектора,

не обеспечивая при этом финансовых стимулов для поддержки гражданских инициатив. Ряд реформ президента Узбекистана Ш. Мирзиёева, направленных на либерализацию общественной жизни, не оказали существенного влияния на развитие гражданского сектора страны [Юсупов, Исаков 2020]. Более того, по-прежнему модель регулирования гражданского сектора в значительной мере ограничивает возможности ИГО Узбекистана в привлечении зарубежной донорской помощи [Юсупов, Исаков 2020]. Это также снижает стимулы к международному взаимодействию по линии ИГО. Наряду с этим, одной из особенностей подхода государства к видению гражданского сектора в Узбекистане является более широкий спектр чувствительных направлений по сравнению с другими странами Центральной Азии, в особенности Киргизией. К таким направлениям относятся, в частности, экология и проблема выбросов загрязняющих средств, вопросы молодежной политики и деятельности СМИ.

В связи с этим организация успешной работы российских ИГО в Узбекистане и двустороннее сотрудничество с узбекистанскими институтами изначально является трудновыполнимой задачей, что неоднократно подчеркивалось на уровне руководства органов российской публичной дипломатии [Вячеслав Никонов 2017]. Таким образом, деятельность российских ИГО в республике в силу специфики узбекистанской политики в отношении некоммерческого сектора не может служить в качестве основного инструмента для проекции российского влияния в республике.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что нацеленность гражданского общества Узбекистана на решение ряда актуальных задач национального развития позволяет ИГО социально-ориентированного профиля иметь большие возможности для привлечения иностранного финансирования и наращивания международного сотрудничества относительно прочих ИГО. Более того, схожесть социально-ориентированных моделей организации гражданского общества РФ и Узбекистана позволяет России более эффективно конкурировать с ИГО третьих стран при выстраивании сотрудничества с институтами Узбекистана.

Ряд узбекистанских ННО активно принимают участие в различных экспертных форматах с Россией. Так, Институт социально-креативного развития актива при поддержке Россотрудничества, Фонда Горчакова и иных российских структур на регулярной основе реализует программы по повышению квалификации в формате грантовой поддержки. Например, в июне 2025 г. в Русском доме в Ташкенте в подобном проекте приняли участие более 30 узбекистанских НКО [Российские НКО 2017]. Помимо этого, женский общественный фонд «Sharq Ayoli», будучи одним из наиболее динамичных ИГО Узбекистана, имеет тесные связи с ИГО России, в особенности с Фондом Горчакова [«Женщины Востока шагают в ногу со временем» 2022]. В июле 2022 г. стороны при поддержке Национального союза некоммерческих организаций Узбекистана организовали в Ташкенте международную конференцию «Обеспечение

реализации совместных международных программ, проектов и мероприятий в области культуры, образования и науки некоммерческими организациями Узбекистана и России: опыт и перспективы». В целом взаимодействие «Sharq Ayoli» с российскими ИГО происходит по различным социально-значимым направлениям, включая организацию передачи русской детской литературы в детские сады и школы районных центров, проведение методических семинаров для учителей русского языка и др.

Для максимизации позитивных эффектов по треку научно-экспертных коммуникаций в условиях текущего режима регулирования ИГО в Узбекистане перспективно наладить системную работу с гражданскими активистами и экспертами по отдельным направлениям. Работа с физическими лицами позволит снизить бюрократические издержки для партнеров и создать более плодотворный канал коммуникаций.

Заключение

Анализ взаимодействия России со странами ЦА по линии гражданского общества показывает, что этот трек остается второстепенным по сравнению с политико-экономическими форматами. Однако его значимость постепенно возрастает в условиях конкуренции внешних акторов за влияние в регионе. Опыт сотрудничества демонстрирует неоднородность. В Казахстане государственноцентричная структура гражданского общества ограничивает самостоятельное участие НКО в формировании повестки и сужает их потенциал для международного сотрудничества. В Киргизии основным вызовом выступает высокая конкуренция иностранных доноров, обладающих большей в сравнении с РФ финансовой и институциональной устойчивостью. В Таджикистане ключевой барьер обусловлен жестким режимом регулирования НКО, что делает российское присутствие возможным преимущественно через образовательные и культурные инициативы. В Узбекистане препятствием является как строгая регламентация иностранного участия в третьем секторе, так и ограниченность кадрового и финансового потенциала национальных ИГО.

Кроме того, общим фактором для всех анализируемых государств ЦА выступает ограниченное присутствие российских ИГО в регионе, в особенности неправительственных организаций. Это обусловлено слабой грантовой поддержкой, низкой публичной активностью профильных фондов и отсутствием четких критериев эффективности реализуемых проектов. Эти структурные недостатки сдерживают возможности России по масштабированию своего влияния в третьем секторе стран ЦА. Более того, недостаточная координация между государственными агентствами приводят к тому, что российское присутствие в секторе гражданского общества Центральной Азии остается фрагментарным и зачастую ситуативным.

Несмотря на существующие трудности, российское присутствие в третьем секторе стран Центральной Азии сохраняет ряд устойчивых позитивных элементов. Наиболее заметными являются научно-экспертные и образовательные коммуникации, а также культурно-гуманитарные инициативы, обеспечивающие более регулярное взаимодействие российских и местных ИГО. Российские профильные институты создают платформы для совместных проектов и образовательных программ, что поддерживает экспертный диалог и обмен знаниями. Российские организации концентрируются на тех направлениях, где модели гражданского общества РФ и стран региона наиболее сопоставимы, что повышает эффективность взаимодействия и способствует долгосрочности российского присутствия. Такая институциональная база позволяет частично компенсировать существующие ограничения и наращивать российское присутствие в регионе.

Библиография

Вячеслав Никонов: фонду «Русский мир» в Узбекистане работать сложно // Sputnik Узбекистан. 2017. 01 июля. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20170701/fond-russkii-mir-5731210.html> (дата обращения: 01.09.2025).

Государственный реестр негосударственных некоммерческих организаций // Портал открытых данных. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. 2025. URL: <https://data.egov.uz/rus/data/6107d53e2a2e256d868e8702> (дата обращения: 22.08.2025).

«Женщины Востока шагают в ногу со временем». Интервью с Саодат Турсунбаевой, руководителем Международного Женского Фонда «Sharq Ayoli» // Русская гуманитарная миссия. 2022. 03 июня. URL: <https://journal.rhm.agency/interview/zhenshhiny-vostoka-shagayut-v-nogu-so-vremenem-intervyu-s-saodat-tursunbaevoy-rukovoditelem-mezhdunarodnogo-zhenskogo-fonda-sharq-ayoli/> (дата обращения: 01.09.2025).

Книжная помощь Таджикистану // Российская государственная библиотека. Официальный сайт. 2021. 18 августа. URL: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/knizhnaya-pomoshh-tadzhikistanu> (дата обращения: 22.08.2025).

Комлева В.В. Международные НКО на территории стран Центральной Азии // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2021. № 12 (383). С. 5–18.

Королев А.С. Особенности гуманитарного сотрудничества РФ со странами Центральной Азии на современном этапе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 12–23.

Кудяров К.А. Деятельность некоммерческих организаций в Киргизской Республике // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2024. № 1 (331). С. 30–51.

Кудяров К.А. Университетские и академические аналитические центры Центральной Азии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика. 2024. № 1. С. 20–38.

Муратшина К.Г. Институты гуманитарного сотрудничества между Российской Федерацией и Туркменистаном // Власть. 2020. № 4. С. 245–252.

Муратшина К.Г., Мамин Н.В. Институты гуманитарного сотрудничества России и Киргизии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. № 1. С. 65–80.

Погорельская А.М., Погодаев Н.П. Модернизация высшего образования в Таджикистане и особенности образовательного сотрудничества с Россией в 2022–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 78. С. 239–248.

Разетдинова К. ЦА нужна Западу как зона хаоса. Эксперты о конфликтах в регионе и роли ОДКБ // Sputnik Кыргызстан. 2022. 17 мая. URL: <https://ru.sputnik.kg/20220517/centralnaya-aziya-granica-konflikt-odkb-1064486473.html> (дата обращения: 11.09.2025).

Российские НКО поделились опытом с коллегами из Узбекистана // Россотрудничество. 2025. 05 июня. URL: <https://rs.gov.ru/news/rossijskie-nko-podelilis-opytom-s-kollegami-iz-uzbekistana/> (дата обращения: 01.09.2025).

Россия выделила \$150 млн на строительство пяти школ в Таджикистане // ТАСС. 2021. 30 ноября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13062329> (дата обращения: 21.08.2025).

Россотрудничество подарило школьникам Согда более 1,5 тысячи книг на русском // Новостное агентство Sputnik. 2020. 14 окт. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20201014/rossotrudnichestvo-sogd-knigi-podarok-1032085564.html> (дата обращения: 22.08.2025).

Таджикистан вошел в топ-3 по числу граждан, обучающихся в России // Интернет-портал СНГ. 2024. 14 ноября. URL: <https://e-cis.info/news/568/122681/#:~:text=Таджикистан%20вошел%20в%20топ%2D3%20по%20числу%20граждан%2C%20обучающихся%20в%20России,-14%20ноя%202024&text=Таджикистан%20занимает%20третье%20место%20по,студентов%20из%20Таджикистана%20до%20тысячи> (дата обращения: 22.08.2025).

Таджикистан становится образцом применения «мягкой силы» России // Информационно-аналитический центр «МедиаНьюс». 2022. 27 июня. URL: <https://news.ru/cis/tadzhikistan-stanovitsya-poligonom-dlya-primeneniya-myagkoj-sily-rossii/> (дата обращения: 21.08.2025).

Тюхов Д.С. Развитие некоммерческого сектора: опыт России и Казахстана // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5 (69). С. 365–371.

Фонд «Русский мир» вернулся в Джалал-Абадскую область // FOR.kg. 2022. 28 ноября. URL: <https://for.kg/news-790314-ru.html> (дата обращения: 21.08.2025).

Форум гражданских инициатив некоммерческих и неправительственных организаций России и Казахстана // Институт приграничного сотрудничества и интеграции. 2021. 17 сент. URL: <https://icbci.info/news/1842/> (дата обращения: 15.09.2025).

Юсупов Д., Исаков О. Почему в Узбекистане сложно открыть НПО? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 2020. 14 января. URL: <https://cabar.asia/ru/pochemu-v-uzbekistane-slozhno-otkryt-npo> (дата обращения: 22.08.2025).

Civil society and politics in Central Asia / Edited by Ziegler C.E. University Press of Kentucky, 2015. 366 p.

Gubaidullina M.S., Paizova A. Russia's "soft power" policy towards Kazakhstan in the research field on Central Asia // Bulletin of the LN Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2025. Vol. 150. № 1. P. 145–159.

Knox C., Sharipova D. Authoritarianism and civil society in Central Asia: Shifting boundaries // Journal of Civil Society. 2024. Vol. 20. № 2. P. 109–129.

Laruelle M. Russia's Niche Soft Power. Sources, Targets and Channels of Influence. 2021. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/laruelle_russia_niche_soft_power_2021.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

Ziegler C.E. Great powers, civil society and authoritarian diffusion in Central Asia // Central Asian Survey. 2016. Vol. 35. № 4. P. 549–569.

References

Civil society and politics in Central Asia. Edited by Ziegler C.E. University Press of Kentucky, 2015. 366 p.

Fond «Russkij mir» vernulsya v Dzhahal-Abadskuyu oblast' [The Russkiy Mir Foundation has returned to the Jalal-Abad Region]. FOR.kg [FOR.kg]. 2022. 28 Nov. URL: <https://for.kg/news-790314-ru.html> (date of access: 21.08.2025). (In Russ.)

Forum grazhdanskikh iniciativ nekommercheskikh i nepravitel'stvennykh organizacij Rossii i Kazakhstana [Forum of civil initiatives of non-profit and non-governmental organizations of Russia and Kazakhstan]. Institut prigranichnogo sotrudnichestva i integracii [Institute of Cross-Border Cooperation and Integration]. 2021. 17 Sept. URL: <https://icbci.info/news/1842/> (date of access: 15.09.2025). (In Russ.)

Gosudarstvennyj reestr negosudarstvennykh nekommercheskikh organizacij [State Register of Non-Governmental Non-Commercial Organizations]. Portal otkrytykh dannyh. Agentstvo statistiki pri Prezidente Respubliki Uzbekistan [Open Data Portal. Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan]. 2025. URL: <https://data.egov.uz/rus/data/6107d53e2a2e256d868e8702> (date of access: 22.08.2025). (In Russ.)

Gubaidullina M.S., Paizova A. Russia's "soft power" policy towards Kazakhstan in the research field on Central Asia. Bulletin of the LN Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2025. Vol. 150. N 1. P. 145–159.

Komleva V.V. Mezhdunarodnye NKO na territorii stran Central'noj Azii [International NGOs in the countries of Central Asia]. Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'-Observer [Scientific and analytical journal Obozrevatel'-Observer]. 2021. N 12 (383). P. 5–18. (In Russ.)

Knizhnaya pomoshch' Tadjikistanu [Book aid to Tajikistan]. Oficial'nyj sajt Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Official website of the Russian State Library]. 2021. 18 Aug. URL: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/knizhnaya-pomoshh-tadjikistanu> (date of access: 22.08.2025). (In Russ.)

Knox C., Sharipova D. Authoritarianism and civil society in Central Asia: Shifting boundaries. Journal of Civil Society. 2024. Vol. 20. N 2. P. 109–129.

Korolev A.S. Osobennosti gumanitarnogo sotrudnichestva RF so stranami Central'noj Azii na sovremennom etape [Features of humanitarian cooperation between the Russian Federation and the countries of Central Asia at the present stage] Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya [Oikumena. Regional studies]. 2024. N 2. P. 12–23. (In Russ.)

Kudayarov K.A. Deyatel'nost' nekommercheskikh organizacij v Kirgizskoj Respublike [Activities of non-profit organizations in the Kyrgyz Republic]. Rossiya i musul'manskij mir: nauchno-informacionnyj zhurnal [Russia and the Muslim World: Scientific and Information Journal]. 2024. N 1 (331). P. 30–51. (In Russ.)

Kudayarov K.A. Universitetskie i akademicheskie analiticheskie centry Central'noj Azii [University and Academic Think Tanks in Central Asia]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9, Vostokovedenie i afrikanistika [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 9, Oriental and African Studies]. 2024. N 1. P. 20–38. (In Russ.)

Laruelle M. Russia's Niche Soft Power. Sources, Targets and Channels of Influence. 2021. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/laruelle_russia_niche_soft_power_2021.pdf (date of access: 10.09.2025).

Muratshina K.G. Instituty gumanitarnogo sotrudnichestva mezhdru Rossijskoj Federaciej i Turkmenistanom [Institutions of humanitarian cooperation between the Russian Federation and Turkmenistan]. Vlast' [Power]. 2020. N 4. P. 245–252. (In Russ.)

Muratshina K.G., Mamin N.V. Instituty gumanitarnogo sotrudnichestva Rossii i Kirgizii [Institutions of humanitarian cooperation between Russia and Kyrgyzstan]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations]. 2022. Vol. 6. N 1. P. 65–80. (In Russ.)

Pogorel'skaya A.M., Pogodaev N.P. Modernizatsiya vysshego obrazovaniya v Tadjikistane i osobennosti obrazovatel'nogo sotrudnichestva s Rossiej v 2022–2023 gg. [Modernization of Higher Education in Tajikistan and Features of Educational Cooperation with Russia in 2022–2023]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science]. 2024. N 78. P. 239–248. (In Russ.)

Razetdinova K. Eksperty uvereny: geopoliticheskaya obstanovka sama po sebe podtalkivaet strany ODKB k povysheniyu effektivnosti ob"edineniya [Experts are confident that the geopolitical situation itself is pushing the CSTO countries to increase the effectiveness of the association]. Sputnik Kyrgyzstan [Sputnik Kyrgyzstan]. 2022. 17 May. URL: <https://ru.sputnik.kg/20220517/centralnaya-aziya-granica-konflikt-odkb-1064486473.html> (date of access: 11.09.2025). (In Russ.)

Rossijskie NKO podelilis' opytom s kollegami iz Uzbekistana [Russian NGOs Share Experience with Colleagues from Uzbekistan]. Rossotrudnichestvo. 2025. 05 Jun. 2017. URL: <https://rs.gov.ru/news/rossijskie-nko-podelilis-opytom-s-kollegami-iz-uzbekistana/> (date of access: 01.09.2025). (In Russ.)

Rossiya vydelila \$150 mln na stroitel'stvo pyati shkol v Tadjikistane [Russia Allocates \$150 Million for Construction of Five Schools in Tajikistan]. Informacionnoe agentstvo TASS [TASS News Agency]. 2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13062329> (date of access: 21.08.2025). (In Russ.)

Rossotrudnichestvo podarilo shkol'nikam Sogda bolee 1,5 tysyachi knig na russkom [Rossotrudnichestvo presented Sogd schoolchildren with over 1,500 books in Russian Sputnik News Agency]. Novostnoe agentstvo Sputnik [Sputnik News Agency]. 2020. 14 Oct. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20201014/rossotrudnichestvo-sogd-knigi-podarak-1032085564.html> (date of access: 22.08.2025). (In Russ.)

Tadjikistan stanovitsya obrazcom primeneniya «myagkoj sily» Rossii [Tajikistan becomes a model for Russia's soft power]. Informacionno-analiticheskij centr «MediaN'yus» [Information and analytical center “MediaNews”]. 2022. 27 Jun. URL: <https://news.ru/cis/tadjikistan-stanovitsya-poligonom-dlya-primeneniya-myagkoj-sily-rossii/> (date of access: 21.08.2025). (In Russ.)

Tadjikistan voshel v top-3 po chislu grazhdan, obuchayushchihsya v Rossii [Tajikistan entered the top 3 in terms of the number of citizens studying in Russia]. Internet-portal SNG [Internet portal of the CIS]. 2024. 14 Nov. URL: <https://e-cis.info/news/568/122681/#:~:text=Tadjikistan%20voshel%20v%20top%2D3%20po%20chislu%20grazhdan%2C%20obuchayushchihsya%20v%20Rossii,-14%20noya%202024&text=Tadjikistan%20zanimaet%20tret'e%20mesto%20po,studentov%20iz%20Tadjikistana%20do%20tysyachi> (date of access: 22.08.2025). (In Russ.)

Tyuhov D. S. Razvitie nekommercheskogo sektora: opyt Rossii i Kazakhstana [Development of the non-profit sector: the experience of Russia and Kazakhstan]. Skif. Voprosy studentcheskoj nauki [Scythian. Questions of student science]. 2022. N 5 (69). P. 365–371. (In Russ.)

Vyacheslav Nikonov: fondu «Russkij mir» v Uzbekistane rabotat' slozhno [Vyacheslav Nikonov: It is difficult for the Russkiy Mir Foundation to work in Uzbekistan]. Sputnik Uzbekistan. [Sputnik Uzbekistan]. 2017. 01 Jul. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20170701/fond-russkii-mir-5731210.html> (date of access: 01.09.2025). (In Russ.)

Yusupov D., Isakov O. Pochemu v Uzbekistane slozhno otkryt' NPO? [Why is it difficult to open an NGO in Uzbekistan?]. Central Asian Bureau for Analytical Reporting [Central Asian Bureau for Analytical Reporting]. 2020. 14 Jan. URL: <https://cabar.asia/ru/pochemu-v-uzbekistane-slozhno-otkryt-npo> (date of access: 22.08.2025). (In Russ.)

«Zhenshchiny Vostoka shagayut v nogu so vremenem». Interv'yu c Saodat Tursunbaevoy, rukovoditelem Mezhdunarodnogo Zhenskogo Fonda «Sharq Ayoli» [“Women of the East Keep Up with the Times”. Interview with Saodat Tursunbaeva, Head of the International Women's Fund “Sharq Ayoli”]. Russkaya gumanitarnaya missiya [Russian humanitarian mission]. 2022. 03 Jun. URL: <https://journal.rhm.agency/interview/zhenshchiny-vostoka-shagayut-v-nogu-so-vremenem-intervyu-c-saodat-tursunbaevoy-rukovoditelem-mezhdunarodnogo-zhenskogo-fonda-sharq-ayoli/> (date of access: 01.09.2025). (In Russ.)

Ziegler C.E. Great powers, civil society and authoritarian diffusion in Central Asia. Central Asian Survey. 2016. Vol. 35. N 4. P. 549–569.

М.А. Зинько

**«ОН ПРИБЫЛ СЮДА ПО КОНЧИНЕ УЖЕ ЕГО СВЕЛОСТИ»:
К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ АВСТРИЙСКИМ ЖИВОПИСЦЕМ
И.Б. ЛАМПИ СТАРШИМ ПОРТРЕТА Г.А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО
(ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА)**

***Аннотация.** Статья посвящена истории создания австрийским живописцем И.Б. Лампи Старшим одного из самых известных изображений российского генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина-Таврического (с 1940-х годов портрет хранится в Государственном Эрмитаже). Автором подробно рассмотрены обстоятельства прибытия художника осенью 1791 г. в столицу Молдавского княжества г. Яссы, где во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. находилась военная ставка Г.А. Потемкина, и затем в Санкт-Петербург. Показано, что в литературе существуют разные точки зрения на то, когда и где австрийский мастер написал портрет российского военачальника. На широком круге источников, ряд которых впервые вводится в научный оборот, предлагается решение этого вопроса. Отмечено, что И.Б. Лампи хотя и мог застать Г.А. Потемкина в живых, но в действительности прибыл в Яссы уже после смерти генерал-фельдмаршала. Обосновывается версия, что в Яссах И.Б. Лампи написал небольшой посмертный портрет Г.А. Потемкина (вероятно, по инициативе начальника дипломатической канцелярии генерал-фельдмаршала барона К.Я. Бюлера), который в итоге сыграл роль эскиза полотна, позднее (скорее всего, в середине 1790-х годов) заказанного живописцу А.Н. Самойловым – племянником покойного. Подчеркивается, что содействие в приезде И.Б. Лампи в Яссы, оказанное канцлером Священной Римской империи князем В.А. Кауниц-Ритбергом по просьбе самого Г.А. Потемкина, следует рассматривать в рамках союзнических отношений Российской и Священной Римской империй и развития культурных связей двух держав.*

***Ключевые слова:** Г.А. Потемкин-Таврический; И.Б. Лампи Старший; Екатерина II; К.Я. Бюлер; А.Н. Самойлов; В.А. Кауниц-Ритберг; Яссы; посмертный портрет; Государственный Эрмитаж.*

Зинько Мария Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: mazinko@yandex.ru

Zin'ko M.A.

“He Arrived Here after the Death of his Lordship”:

**On the History of the Creation by Austrian Painter J.B. Lampi
the Elder of the Portrait of G.A. Potemkin-Taurichesky
(from the Collection of the State Hermitage Museum)**

***Abstract.** The article is devoted to the history of the creation of one of the most famous images of the Russian Field Marshal General G.A. Potemkin-Tavricheski by the Austrian artist J. B. von Lampi the Elder (since the 1940s, the portrait has been kept in the State Hermitage Museum). The author examines in detail the circumstances of the artist's arrival in the autumn of 1791 in the capital of the Moldavian Principality, the city of Iași, where G.A. Potemkin's military headquarters were located during the Russo-Turkish War of 1787–1791, and later in St. Petersburg. It is shown that the literature contains different views on the year in which and the location where the Austrian master painted the portrait of the Russian military leader. A solution to this issue is proposed on the basis of a wide range of sources, some of which are being introduced into scholarly circulation for the first time. It is noted that although J.B. von Lampi could have found G.A. Potemkin alive, he in fact arrived in Iași after the death of the field marshal general. It is argued that in Iași J.B. von Lampi painted a small posthumous portrait of G.A. Potemkin (probably on the initiative of the head of the field marshal's diplomatic chancellery, Baron K.Ya. Bühler), which eventually served as a sketch for the canvas later (most likely in the mid-1790s) commissioned from the artist by A.N. Samoilov, the nephew of the deceased. It is emphasized that the assistance in J.B. von Lampi's arrival in Iași, provided by the Chancellor of the Holy Roman Empire, Prince V.A. Kaunitz-Rietberg, at the request of G.A. Potemkin, should be considered within the framework of the allied relations between the Russian and Holy Roman Empires and the cultural ties between the two powers.*

Keywords: G.A. Potemkin-Tauricheski; J.B. von Lampi the Elder; Catherine II; K.Ya. Bühler; A.N. Samoylov; V.A. Kaunitz-Rietberg; Iași; post-mortem portrait; State Hermitage Museum.

**Zin'ko Mariya Alekseevna – Candidate of Historical Sciences, Researcher
of the Department of History of the Institute of Scientific Information for Social
Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: mazinko@yandex.ru**

Введение

В обширной иконографии российского генерал-фельдмаршала князя Священной Римской империи Григория Александровича Потемкина-Таврического (30.9.1739 – 5.10.1791 гг.) – фаворита и тайного супруга (с 1774 г.) императрицы Екатерины II – наибольшей известностью пользуется полупарадный портрет (размер полотна 73,5 × 60,5 см), выполненный австрийским живописцем И.Б. Лампи Старшим. Портретист

изобразил генерал-фельдмаршала в латах, наброшенном на плечи красном плаще со знаком высшей награды Российской империи – голубой муаровой лентой ордена Святого Андрея Первозванного, перекинутой через правое плечо. Лицо генерал-фельдмаршала показано в ракурсе $\frac{3}{4}$ (взгляд направлен влево от зрителя), а торс – перпендикулярно (видно только правое плечо).

До 1917 г. полотно принадлежало родственникам Г.А. Потемкина. Первым документально установленным владельцем портрета был А.Н. Самойлов – племянник генерал-фельдмаршала (см. текст владельческой наклейки на оборотной стороне холста: [Екатерина Великая 1993, с. 60, № 8]). Затем картиной последовательно владели наследники А.Н. Самойлова – дочь София, в замужестве графиня Бобринская (1797–1866 гг.), ее сын и внук – графы Александр Алексеевич (1823–1903 гг.) и Алексей Александрович (1852–1927 гг.) Бобринские [там же; Каталог Исторической выставки 1870, с. 96, № 331; Русские портреты 1906, с. 8, VIII].

Широкая публика получила возможность впервые познакомиться с картиной только в 1870 г. – на выставке портретов известных лиц XVI–XVIII вв., проведенной в Санкт-Петербурге Обществом поощрения художников. Портрет, однако, атрибутировался В.Л. Боровиковскому, а И.Б. Лампи именовался автором «эскиза»¹ [Каталог Исторической выставки 1870, с. 96, № 331]. Впоследствии эта ошибка была исправлена, и в 1905 г. на историко-художественной выставке русских портретов, проводившейся в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге в пользу вдов и сирот участников Русско-японской войны 1904–1905 гг., полотно экспонировалось в третьем Екатерининском зале как произведение И.Б. Лампи [Каталог 1905, с. 13, № 724; Историко-художественная выставка русских портретов 2020, с. 86, № 724].

После Октябрьской революции картина была национализирована и в 1940-х годах передана в Государственный Эрмитаж в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), где и продолжает храниться (инвентарный номер – ЭРЖ-1879)².

1. Тогда же была допущена неточность в титуле и отчестве владельца портрета (вместо граф А.А. Бобринский указан «князь А.Б. Бобринский»).

2. В собрании Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге находится хорошая копия портрета, снятая неизвестным художником (Ж 5996), еще одна копия, хуже качеством, имеется в Эрмитаже (ЭРЖ-2000).

Историографический экскурс

Во второй четверти XIX в. немецкий историк искусства Г.К. Наглер в монументальном труде «Новый общий словарь художников» написал, что Г.А. Потемкин-Таврический, увидев портреты графа Ф.К. Браницкого (мужа своей племянницы), епископа Краковского Каетана Игнатия Солтыка (ум. 1788 г.) и британского дипломата Ч. Уитворта, созданные И.Б. Лампи Старшим во время пребывания в Речи Посполитой, захотел, чтобы художник портретировал его самого и Екатерину II [Nagler 1839, S. 256]. Не зная о существовании портрета из собрания графов Бобринских, Г.К. Наглер указал, что И.Б. Лампи прибыл в столицу Молдавского княжества г. Яссы³ после смерти генерал-фельдмаршала [ibid.] и поэтому портретировать его не успел.

В конце XIX в. историк искусства и коллекционер Д.А. Ровинский, изучая гравированные портреты Г.А. Потемкина, заключил, что немецкий исследователь ошибся с датой приезда И.Б. Лампи в Яссы. К такому выводу коллекционер пришел, поскольку в 1789 г. британский мастер Дж. Уокер⁴, с середины 1780-х годов состоявший на российской придворной службе, гравировал живописный портрет военачальника: «Хороший и схожий портрет Потемкина был написан в Яссах живописцем Лампи и награвирован Валькером в 1789 г.» [Ровинский 1888, стлб. 1808]. Однако ошибку допустил сам Д.А. Ровинский: в 1789 г. британец сделал гравюру с одной из копий другого портрета, находившегося в зале Совета Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге⁵ и с австрийским живописцем не связанного (см. об этом подробнее: [Зинько 2025a; Зинько 2025b]).

Вскоре публицист и краевед В.О. Михневич, творчески переосмыслив версии Г.К. Наглера и Д.А. Ровинского, поместил в литературном журнале «Наблюдатель» красочную зарисовку о встрече Г.А. Потемкина и И.Б. Лампи в Яссах, чем содействовал утверждению домыслов своих предшественников [Михневич 1890, с. 90–91].

3. В ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в Яссах (ныне в Румынии) с ноября 1789 г. находилась ставка Г.А. Потемкина как главнокомандующего российской Соединенной армией [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997, № 1014, с. 383, № 1017, с. 384, № 1022, с. 390].

4. Портрет, гравированный Дж. Уокером, совершенно не похож на произведение И.Б. Лампи: на нем Г.А. Потемкин представлен в генерал-фельдмаршальском мундире (с ошибками в изображении шитья на воротнике и по борту) с пятью наградами, при этом торс повернут влево от зрителя (правое плечо – в глубину) [Зинько 2025b]. Портреты сближает поворот головы в $\frac{3}{4}$, но взгляды изображенного направлены в разные стороны, а в варианте австрийского живописца лицо модели ближе к анфасу.

5. Копия содержала точечные изменения, внесенные копиистом (предположительно студентом 5-го возраста этой академии) в связи с получением Г.А. Потемкиным в 1788 г. ордена Святого Георгия 1-й степени [Зинько 2025b].

В начале XX в. мнение Д.А. Ровинского о гравировании Дж. Уокером портрета Г.А. Потемкина работы И.Б. Лампи поддержали, в частности, С.П. Дягилев [Русская живопись в XVIII веке 1902, с. 7], барон Н.Н. Врангель [Врангель 1910, с. 33] и коллекционер А.В. Морозов [Морозов 1913, стлб. 964]. Опираясь на авторитет Д.А. Ровинского, Н.Н. Врангель однозначно отнес создание портрета из коллекции Бобринских к 1789 г., не только закрепив за Яссами место написания картины, но и связав с ней гравюру Дж. Уокера (ср.: [Врангель 1911, с. 47, 49; с. 84, примеч. 339]). Вместе с тем при издании великим князем Николаем Михайловичем черно-белой фотографии портрета Г.А. Потемкина из собрания Бобринских после выставки 1905 г. картина оказалась не датирована [Русские портреты 1906, с. 8, VIII].

Искусствовед А.В. Лебедев (1888–1944 гг.) неожиданно охарактеризовал портрет генерал-фельдмаршала работы И.Б. Лампи в качестве «дымчатого эскиза “портрета”... Потемкина», вновь никак не датировав полотно [Лебедев 1928, с. 30]. Историк искусства Т.В. Алексеева (1920–1991 гг.), исследуя биографию и творчество В.Л. Боровиковского, в 1960-е годы выявила важные документы по истории работы И.Б. Лампи в Российской империи. Однако исследовательница указала, что австрийский художник, приехав в столицу Молдавского княжества «в сентябре 1791 года», «не застал светлейшего князя в живых» [Алексеева 1975, с. 60]. Эта досадная ошибка (в сентябре Г.А. Потемкин был жив) внесла неопределенность в вопрос о времени приезда И.Б. Лампи в Яссы⁶.

Позицию Т.В. Алексеевой уточнила С.А. Новак (1924–1990 гг.). Изучая творчество И.Б. Лампи, польская исследовательница пришла к выводу, что австрийский художник в российскую военную ставку «прибыл после 16 октября» по н. ст. [«przybył po 16 października» (здесь и ниже перевод наш. – М. 3.)], поскольку «написал в Яссах уже посмертный портрет Потемкина» («wykonał w Jassach już pośmiertnie portret Potiomkina») [Nowak 1973, s. 303].

В современной российской литературе с опорой на работы Т.В. Алексеевой приводились противоречивые выводы относительно датировки приезда И.Б. Лампи в Яссы. Так, искусствовед И.Б. Чинова (1928–2009 гг.) считала портрет прижизненным и «полным динамики и жизненной силы» [Чинова 2001, с. 43]. Историк Н.Ю. Болотина, наоборот, полагает портрет посмертным, но не датирует его [Болотина 2006, с. 404]. Историк искусства Л.А. Маркина, в свою очередь, о написании портрета не упомянула вовсе, сосредоточив внимание на том, как именно живописец и модель сумели разминуться: «...прибыв в Яссы, Лампи не застал светлейшего князя... Г.А. Потемкин находился в Петербурге, где устроил знаменитый праздник в Таври-

6. Позднее ошибка была повторена [например: Болотина 2006, с. 404].

ческом дворце. ...возвращаясь к армии, он скоропостижно скончался⁷» близ Ясс [Маркина 2007, с. 35].

Копия портрета с работы И.Б. Лампи из Русского музея ныне условно датируется временем «не ранее 1791», так как «оригинал» был создан «уже после смерти светлейшего князя» [Екатерина Великая в стране и мире 2017, с. 86].

В каталоге-реконструкции историко-художественной выставки русских портретов 1905 г. время написания портрета Г.А. Потемкина И.Б. Лампи никак не обозначено [Историко-художественная выставка 2020, с. 86, № 724].

Проблема музейной датировки портрета Г.А. Потемкина-Таврического

В советских каталогах западноевропейской живописи Эрмитажа портрет Г.А. Потемкина-Таврического среди произведений И.Б. Лампи Старшего не упоминался (например: [Государственный Эрмитаж 1958, с. 365–366; Никулин 1989, с. 338–339]).

На крупной выставке «Екатерина Великая», состоявшейся летом 1993 г. в Эрмитаже, создание портрета Г.А. Потемкина австрийским живописцем датировалось «около 1790 г.» [Екатерина Великая 1993, с. 57, № 8]. Однако в конце 2010-х годов, в ходе подготовки музеем крупномасштабной выставки «Это сам Потемкин!», прошедшей в декабре 2019 – марте 2020 г. в связи с 280-летием со дня рождения Г.А. Потемкина, ее куратор историк искусства Н.Ю. Бахарева подняла вопрос, посмертным или прижизненным портретом является картина кисти И.Б. Лампи, когда именно – до 1791, в 1791 или после 1791 гг. – и где – в Вене, Яссах или Санкт-Петербурге – была создана австрийским мастером.

На выставке портрет датировался около 1791 г. Вместе с тем размышляя над вероятными ответами, искусствовед высказала «абсолютную уверенность», что художник написал портрет «с натуры» (имелось в виду с живого человека), и усомнилась в истинности представления о создании картины «уже после смерти» генерал-фельдмаршала, так как «смерть накладывает свой отпечаток, видоизменяя... черты» [Бахарева 2020, с. 39]. Стремясь «определить направления, по которым следует вести дальнейший поиск», исследовательница выдвинула альтернативную версию о встрече И.Б. Лампи и Г.А. Потемкина в конце 1780-х годов, например, во время путешествия Екатерины II и императора Священной Римской империи Иосифа II в Крым в 1787 г., и о написании

7. Это неверно: из Санкт-Петербурга в Яссы Г.А. Потемкин вернулся 5 августа 1791 г. [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997, № 1142, с. 464]. Заразившись инфекцией неясной этиологии, приведшей к летальному исходу, генерал-фельдмаршал с середины августа находился в тяжёлом состоянии [там же, № 1145, с. 465–466], но до самой смерти занимался делами и писал Екатерине II.

художником портрета генерал-фельдмаршала до приезда в Яссы по заранее сделанному эскизу в качестве образца мастерства («собственной рекомендации») или же как «моделло для большого парадного портрета», предположительно заказанного племянницей изображенного, графиней А.В. Браницкой, и ее супругом, графом Ф.К. Браницким [там же, с. 40]. Не решившись окончательно отвергнуть версию о создании портрета после кончины Г.А. Потемкина, т. е. в конце 1791 г. или даже несколько позднее, Н.Ю. Бахарева допустила возможность использования И.Б. Лампи посмертной маски⁸ и/или прижизненных изображений покойного из коллекции Екатерины II [там же, с. 39].

В связи с возникшими сомнениями с конца 2010-х годов датировка портрета Г.А. Потемкина кисти И.Б. Лампи на сайте Эрмитажа неоднократно менялась. Так, в 2019 г. экспонат датировался около 1790 г., а общая информация о нем сопровождалась комментарием Н.Ю. Бахаревой, что художник мог написать портрет как до, так и после прибытия в Яссы. Не позднее лета 2020 г. портрет стал датироваться около 1791 г., а комментарий вскоре заменили анонимными пояснениями, перекликавшимися с текстами исследовательницы. К началу 2025 г. датировка ненадолго приобрела максимально обобщенный вид – конец XVIII в., но затем вернули вариант «около 1791 г.». Особый электронный ресурс Эрмитажа «Коллекции-онлайн» – публичная часть внутренней справочно-информационной системы музея, содержащая учетные данные об экспонатах, – отсылает читателей к концу столетия.

История приезда И.Б. Лампи Старшего в Яссы и Санкт-Петербург

Существенные коррективы в историю появления полотна позволяют внести материалы, обнаруженные Т.В. Алексеевой и С.А. Новак. Обращение к текстам документов, лишь вскользь упомянутым исследовательницами в их работах, а также привлечение ряда других источников позволило иначе взглянуть на ход событий.

Согласно донесению Ф.К. Войны, посла Речи Посполитой в Вене, польскому королю Станиславу Августу Понятовскому⁹ от 17 сентября 1791 г. (н.ст.) [Korespondencja polityczna 2016, № 96, s. 97], Г.А. Потемкин-Таври-

8. О снятии маски с Г.А. Потемкина (при нем не было скульптора) неизвестно; в 1800 г. в Санкт-Петербурге с покойного А.В. Суворова сняли маску, которая, отразив посмертные изменения лица, искажила прижизненный облик генералиссимуса.

9. Явный пристальный интерес польско-литовской стороны к данному совершенно не политическому событию объясняется человеческим фактором. Станислав Август, которого хотя и в далеком прошлом (во второй половине 1750-х годов), но как и Г.А. Потемкина (с 1774 г.) с Екатериной II связывали личные отношения, ранее сам позировал И.Б. Лампи: камерный портрет короля, облаченного в шелковый голубой халат на меху, ныне в Национальном музее в Варшаве (MP 4529).

ческий проявил интерес к творчеству И.Б. Лампи, увидев выполненный живописцем портрет начальника своей дипломатической канцелярии¹⁰ барона К.Я. Бюлера (1749–1811 гг.) (ср.: [Nagler 1839, S. 256; Михневич 1890, с. 90; Бахарева 2020, с. 40]). В конце февраля 1790 г., узнав о смерти Иосифа II, генерал-фельдмаршал направил барона с дипломатическим поручением в Вену, где тот пробыл несколько месяцев (ср.: [Екатерина II и Г.А. Потемкин 1997, № 1035, с. 399; № 1051, с. 412]) и, очевидно, позировал И.Б. Лампи¹¹. Позднейший рассказ племянника К.Я. Бюлера – директора Московского главного архива Министерства иностранных дел барона Ф.А. Бюлера (1821–1896 гг.) – о заказе Г.А. Потемкиным в Вене И.Б. Лампи «портрета какой-то графини (чуть ли не племянницы фельдмаршала, Самойловой)», как представляется, не лишен черт литературно-исторического анекдота¹² [Бюлер 1875, с. 337].

В октябре 1790 г. Г.А. Потемкин обратился к канцлеру Священной Римской империи князю В.А. Кауниц-Ритбергу, которого знал много лет, с деловым письмом [РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 47. Л. 11–12].

Это послание содержало просьбу поддержать генерал-майора В.С. Томара, командированного генерал-фельдмаршалом в итальянские земли с поручением надзирать за подготовкой российской военной флотилии для действий в Эгейском море [там же, л. 11].

В постскрипуме Г.А. Потемкин заявил о намерении пригласить И.Б. Лампи в Яссы и попросил канцлера, известного любовью к живописи, оказать необходимое содействие [там же, л. 11 об.]. Свое желание генерал-фельдмаршал объяснил адресату «отдохновением ума» (в оригинале – «un delassement d'esprit», в слове «delassement» пропущен акут)¹³ при наблюдении¹⁴ за работой живописцев [там же, л. 12]. Это пояснение Г.А. Потемкина позволяет допустить, что он задумал амбициозный художественный проект – запечатлеть в портретах при уча-

10. К.Я. Бюлер также имел статус российского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Мюнхене, что придавало ему политический вес при выполнении дипломатических поручений Г.А. Потемкина.

11. Портрет К.Я. Бюлера, датированный 1789 г., по-видимому, не сохранился, но известен по фотографии [ср.: Каталог Исторической выставки 1870, № 496, с. 140–141; Русские портреты 1908, № 164; с. LXXXII, № 164].

12. А.Н. Самойлов получил титул графа Священной Римской империи в 1793 г. (если имела в виду его жена Е.С. Самойлова, урожденная княжна Трубецкая), а его родная сестра Е.Н. Самойлова в замужестве была первоначально Раевской (с 1769 г.), а затем Давыдовой (с 1772 г.) (если речь шла о родной племяннице генерал-фельдмаршала).

13. Эти слова Г.А. Потемкина оказались неверно переведены как «истинное услаждение ума», что изменило их смысл [например: Алексеева 1975, с. 60, примеч. 30]. При использовании материалов Т.В. Алексеевой встречаются случаи замены слова «услаждение» на синонимичное «наслаждение» (например: [Болотина 2006, с. 404; Маркина 2007, с. 35]).

14. Екатерина II пыталась, но не могла уговорить Г.А. Потемкина позировать художникам (см.: [Зинько 2025а; Зинько 2025b]).

стии австрийского мастера свое окружение, находившееся в ставке. Тот факт, что приглашение И.Б. Лампи генерал-фельдмаршал передал не напрямую, а через одного из самых влиятельных сановников государства, подданным которого являлся художник, входит в определенное противоречие с версией об очном личном знакомстве портретиста и модели (ср.: [Бахарева 2020, с. 40]).

В сентябре 1791 г., получив в Академии художеств в Вене отпуск до начала 1792 г., И.Б. Лампи выехал в Яссы. Согласно информации Ф.К. Войны из его письма Станиславу Августу от 17 сентября 1791 г. (н.ст.), отъезд планировался художником в самое ближайшее время – «вскоре он должен уехать в Яссы» («wkrótce ma wyjechać do Jassy») [Korespondencja polityczna 2016, № 96, s. 97]. Живописцу предстояло проехать около 850 км, что должно было занять примерно две-три недели, а значит, он мог прибыть в российскую военную ставку до 4 октября (ст.ст.), когда ее покинул генерал-фельдмаршал, скончавшийся в дороге спустя сутки.

Из письма генерал-поручика В.С. Попова, правителя канцелярии Г.А. Потемкина, фавориту императрицы – флигель-адъютанту генерал-майору П.А. Зубову от 16 октября¹⁵, однако, следует, что И.Б. Лампи достиг Ясс не ранее 5 октября (здесь и ниже курсив наш. – М. З.): «Он прибыл сюда по кончине уже его Светлости» [РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 99. Л. 52–52 об.].

Гроб с забальзамированным телом Г.А. Потемкина 11 и 12 октября был выставлен в Яссах в просторной зале, специально сооруженной для прощания с покойным всеми желающими. Отпевание состоялось 13 октября в церкви в честь Вознесения Господня в Голийском мужском монастыре в Яссах, однако тело оставалось в храме обители еще 5 ноября [Записки 1860, с. 101–105; Архив князя Воронцова 1879, № 149, с. 213–214]; гроб торжественно увезли из Ясс в Херсон только несколько дней спустя.

В.С. Попов уведомил П.А. Зубова, что в середине октября И.Б. Лампи активно работал в российской военной ставке, поражая воображение своим мастерством [РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 99. Л. 52 об.].

Одним из портретируемых, по убедительной версии С.А. Новак, мог быть генерал артиллерии С.Щ.(Ф.) Потоцкий¹⁶ – польский магнат, политический противник Станислава Августа и сторонник Екатерины II [Nowak 1973, s. 305, 320]. В.С. Попов пообещал П.А. Зубову до конца месяца («чрез неделю») от-

15. Тезис Т.В. Алексеевой о том, что В.С. Попов изложил П.А. Зубову «историю вызова» И.Б. Лампи почему-то «на юг России», может ввести в заблуждение; генерал-поручик ограничился короткой фразой: «Светлещиши Князь просил принца Кауница о увольнении в Яссы славного живописца портретов Лампи» (ср.: [Алексеева 1975, с. 60, примеч. 30; РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 99. л. 52]).

16. Портрет, на котором С.Щ.(Ф.) Потоцкий представлен И.Б. Лампи в красном кафтани, отороченном мехом, с голубой лентой польского ордена Белого Орла в аналогичном ракурсе, что и Г.А. Потемкин, ныне в Национальном музее в Варшаве (МР 2931).

править в российскую столицу «образец» замечательной работы И.Б. Лампи, прося фаворита ходатайствовать перед императрицей о приглашении австрийского живописца в Санкт-Петербург и одновременно сообщая о намерении мастера уехать в Варшаву [РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 99. Л. 52 об.].

Письмо В.С. Попова, найденное Т.В. Алексеевой, отчасти дополняет обнаруженное С.А. Новак донесение Ф.К. Войны польскому королю от 16 ноября (н.ст.) с упоминанием о посмертном портрете Г.А. Потемкина работы И.Б. Лампи. Но, как показало обращение к тексту, указание на время прибытия австрийского живописца в молдавскую столицу (до или после кончины генерал-фельдмаршала) в документе отсутствует, а информация о скором приезде портретиста в Варшаву – предположение польско-литовского дипломата: «Художник Лампи (как я здесь¹⁷ слышал) написал *портрет уже покойного* Потемкина, возможно, он вернется в Варшаву» [«Malarz Lampi (jak tu słyszałem) odmalował portret już zmarłego Potemkina, może nazad będzie powracał na Warszawę»] [Korespondencja polityczna 2016, № 122, s. 127].

Екатерина II одобрила предложение В.С. Попова, поручив 1 ноября российскому чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Варшаве Я.И. Булгакову, если «славящийся своим талантом» «живописец портретов Лампи» «явится» в городе, уговорить «его приехать в Петербург» [Письма и бумаги 1873, с. 89]. О скором отъезде художника из Ясс 2-й член Коллегии иностранных дел граф Священной Римской империи А.А. Безбородко упомянул в письме Я.И. Булгакову от 11 декабря: «О живописце Лампи *повеление и здесь* получено, по которому он на сих днях в С<анкт>-Петербург отправляется» [Сборник Императорского Русского исторического общества 1879, № 33, с. 462]. В российскую столицу в итоге художник прибыл не позднее 20 января 1792 г. (ст.ст.)¹⁸, преодолев расстояние свыше 1,4 тыс. км в месячный срок.

Счет И.Б. Лампи Старшего за портреты, заказанные Екатериной II

И.Б. Лампи плодотворно работал в Российской империи пять лет, покинув Санкт-Петербург весной 1797 г., несколько месяцев спустя после смерти Екатерины II и вступления на императорский престол ее сына Павла I. Выполняя заказы Екатерины II, великокняжеской четы и частных лиц, художник запечатлел императорскую семью, многих представителей знати и генералитета Российской империи.

Портретист подготовил для Павла I список картин, исполненных по заказу покойной императрицы (см.: [Алексеева 1975, с. 334–335]). В этот перечень

17. То есть в Вене.

18. С этого дня отсчитывался пенсион, назначенный И.Б. Лампи Екатериной II [Врангель 1911, с. 82, примеч. 340].

счет живописец включил не только оставшиеся неоплаченными Екатериной II портреты (с указанием долга по каждой позиции), но и оплаченные ею. Среди перечисленных картин портрет Г.А. Потемкина-Таврического не назван. Усматривать в этом намеренное сокрытие информации (из-за опасения вызвать гнев нового государя, испытывавшего к многолетнему главному фавориту матери чувства острой личной неприязни и ревности), причин нет, так как художник смог иносказательно описать два портрета (на крупную сумму в 8,8 тыс. руб.) попавшего после смерти Екатерины II в опалу П.А. Зубова¹⁹: «Большой портрет в рост, заказанный Ее Императорским Величеством... с великолепно вырезанной и позолоченной рамой, начатый в 1791 году, в одеянии кавалера ордена св. Андрея» и «такой же портрет поколенный, с руками...» (цит. по: [там же, с. 335]).

Счет, представленный И.Б. Лампи Павлу I, позволяет заключить, что портрет Г.А. Потемкина заказала не Екатерина II, а А.Н. Самойлов (ср.: [Бахарева 2020, с. 39]).

Ясский посмертный портрет Г.А. Потемкина-Таврического

Для утверждения, что И.Б. Лампи Старший создал в Яссах в 1791 г. портрет Г.А. Потемкина-Таврического, ныне находящийся в собрании Эрмитажа, слов Ф.К. Войны о написании посмертного портрета генерал-фельдмаршала недостаточно. Хотя сведения польско-литовского дипломата имели характер слуха, возможно допустить оперативное создание небольшого портрета Г.А. Потемкина во второй половине октября по инициативе К.Я. Бюлера, лично знакомого с художником и курировавшего его приезд по должности, В.С. Попова или племянников покойного – А.В. Браницкой и А.Н. Самойлова, находившихся в Яссах, но очень тяжело переживавших смерть дяди.

С именем В.С. Попова связано увековечение живописцем М.М. Ивановым трагической сцены кончины генерал-фельдмаршала²⁰. В семье А.В. Браницкой (в начале XX в. у вдовы ее внука графа В.В. Браницкого – графини М.Е. Браницкой) хранился профильный портрет Г.А. Потемкина, представляющий князя в генерал-фельдмаршальском мундире из так называемого солдатского сукна, без шитья, который иногда неверно принимается за до-

19. Т.В. Алексеева считала эти картины портретами генерал-поручика графа Священной Римской империи В.А. Зубова. Брат фаворита, также зимой 1796/1797 гг. попавший в опалу, уехал из Ясс в декабре 1790 г. и не вернулся туда, поэтому указание на 1791 г., вероятнее всего, – ошибка памяти художника. Версию Т.В. Алексеевой поддержала Л.А. Маркина [Маркина 2007, с. 36].

20. Акварель, принадлежавшая В.С. Попову и его потомкам до 1894 г., ныне в Государственном историческом музее в Москве (ИП 4373).

машинный кафтан, к творчеству И.Б. Лампи отношения не имеющий²¹ [Русские портреты 1909, с. LXXVI, № 152]. У наследника же К.Я. Бюлера – Ф.А. Бюлера – имелся небольшой портрет Г.А. Потемкина, написанный маслом (судьба этого полотна неизвестна). Картина размером 6 × 4 вершка, т. е. около 27 × 18 см, в каталоге выставки портретов известных лиц XVI–XVIII вв. описывалась противоречиво – как произведение И.Б. Лампи, являвшееся почти в 3 раза уменьшенной «копией» портрета, созданного, в свою очередь, В.Л. Боровиковским по «эскизу» самого же австрийского художника (ср.: [Каталог Исторической выставки 1870, с. 128, № 453; с. 96, № 331]). Эти взаимоисключающие сведения, однако, позволяют рассматривать портрет из коллекции Ф.А. Бюлера в качестве эскиза будущего полотна из собрания графов Бобринских.

Посмертный портрет Г.А. Потемкина, написанный в Яссах, безусловно не только имел бы особую значимость для Екатерины II²² и родственников покойного, но до вступления на престол Павла I должен был представлять большой общественный интерес и поэтому быть тиражирован. Вместе с тем неизвестны ни гравюры с эрмитажного портрета, сделанные в конце XVIII в. (и даже в XIX в.), тогда как акварель М.М. Иванова незамедлительно гравировал служивший при Кабинете Ее Императорского Величества Г.И. Скородумов (ум. 1792 г.), ни признанные авторские повторения и/или копии, выполненные И.Б. Лампи Младшим, который неоднократно и на высоком уровне копировал произведения отца. Это обстоятельство позволяет предположить, что А.Н. Самойлов заказал портрет дяди не по возвращении в столицу из Ясс (он прибыл вслед за художником 30 января 1792 г.), а несколько лет спустя, после того как И.Б. Лампи исполнил для него два портрета²³ и К.Я. Бюлер ненадолго (в 1795 г.) оказался в Санкт-Петербурге.

21. Этот портрет (или, менее вероятно, подобный) ныне в Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля в Москве (ГЛИМ КП 7134). Источником неизвестному художнику послужил восковой портрет работы химика и мастера по камням Г.Г. Кёнига (ныне в Эрмитаже, РМ-12799), в свою очередь, восходивший к его же барельефам 1787 и 1789 гг., созданным не с натуры [Зинько 2025a].

22. Императрица, крайне тяжело переживавшая кончину мужа, нашла в себе силы к первой годовщине его смерти заказать у британских мастеров У. и Ч. Браунов камеи с аллегорией на это печальное событие; можно поэтому думать, что она приняла бы и посмертный портрет генерал-фельдмаршала.

23. Обе картины ныне в Эрмитаже (ЭРЖ-2013 и 1890): портрет А.Н. Самойлова написан И.Б. Лампи не ранее 1793 г. (по ошибочному чтению подписи датировался 1794 г.), портрет Е.С. Самойловой датируется в литературе по аналогии (как парный к портрету мужа, хотя таковым, очевидно, не является) или максимально широко (годами пребывания художника в Российской империи) (ср.: [Портретная живопись 1987, № 23, 24; Екатерина Великая 1993, с. 60, № 9, 10]).

Заключение

Суммируя приведенные выше факты, можно сделать несколько важных выводов. В качестве образца высокого мастерства И.Б. Лампи Старшего, благодаря которому Г.А. Потемкин-Таврический заинтересовался художником, следует признать портрет К.Я. Бюлера, написанный в Вене, очевидно, весной 1790 г. Версии, ранее высказывавшиеся в литературе, об очном знакомстве живописца и его модели и о написании портрета генерал-фельдмаршала до осени 1791 г., а также утверждения о стремлении князя позировать художнику документальной основы не находят. Обращение Г.А. Потемкина к В.А. Кауниц-Ритбергу с просьбой об участии в организации приезда И.Б. Лампи в российскую военную ставку в Яссах необходимо оценивать как значимый эпизод в истории взаимоотношений и культурных связей Российской и Священной Римской империй, находившихся в многолетнем военно-политическом союзе.

Не зная точной даты прибытия И.Б. Лампи в Яссы, тем не менее, опираясь на свидетельство В.С. Попова, можно уверенно утверждать, что живописец не успел увидеть генерал-фельдмаршала живым (хотя и тяжело больным), но, безусловно, должен был видеть его уже мертвым, после бальзамирования. Вероятно, вскоре по инициативе К.Я. Бюлера художник портретировал покойного.

Портрет Г.А. Потемкина-Таврического из собрания Государственного Эрмитажа, таким образом, был создан И.Б. Лампи Старшим в Санкт-Петербурге по заказу А.Н. Самойлова с учетом личных впечатлений мастера от мертвого генерал-фельдмаршала между 1792 и 1797 гг., скорее всего в середине 1790-х годов, предположительно по написанному в Яссах небольшому портрету, в итоге сыгравшему роль эскиза. Нельзя исключать также, что портрет дяди А.Н. Самойлов предназначал не для себя и своих потомков, а для Екатерины II.

Библиография

Алексеева Т.В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже 18–19 веков. М.: Искусство, 1975. 421 с.

Архив князя Воронцова. Кн. 13. М.: Типография Лебедева, 1879. X, 507 с.

Бахарева Н.Ю. Образ Г.А. Потемкина-Таврического в произведениях изобразительного и прикладного искусства // «Это сам Потемкин!»: к 280-летию светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического: каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2020. Т. 2. С. 31–51.

Болотина Н.Ю. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М.: Вече, 2006. 512 с.

Бюлер Ф.А. Черты из жизни князя Потемкина // Древняя и новая Россия. 1875. № 12. С. 334–348.

Врангель Н.Н. Иностранцы в России // Старые годы. 1911. Июль–сентябрь. С. 5–94.

Врангель Н.Н. Несколько слов о Михаиле Шибанове // Старые годы. 1910. Февраль. С. 32–33.

Государственный Эрмитаж. Отдел западноевропейского искусства: каталог живописи. Т. 2. М.; Л.: Искусство, 1958. 510 с.

Екатерина Великая в стране и мире. СПб.: Русский музей, 2017. 179 с.

Екатерина Великая: русская культура второй половины XVIII века: каталог выставки. СПб.: Славия-Интербук, 1993. 190 с.

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791 / сост. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997. 989 с.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М.: Типография Каткова и К°, 1860. 179 с.

Зинько М.А. Две гравюры Дж. Уокера: какой портрет Г.А. Потёмкина -Таврического мастер гравировал по заказу Екатерины II в 1789? // Большая российская энциклопедия. 24.02.2025а. URL: <https://bigenc.ru/c/dve-graviury-dzh-uokera-kakoi-portret-g-a-potiomkina-tavricheskogo-master-graviroval-po-za-65257f> (дата обращения: 25.03.2025).

Зинько М.А. Портрет Г.А. Потёмкина-Таврического и гравюра с «оригинала» 1789: что копировал М.Г. Бирюков и гравировал Дж. Уокер? // Большая российская энциклопедия. 24.02.2025б. URL: <https://bigenc.ru/c/portret-g-a-potiomkina-tavricheskogo-i-graviura-s-originala-1789-g-problema-sootnosheniia-13eba4> (дата обращения: 25.03.2025).

Историко-художественная выставка русских портретов, устраиваемая в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в боях воинов: иллюстрированный каталог-реконструкция выставки. Вып. 4. М.: Минувшее, 2020. 528 с.

Каталог... историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в бою воинов. Т. 4. СПб.: [б. и.], 1905. 88 с.

Каталог Исторической выставки портретов лиц XVI–XVIII вв., устроенной Обществом поощрения художников. СПб.: Типография А. Траншеля, 1870. XXIV, 232 с.

Лебедев А.В. Русская живопись в XVIII веке. Л.: Комитет популяризации художественных изданий при Государственной академии истории материальной культуры, 1928. 66 с.

Маркина Л.А. Семья живописцев Лампи // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2007. № 5 (47). С. 32–43.

Михневич В.[О.] Русские эстетики XVIII века (культурно-исторический очерк) // Наблюдатель. 1890. № 4. С. 72–93.

Морозов А.В. Каталог моего собрания гравированных и литографированных портретов. Т. 3. М.: [Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон], 1913. 663–986 стлб.

Никулин Н.Н. Немецкая и австрийская живопись XV–XVIII веков. Эрмитаж. Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1989. 340 с.

Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке. СПб.: [б. и.], 1873. 160, 10 с.

Портретная живопись в России XVIII века из собрания Эрмитажа: каталог выставки. Л.: Государственный Эрмитаж, 1987. 140 с.

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 52. Оп. 2. Д. 47. Л. 11–12.

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 52. Оп. 2. Д. 99. Л. 52–53.

Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1888. 1421–2208 стлб.

Русская живопись в XVIII веке. Т. 1 / сост. С.П. Дягилев. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1902. [190] с.

Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 2, вып. 1. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1906. 25 л., [18] с.; Т. 4, вып. 4. 1908. [25] л., [169] с.; Т. 5, вып. 4. 1909. [25] л., [206] с.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 26. СПб., 1879. XVIII, IV, 652 с.
Чиждова И.Б. Судьба придворного художника. В.Л. Боровиковский в Санкт-Петербурге.
СПб.: Лениздат, 2001. 266 с.

Korespondencja polityczna Stanisława Augusta. Wiedeń. T. 2. Warszawa: Instytut Historii PAN,
2016. 268 s.

Nagler G.K. Neues allgemeines Künstler-Lexicon oder Nachrichten von dem Leben und Werken
der Maler... etc. Bd. 7. München: Verlag von E.A. Fleischmann, 1839. 574 S.

Nowac Z. Portrety Stanisława Szczęsnego Potockiego i jego rodziny malowane przez Jana
Chrzyciela Lampiego Starzego // Rocznik Museum Narodowego w Warszawie. Warszawa, 1973. T. 17.
S. 299–336.

References

Alekseeva T.V. Vladimir Lukich Borovikovskii i russkaya kul'tura na rubezhe 18–19 vekov
[Vladimir Lukich Borovikovskiy and Russian culture at the turn of the 18th–19th centuries]. Moscow:
Iskusstvo, 1975. 421 p. (In Russ.)

Arkhiv knyazya Vorontsova [Archive of Prince Vorontsov]. Book 13. Moscow: Tipografiya Leb-
edeva, 1879. X, 507 p. (In Russ.)

Bakhareva N.Yu. Obraz G.A. Potemkina-Tavrisheskogo v proizvedeniyakh izobrazitel'nogo i
prikladnogo iskusstva [The image of G.A. Potemkin-Tavrichesky in works of fine and applied art]. «Eto
sam Potemkin!»: k 280-letiyu svetleishego knyazya G.A. Potemkina-Tavrisheskogo: katalog vystavki
[“This is Potemkin himself!”: on the 280th anniversary of His Serene Highness Prince G.A. Potem-
kin-Tavrichesky: exhibition catalogue]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha,
2020. Vol. 2. P. 31–51. (In Russ.)

Bolotina N.Ju. Knyaz' Potemkin. Geroi epokhi Ekateriny Velikoi [Prince Potemkin. Hero of the
era of Catherine the Great]. Moscow: Veche, 2006. 512 p. (In Russ.)

Byuler F.A. Cherty iz zhizni knyazya Potemkina [Traits from the Life of Prince Potemkin].
Drevnyaya i novaya Rossiya [Ancient and Modern Russia]. 1875. N 12. P. 334–348. (In Russ.)

Chizhova I.B. Sud'ba pridvornogo khudozhnika. V.L. Borovikovskiy v Sankt-Peterburge. [The
Fate of a Court Artist. V.L. Borovikovskiy in St. Petersburg]. Saint Petersburg: Lenizdat, 2001. 266 p.
(In Russ.)

Ekaterina Velikaya: russkaya kul'tura vtoroi poloviny XVIII veka: katalog vystavki [Catherine
the Great: Russian culture of the second half of the 18th century: Exhibition catalogue]. Saint Peters-
burg: Slaviya-Interbuk, 1993. 190 p. (In Russ.)

Ekaterina Velikaya v strane i mire [Catherine the Great in the country and the world]. Saint Peters-
burg: Russkii muzei, 2017. 179 p. (In Russ.)

Ekaterina II i G.A. Potemkin. Lichnaya perepiska, 1769–1791 / sost. V.S. Lopatin [Catherine II
and G.A. Potemkin. Personal correspondence, 1769–1791 / compiled by V.S. Lopatin]. Moscow: Nau-
ka, 1997. 989 p. (In Russ.)

Gosudarstvennyi Ermitazh. Otdel zapadnoevropeiskogo iskusstva: katalog zhivopisi [The State
Hermitage Museum. Department of Western European Art: painting catalogue]. Vol. 2. Moscow; Len-
ingrad: Iskusstvo, 1958. 510 p. (In Russ.)

Istoriko-khudozhestvennaya vystavka russkikh portretov, ustraivaemaya v Tavrisheskom dvortse,
v pol'zu vdov i sirot pavshikh v boyakh voynov: illyustrirovanniy katalog-rekonstruktsiya [Historical
and artistic exhibition of Russian portraits, held in the Tauride Palace, for the benefit of widows and or-
phans of soldiers who died in battles: illustrated catalogue-reconstruction]. Iss. 4. Moscow: Minuvshee,
2020. 528 p. (In Russ.)

Katalog Istoricheskoi vystavki portretov lits XVI–XVIII vv., ustroennoi Obshchestvom poosh-
chreniya khudozhnikov [Catalogue of the Historical Exhibition of Portraits of Persons of the 16–18th

centuries, Organized by the Society for the Encouragement of Artists]. Saint Petersburg: Tipografiya A. Transhelya, 1870. XXIV, 232 p. (In Russ.)

Katalog... istoriko-khudozhestvennoi vystavki russkikh portretov, ustraivamoj v Tavricheskom dvortse, v pol'zu vdov i sirot pavshikh v boyu voinov [Catalogue... of the historical and artistic exhibition of Russian portraits in the Tauride Palace for the benefit of widows and orphans of soldiers who fell in battles]. Vol. 4. Saint Petersburg: [s. n.], 1905. 88 p. (In Russ.)

Korespondencja polityczna Stanisława Augusta. Wiedeń. T. 2. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2016. 268 s.

Lebedev A.V. Russkaya zhivopis' v XVIII veke [Russian painting in the 17th century]. Leningrad: Komitet populyarizatsii khudozhestvennykh izdaniy pri Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury, 1928. 66 p. (In Russ.)

Markina L.A. Sem'ya zhivopistsev Lampi [The Lampi Family of Painters]. Antikvariat, predmety iskusstva i kollektcionirovaniya [Antiques, Art and Collectibles]. 2007. N 5 (47). P. 32–41. (In Russ.)

Mikhnevich V.[O.] Russkie estetiki XVIII veka (kul'turno-istoricheskii ocherk) [Russian Estheticians of the 18th Century (Cultural and Historical Essay)]. Nablyudatel' [Observer]. 1890. N 4. P. 72–93. (In Russ.)

Morozov A.V. Katalog moego sobraniya gravirovannykh i litografirovannykh portretov [Catalogue of my collection of engraved and lithographed portraits]. Vol. 3. Moscow: [Tovarishchestvo skoropechatni A.A. Levenson], 1913. 663–986 col. (In Russ.)

Nagler G.K. Neues allgemeines Künstler-Lexicon oder Nachrichten von dem Leben und Werken der Maler... etc. Bd. 7. München: Verlag von E.A. Fleischmann, 1839. 574 S.

Nikulin N.N. Nemetskaya i avstriiskaya zhivopis' XV–XVIII vekov. Ermitazh [German and Austrian painting of the 15–18th centuries. Hermitage]. Leningrad: Iskusstvo, Leningradskoe otdelenie, 1989. 340 p. (In Russ.)

Nowac Z. Portrety Stanisława Szczęsnego Potockiego i jego rodziny malowane przez Jana Chrzyciela Lampiego Starzego. Rocznik Museum Narodowego w Warszawie. Warszawa, 1973. T. 17. S. 299–336.

Pis'ma i bumagi imperatritsy Ekateriny II, khranyashchiesya v Imperatorskoi publichnoi biblioteke [Letters and papers of Empress Catherine, kept in the Imperial Public Library]. Saint Petersburg: [s. n.], 1873. 160, 10 p. (In Russ.)

Portretnaya zhivopis' v Rossii XVIII veka iz sobraniya Ermitazha: katalog vystavki [Portrait painting in Russia in the 18th century from the Hermitage collection: exhibition catalogue]. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, 1987. 140 p. (In Russ.)

RGVIA (Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv) [RSMHA (Russian State Military Historical Archive)]. F. 52. In. 2. Case 47. L. 11–12.

RGVIA (Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv) [RSMHA (Russian State Military Historical Archive)]. F. 52. In. 2. Case 99. L. 52–53.

Rovinskiy D.A. Podrobnyy slovar' russkikh gravirovannykh portretov [A detailed dictionary of Russian engraved portraits]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1888. 1421–2208 col. (In Russ.)

Russkaya zhivopis' v XVIII veke [Russian Painting in the 18th century]. Vol. 1 / sost. S.P. Dyagilev [compiled by S.P. Dyagilev]. Saint Petersburg: Tipografiya E. Evdokimova, 1902. [190] p. (In Russ.)

Russkie portrety XVIII i XIX stoletiy [Russian portraits of the 18th and 19th centuries]. Vol. 2, Iss. 1. Saint Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1906. 25 l., [18] p.; Vol. 4, Iss. 4. 1908. [25] l., [169] p.; Vol. 5, Iss. 4. 1909. [25] l., [206] p. (In Russ.)

Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 26. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1879. XVIII, IV, 652 p. (In Russ.)

Vrangel' N.N. Neskol'ko slov o Mihaile Shibanove [A few words about Mikhail Shibarov]. *Star-ye gody* [Old years]. 1910. Fevral'. P. 32–33. (In Russ.)

Vrangel' N.N. Inostrancy v Rossii [Foreigners in Russia]. *Star-ye gody* [Old years]. 1911. Ijul' – Sentjabr'. P. 5–94. (In Russ.)

Zapiski L'va Nikolaevicha Engel'gardta [Notes of Lev Nikolaevich Engelhardt]. Moscow: Tipografiya Katkova i K°, 1860. 179 p. (In Russ.)

Zin'ko M.A. Dve gravyury Dzh. Uokera: kakoi portret G.A. Potemkina-Tavricheskogo master graviroval po zakazu Ekateriny II v 1789? [Two engravings by J. Walker: which portrait of G.A. Potemkin-Tavrichesky did the master engrave on commission from Catherine II in 1789?] *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. 24.02.2025a. URL: <https://bigenc.ru/c/dve-graviury-dzh-uokera-kakoi-portret-g-a-potiomkina-tavricheskogo-master-graviroval-po-za-65257f> (date of access: 25.03.2025). (In Russ.)

Zin'ko M.A. Portret G.A. Potemkina-Tavricheskogo i gravyura s «originala» 1789: chto kopiroval M.G. Biryukov i graviroval Dzh. Uoker? [Portrait of G.A. Potemkin-Tauricheski and engraving from the “original” of 1789: what did M.G. Biryukov copy and J. Walker engrave?] *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. 24.02.2025b. URL: <https://bigenc.ru/c/portret-g-a-potiomkina-tavricheskogo-i-graviura-s-originala-1789-g-problema-sootnosheniia-13eba4> (date of access: 25.03.2025). (In Russ.)

С.А. Горюнов

**В СО-АВТОРСТВЕ С ЦЕНЗОРОМ: ЦЕНЗУРА КАК «ЗАКУЛИСЬЕ»
ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦЕНЗУРНЫХ ДОКУМЕНТОВ
КОМИТЕТА 2 АПРЕЛЯ 1848 ГОДА)**

***Аннотация.** Статья исследует нетипичную роль цензуры в литературном процессе XIX в., рассматривая ее не просто как контролера, а как потенциального соавтора произведения. На примере цензурного дела Комитета 2 апреля 1848 г., посвященного комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся», автор показывает, как цензура пыталась не только ограничить, но и активно вмешаться в творческий замысел драматурга.*

Применяя оптику «читательских практик» Роже Шартье, где литературное произведение эпохи предварительной цензуры воспринимается как коллективный продукт, статья выдвигает интересное предположение. Автор считает, что публикация классических текстов в сопровождении их «цензурной биографии» – то есть истории цензурных правок и обсуждений – способна существенно изменить наше восприятие самих произведений. Переосмыслиется роль «самоцензуры» автора. Такая самоцензура, по сути, является формой непрямого соавторства, когда автор, предвидя возможную реакцию цензора, сам вносит изменения в текст, стремясь избежать запрета. Таким образом, цензура прямо и косвенно участвовала в формировании финального текста.

***Ключевые слова:** цензура; цензурная биография книги; читательские практики; Комитет 2 апреля 1848 года; театр бюрократии; А.Н. Островский.*

Горюнов Сергей Айказович – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Россия, Москва.

E-mail: existimator@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: NWH-8571-2025

ORCID: 0000-0001-6256-5099

Goryunov S.A.

**Co-Authored with the Censor: Censorship as the ‘Backstage’ of Literary Life
(Based on the Censorship Documents of the Committee of April 2, 1848)**

***Abstract.** This paper, through the lens of the censorship proceedings conducted by the Committee on April 2, 1848, concerning Ostrovsky’s comedy «Svoi lyudi – sochtyomsya», explores the attempt by censors to intervene as co-authors, thereby encroaching upon the author’s creative*

intent. By framing this pre-revolutionary work, produced during the era of pre-publication censorship, as a collective product and process – interpreted through Roger Chartier's theory of "reading practices" – the author argues that publishing "classical" texts alongside their "censored biographies" alters the reader's perception of both the work itself and the functions of censorship and self-censorship, the latter understood as a form of indirect co-authorship.

Keywords: censorship; censorship biography of a books; Committee of the April 2nd 1848; theater of bureaucracy; A.N. Ostrovsky.

Goryunov Sergey Aikazovich – Research Fellow at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: existimator@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: NWH-8571-2025

ORCID: 0000-0001-6256-5099

Дозволено цензурою

Если открыть любую книгу, изданную в XIX в., мы непременно увидим на обороте титульного листа пометку «дозволено цензурою».

Эта надпись не кажется слишком примечательной, и мало кто обращает на нее отдельное внимание. Однако рассматривая книгу как коллективный продукт (и процесс) и во многом сближаясь в этом взгляде с оптикой «читательских практик» Роже Шартье, апеллирующего к зависимости восприятия при чтении множества «сложных и взаимосвязанных детерминант» [Шартье 2001, с. 165], нам кажется важным отдельно остановиться именно на этом перформативном высказывании (по Дж. Остину) – «дозволено цензурою». За ним стоит не просто факт одобрения книги, а некий процесс, если не сказать драматургия. Текст писался в «ситуации цензуры», в период контроля над публичным высказыванием, в XIX в. Цензура, которая нас, в первую очередь, интересует в данной статье, была предварительной. Прежде чем получить право на публикацию текст вычитывался цензором, следовательно, автор писал текст с пониманием, что первым (и, быть может, последним) его читателем окажется именно цензор.

В первой половине XIX в. цензура в Российской империи была исключительно предварительной. «Карательная» цензура (для некоторых «повременных» изданий) впервые появляется только в 1865 г. Напомним, что «карательная» цензура, несмотря на более грозное название, была, в сущности, формой послабления надзора. Фактически решение о публикации в этом случае принимал издатель, но и ответственность за пропуск текста в печать нес он же.

В ситуации *предварительной цензуры* цензор нес прямую ответственность: «...цензор отвечает за каждое слово автора, даже за то, что читается между строками; ему может быть поставлен в вину каждый недосмотр, малейший недостаток внимания может быть признан нарушением служебного дол-

га» (цит. по: [Патрушева 2016, с. 80]). Даже безликая формулировка «дозволено цензурою» в этот период имела персонализированный вид. Хорошим примером тут может послужить «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», опубликованный в 1848 г. (и на деле оказавшийся лишь формой, посредством которой М.В. Буташевич-Петрашевский распространял свободомыслие). На фронтисписе этой книги, впервые опубликованной в 1845 г., стоит более конкретная отметка с указанием цензора: «Печатать позволяется с тем, чтобы по напечатании представлено было в Цензурный комитет узаконенное число экземпляров. С. Петербург, апреля 5 дня 1845 года. Цензор А. Крылов» [Карманный словарь 1845].

Книгу повторно (т.е. уже после публикации) рассматривал Комитет 2 апреля 1848 года. Этот «высший» цензурный комитет был учрежден Николаем I для цензуры над самой цензурой. Он рассматривал то, что уже было пропущено цензурой на местах. Комитет напрямую подчинялся монарху, и на каждом протокольном журнале стояла резолюция Николая I. Получается довольно удобная для анализа и исследования ситуация, так как из фабулы дела, изложенной в протокольном журнале заседаний, а также из ответов других ведомств мы можем узнать детали пропуска книги – предысторию, а из резолюций Николая I – мнение самого императора. Это тот случай, когда цензура буквально действовала именем Его императорского величества (в регламенте Комитета об этом прямо сообщается) [Дело «По учреждению Комитета 2-го Апреля 1848 года...», л. 5)]. Рассматривая словарь, Комитет спрашивает Николая I о возможном наказании конкретно цензора Крылова, «имевшего неосторожность или неблагоразумие пропустить подобное сочинение в печать» [Дело «О извлечении из продажи книжки под заглавием: Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка», л. 3]. Персональная ответственность настигает цензора спустя годы после выхода книги. Это важная деталь, которая нередко ускользает, и тогда цензор предстает в виде своего рода «отрицательного персонажа», который мог бы и не наносить вред литературе, но делает это. Однако, как мы видим, за недостаточную цензурную строгость карался сам цензор (сразу или спустя время). Такого рода детали, на наш взгляд, дают более четкую картину ситуации, помогают в конструировании исторического целого [Лаппо-Данилевский 2013, с. 490–498, 538–541, 542–546].

Однако роль цензора нельзя свести к контрольно-пропускной функции. Цензор в эпоху цензуры оказывается как бы *со-автором* текста. Ключевыми теоретическими предпосылками для такого взгляда можно считать рассуждения о «читательских практиках» Р. Шартье. Если в фокусе внимания оказывается носитель или книга как продукт книжной культуры, как нечто целое, то иным становится и взгляд на автора. Автор текста становится лишь одним из *со-авторов* продукта наряду с редакторами, верстальщиками, копирайтерами, оформителями/дизайнерами и т. п.

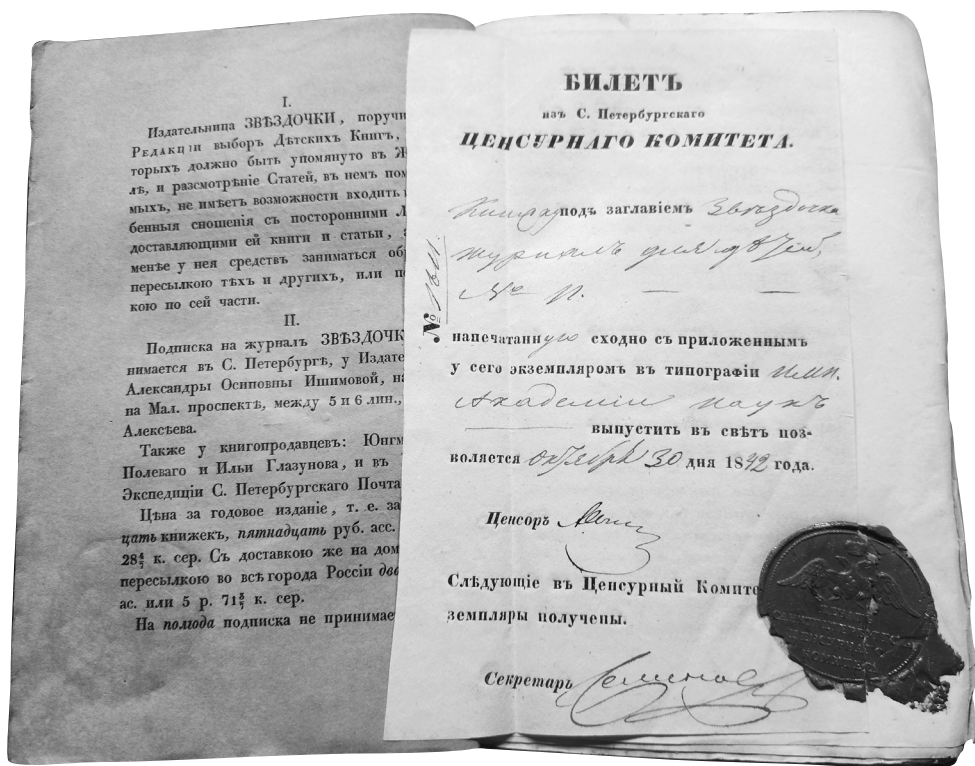


Рис. 1. Образец «билета цензурного комитета» из фонда хранения ИНИОН РАН

В этот список, в применении к книжной культуре XIX в. (и не только), безусловно, можно добавить и цензора. Впрочем, просто указать его в ряду *со-авторов* оказывается не вполне достаточным действием. Интуитивно понятно, что фигура цензора должна рассматриваться, скорее, не в ряду прочих участников процесса, а, скажем, «из ряда вон». Его вторжение в произведение всегда ощущается как нечто чуждое и травмирующее. Однако и этого замечания недостаточно. Чтобы понять роль цензора в произведении, особенно в исторической ситуации предварительной цензуры первой половины XIX в., от которой нас отделяет колоссальная историческая дистанция, нужно попробовать добавить еще несколько штрихов к портрету цензора.

Цензор – это определенная роль в бюрократическом театре. В этом театральном аспекте бюрократия занята непрерывным производством символической власти. Бюрократический документ как некоторый итоговый материальный продукт переполнен такого рода «знаками» и «символами», и цензура тут не была исключением. Штампы, грифы, подписи, формулировки – все направлено на манифестацию власти, навязывает читательское поведение (по Шартье). Рассмотрим для примера стандартный цензурный билет (см.: рис. 1).

Начиная с перформативного высказывания «выпустить в свет позволяется» и заканчивая «орленым» рельефом оттиска сургучной печати санкт-петербургского цензурного комитета на пломбе из казенного темно-красного сургуча – все манифестирует, что перед нами не текст, а властный перформативный жест, вердикт лица, облеченного властью, документ, удостоверяющий право продукта быть публичным, или, если пользоваться буквальной формулировкой, – «увидеть свет» (своего рода «свидетельство о рождении» книги). Следует учитывать, что в Российской империи любой цензор действовал именем Его Императорского Величества (как современные суды действуют именем Российской Федерации). Вот как об этом пишет Н.А. Энгельгардт: «Мы называем цензуру первой половины столетия «александровской», «никлаевской», потому что преследования печати производились монаршим именем и обществом относились к личности самого монарха» [Энгельгардт 1904, с. 11]. Далее он цитирует критическое мнение комиссии по делам книгопечатания относительно этой практики, которая, в частности, подчеркивает, что подобной практики не существует ни в одном государстве (отдельно упоминая и Францию). Это утверждение корректно, хотя во Франции королевские цензоры имели право выдать «королевскую привилегию» – «*avec approbation et privilege du Roy*» («с одобрения и привилегии короля»), которая, однако, касалась лишь книг, особо отмеченных цензорами в положительном смысле [Дарнтон 2017, с. 25]. Так или иначе, в Российской империи практика действовать от имени императора была в цензуре повсеместной. И это тоже (помимо «эффекта высокой проводимости» от местного цензора к монарху и, возможно, эффекта дополнительного груза ответственности, ощущаемого цензором) аспект производства символической власти.

Наконец, цензор как актер / персонаж, – это, безусловно, антагонист автора как героя (протагониста). Будучи сами людьми образованными и просвещенными, цензоры нередко осознавали эту свою роль и, стараясь от нее избавиться, помогали авторам придумать стратегии обхода цензуры или порой предотвращали чрезмерное рвение автора в самоцензуре. Эту внутреннюю диалектику (дитя культуры и просвещения, наносящее вред культуре и просвещению) мы можем встретить, например, в некоторых дошедших до нас дневниках цензоров, открывающих дополнительные возможности исследования. Так, Роберт Дарнтон существенную часть своего внимания посвящает именно теснейшему, чаще всего кулуарному / «коридорному» сотрудничеству цензора и автора, раскрывающемуся нам в исторических эго-документах (дневники, мемуары, автобиографии, письма и т.п.).

Еще важнее, пожалуй, то, что в ситуации цензуры не только цензор – *соавтор*, но и автор – *со-цензор*. Текст мог как «появиться на свет» в кабинете цензора, так и быть в нем «похоронен». От цензора зависела судьба текста (а порой и автора) и, что гораздо важнее, автор знал это уже при написании текста (за его спиной незримо присутствовал строгий наблюдатель). Это важно осознавать,

чтобы попробовать прочувствовать «атмосферу эпохи» (по Марку Блоку). Увы, феномен самоцензуры невозможно зафиксировать, а ее «градус» в ту или иную эпоху – «замерить». Навряд ли сейчас можно понять, что означает быть автором в «эпоху предварительной цензуры», как невозможно, пожалуй, понять и человека средневековой культуры, живущего не по часам, а по ударам колокола на городской колокольне (что было убедительно продемонстрировано А.Я. Гуревичем в работе «Категории средневековой культуры», см. раздел «Что есть время?» [Гуревич 2020, с. 25]). Но это, на наш взгляд, не означает, что самоцензуру можно игнорировать и не брать в расчет, тем более что эго-документы дают некоторое представление о ней (со всеми оговорками, касающимися этого типа источника).

В качестве примера можно привести как раз работу Комитета 2 апреля 1848 года (для нашего текста – центральный источник). Комитет работал с 1848 (назван по дате основания) по 1855 г., и эта семилетка была названа исследователем истории литературы и цензуры Лемке «эпохой цензурного террора» [Лемке 1904]. Но такова ли была ситуация с Комитетом? Собственный архив Комитета не насчитывает и 300 дел (за семь лет существования!), среди которых, помимо весьма значимых, есть и дела о папиросах со стихами и оракулом [Дело «О папиросах со стихами и оракулом»], об обертках от конфет с французскими девизами [Дело «О привозимых из Франции девизах, наклеенных на конфеты»], о пригласительных билетах на бал [Дело «О воспреещении всякого рода приглашения или извещения печатать на билетах с символическими изображениями»] и о лубочных картинках с сомнительными высказываниями [Дело «Об издаваемых в Москве лубочных картинках без дозволения цензуры»]. Все это не выглядит слишком масштабным, и можно было бы сказать, что называть время работы Комитета «эпохой цензурного террора» – преувеличение. Но Комитет был секретным, широкой публике оставался неизвестным тот факт, что он, помимо прочего, рассматривал обертки от конфет и приглашения на бал. То, как он представлялся «снаружи», мы можем увидеть, например, из дневника цензора Никитенко. Никитенко так описывает Меншиковский комитет (просуществовал совсем недолго, в том же 1848 г. был преобразован в Комитет 2 апреля 1848 года): «Цель и значение этого комитета были облечены таинственностью, и оттого он казался еще страшнее... Панический страх овладел умами. Распространяются слухи, что комитет особенно занят отыскиванием вредных идей коммунизма, социализма, всякого либерализма, истолкованием их и измышлением жестоких наказаний лицам, которые излагали их печатно, или с ведома которых они проникли в публику. ... Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионство еще усложняли дело. Стали опасаться за каждый день свой...» [Никитенко 1893, с. 493–494], и в другом месте: «Когда Бутурлин предлагал закрыть университеты, многие считали это несбыточным. Простяки! ... Вот теперь тот же Бутурлин действует в качестве председателя какого-то высшего негласного комитета в цензуре и действует так,

что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать. ... Далю запрещено писать (см.: [Дело «О помещенной в 10-м No Москвитянина рассказе Ворожейка, соч. В. Даля»]). Как? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и он попал в коммунисты и социалисты?..» [там же, с. 493–495].

Примеры можно множить. Но остановимся ненадолго на этом. Дело заведено Комитетом в отношении рассказа Владимира Даля «Ворожейка». Рассказ посвящен тому, как цыганка плутовством лишила имущества крестьянку и осталась безнаказанной, так как к моменту, когда крестьяне пришли на место табора, «его и след простыл». Недовольство Комитета вызвала лишь одна фраза: «...наконец заявили Начальству – тем, разумеется, дело и кончилось...» [Дело «О помещенной ...», л. 5]. Комитет отмечает по поводу этой фразы: «Двусмысленное выражение в словах – «заявили Начальству – тем, разумеется, дело кончилось» – намек на обычное будто бы бездействие Начальства, ни в коем случае не следовало бы, по мнению Комитета, пропускать в печать, в особенности после сделанного в нынешнем же году, по Высочайшему повелению, подтверждения по Цензурному ведомству о том, чтобы в печати не были употребляемы никакие, даже косвенные порицания распоряжений и действий Правительства» [Дело «О помещенной ...», л. 5 об.]. Как видно, дело было отнюдь не в социализме или коммунизме Владимира Даля (впрочем, как посмотреть). На протокольном журнале Комитета стоит резолюция Николая I, в которой он поручает сделать Далю строгий выговор, «ибо ежели подобное не дозволяется никому, то лицу должностному и в таком месте службы еще менее простительно».

Пользуясь цитатой из рассказа «Ворожейка», отметим, что «тем, разумеется, дело кончилось». Но важна как раз не незначительность дела, а то «эхо», которым оно доносилось до современников и нашло отражение в дневниках цензора Никитенко.

Впрочем, преуменьшать значение Комитета было бы также ошибкой. Независимо от того, какова была в реальности его эффективность, его устрашающий эффект, безусловно, приводил к повышению градуса цензуры и самоцензуры: «Я заходил сегодня в цензурный комитет. Чудные дела делаются там. Например, Цензор Мехелин вымарывает из древней истории имена великих людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканского образа мыслей – в республиках Греции и Рима. Вымарываются не рассуждения, а просто имена и факты. Такой ужас навел на цензоров Бутурлин с братией...» [Никитенко 1893, с. 508]. И если даже цензоры подвергались такому эффекту самоцензуры, то об авторах и говорить не приходится. В переносном смысле вполне допустимо рассматривать цензора как *со-автора*, вмешивающегося в замысел еще до всякой цензуры. Но *со-авторство* могло иметь место и в прямом смысле слова, так как цензоры нередко «участвовали» в создании произведения, непосредственно вторгаясь в текст.

«Свои люди – сочтемся»

Для нашей статьи мы взяли дело, предмет которого знаком едва ли не каждому (включен в школьную программу) – комедию А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся». Пьеса была опубликована в № 6 журнала «Москвитянин» за 1850 г.

Текст протокольного журнала заседаний комитета представляет собой что-то вроде пересказа пьесы (наподобие современных дайджестов классических произведений русской литературы, неизменно пользующихся спросом у нерадивых школьников), к которому прибавлено мнение Комитета. Именно этот документ попал на стол императора, и мы хотим предложить читателю в порядке внутреннего эксперимента «встать на его место», увидеть и прочесть то, что увидел и прочел Николай I. Текст наглядно демонстрирует и позволяет прочувствовать атмосферу бюрократического разговора николаевской эпохи (в том числе и с точки зрения «символического производства власти»). Это яркий пример попытки цензоров вторгнуться в текст и выступить в роли *со-авторов*, предложить «свой вариант пьесы». Если применять оптику Р. Шартье, то цензурное дело тут – часть «биографии» пьесы (текст уже был опубликован, продукт в данном случае пьеса, которая была запрещена к постановке «на театрах» Николаем I). Наконец, судя по всему, целиком журнал заседания по этому делу никогда не публиковался и может быть любопытен исследователям литературы и цензуры, в этом плане его введение в научный оборот кажется нам бессмысленным. Итак, обратимся к комедии Островского в «кратком пересказе» для Его Императорского Величества.

Журнал Комитета Высочайше учрежденного во 2-й день Апреля 1848 года

Во второй мартовской книжке Москвитянина (№ 6-й) напечатана комедия в 4-х действиях: «Свои люди – сочтемся», А. Островского.

Содержание этой пьесы состоит в том, что единственная дочь богатой, но невежественной купеческой четы, получив внешнее полувоспитание, гнушается родителей и глубокое свое к ним презрение – особенно к слабой и потворствующей ей матери – выражает при всяком случае самым едким образом и даже наглыми ругательствами. Между тем девушка горит желанием выйти замуж за человека чиновного, или по крайней мере благородного. Но у отца свои замыслы. Возбужденный примером нескольких других богатых купцов и своекорыстными внушениями стряпчего из отставных чиновников и своего приказчика, прикрывающего личную привязанности самую гнусную бессовестность, он решает объявить себя подложно банкротом, переводя все свое имение на того же приказчика, за которого выдает и свою дочь. Последняя сперва противится такому союзу, уничтожающему все ее воздушные замки; но потом, обольщенная обещаниями жениха угождать всем ее прихо-

тям и особенно освободить ее от ненавистного родительского ига, склоняется и отдает ему свою руку. На этом останавливается 3-е действие.

В 4-м отец, обвиненный в злом банкротстве, сидит в тюрьме и предвидит осуждение свое в Сибирь, а дочь с мужем утопают в роскоши – плоде богатств, тем же отцом им переданных. Старика ведут мимо их окон, с допроса в судебном месте, и на минуту выпускают к дочери. Тут раздирающая сердце сцена. И отец, и мать умоляют новобрачных надать несколько копеек на рубль, для удовлетворения кредиторов и достижения через то мировой сделки, которою могло бы все окончиться. Упорный отказ. «Опомнитесь – говорит отец – ведь я у вас не милостыни прошу, а свое добро. Люди ли вы?» – «Известное дело, тятенька – отвечает дочь – люди, а не звери же». В таком тоне презрительных насмешек, даже хладнокровной жестокости, ведена вся сцена. Отца уводят снова в тюрьму. «Эх, Алимпиада Самсоновна-с! Обращается разбогатевший приказчик к своей жене – неловкость! Жаль тятеньку, ей Богу, жаль! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо? Он-то сам лучшие их разжалобит. А? Аль ехать? Поедусь?» – «Как хотите, так и делайте – отвечает жена – ваше дело». – Этим сомнительным положением кончается комедия – отец остается за долги в тюрьме и в опасности ссылки, а дочь и муж ее, благодетельствованный от детства своим тестем, остаются в раздумьи, спасать ли несчастного старика небольшим пожертвованием из того значительного достояния, которое он им предоставил.

Комитет прежде всего долгом считает заметить, что в этом произведении нет ничего прямо противного правилам общей цензуры. Они не запрещают ни осмеивать странности или слабости, ни представлять в действии страсти, порок и даже преступление. Первое есть, напротив, одна из важнейших целей драматического искусства, а последнее всегда и на всех театрах в мире давало писателям главные элементы и пружины для их созданий. Начиная от греческой сцены и кончая русскою, как младшею, везде являлись отцеубийцы, клятвопреступники, нарушители законов Божеских и гражданских и злодеяние во всех его видоизменениях. Следственно ни цензор за пропуск комедии г. Островского, ни издатель журнала за помещение оной, не могут быть привлечены к ответственности. Но в тех высших видах, в которых вверен Комитету надзор за нашим книгопечатанием, в той нравственной, так сказать, цензуре, которая на него возложена, ему нельзя было не обратить внимания на эту пьесу. Она, несомненно, имеет свою хорошую сторону: ибо в ней, с примечательным талантом, выставляется на позор и подвергается заслуженному наказанию нелепая страсть нашего купечества давать детям модное воспитание и, вместе, карается язва нынешнего времени – злостное или умышленное банкротство. Но кто действующие лица, которыми все это обставлено? Богатый купец, который с громкими фразами чести и добродетельности на устах обманывает своих

заимодавцев; жена его, глупая баба, трепещущая и пред мужем, и пред дочерью; дочь – изверг, для которой нет ничего святого и заветного; приказчик, который, быв призрен и вскормлен в доме своего хозяина, обирает его до нага и отдает на жертву кредиторам, «подлец бесчувственный», как зовет его сам хозяин; даже лица второстепенные: стряпчий, сваха, ключница и мальчик – совершенно соответствуют главным.

Ни одного характера, призывающего на себя уважение, ни одной черты, или порыва, на которых можно было бы с отрадою остановиться посреди картины этой моральной низости. Изображая наше среднее купечество и клеймя заслуженным образом его странности и пороки, неужели автор не мог найти в среде его и вставить в свою раму, для противоположности, ни одного из тех почтенных наших купцов, в которых богобоязненность, праводушие и прямота ума составляют типическую и неотъемлимую принадлежность? Неужели также условия эффекта необходимо требовали возвести до такой противуестественной бесчувственности гнусное неприличие обращения дочери с родителями и нельзя было выставить горькие плоды французского полувоспитания в столь же безумном и смешном, но менее преступном виде. Наконец, заключение комедии – торжество черной неблагодарности в двух лицах, дочери и приказчика – оставляет самое печальное впечатление, и его ощутили не только члены Комитета, но и разные другие лица, читавшие комедию в рукописи, в которой она первоначально явилась в Петербурге. Тогда общее мнение было, что ее не позволят напечатать, хотя, как уже сказано, в ней нет ничего против правил цензуры.

За сим, не усматривая и в самом направлении автора ничего предосудительного, или неблагонамеренного: ибо, давая пороку торжествовать, он рисует его, впрочем, в таких черных красках, которые сами собою внушают омерзение, Комитет считает, однакож, полезным, при явном отпечатке таланта, лежащем на всем этом произведении, предоставить, через Министра Народного Просвещения Попечителю Московского учебного округа призвать пред себя господина Островского и, передав ему вышеизложенное, вразумить его, что благородная и полезная цель таланта должна состоять не только в живом изображении смешного и дурного, но в справедливом его порицании, не только в каррикатуре, но и в распространении высшего нравственного чувства: следственно, в противопоставлении пороку добродетели, а картинам смешного и преступного таких помыслов и деяний, которые возвышают душу; наконец в утверждении того, столь важного для жизни общественной и частной верования, что злодеяние находит достойную кару еще и на земле.

Комитет обратился от сего к другому вопросу, хотя не прямо входящему в круг его действия, однако прямо истекающему из тех замечаний. Если комедия г. Островского производит такое впечатление при одном чтении, то эффект ее при представлении был бы еще разительнее и мог бы внушить

прискорбные мысли и чувства тем из нашего купеческого сословия, которые дорожат своею честью и доброю славою. Посему не будут ли настоящие соображения приняты на вид при рассмотрении, следует ли разрешать постановку на сцену этой, сколь известно, нигде еще не игранной комедии.

Такое заключение свое Комитет положил повергнуть на Высочайшее Государя Императора благоусмотрение.

Подписали: Николай Анненков и Барон Модест Корф. Скрепил Правитель дел Комитета Камер-Юнкер Ростовский.

«С подлинного верно. Камер-юнкер Ростовский [подпись]». № 93. 29 марта 1850.

[Дело «О помещенной в № 6-м Москвитянина сего года комедии Островского “Свои люди – сочтемся”» Л. 2-8.]

Хотя отдельные высказывания из второй части документа уже цитировались, нам важно привести весь журнал целиком, чтобы дать общее представление о документе, попавшем на стол Николая I. Настроение документа, на наш взгляд, дает возможность прочувствовать ситуацию, в которой писал Островский и его современники. Пожалуй, это «свидетельство бюрократической мысли» можно назвать вполне удачной иллюстрацией того, как цензурный контекст, или, скажем, «цензурная биография произведения», меняет и наше читательское поведение. С одной стороны, становится очевидным, что быть писателем в подобных цензурных обстоятельствах – подвиг. С другой стороны, само произведение, которое рассматривается как «одно из», «в ряду других» (а для некоторых – лишь эпизод из школьной программы), вместе с цензурным контекстом воспринимается, на наш взгляд, уже совершенно иначе.

Любопытно, что Комитет в нескольких местах подчеркивает, что автор не нарушил цензурное законодательство. Общей практикой цензурного рассмотрения было обязательное указание на конкретно нарушенный параграф цензурного устава, поэтому обойти этот вопрос Комитет попросту не может. Фактически если цензурное законодательство не нарушено, никакой причины заводить делопроизводство нет. И тем не менее Комитет заводит делопроизводство, а высказанные им претензии целиком находятся за скобками цензурного законодательства, они обращены на драматургию произведения, вторгаются в авторский замысел – цензор пытается стать *со-автором*.

Можно выделить две основных претензии к пьесе: 1) в ней отсутствует зримое наказание порока – непочтительного отношения к родителям вследствие «французского полувоспитания»; 2) в произведении отсутствуют положительные персонажи, способные составить противовес отрицательным. К слову, второе замечание практически полностью повторяет претензию цензора Михаила Гедеонова, который первично рассматривал текст: «...все действующие лица: купец, его дочь, стряпчий, приказчик и сваха отъявленные мерзав-

цы. Разговоры грязны; вся пьеса обидна для русского купечества» [Лакшин 2004, с. 143]. По сути, тезисы об отсутствии положительных персонажей и негативное представление купеческого сословия повторяются едва ли не слово в слово.

Надо заметить, что эти претензии, переданные Островскому, не остались безответными. Так, в письме Назимову от 26 апреля 1850 г. он пишет: «В истинности слов, что порок наказывается на земле, которые г. министру народного просвещения угодно было поставить мне на вид, я не только никогда не сомневался, но постоянно думал и думаю, что в нашем отечестве это делается правее и законнее, нежели где-нибудь в другом месте. Я писал свою комедию, проникнутый именно этим убеждением. Купец Большов, сделавший преступление, наказывается страшною неблагодарностью детей и предчувствием, и страхом неизбежного наказания законного» (цит. по: [Зубков 2023, с. 261–262]). Весь дальнейший ход истории с пьесой Островского можно узнать в прекрасной монографии Кирилла Зубкова (мы цитируем письмо Островского по его книге). Зубков прослеживает биографию комедии вплоть до разрешения к постановке, и пересказывать ее в нашем тексте нет смысла. В то же время процитированное нами дело Комитета 2 апреля 1848 года почти не представлено в книге, и дополнить информацию по документам Комитета нам кажется важным.

Совершенно очевидно, что требования Комитета при проговоренном отсутствии чего-либо, что может быть запрещено цензурой, вторгаются именно в замысел произведения. Отсюда и странное предложение «вразумить» Островского. По сути, предложено переписать текст с учетом «пожеланий». Здесь вполне можно говорить не столько об охране «нормы», которую цензура традиционно осуществляла, но которая вовсе не нарушается, сколько о *со-авторстве* со стороны цензуры.

Такие случаи цензурного *со-авторства* нередки и порой приводили к любопытным попыткам со стороны авторов защитить собственное произведение. Приведем другой показательный пример. А.М. Скабичевский приводит случай (исторически довольно далеко отстоящий от рассматриваемого нами периода), в котором автор, недовольный вторжением цензора в само произведение, попробовал разграничить собственный текст и «творчество» цензора на уровне размера шрифта. Некому архиепископу Амвросию был направлен перевод сочинения «Опыт о человеке» одного из крупнейших авторов британского классицизма Александра Поупа, осуществленный студентом академии Николаем Поповским (1758). При этом Амвросию как «человеку благоразумному» текст был направлен на повторную цензуру, поскольку первично труд получил отрицательный цензурный вердикт. Однако Амвросий помимо того, что убрал все «о множестве миров, Коперниковой системы и натурализму склонного», часть авторских стихов (перевод был осуществлен в стихотворной форме) заменил собственными [Скабичевский 1892, с. 20]. Скабичевский приводит и весьма наглядный пример этого *со-авторства*, где «зверской лютостью исполненный тиран» заменяется

на «сильный в державе над подданным царь», а «крови жаждущий разбойник сограждан» на «землю орющий для податей пахарь» [там же, с. 21].

Несогласный с таким «переводом» автор разграничил в первом издании творческие упражнения Амвросия и собственные стихотворные переводы текста на уровне размера шрифта, напечатав свои переводы более мелким, а переводы цензора более крупным шрифтом [Скабичевский 1892, с. 21]. Перед нами одновременно и яркий пример попытки выступить *со-автором*, и довольно любопытный пример стратегии борьбы с цензурой и такими попытками *со-авторства*. Но вернемся к главному предмету рассмотрения – делу Комитета 2 апреля 1848 года.

В рамках статьи мы не ставили перед собой задачи проиллюстрировать всю «биографию» пьесы. Скажем только, что поставлена пьеса была лишь при Александре II. Николай I запретил пьесу к показу.

Согласно писарской копии журнала Комитета 2 апреля 1848 года, резолюция Николая I была следующей: «На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано карандашом: «Совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить, во всяком случае уведомить об этом Князя Волконского». 30 Марта 1850. Верно: Генерал-Адъютант Анненков» [Писарская копия].

Впрочем, на тот момент пьеса уже была запрещена к показу, о чем П.М. Волконский сообщает в ответном письме председателю Комитета 2 апреля 1848 года (1849–1855) Н.Н. Анненкову от 2 апреля 1850 г.: «Чсть имею уведомить Ваше Превосходительство, что еще до получения мною отношения Вашего, от 1-го сего Апреля, Г. Московский Военный Генерал-Губернатор относился ко мне о том, может ли сочиненная Островским комедия: Свои люди, сочтемся, быть поставлена на тамошнем театре, на что я ответил ему, что комедия была уже рассматриваема в цензуре III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, но оною к представлению на театрах не одобрена» [Дело «О помещенной в № 6-м Москвитянина сего года комедии Островского «Свои люди – сочтемся», л. 16]. Из ответного письма князя Петра Волконского мы также знаем и о том, что пьеса рассматривалась в III Отделении канцелярии Его императорского величества, и этот документ также часть истории рождения произведения. На наш взгляд, публикация классических произведений с их «цензурными биографиями», в которой, что немаловажно, цензурные документы и ответные письма авторов будут представлены целиком, а не в виде разрозненных цитат, позволит совершенно иначе взглянуть на текст.

В той или иной форме цензурные перипетии комедии Островского находят свои отражения в предисловиях к различным ее изданиям. В несколько усеченном виде общеизвестна и резолюция Николая I. Однако, на наш взгляд, этого может быть недостаточно. Публикация документов целиком (в рамках «цензурной биографии») дает дополнительное представление об атмосфере времени,

полноценно погружает текст в значимый контекст, который, если выступать с позиций неавтономности текста, оказывается важной частью произведения – такой контекст не отягощает текст. Более того, публикация произведений, написанных в ситуации предварительной цензуры, вместе с цензурными делами существенно меняет не только восприятие произведения, но и оценку роли цензора как значимого актора, а порой и *со-автора* текста. В этом смысле нашу работу на сегодняшний день можно рассматривать лишь как текст «к постановке проблемы...» или призыв искать новые исторические примеры оригинальных попыток вторжения цензоров в авторский замысел.

Возвращаясь к концепции Р. Шартье, отметим, что публикация классических произведений с их «цензурными биографиями» также является продуктом, отчасти навязывающим предварительный взгляд, который, быть может, создаст лишь иллюзию проницаемости прошлого для нашего понимания. Вопрос в том, в каком случае мы в большей степени «изобретаем» историю заново. Как минимум, публикация цензурного дела (даже если речь идет, как в нашем случае, лишь о протокольном журнале без учета дальнейшей межведомственной переписки) позволяет более отчетливо понять не только «биографию книги», но и фигуру цензора, учесть цензурную практику с ее задачами (соблюдение цензурного законодательства) и сверхзадачами (формирование доминирующего нравственного дискурса), в которых также демонстрируется взятая на себя государством патерналистско-воспитательная функция (вспомним недовольство Комитета французским «полувоспитанием»), вторгающаяся в область культурных смыслов.

Это помогает развеять и некоторые ложные представления, например то, что цензура обязана была всегда опираться на очень конкретную нарушаемую норму цензурного устава с точным указанием статьи и параграфа (чаще всего так и было, но, как мы видим, отнюдь не всегда). Наконец, история цензуры нередко представляется в виде набора нелепых случаев, казусов, забавных и абсурдных историй и анекдотов. Это делает книги по истории цензуры интересными для читателей. Но, на наш взгляд, если вместо некоторой выжимки из истории опубликовать произведение вместе с полноценной «биографией текста», со всеми цензурными документами, составляющими некий *backstage* литературной жизни, мы сможем более отчетливо разглядеть и «фигуру цензора», и несколько более сложную, чем она порой представляется, «атмосферу эпохи».

Пожалуй, осознание истинного масштаба влияния цензуры на литературу неизбежно приходит к каждому, кто изучает эту область. Об этом свидетельствуют как дореволюционные, так и современные исследователи. Например, Алексей Котович, дореволюционный ученый, специализировавшийся на духовной цензуре, метко назвал цензурные архивы «кладбищем мысли». Мы много говорим о прямом вмешательстве цензуры в содержание произведений, но нередко упускаем из виду колоссальный объем высказываний, которые так

и остались не прозвучавшими и навсегда утерянными для читателя. Упомянутый нами Кирилл Зубков, посвятивший целый раздел своей монографии судьбе комедии Островского [Зубков 2023, с. 251–295], во введении признается: «Вникая в кажущиеся однообразными и унылыми документы, я понимал, что цензура активно участвовала в литературной и общественной жизни Российской империи. Если не учитывать этот фактор, вряд ли можно понять наиболее значимые процессы в культуре Российской империи... Через несколько лет подобных занятий мне стало ясно, насколько иллюзорны представления о том, что цензура представляет собою периферийное, хотя и важное обстоятельство в истории русской литературы; напротив, как оказалось, невозможно отделить историю литературы от истории цензуры» [там же, с. 8]. Судя по всему, эта мысль посещает всех, кто прицельно знакомится с цензурными делами, но остается за кадром для тех, кто знакомится с русской литературой без этого контекста. Возможно, академические издания произведений с их цензурными делами восполнили бы это упущение.

Библиография

Горюнов С.А. Семантические приключения понятий: цензурное делопроизводство как источник изучения исторической семантики понятий (по материалам «Комитета 2-го апреля 1848 года») // Вестник культурологии. 2024. № 2(109). С. 59–91.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир / под ред. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 17–262.

Дарнтон Р. Цензоры за работой. Как государство формирует литературу / пер. с англ. М. Солнцевой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 336 с.

Дело «О воспреещении всякого рода приглашения или извещения печатать на билетах с символическими изображениями» // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 49.

Дело «О извлечении из продажи книжки под заглавием: Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка». // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69.

Дело «О папиросах со стихами и оракулом» // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 170.

Дело «О помещенной в № 6-м Москвитянина сего года комедии Островского “Свои люди – сочтемся”» // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 96.

Дело «О помещенном в 10-м № Москвитянина рассказе Ворожейка, соч. В. Даля» // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 37.

Дело «О привозимых из франции девизах, наклеенных на конфеты» // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 10.

Дело «Об издаваемых в Москве лубочных картинках без дозволения цензуры» // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 17.

Дело «По учреждению Комитета 2-го Апреля 1848 года для высшего надзора за произведениями Русского книгопечатания» // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Зубков К. Просвещать и карать: функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Санкт-Петербург: Типография Губернского правления, 1845. 176 с.

Лакшин В.Я. А.Н. Островский. М.: Гелеос, 2004. 768 с.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2013. 602 с.

Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб.: Труд, 1904. 427 с.

Никитенко А.В. Записки и дневник (1826–1877). Т.1. СПб.: А.С. Суворин, 1893. 588 с.

Патрушева Н.Г. Цензурные учреждения Российской империи и система карательной цензуры в начале XX века // ТРУДЫ СПБГИК. 2016. Т. 213. С. 79–84.

Писарская копия журнала Комитета 2 апреля 1848 года с резолюцией Николая I. РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 2.

Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 гг.). СПб.: Ф. Павленков, 1892. 495 с.

Шартье Р. История и литература / пер. И.К. Стаф // Одиссей. Человек в истории. 2001: русская культура как исследовательская проблема. М.: Наука, 2001. С. 162–175.

Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: А.С. Суворин, 1904. 389 с.

References

Darnton R. Tsenzory za rabotoi. Kak gosudarstvo formiruet literaturu [Censors at Work: How the State Shapes Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 336 p. (In Russ.)

Delo “O iz”yatii iz prodazhi knizhki pod zaglaviem: Karmannyi slovar’ ino-strannykh slov, voshedshikh v sostav Russkogo yazyka” [File “On the withdrawal from sale of the book titled: A Pocket Dictionary of Foreign Words Incorporated into the Russian Language”]. RGIA. F. 1611. Op. 1. Ed. khr. 69. (In Russ.)

Delo “O papirosakh so stikhami i orakulom” [File “About cigarettes with poems and an oracle”]. RGIA. F. 1611. Op. 1. Ed. khr. 170. (In Russ.)

Delo “O pomeshchenoi v № 6-m Moskvityanina sего goda komedii Ostrovskogo ‘Svoi lyudi – sochtemsyia”” [File “About Ostrovsky’s comedy ‘Svoi lyudi – sochtemsyia’ published in N 6 of Moskvityanin this year”]. RGIA. F. 1611. Op. 1. Ed. khr. 96. (In Russ.)

Delo “O pomeshchenom v 10-m No Moskvityanina rasskaze Vorozheika, soch. V. Dalya” [File “On the story Vorozheyka by V. Dahl, published in N Moskvityanin”]. RGIA. F. 1611. Op. 1. Ed. khr. 37. (In Russ.)

Delo “O privozimyykh iz Frantsii devizakh, nakleennykh na konfety” [File “About mottos brought from France and pasted onto sweets”]. RGIA. F. 1611. Op. 1. Ed. khr. 10. (In Russ.)

Delo “O vospreshchenii vsyakogo roda priglasheniya ili izveshcheniya pechatat’ na biletakh s simvolicheskimi izobrazheniyami” [File “On the prohibition of any kind of invitation or notice to be printed on tickets with symbolic images”]. RGIA. F. 1611. Op. 1. Ed. khr. 49. (In Russ.)

Delo “Ob izdavaemykh v Moskve lubochnyykh kartinkakh bez dozvoleniya tsenzury” [File “On popular prints published in Moscow without censorship permission”]. RGIA. F. 1611. Op. 1. Ed. khr. 17. (In Russ.)

Delo “Po uchrezhdeniyu Komiteta 2-go Aprelya 1848 goda dlya vysshego tsenzurnogo nadzora za proizvedeniyami Russkogo knigopechataniya” [File “On the establishment of the Committee of April 2, 1848, for the supreme censorship supervision of Russian published literature”]. RGIA. F. 1611. Op. 1. Ed. khr. 1. (In Russ.)

Engel’gardt N.A. Ocherk istorii russkoi tsenzury v svyazi s razvitiem pechati (1703–1903) [An essay on the history of Russian censorship in connection with the development of printing (1703–1903)]. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin, 1904. 389 p. (In Russ.)

Goryunov S.A. Semanticheskie priklyucheniya ponyatii: tsenzurnoe deloproizvodstvo kak is-tochnik izucheniya istoricheskoi semantiki ponyatii (po materialam «Komiteta 2-go aprelya 1848 goda») [Semantic adventures of concepts: censorship record-keeping as a source for researching historical semantics of concepts (based on the sources of the “Committee of April 2nd, 1848”)]. *Vestnik kul'turologii* [Herald of Culturology]. 2024. N 2(109). P. 59–91. (In Russ.)

Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of Medieval Culture]. In Gurevich A.Ya. *Izbrannye trudy. Srednekovyi mir* [Selected Works. The Medieval World]. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2020. P. 17–262. (In Russ.)

Karmannyj slovar' inostrannyx slov, voshedshix v sostav russkogo yazyka [Pocket Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1845. 176 p.

Lakshin V.Ya. A.N. Ostrovskii. Moscow: Geleos, 2004. 768 p. (In Russ.)

Lappo-Danilevskii A.S. Metodologiya istorii [Methodology of history]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2013. 602 p. (In Russ.)

Lemke M.K. Ocherki po istorii russkoi tsenzury i zhurnalistiki XIX stoletiya [Essays on the history of Russian censorship and journalism in the 19th century]. Saint-Petersburg: Trud, 1904. 427 p. (In Russ.)

Nikitenko A.V. Zapiski i dnevnik (1826–1877) [Notes and diary (1826–1877)]. Vol. 1. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin, 1893. 588 p. (In Russ.)

Patrusheva N.G. Tsenzurnye uchrezhdeniya Rossiiskoi imperii i sistema karatel'noi tsenzury v nachale XX veka [Censorship institutions of the Russian Empire and the system of punitive censorship at the beginning of the 20th century]. *TRUDY SPbGIK*. 2016. Vol. 213. P. 79–84. (In Russ.)

Pisarskaya kopiya zhurnala Komiteta 2 aprelya 1848 goda s rezolyuciej Nikolaya I [Pocket Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language. A copy of the Committee's journal dated April 2, 1848, with a resolution by Nicholas I]. RGIA. F. 1611. Op. 1. Ed. xr. 96. 2.

Shart'e R. Istoriya i literatura [History and Literature]. In Odissei. *Chelovek v istorii*. 2001: russkaya kul'tura kak issledovatel'skaya problema [Odysseus. Man in History. 2001: Russian Culture as a Research Problem]. Moscow: Nauka [Nauka Publishers], 2001. P. 162–175. (In Russ.)

Skabichevskii A.M. Ocherki istorii russkoi tsenzury (1700–1863 gg.) [Essays on the history of Russian censorship (1700–1863)]. Saint-Petersburg: F. Pavlenkov, 1892. 495 p. (In Russ.)

Zubkov K. Prosveshchat' i karat': funktsii tsenzury v Rossiiskoi imperii serediny XIX veka [To Enlighten and to Punish: The Functions of Censorship in the Russian Empire in the Mid-19th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2023. 520 p. (In Russ.)

И.Н. Молчанов, Н.П. Молчанова

**МИРОВАЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА В УСЛОЖНЯЮЩЕЙСЯ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности функционирования мировой валютно-финансовой системы в изменяющихся геополитических условиях. Актуальность темы исследования обусловлена остротой вопросов, связанных с валютно-финансовыми аспектами международных финансово-экономических отношений, которые имеют не только локальный, но и глобальный характер. Авторами раскрыты причины неустойчивого положения мировой и национальных валютно-финансовых систем, усугубляющиеся вследствие стихийно возникающих по различным основаниям экономических и финансовых кризисов. Охарактеризованы современное состояние мировой и национальных валютно-финансовых систем и ключевые приоритеты, на которые следует обратить внимание при обосновании перспектив их развития в фрагментирующемся мире. Показаны сильные и слабые стороны мировых резервных валют. Представлены возможности применения разрабатываемой системы международных расчетов Российской Федерации и стран – членов БРИКС. Обоснованы возможные векторы развития международных финансово-экономических отношений на перспективу.*

***Ключевые слова:** международные финансово-экономические отношения; валютно-финансовая система; мировые резервные валюты; страны с формирующейся экономикой; геополитика; БРИКС; Российская Федерация.*

**Молчанов Игорь Николаевич – доктор экономических наук, профессор, профессор экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры общественных финансов финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Россия, Москва.
E-mail: 9392940@gmail.com
Researcher ID: J-7684-2012
Scopus Author ID: 57207529880
ORCID: 0000-0003-4252-2387**

Молчанова Наталья Петровна – доктор экономических наук, доцент, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: 2520641a@gmail.com

Researcher ID: Q-8208-2017

Scopus Author ID: 57190763402

ORCID: 0000-0002-3019-0672

Molchanov I.N., Molchanova N.P.

The Global Monetary and Financial System in an Increasingly Complex Geopolitical Reality

Abstract. *The article examines the features of the functioning of the global monetary and financial system under changing geopolitical conditions. The relevance of the research topic is обусловлена by the severity of issues related to the monetary and financial aspects of international financial and economic relations, which are not only local but also global in nature. The reasons for the unstable position of the global and national monetary and financial systems, aggravated by spontaneous economic and financial crises arising for various reasons, are identified. The current state and key priorities that should be addressed when substantiating the prospects for the development of the global and national monetary and financial systems in a fragmenting world are defined. The strengths and weaknesses of world reserve currencies are analyzed. The possibilities of applying the developed system of international settlements of Russia and the BRICS member states are presented. Possible future vectors of development of international financial and economic relations are substantiated.*

Keywords: *International financial and economic relations; monetary and financial system; world reserve currencies; emerging economies; geopolitics; BRICS; Russian Federation.*

Molchanov Igor Nikolaevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Economics Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Public Finance Faculty of Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Moscow.

E-mail: 9392940@gmail.com

Researcher ID: J-7684-2012

Scopus Author ID: 57207529880

ORCID ID: 0000-0003-4252-2387

Molchanova Natalya Petrovna – Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor of the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.

E-mail: 2520641a@gmail.com

Researcher ID: Q-8208-2017

Scopus Author ID: 57190763402

ORCID ID: 0000-0002-3019-0672

Введение

Для современного периода экономического развития характерен рост участия в системе мирового хозяйства стран с формирующейся экономикой, обладающих весомым экономическим потенциалом. Во второй половине XX – первой четверти XXI в. мир столкнулся со сменяющимися друг друга финансово-экономическими кризисами, последствия которых привели к усложнению международных финансово-экономических отношений. Хозяйственной и внешнеторговой деятельности не только некоторых развитых государств, но и ряда стран с развивающимися и формирующимися экономиками стали свойственны возрастающие трудности финансового и экономического характера. Обострились проблемы валютно-кредитного регулирования на локальном и международном уровнях.

В турбулентных¹ условиях современного периода экономического развития внимание ученых концентрируется на исследовании проблем, возникающих в работе мировой и национальных валютно-финансовых систем при выполнении ими своих базовых функций. Многоаспектность международных финансово-экономических отношений оказывает разновекторное влияние на мировую финансовую архитектуру.

В высокой степени актуальным и своевременным представляется разностороннее изучение особенностей современного этапа функционирования мировой валютно-финансовой системы, для которого характерны глобальная неустойчивость и турбулентность. Предметное рассмотрение и концентрация внимания экспертного сообщества на данных вопросах необходимы в целях создания инновационных международных механизмов управления финансовыми потоками и поиска взаимоприемлемых решений для развития многостороннего экономического сотрудничества в валютно-финансовой сфере.

Предмет настоящего исследования – выявление причин, разрушающих сложившуюся к началу 2000-х годов мировую валютно-финансовую систему и поиск механизмов ее адаптации к условиям турбулентности глобального экономического пространства.

1. Турбулентность (в общепринятом значении) – явление, связанное с переходом от состояния порядка к беспорядку и обратно. Понимание турбулентности в экономике в научной литературе соотносится с продолжительными периодами нестабильности, когда происходит ухудшение макроэкономических показателей, например, динамики валового внутреннего продукта (ВВП), инфляции, уровня безработицы, объема государственного долга.

Особенности функционирования мировой валютно-финансовой системы в новейшей мировой истории

Начиная со второй половины 2010-х годов и до настоящего времени вследствие усиления турбулентности в мировой экономике, разногласий между странами по ключевым вопросам будущего экономического развития в функционировании мировой валютно-финансовой системы участились проявления стихийности, а ситуация на международных финансовых рынках стала приобретать неуправляемый характер.

Акцентирование внимания на проблемах в деятельности иерархически выстроенной мировой валютно-финансовой системы в историческом контексте позволило выявить особенности ее адаптации к условиям, складывающимся в разные временные периоды экономического развития, и сконцентрироваться на характерных чертах современного этапа.

С середины XX в. и до начала 2020-х годов ключевые роли в регулировании деятельности мировой валютно-финансовой системы исполняют международные финансово-экономические организации – Международный валютный фонд (МВФ) и Группа Всемирного банка². Их деятельность направлена на сглаживание колебаний конъюнктуры мирового финансового рынка, поддержание стабильности мировых валют и недопущение турбулентности глобального экономического пространства. Особенно опасны конъюнктурные колебания международных финансовых рынков, которые возникают стихийно и негативно отражаются на национальных экономических и финансовых системах многих стран мира.

Источниками турбулентности на финансовых рынках «являются низкие темпы экономического роста, характерные для большинства стран развитого мира», а также «геополитическая нестабильность» [Антропов 2021, с. 8]. Однако при всех отрицательных проявлениях турбулентности в периоды неустойчивой финансово-экономической конъюнктуры наблюдаются и положительные моменты в виде вызревания предпосылок для будущего экономического роста.

В российских научных кругах сформировалось понимание необходимости подготовки новых взаимоприемлемых вариантов развития многостороннего сотрудничества для создания действенных механизмов управления финансовыми потоками. В центре внимания исследователей находится поиск путей для снижения негативного влияния контрпродуктивных факторов и разработка технологий для исправления создавшейся ситуации в целях обеспечения со-

2. В Группу Всемирного банка входят: Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международная ассоциация развития (МАР), Международная финансовая корпорация (МФК), Международное агентство по инвестиционным гарантиям (МАИГ), Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС).

гласованного развития международных финансово-экономических отношений в будущем.

В валютно-финансовой сфере подтверждается тезис о том, что присущая рыночному хозяйству конкуренция негативно сказывается на функционировании мирового хозяйства. В условиях растущей на глобальном уровне неопределенности и угроз транснационального характера первостепенное значение приобретает создание «региональных структур и организаций» как «важнейших компонентов для строительства сетевой многосторонней системы», деятельность которых способствовала бы «укреплению доверия, прозрачности и разрядке» [Концептуальная записка 9 для «Нашей общей повестки дня» 2023, с. 12]. Важнейшее предназначение международных организаций состоит в направленности предпринимаемых ими действий на недопущение глобальных экономических, социальных и экологических конфликтов, а также в концентрации усилий всех заинтересованных сторон на достижении Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН³.

В условиях новой геополитической реальности функционирование мировой валютно-финансовой системы затрудняется в силу ряда веских обстоятельств, в числе которых – снижение доступности развивающихся стран из разных регионов мира к международным рынкам капитала; систематическое нарушение стабильности их валют; рост платежей за пользование кредитными ресурсами. В глобальном экономическом пространстве усугубляется несогласованность принятия решений на уровне международных отношений, а под влиянием стихийно возникающих по различным основаниям экономических и финансовых кризисов повышается разбалансированность и неустойчивость деятельности национальных валютно-финансовых систем.

Обострение противоречий между участниками международных финансово-экономических отношений

По заключению американского экономиста Б.Д. Эйхенгрин⁴, «международная валютно-финансовая система является соединяющим звеном, связывающим национальные экономики», призванная «придавать порядок и стабильность валютным рынкам, способствовать устранению проблем платежного

3. Цели устойчивого развития ООН – программа, состоящая из 17 целей и 169 задач, которая принята Генеральной ассамблеей ООН для преобразования мира в 2015–2030 гг. различными путями (от ликвидации нищеты и голода до сохранения экосистем моря и суши и достижения гендерного равенства).

4. Эйхенгрин Барри Джулиан (род. 1952 г.) – американский экономист и педагог, доктор философии (1979 г.), профессор экономики (1986–1994 гг.), профессор (1994–1999 гг.), заслуженный профессор (с 1999 г.) экономики и политологии Калифорнийского университета в Беркли, научный сотрудник Центра исследований экономической политики в Лондоне (с 1984 г.) и Национального бюро экономических исследований в Кембридже (штат Массачусетс; с 1986 г.).

баланса и обеспечивать доступ к международным кредитам в случае разрушительных потрясений» [Eichengreen 2008, p. 1].

На рубеже XX–XXI вв. объективно происходящее продвижение к многополярному мироустройству повлияло на функционирование мировой валютно-финансовой системы. Во-первых, существенно увеличился экономический потенциал стран с формирующимися рынками; во-вторых, возросло признание валют этих стран в мировом сообществе в связи с ускоряющимся развитием международных торгово-экономических связей; в-третьих, произошло снижение влияния глобальных финансово-экономических институтов на различные аспекты деятельности экономических акторов в сферах производства товаров и услуг при одновременном расширении доверия к создаваемым в этот период региональным международным организациям с аналогичными функциями.

Чрезвычайным периодом в истории международных экономических отношений в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) в глобальном масштабе стали 2020–2021 гг. Стабилизационные меры были предприняты центральными банками стран мира, выпускающих резервные валюты⁵. В эти годы действия национальных правительств были направлены на выбор наиболее эффективных инструментов и взвешенных решений по созданию финансовых механизмов, нацеленных на повышение эффективности проведения различных видов денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики. Комплексный подход к реализации системы согласованных мер способствовал установлению благоприятных условий для деятельности финансового сектора и укреплению позиций мировых резервных валют в целях недопущения кризисной ситуации на международных финансовых рынках.

Российские исследователи обращают внимание на риски функционирования мировой валютно-финансовой системы, причины которых «связаны со значительной неопределенностью глобального восстановления экономики» после пандемии COVID-19, «нарушением цепочек поставок и реализации планов по декарбонизации экономики», а также «дестабилизацией американского сегмента мирового фондового рынка» [Кузнецов 2022b, с. 47].

Следствием влияния совокупности названных причин и различных организационных изменений в управлении финансами стало развитие новых векторов деятельности мировой валютно-финансовой системы, которое, однако, способствовало усилению нестабильности ее функционирования. Одновременно с этим активизировались дискурсы по злободневным вопросам общемирового экономического развития. Продвижение мировой экономики к много-

5. Резервная валюта – это национальная валюта ряда развитых стран, используемая центральными банками других государств для создания, накопления и хранения своих валютных резервов. Статус резервной валюты присваивает МВФ.

полярности подтверждают данные об изменениях, происходящих на валютных рынках⁶.

В условиях глобальной неопределенности доллар США сохраняет приоритетные позиции в мировой торговле: в августе 2025 г. его доля в глобальных расчетах международной межбанковской системы передачи финансовой информации и совершения платежей SWIFT составила 46,94%⁷ [Monthly reporting and statistics on renminbi (RMB) progress towards becoming an international currency 2025, p. 3]. Согласно заключению ведущих аналитиков МВФ, в мировых резервах доля доллара как доминирующей валюты в 2023 г. впервые с 1995 г. опустилась ниже 58,41%. Для сравнения: в 1999 г. и в 2019 г. эта доля составляла 71,0% и 60,9% соответственно. Таким образом, несмотря на некоторое снижение глобального позиционирования, доллар США сохраняет роль ключевой резервной валюты [Арсланалп, Эйхенгрин, Симпсон-Белл 2024].

Влияние американской валюты на международные финансово-экономические отношения эксперты объясняют устойчивостью экономики США, сменой векторов денежно-кредитной политики стран Европейского союза и США, усилением геополитического риска. Вместе с тем в мировой валютно-финансовой системе роль стран с формирующейся экономикой существенно ниже, поскольку до настоящего времени «международные резервные валюты остаются прерогативой развитых экономик» [Антропов 2021, с. 7]. Одновременно следует обратить внимание на новые тенденции в валютно-финансовом регулировании. Например, снижение удельного веса доллара США в резервных активах многих стран мира свидетельствует о постепенном отказе их центральных банков от данной валюты.

Существенное изменение контуров мировой валютно-финансовой системы происходило под влиянием введения евро (1999 г.), а в дальнейшем – предпри-

6. Во второй половине XX в. позиционированию доллара США как мировых денег способствовали разные факторы: международный спрос на доллар как валюту; адекватные условия его предложения при изменяющейся конъюнктуре мирового рынка; контроль со стороны США каналов международного движения валют; влияние США на политику национальных и наднациональных органов валютного регулирования. В историческом контексте это доминирование опиралось на бесспорное экономическое и финансовое превосходство США, подкрепленное золотым стандартом. В настоящее время роль американской валюты определяется степенью ее международного использования экономическими агентами в государственном и частном секторах экономики при реализации ими функций мировых денег (накопления, платежа и эталона стоимости) [Крылова 2021, с. 40].

7. Отметим, что еще весной 2024 г. первый заместитель директора-распорядителя МВФ Г. Гопинат отметила, что «перестройка торговых отношений», произошедшая в 2022–2023 гг., «повлияла на валютный состав финансирования торговых операций, в частности между странами, взаимодействующими с Китаем. В китайском блоке доля доллара в платежах снизилась с начала 2022 г., в то время как доля юаня выросла более чем вдвое, примерно с 4% до 8%» [Gopinath 2024; цит. по: Кеффер 2024].

нимаемых Китайской Народной Республикой усилий по интернационализации юаня и повышению его статуса как резервной валюты (2016 г.). До настоящего времени евро сохраняет важное значение как валюта официальных резервов. Ее удельный вес в течение ряда лет колеблется в пределах 19,5–20,5% [The international role of the euro 2024]. Положение юаня как мировой резервной валюты достаточно стабильно: в мировой валютной «корзине» юань занимает, по данным на 2023 г., небольшой удельный вес – 2,3% [ibid.].

Современный период характеризуется повышением значимости и веса финансов в деятельности национальных экономик стран мира и мировой экономики в целом. Министр финансов Российской Федерации А.Г. Силуанов в отношении национальных финансов на Московском финансовом форуме 2024 г. сделал яркое заявление, которое в концентрированном виде отражает их ключевую роль для развития России как мировой державы: «Крепкие финансы – это третий главный союзник страны, наряду с ее армией и флотом» [цит. по: Каштанов, Болотов, Мелешенко 2024, с. 5].

Результаты функционирования международных финансово-экономических отношений наглядно проявляются в динамике мирового ВВП, темпах инфляции и тенденциях развития мировой торговли. Несмотря на возникающие сложности в управлении экономикой и финансами на глобальном и региональном уровнях, характерной особенностью современного периода становится повышение участия развивающихся стран в процессе воспроизводства и соответственно рост их доли в мировом ВВП.

Согласно оценке Всемирной торговой организации (ВТО), рост мирового реального ВВП по рыночным обменным курсам замедлился с 3,1% в 2022 г. до 2,7% в 2023 г. [Global Trade Outlook and Statistics 2024, p. 2]. По прогнозу ВТО, рост мирового реального ВВП остается стабильным и оценивается на уровне 2,6% в 2024 г. и 3,3% в 2025 г. [ibid.]. В целом мировая торговля характеризуется достаточной устойчивостью в последние годы. Так, к концу 2023 г. темп прироста объема торговли товарами по отношению к 2019 г. составил 6,3%, а коммерческих услуг – 21% [ibid.].

Дискуссионные вопросы глобального валютно-финансового регулирования

Сложившаяся к настоящему времени мировая валютно-финансовая система была создана в середине XX в. Однако согласованной деятельности функционирующих в ее составе международных и национальных финансовых организаций препятствуют периодически возникающие финансово-экономические кризисы локального и глобального характера, несправедливое распределение инвестиционных потоков между странами с развивающимися и формирующимися экономиками, несовершенство сложившейся мировой финансовой инфраструктуры. По этим и ряду других

причин к началу 2020-х годов назрела необходимость поиска возможностей по ее модернизации.

В условиях усложняющейся геополитической реальности Российская Федерация совместно со своими партнерами по БРИКС предпринимает усилия по совершенствованию валютно-финансового регулирования на основании четырех ключевых принципов – «безопасности, независимости, доступности и устойчивости» [цит. по: Российское видение будущей мировой финансовой системы представили в рамках встречи финансовых органов стран БРИКС 2024]. Российский министр финансов А.Г. Силуанов полагает: «Создание независимой и устойчивой платежно-расчётной инфраструктуры – это ключевой элемент международной валютно-финансовой системы для укрепления автономии и финансового суверенитета стран БРИКС» [там же]. Особо актуальным вопросом для развития интеграционных процессов и эффективной организации международных расчетов является «построение быстрого, дешевого, прозрачного и равнодоступного механизма с минимизацией торговых барьеров» [там же].

Российскими учеными и экспертами весьма высоко оценивается вероятность возникновения непредсказуемых явлений и локальных кризисных ситуаций в финансовой сфере, которые могут получить развитие в глобальном масштабе. Аргументируются мнения о «необходимости замещения американоцентричных финансовых институтов новыми институтами на региональном уровне и трансформации мировой валютно-финансовой системы в направлении валютного полицентризма и регионализации» [Кузнецов 2022а, с. 190]. С учетом ускоряющегося процесса цифровизации разрабатываются сценарии и варианты развития международных финансовых систем и финансовых рынков в обозримом будущем [см., например: Крылова 2021, с. 45–48; Сахаров 2022, с. 18–20].

Представленной тематикой исследований не исчерпывается перечень острых вопросов, которые нуждаются в теоретико-методологическом обосновании и поиске приемлемых практических решений. В документах ООН наряду с развертыванием усилий, предпринимаемых мировым сообществом, подчеркивается именно важность национальных действий. Для укрепления доверия в общемировом масштабе необходимо «смещение акцента на национальный уровень – то есть упор на национальную ответственность и определяемые на национальном уровне приоритеты» [Концептуальная записка 9 для «Нашей общей повестки дня» 2023, с. 12].

Современный период функционирования российской валютно-финансовой системы проходит под «воздействием внешних шоков» 2022 г., когда рядом «недружественных» западных стран были введены «беспрецедентные санкции», существенно повлиявшие на изменения в проводимой Банком России денежно-кредитной политике [Головнин 2023, с. 7]. В данном контексте

в системе мер, предпринимаемых правомочными органами стран с формирующейся экономикой, ключевыми по праву становятся действия, направленные не только на преодоление кризисов и их непосредственных последствий. Важно наладить и системную работу по проведению согласованного денежно-кредитного и налогово-бюджетного регулирования в целях развития региональных интеграционных процессов и продуктивного международного сотрудничества.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем: всё большее внимание следует уделять превентивным мерам, способствующим предотвращению зарождающихся кризисов и устранению глубинных причин их возникновения. В этих целях необходимы значительные объемы ресурсов и в первую очередь высокодефицитных финансовых средств. В мировом экспертном сообществе складывается видение необходимости согласованных усилий для стабилизации работы мировой валютно-финансовой системы. Однако существует и понимание того, что меры, которые следует предпринять для сокращения дефицита и увеличения объема финансовых ресурсов, необходимых для стабилизации экономического положения как развитых, так и развивающихся стран мира, находятся преимущественно в ведении национальных правительств, что создает основания для повышения устойчивости и предсказуемости поступления этих ресурсов.

По заключению доктора экономических наук, профессора Б.Б. Рубцова происходящие в связи с цифровой трансформацией изменения «позволят более точно определять параметры финансового сектора в рамках среднесрочного и долгосрочного горизонта на национальном и кросс-страновом уровнях анализа и вырабатывать более точные параметры стратегии развития национального финансового рынка» [Финансовые рынки в свете современной цифровой повестки 2024, с. 10]. Вместе с тем в современных геополитических условиях, отличающихся турбулентностью и высокой степенью неопределенности, становится затруднительным не только краткосрочное прогнозирование, но и средне- и долгосрочное предвидение развития финансовых систем и финансовых рынков. Как показывает опыт, даже краткосрочные сценарии и прогнозы динамики индикаторов в финансовом секторе имеют весьма малую вероятность достижения разрабатываемых вариантов развития ситуации в будущем.

Высокое значение в деятельности национальных и международных финансовых организаций приобретают «инвестиции в профилактику» – финансовые вложения в мероприятия «по приведению... механизмов в соответствие с потребностями системы коллективной безопасности» [Концептуальная записка 9 для «Нашей общей повестки дня» 2023, с. 14]. Особо следует подчеркнуть существенное повышение роли превентивных мероприятий по соблюдению принципов коллективной безопасности в финансовой сфере.

Заключение

Вследствие периодически возникающих мировых экономических и финансовых кризисов функционирование мировой валютно-финансовой системы характеризуется определенной степенью непредсказуемости. Основным источником ее неустойчивости заложен в самих механизмах работы финансовых рынков, которые по своей природе отличаются высокой нестабильностью. По мере развития и усложнения структуры финансовых рынков, а также вследствие разнообразия и роста масштабности применяемых на них финансовых инструментов в отдельных странах мира периодически возникают кризисные ситуации; некоторые из них затем быстро расширяются, ускоренно распространяются и охватывают практически весь мир.

Одним из последствий геополитической нестабильности является глобальная неопределенность. Устремленность народов к устойчивому развитию, базирующемуся на согласованных международными институтами правовых нормах, сменилась разного рода конфликтами на мировом геополитическом пространстве, из-за чего происходит разрушение созданных в середине XX в. глобальных институтов межгосударственного сотрудничества. Названные выше и другие причины обуславливают рост непредсказуемости международных финансово-экономических отношений и деформацию векторов развития мировой валютно-финансовой системы.

Для выявления отличительных черт современного периода мировой экономики исключительно важным представляется предметное понимание сущности и особенностей развития этапов глобализации в истории человечества, которые детально описаны в вышедшей в 2020 г. монографии американского экономиста Дж. Сакса⁸ «Эпохи глобализации: география, технологии и институты» [русский перевод: Сакс 2022]. Доктором экономических наук, профессором Е.В. Балацким в рецензии на данную книгу разносторонне представлены этапы развития и острые проблемы в истории цивилизаций, которые носят фундаментально глобальный характер [Балацкий 2024, с. 173–179, 181–184]. Изложенное в книге описание семи волн технологических и институциональных изменений [Сакс 2022, с. 69–343] позволяет иначе раскрыть особенности нового этапа развития мировой валютно-финансовой системы, который будет основываться на финансовых инновациях и цифровых технологиях.

Развитие экономической науки в эпоху глобализации и цифровой трансформации инициирует лавинообразное обновление понятийного аппарата

8. Сакс Джеффри Дэвид (род. 1954) – американский экономист и педагог, доктор философии (1980 г.), профессор международной торговли в Гарвардском университете (1984–2002 гг.), директор Института Земли Колумбийского университета (2002–2016 гг.), специальный советник Генерального секретаря ООН (2002–2018 гг.); лауреат премии Бернарда Хармса (2000 г.).

и формирование новой терминологии. Требуют дальнейших исследований вопросы содержания и корректного использования базовых категорий и специальных терминов современной экономической науки. Доктор философских наук, профессор А.Н. Чумаков предостерегает от «неправомерного использования в научном языке того или иного неустоявшегося или дискуссионного термина без предварительного уточнения его содержания» [Чумаков 2023, с. 19]. Во избежание дополнительных трудностей в научных исследованиях рекомендуется не допускать терминологической путаницы. Данная рекомендация А.Н. Чумакова заслуживает внимания и может рассматриваться как самостоятельный объект исследования. Ввиду многочисленности научных публикаций по современным проблемам развития финансовых рынков и финансовых систем применительно к турбулентным условиям глобального мира целесообразно обратить внимание на используемую терминологию и категориальный аппарат, проводить систематизацию применяемых понятий, терминов и категорий.

Библиография

Антропов В.В. Трансформация мировой валютно-финансовой системы в условиях турбулентности мировой политики и экономики // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14, № 5. С. 6–19. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-6-19.

Арсланалп С., Эйхенгрин Б., Симпсон-Белл Ч. Доминирование доллара США в международной резервной системе: обновленные данные // IMF Blog: информация и анализ в области экономики и финансов. URL: <https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2024/06/11/dollar-dominance-in-the-international-reserve-system-an-update> (дата обращения: 29.09.2025).

Балацкий Е.В. Этапы глобализации в истории цивилизаций // Мир России. 2024. Т. 33, № 3. С. 170–188. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-170-188.

Головнин М.Ю. Денежно-кредитная политика России: реакция на внешние вызовы // Вестник Института экономики РАН. 2023. № 1. С. 7–20. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_7_20.

Каштанов К., Болотов С., Мелешенко А. О пивке, сиесте и работе в поте лица // Российская газета. 2024. № 237 (21 октября). С. 5.

Кеффер Л. МВФ: доллар сохраняет доминирующее положение в мировой торговле // Коммерсантъ. 08.05.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6689057> (дата обращения: 29.09.2025).

Концептуальная записка 9 для «Нашей общей повестки дня»: Новая повестка дня для мира. ООН. Июль 2023. 38 с. URL: https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/n2319037_russian.pdf (дата обращения: 23.09.2025).

Крылова Л.В. Трансформации мировой валютно-финансовой системы в направлении полицентризма и регионализации // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14, № 5. С. 39–50. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-39-50.

Кузнецов А.В. Императивы трансформации мировой валютно-финансовой системы в условиях многополярности // Финансы: теория и практика. 2022а. Т. 26, № 2. С. 190–203. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-190-203.

Кузнецов А.В. Кризисогенность мировой валютно-финансовой системы: фундаментальный анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022б. Т. 15, № 6. С. 46–63. DOI: 10.31249/kgt/2022.06.03.

Российское видение будущей мировой финансовой системы представили в рамках встречи финансовых органов стран БРИКС // Министерство финансов Российской Федерации. 10.10.2024. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39349-rossiiskoe_videnie_budushchei_mirovoi_finansovoi_sistemy_predstavili_v_ramkakh_vstrechi_finansovykh_organov_stran_briks (дата обращения: 29.09.2025).

Сакс Дж. Эпохи глобализации: география, технологии и институты / пер. с англ. яз. Н. Проценко. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 368 с.

Сахаров Д.М. Конкуренция резервных валют в условиях полицентрического развития мировой финансовой системы // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26, № 1. С. 6–23. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-6-23.

Финансовые рынки в свете современной цифровой повестки / под ред. К.В. Криничанского, Б.Б. Рубцова. М.: КноРус, 2024. 258 с.

Чумаков А.Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3 (47). С. 19–34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02.

Eichengreen B. Globalizing Capital : A History of the International Monetary System. Princeton: Princeton University Press, 2008. 276 p.

Gopinath G. Geopolitics and its Impact on Global Trade and the Dollar // International Monetary Fund. 07.05.2024. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/05/07/sp-geopolitics-impact-global-trade-and-dollar-gita-gopinath> (дата обращения: 06.10.2025).

Monthly reporting and statistics on renminbi (RMB) progress towards becoming an international currency / powered by Watch Analytics SWIFT. 2025. 8 p. URL: https://www.swift.com/sites/default/files/files/rmb-tracker_september-2025.pdf (дата обращения: 14.10.2025).

Global Trade Outlook and Statistics. April 2024. Geneva: [WTO Publications], 2024. 48 p. DOI: <https://doi.org/10.30875/9789287076335>.

The international role of the euro, June 2024 // European Central Bank. 12.06.2024. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/other-publications/ire/html/ecb.ire202406-0b56ba4f71.en.html> (дата обращения: 29.09.2025).

References

Antropov V.V. Transformatsiya mirovoy valyutno-finansovoy sistemy v usloviyakh turbulentnosti mirovoy politiki i ekonomiki [Transformation of the World Monetary and Financial System in the Conditions of Turbulence of World Politics and Economy]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economy. Taxes. Law]. 2021. Vol. 14, N 5. P. 6–19. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-6-19. (In Russ.)

Arslanalp S., Eykhengrin B., Simpson-Bell Ch. Dominirovanie dollara SShA v mezhdunarodnoy rezervnoy sisteme: obnovernnye dannye [Dollar Dominance in the International Reserve System: An Update]. IMF Blog: informatsiya i analiz v oblasti ekonomiki i finansov [IMF Blog]. URL: <https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2024/06/11/dollar-dominance-in-the-international-reserve-system-an-update> (date of access: 29.09.2025). (In Russ.)

Balatskiy E.V. Etapy globalizatsii v istorii tsivilizatsiy [Globalization Stages in the History of Civilizations]. Mir Rossii [World of Russia]. 2024. Vol. 33, N 3. P. 170–188. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-170-188. (In Russ.)

Chumakov A.N. Globalizatsiya ili deglobalizatsiya? [Globalization or Deglobalization?] Vek globalizatsii [The Century of Globalization]. 2023. N 3 (47). P. 19–34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02. (In Russ.)

Eichengreen B. Globalizing Capital: A History of the International Monetary System. Princeton: Princeton University Press, 2008. 276 p.

Finansovye rynki v svete sovremennoy tsifrovoy povestki / pod red. K.V. Krinichanskogo, B.B. Rubtsova [Financial markets in light of the modern digital agenda / ed. by K.V. Krinichansky, B.B. Rubtsov]. Moscow: KnoRus, 2024. 258 p.

Global Trade Outlook and Statistics. April 2024. Geneva: [WTO Publications], 2024. 48 p. DOI: <https://doi.org/10.30875/9789287076335>.

Golovnin M.Yu. Denezhno-kreditnaya politika Rossii: reaktsiya na vneshnie vyzovy [Monetary Policy in Russia: Reaction to New External Challenges]. Vestnik Instituta ekonomiki RAN [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2023. N 1. P. 7–20. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_7_20. (In Russ.)

Gopinath G. Geopolitics and its Impact on Global Trade and the Dollar. International Monetary Fund. 07.05.2024. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/05/07/sp-geopolitics-impact-global-trade-and-dollar-gita-gopinath> (date of access: 06.10.2025).

Kashtanov K., Bolotov S., Meleshenko A. O pivke, sieste i rabote v pote litsa [About beer, siesta and working hard]. Rossiyskaya gazeta [Rossiyskaya Gazeta]. 2024. N 237 (October 21). P. 5.

Keffer L. MVF: dollar sokhranyaet dominiruyushchee polozhenie v mirovoy torgovle. Kommersant⁷. 08.05.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6689057> (date of access: 29.09.2025). (In Russ.)

Kontseptual'naya zapiska 9 dlya «Nashey obshchey povestki dnya»: Novaya povestka dnya dlya mira. Iyul' 2023 [Conceptual Note 9 for “Our Common Agenda”: A New Agenda for Peace. July 2023]. 38 p. URL: https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/n2319037_russian.pdf (date of access: 23.09.2025). (In Russ.)

Krylova L.V. Transformatsii mirovoy valyutno-finansovoy sistemy v napravlenii polittsentrizma i regionalizatsii [Transformations of the World Monetary and Financial System in the Direction of Polycentrism and Regionalization]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economy. Taxes. Law]. 2021. Vol. 14, N 5. P. 39–50. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-5-39-50. (In Russ.)

Kuznetsov A.V. Imperativy transformatsii mirovoy valyutno-finansovoy sistemy v usloviyakh mnogopolyarnosti [Imperatives for Transformation of the International Monetary System in the Conditions of Multipolarity]. Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]. 2022a. Vol. 26, N 2. P. 190–203. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-190-203. (In Russ.)

Kuznetsov A.V. Krizisogennost' mirovoy valyutno-finansovoy sistemy: fundamental'nyy analiz [Crisisogenicity of the Global Monetary and Financial System: Fundamental Analysis]. Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2022b. Vol. 15, N 6. P. 46–63. DOI: 10.31249/kgf/2022.06.03. (In Russ.)

Monthly reporting and statistics on renminbi (RMB) progress towards becoming an international currency / powered by Watch Analytics SWIFT. 2025. 8 p. URL: https://www.swift.com/sites/default/files/files/rmb-tracker_september-2025.pdf (date of access: 14.10.2025).

Rossiyskoe videnie budushchey mirovoy finansovoy sistemy predstavili v ramkakh vstrechi finansovykh organov stran BRIKS [Russia's vision of the future global financial system was presented at a meeting of the financial authorities of the BRICS countries]. Ministerstvo finansov Rossiyskoy Federatsii [Ministry of Finance of the Russian Federation]. 10.10.2024. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39349-rossiiskoe_videnie_budushchei_mirovoi_finansovoi_sistemy_prestavili_v_ramkakh_vstrechi_finansovykh_organov_stran_briks (date of access: 29.09.2025). (In Russ.)

Sakharov D.M. Konkurentsia rezervnykh valyut v usloviyakh polittsentricheskogo razvitiya mirovoy finansovoy sistemy [Competition of reserve currencies in the context of polycentric development of the global financial system]. Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]. 2022. Vol. 26, N 1. P. 6–23. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-6-23. (In Russ.)

Saks Dzh. Epokhi globalizatsii: geografiya, tekhnologii i instituty / per. s angl. yaz. N. Protsenko [The Ages of Globalization: Geography, Technology, and Institutions / translated from English by N. Protsenko]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2022. 368 p. (In Russ.)

The international role of the euro, June 2024. European Central Bank. 12.06.2024. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/other-publications/ire/html/ecb.ire202406~0b56ba4f71.en.html> (date of access: 29.09.2025)

Я.В. Мищенко

**ВЕЛИКОБРИТАНИЯ НА ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ В ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
ПОИСК НОВЫХ СФЕР СОТРУДНИЧЕСТВА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу новой внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Великобритании по интеграции в международное сообщество и поиску новых путей сотрудничества. Автором сделан вывод о том, что после выхода из Европейского союза (решение принято в 2016 г. на референдуме, реализовано в 2020 г.) страна не разочаровалась в самой идее интеграционного сотрудничества и поэтому оказалась готова вступить в международный интеграционный проект нового поколения – Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТПП) и участвовать в создании стратегического оборонного альянса AUKUS. Хотя этот шаг в полной мере соответствует новому курсу «Глобальной Британии» (сформировался в 2016–2021 гг.), он не столь однозначен. Интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе препятствует очевидный дисбаланс экономического сотрудничества Великобритании со странами Европы, а также с США и Китаем, с одной стороны, и со странами – участниками ВПТПП – с другой. Даже с Японией стоимостные параметры торговли относительно невелики. Несомненно, через участие в ВПТПП Великобритания ставит целью вывести на новый уровень торгово-экономические связи со странами – участниками этого проекта в будущем. Однако не только стремление расширять масштабы экономической деятельности по всему миру привело Великобританию в Азиатско-Тихоокеанский регион. Активное участие в AUKUS указывает также на попытку британских властей расширить до глобальных масштабов свою геостратегическую повестку. Вместе с тем остается неизвестно, имеется ли у Великобритании собственная уникальная стратегия в этих двух инициативах или же страна будет действовать в фарватере США.*

***Ключевые слова:** Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТПП); Азиатско-Тихоокеанский регион; интеграция; торговля; экспорт; импорт; «Глобальная Британия»; Европейский союз (ЕС); AUKUS; Великобритания.*

Мищенко Яна Вадимовна – кандидат экономических наук, доцент факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.

E-mail: yanamischenko@gmail.com

Mishchenko Y.V.

The United Kingdom on the Path to Integration into the Pacific Region: Searching for New Areas of Cooperation in the Global World

Abstract. *This article analyzes the new foreign and foreign economic strategy of Great Britain aimed at integrating into the international community and searching for new avenues of cooperation. The author concludes that after leaving the European Union (a decision made by referendum in 2016 and implemented in 2020), the country remained committed to the idea of integration cooperation and was therefore prepared to join a new-generation international integration project – the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (TPP). Although this move was fully consistent with the new “Global Britain” course (formed between 2016 and 2021), it proved far from straightforward. The main issue is the obvious imbalance in economic cooperation between Britain and the countries of Europe, the United States, and China, on the one hand, and the countries participating in the TPP, on the other. Even with an advanced economy such as Japan, trade with Britain remains rather moderate in value terms. Undoubtedly, through participation in a new-generation international integration project such as the TPP, the country aims to bring its trade and economic ties with participating countries to a new level in the future. However, it is not only the desire to expand its economic presence globally that has drawn Britain to the Asia-Pacific region. Active participation in the AUKUS alliance also indicates Britain’s attempt to expand its geostrategic agenda onto a global scale. At the same time, questions remain as to whether Britain has its own distinct strategy for these initiatives or whether it will act in full solidarity with US policy.*

Keywords: *Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership; Asia-Pacific region; integration; trade; export; import; “Global Britain”; European Union (EU); AUKUS; United Kingdom.*

**Mishchenko Yana Vadimovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: yanamishchenko@gmail.com**

Введение

В декабре 2024 г. Великобритания официально присоединилась к международному интеграционному проекту нового поколения – Всеобъемлющему прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве. Это событие, ожидавшееся уже достаточно давно ввиду растянувшихся на длительные сроки формальностей по вступлению, которые подразумевали ратификацию договора несколькими странами – членами ТТП, прошло без особенного акцентирования на нем внимания СМИ и широкой общественности. Однако не следует недооценивать этот стратегический шаг Лондона, который ставит задачу сформировать институциональную основу для британского полномасштабного экономического и стратегического разворота на Восток. Достаточно символично, что Брита-

ния стала официально первой не тихоокеанской державой, вступившей в этот проект, который исходно фокусировался именно на странах Тихоокеанского бассейна, пусть из разных регионов мира. В данной статье рассмотрим, о каких структурных трансформациях в развитии Транстихоокеанского партнерства может свидетельствовать присоединение к нему евроатлантической державы Великобритании, а также проанализируем цели и задачи, которые Великобритания планирует реализовать в регионе, будучи участником этого проекта, а также состояние и перспективы развития их экономических связей.

Также исследовательский вопрос работы включает выявление факторов, как участие в Транстихоокеанском партнерстве соотносится с задачами новой стратегии «Глобальной Британии»¹.

AUKUS как предпосылка вхождения Великобритании в Тихоокеанский регион

Великобритания не перестает быть ярким и динамичным, во многом независимым, самобытным и несколько своенравным участником современной архитектуры международных отношений. Великобритания показала смелость и уверенность бросить вызов европейской интеграции и дистанцироваться от нее. Это стало следствием разных, в том числе внутривнутриполитических, обстоятельств и внутривнутрипартийной борьбы в самой Великобритании, но факт остается фактом – Лондон принял и последовательно реализовал бесповоротное решение покинуть ЕС.

Разорвав интеграционные связи с Европой, Британия стала планировать и выстраивать новые стратегии внешнего сотрудничества. По-прежнему, близким и стратегически важным партнером как в экономике, так и на международной арене, для Лондона остаются США. В 2021 г. силами Великобритании, США и Австралии был создан стратегический оборонный альянс в сфере безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе AUKUS. Сильно мнение, что этот союз направлен на сдерживание экспансии Китая в Южно-Китайском море. Подобная цель вполне отвечает стратегическим интересам США и даже Австралии, однако не все так однозначно с интересами Великобритании. Китай, наряду с США, – крупнейший торговый партнер Англии, да и прямых интересов по сдерживанию его экспансии в Южно-Китайском море у Лондона не просматривается. Поэтому целесообразно предполагать, что в данном случае Лондон постарался не упустить возможности укрепить свое стратегическое сотрудничество с Вашингтоном в рамках деятельности AUKUS. К тому же

1. Стратегия «Глобальная Британия» – это концепция внешней и внешнеэкономической политики, сформулированная в Великобритании после «Брекзита». Ее суть заключается в переосмыслении роли страны в мире вне рамок Европейского союза и укреплении позиций как влиятельного глобального актора. Предполагает активное расширение международного присутствия и укрепление экономических связей.

идея формирования Индо-Тихоокеанского региона и участия в этих процессах на ранних стадиях также явно показалось Британии интересной.

Следует учитывать, что AUKUS появился в некотором смысле ситуативно – в 2021 г. Австралия остановила действие заключенного в 2016 г. контракта с Францией на сумму порядка 66 млрд долл. на строительство подводных лодок и вместо этого заключила соглашение с США и Великобританией для перевооружения ее подводной флотилии, в том числе с использованием ядерных технологий [РБК 2024]. В таком контексте ситуация выглядела скорее как конкуренция евроатлантических держав (Франции, США и Великобритании) за расширение коммерческих форматов военно-оборонного сотрудничества в Тихом океане. Вполне вероятно, что этим и ограничивались интересы Британии, но явно не Соединенных Штатов. AUKUS открывал новые горизонты закрепления союзников на тихоокеанском пространстве, и поддерживающий всеми силами статус глобального гегемона Вашингтон не преминул этими новыми возможностями воспользоваться. Так, в 2023 г. были уточнены и обнародованы цели трехстороннего альянса. И если заявленное первое направление деятельности AUKUS продолжало изначальную линию на снабжение австралийского флота атомными подлодками, то второе направление деятельности имеет более выраженный геостратегический характер освоения Индо-Тихоокеанского пространства: укрепление безопасности и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе, наращивание совместного оборонного потенциала для этих целей, который трактуется максимально широко и включает такие сферы, как киберпространство, искусственный интеллект, радиоэлектронная и гиперзвуковая борьба, квантовые вычисления и информационная безопасность, подводные технологии и работы для обеспечения безопасности морских путей. С 2026 г. страны AUKUS даже запланировали запуск радиолокационных систем для наблюдения за космосом. Причем, в 2024 г. Британия сделала весьма провокационное заявление, что их радиолокационная станция будет наблюдать за действиями Москвы и Пекина в космосе. Действительно, Китай своей напористой и подчас доминантной стратегией составляет внушительную конкуренцию на Тихом океане всем прочим странам-лидерам, вместе взятым, и их сателлитам – США, Японии, Тайваню, Филиппинам и вот уже примкнувшей к ним Британии, которая также не упускает возможности уколоть заодно и Москву. Таким образом, выстраивая свой новый этап внешней политики после выхода из Европейского союза, Великобритания активно солидаризируется с США, укрепляет связи со странами Британского содружества, причем готова проводить эти мероприятия в любом регионе мира. Лондон показывает, что выход из европейского регионального интеграционного блока – это повод не изолироваться, а наоборот – утвердиться в качестве по-настоящему глобальной державы, которая, как и США, имеет интересы и активно действует в наиболее перспективных и динамично развивающихся уголках мира.

Выход Британии из ЕС и процесс присоединения к ТТП

Принимая решение о разрыве наработанных десятилетиями интеграционных связей с ЕС, Великобритания сделала это вовсе не ради усиления протекционизма и изоляции. Напротив, страна взяла курс на поиск и создание новых альянсов. Глобализированный мир, несмотря на все сложности последних лет и очевидный дисбаланс в архитектуре международных отношений, по-прежнему предоставляет широкие возможности для сотрудничества, простирающиеся далеко за пределы региона, в котором та или иная страна расположена. Последующими после Брекзита шагами Британия продемонстрировала, что намерена активнее действовать за пределами Европы и в новых геополитических реалиях вернуть себе статус глобальной державы, коим страна по сути обладала еще со времен эпохи колонизации, но который в некотором смысле растворился в идее европейского единства и приоритетности единого европейского дома. Также Лондон показал, что его больше не устраивало членство в Евросоюзе, однако в самой интеграционной идее страна не разочаровалась. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что завершив в январе 2020 г. период долгого и изматывающего выхода из ЕС, уже спустя год – 1 февраля 2021 г. Великобритания подала заявку на вступление в интеграционное соглашение нового поколения, известное как «Транстихоокеанское партнерство» (ТТП).

В последующие несколько лет Лондон демонстрировал последовательность намерения не лишать себя возможности участия в глобальных интеграционных процессах, шаг за шагом подтверждая планы участвовать в ТТП как полноправный его член. Так, 16 июля 2023 г. Соединенное Королевство подписало официальный протокол о присоединении к интеграционному блоку, 17 мая 2024 г. Лондон ратифицировал условия своего членства в организации. Практическое присоединение Британии к 11 государствам ТТП было запланировано на октябрь 2024 г., однако юридически оказался возможен его перенос на срок до 60 дней в связи с непростыми процедурами ратификации соглашениями прочими странами-участниками. Вступление ожидали не позднее 15 декабря 2024 г., и эти ожидания воплотились в жизнь.

Великобритания становится первой страной, присоединившейся к новому Всеобъемлющему прогрессивному Транстихоокеанскому партнерству не в процессе, а уже после его формирования. Что еще более интересно, Великобритания стала первой страной-участницей извне Тихоокеанского региона, что расширяет заданные изначально географические рамки проекта, который фокусируется именно на Тихоокеанском регионе в самой широкой его географической трактовке. Уместно вспомнить, что несмотря на то, что идея создания ТТП была выдвинута в период 2003–2006 гг. такими странами, как Сингапур, Новая Зеландия, Бруней, все же интенсивное развитие проект стал получать только после того, как к нему проявили интерес США, после 2008 г.

Барак Обама, тогдашний американский лидер, предложил два созвучных интеграционных проекта – Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства [Мищенко 2022, с. 146–147]. Однако соглашение о свободной торговле между ЕС и США в таком формате не состоялось. Категорично против ослабления защиты национальных аграриев высказывалась Франция, Италия, Греция. Что касается Британии, то в бытность свою премьер-министром Дэвид Кэмерон, в целом, поддерживал проект Трансатлантического партнерства, но нюанс заключался в том, что инициированный им референдум по выходу Великобритании из ЕС сделал невозможным участие страны в переговорах по Трансатлантическому партнерству до того момента, пока стороны четко не определились, сохраняется ли интеграционный формат общего рынка между Британией и прочими государствами Евросоюза и в каком новом качестве по отношению к ЕС Британия могла бы в этих переговорах участвовать. В этом контексте присоединение Великобритании к проекту Транстихоокеанского партнерства символично и добавляет проекту некоторую географическую гибридность.

Великобритания в движении от европейской к тихоокеанской интеграции

Великобритания – не Тихоокеанская держава, однако в условиях глобализации многие границы стираются. Концепт «закрытого регионализма» к XXI в. заметно утратил свою актуальность. На смену ему пришел «открытый регионализм», в рамках которого развиваются интеграционные форматы сотрудничества между странами из разных регионов [Мищенко 2024, с. 88]. Великобритания решила воспользоваться открывшимися возможностями, которые ранее корректировались строгими правилами ЕС и были подчинены общим интересам сохранения целостности европейской интеграции. Экономический союз, обширная сеть наднациональных органов которого слишком безапелляционно и жестко регулировала отношения и внешнюю политику стран-участниц слишком большим количеством требований и правил, стал тяготить Великобританию, хотя ее политикам практически всегда удавалось отстаивать для страны особые привилегии и допущения. Тем не менее глубокая интеграция такого уровня, как экономический союз, в любом случае требует от стран-участниц проводить унифицированную макроэкономическую политику и выполнять совместные решения. Лондон всегда имел свою позицию по наиболее значимым вопросам, однако не был локомотивом европейской интеграции или ее активной движущей силой. Особенно Британию раздражал миграционный кризис в ЕС, во многом вызванный многолетней политикой «открытых дверей». Британия, как и некоторые другие страны ЕС, воспринимала навязываемые из Германии и Брюсселя требования принимать мигрантов как неуместное вмешательство в свои внутренние дела, а также как ненужное дополнительное

бремя для социально-экономической системы страны. Какими бы неожиданными ни были последствия референдума, назначенного Дж. Кэмероном, он все же отразил нежелание британцев продолжать терпеть диктат Брюсселя по многим вопросам и наметившееся желание дистанцироваться. Переговоры по выходу из ЕС были долгими и непростыми, так как рассматривался вопрос о возможности сохранении более мягкой, по сравнению с экономическим союзом, формы интеграции, такой как общий рынок. Однако Британия к продолжению интеграционных отношений с ЕС отнеслась скептически. Сторонники «Брекзита» активно пропагандировали лозунг «вернем контроль» («take back control»), в то время как евроскептическое правительство Б. Джонсона открыто стремилось к достижению максимальной независимости Британии от ЕС, пусть даже поступившись экономическими выгодами от пребывания в Евросоюзе. В конце 2020 г. как итог многолетних переговоров, между сторонами было заключено Соглашение о торговле и сотрудничестве, и с тех пор официально Великобритания для ЕС – третья страна [Бабынина 2021, с. 6].

Между тем Британия, едва завершив переходный период, длившийся до конца 2020 г., во время которого на всей ее территории еще действовали нормы и правила ЕС, практически сразу же направились в другой интеграционный проект – Транстихоокеанское партнерство. Это вовсе не равнозначная замена ЕС, но определенное отражение поиска Британией новых путей развития – не региональных, а уже глобальных.

По уровню развития и глубины интеграционных связей ЕС и ТТП сильно различаются. Транстихоокеанское партнерство – это зона преференциальной и свободной торговли, в задачи которой входит снижение тарифных барьеров в торговле, урегулирование и согласование правил в сфере экологии, интеллектуальной собственности и трудового права [Шолкова 2020, с. 53]. Это своего рода гибрид между прединтеграционной стадией экономического сотрудничества и начальной стадией непосредственно интеграции, тогда как экономический и валютный союз ЕС – это вершина и кульминация возможностей экономической интеграции, со всеми положительными эффектами и ограничениями для стран-участниц. В отличие от ЕС, проект преференциальной и свободной торговли не предполагает наднациональных органов, от доминирующей деятельности которых в Лондоне устали, общие решения также в основном носят добровольный характер для их исполнения странами-участницами. Вероятно, такая свобода деятельности и минимальное стеснение обязательствами, по сравнению с подчас связывающим по рукам директивами ЕС, представились для Лондона более привлекательными условиями участия в интеграции. Также следует учитывать, что в рамках реализации программы «Глобальная Британия» [Годованюк 2020, с. 38], Лондон намерен повышать свой международный авторитет по всему миру, а для этого нужно укреплять широкий фронт международных связей и внешнеэкономического сотрудничества. Азиатское

направление для реализации этой задачи подходит великолепно, так как центр глобальной экономики и мировых политических процессов в XXI в. уже сместился и продолжает двигаться именно в Азию, в Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономическое сотрудничество не с рецессивными (каковы зачастую европейские страны), а динамично развивающимися странами открывает много новых возможностей, которые в сотрудничестве со зрелыми экономиками ЕС Англия, вероятно, в какой-то степени исчерпала.

Не следует также недооценивать фактор затянувшегося военного конфликта в Восточной Европе и антироссийских санкций. Санкции – инструмент обоюдоострый, и как уже понятно, ухудшение отношений практически всей Европы с Россией негативно сказалось, в целом, на региональной ситуации. Политика добрососедства сменилась геополитической враждебностью и стремлением экономически ущемить политического оппонента. Это далеко не самые благоприятные обстоятельства для перспективного и взаимовыгодного экономического сотрудничества, поэтому следует признать, с одной стороны, двойственность политики Великобритании, а с другой – присущую ей проницательность. С одной стороны, Лондон поддерживает антироссийскую позицию США, за счет тесного сотрудничества с которыми, в том числе, планирует повышать свою значимость и международный авторитет на глобальной арене. С другой стороны, Британия, очевидно, понимает, что при создавшейся враждебной геополитической обстановке на пространстве Западной и Восточной Европы в плане экономических выгод и развития ловить на данный момент и ближайшие годы, видимо, нечего. Поэтому Британия фактически первой из европейских стран решила становиться если не мировым гегемоном, как США, то выходить за пределы охваченного конфликтами Европейского региона и расширять свою глобальную вовлеченность в международные дела и экономическое сотрудничество. И как некоторое время назад Россия предприняла осознанный «поворот на Восток», так и Великобритания, видимо, приняла решение реализовать в чем-то аналогичный план. Участие в Тихоокеанской интеграции – важный шаг на пути достижения этой цели.

Однако здесь тоже есть нюансы. Так, ТТП хоть и интеграционный мегапроект нового поколения, однако без участия США или Китая, его претензии на глобальность явно под вопросом. К тому же, состав участников представляется слишком разрозненным и разбросанным по разным углам тихоокеанской периферии, чтобы делать вывод о полноценном включении всех отдельных субрегионов АТР в данную интеграцию. И все же Великобритания вступала в этот экономический альянс, исходя из ряда соображений. Во-первых, решение о присоединении принималось еще в сложный ковидный и постковидный период, когда любой экономике, в том числе британской, нужны были новые возможности и стимулы для оживления и преодоления

негативных последствий пандемии. Участие в ТТП рассматривалось положительно с точки зрения новых инвестиционных возможностей, а также наращивания объемов торговли.

По официальным планам на 2021 г., партнерство обеспечит Великобритании облегченный доступ на рынки стран ТТП и как следствие, произойдет увеличение торговых потоков. Результатом партнерства Великобритании с ВПТПП может стать отмена тарифных ставок на 95 % товаров, продаваемых в рамках ВПТПП. Кроме того, будет обеспечено свободное распространение современных правил цифровой торговли и упрощение поездок в страны-участницы [Khan, Aamir khan 2021, р. 2, 4]. Расширение британского экспорта, в свою очередь, способно оказать позитивное воздействие на сферу промышленности и предотвратить ее стагнацию. Устранение торговых барьеров со странами, относящимися к динамично развивающемуся Тихоокеанскому региону в любом случае виделось в Лондоне удачным элементом реализации стратегии «Глобальная Британия» и повышения вовлеченности страны в глобальное экономическое пространство. К тому же, ряд стран – участниц AUKUS и Транстихоокеанского партнерства входят в Британское содружество наций. Это Канада, Австралия, Новая Зеландия. В этом смысле узлы Содружества также могут способствовать расширению вовлеченности Британии в новую международную среду, развитию более глобальных форматов взаимовыгодного экономического, технологического, гуманитарного сотрудничества.

Однако существуют также риски, что входя в регион АТР как участник ряда важных для региона инициатив, Великобритания будет вынуждена в процессе адаптации играть по правилам гегемона – США. Вашингтону, особенно в условиях обостряющегося противостояния с наращивающим экономический потенциал, военную мощь и геополитические амбиции Китаем, нужны крепкие союзники в регионе. Великобритания может рассматриваться Америкой как важный элемент укрепления создаваемого плацдарма и альянса своих союзников в Азии, например, Японии.

Экономический потенциал сотрудничества со странами ТТП

Экономические параметры сотрудничества Великобритании со странами-партнерами по ТТП и AUKUS также важны для понимания характера и потенциала сотрудничества сторон. Так как Транстихоокеанское партнерство – это, прежде всего, соглашение о свободной и преференциальной торговле, рассмотрим подробнее актуальные параметры внешней торговли Великобритании с ключевыми странами – партнерами для оценки состояния ее торговых отношений со странами – участницами ТТП на момент вступления в объединение.

Таблица 1

Торговое сотрудничество² Великобритании со странами – участниками Транстихоокеанского партнерства и некоторыми западными странами, 2024 г.

Страна	Экспорт, млн фунтов стерлингов	Доля, %	Импорт, млн фунтов стерлингов	Доля, %
Китай	19 237	4,98	67 264	11,2
Бруней	41	0,01	1	>0
Канада	6889	1,78	6047	1
Австралия	4706	1,2	2500	0,4
Сингапур	6649	1,7	3073	0,5
Япония	7507	1,94	8554	1,43
Малайзия	1898	0,5	1796	0,3
Вьетнам	1022	0,26	6350	1,06
Мексика	2317	0,6	1471	0,25
Новая Зеландия	1006	0,26	850	0,14
Перу	255	0,06	655	0,11
Чили	615	0,16	528	0,08
США³	65 355	16,9	57 258	9,6
Германия	32 420	8,4	72 707	12,1
Франция	23 812	6,1	36 321	6
Италия	9581	2,48	24 817	4,15
Нидерланды	28 477	7,37	49 938	8,36
Бельгия	19 649	5	31 980	5,35
Всего	386 183	100	597 162	100

Источник: [UK Office for National Statistics].

Исходя из представленных в Таблице 1 статистических данных, в 2024 г. суммарная стоимость экспорта товаров из Великобритании в страны – участницы проекта ВПТТП составляла почти 8,5% стоимости всего британского товарного экспорта. Проводя сопоставление с европейскими партнерами, это значит, что общая доля всех партнеров Британии по ВПТТП по экспорту сопоставима с долей, например, одной лишь Германии. Однако этот показатель превышал аналогичный показатель экспорта Великобритании в КНР. Впрочем, британские власти смотрели на ситуацию оптимистично – так, офис бывшего британского премьер-министра Р. Сунака сообщал, что к концу сентября

2. Экспорт и импорт товаров.

3. Включая Пуэрто-Рико.

2022 г. за предшествующие 12 месяцев общий британский экспорт в страны объединения составил 60,5 млрд британских фунтов (порядка 75 млрд долл) [UK Government 2023]. Вероятно, следует ожидать постепенный запуск процессов «создания торговли» и «отклонения торговли», свойственных интеграционным союзам⁴.

Официальная британская статистика показывает, что на данный момент среди стран ВПТТП наиболее важные направления экспорта – это Сингапур, Канада, Япония. Эти страны закупают в Британии продукцию машиностроения, механическое оборудование и компоненты, автомобили, тракторы, грузовики, летательные и космические аппараты и т.д. Япония, Вьетнам, Канада – крупнейшие в ВПТТП партнеры Великобритании по импорту. Страна закупает у них драгоценные камни и металлы и жемчуг, автомобили, тракторы и грузовики, продукцию машиностроения, электротехническую продукцию, обувь. Экспорт и импорт у сторон представляется взаимодополняемым, но не оптимально сбалансированным по количественным показателям. Доля стран ВПТТП в суммарном британском импорте составила к 2025 г. примерно 5,3%. Это сопоставимо на европейском направлении с Бельгией, однако пока значительно скромнее долей США и Китая. Вероятно, в последующие годы после вступления в ВПТТП страны-партнеры будут работать над увеличением взаимного товарооборота и выстраиванию его более гармоничной сбалансированности структуры и стоимости, исходя из общих интересов сторон.

В настоящее время, спустя год после присоединения Великобритании к ВПТТП можно говорить об умеренном и довольно медленном экономическом эффекте (связанный прирост ВВП порядка 0,06%). Значительного чистого торгового прироста пока не наблюдается. Однако выгоды ожидаются в более долгосрочной перспективе, в 2030–2040-е годы, но они также могут зависеть от присоединения к ВПТТП в будущем других стран.

Заключение

В конце декабря 2024 г. Великобритания, первой среди не-тихоокеанских государств, присоединилась к проекту Всеобъемлющего прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. Едва выйдя из ЕС, страна показала, что не разочарована в самой идее интеграции, однако ищет для себя новые пути ее реализации – не на региональном, но на глобальном уровне. Это вполне соотносится с объявленной в стране стратегией «Глобальной Британии». Этот шаг может быть также связан с тем, что затянувшийся геополитический конфликт вокруг Украины и множественные связанные с ним

4. Рассмотрено Дж. Вайнером на примере таможенных союзов в труде «Таможенный союз».

санкции, в целом, добавляет рецессии и сложностей в экономическое сотрудничество в Европе, и Британия решила приступить к поиску новых возможностей сотрудничества за пределами много лет как охваченного конфликтами региона. Однако с момента Брексита прошло еще не так много времени, и бывшие страны ЕС остаются значимыми торговыми партнерами для Британии, а их удельный вес в глобальной торговле страны сокращается весьма медленно. В связи с этим, присоединение Великобритании к проекту ТТП призвано способствовать увеличению ее объема торговли со странами-участниками проекта. Для этого будут предприниматься меры по либерализации интеграционных связей в рамках соглашения о свободной и преференциальной торговле. При этом нужно учитывать, что Китай, не входящий в ТТП, уже является крупным торговым партнером Великобритании по экспорту и импорту, и нет оснований полагать, что эта тенденция будет замедляться, даже учитывая членство Великобритании в определенной степени антикитайском альянсе AUKUS.

Немаловажным и открытым остается вопрос, удалось ли идеологам британского разворота на Восток (не только партии Консерваторов и правительству Риши Сунака, принимавших решение о полезности для страны ТТП), с точки зрения своих фундаментальных национальных интересов, сформулировать цели, задачи и план наращивания британского присутствия в Азиатско-Индо-Тихоокеанском регионе, или же они, пребывая в поисках новых подходящих путей глобального сотрудничества после выхода из ЕС, пока скорее играют в большую геополитическую игру Вашингтона в этом перспективном и сложном регионе.

Библиография

Бабынина Л.О. Соглашение о торговле и сотрудничестве ЕС и Великобритании: между кондициональностью и суверенитетом // Современная Европа. 2021. № 2. С. 5–16.

Мищенко Я.В. Процессы интеграции и дезинтеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе: задачи и перспективы для России // Век глобализации. 2022. №1. С. 139–151.

Годованюк К.А. Приоритеты Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе // Современная Европа. 2020. №1. С. 37–48.

Мищенко Я.В. Трансформации подходов Японии к участию в интеграционных процессах в Азиатско- и Индо-Тихоокеанском регионах // Век глобализации. 2024. №3. С. 85–94.

Шолкова М.А. Интеграция – механизм устойчивости в АТР // Обозреватель. 2020. № 8. С. 45–59.

Khan M. O., Aamir khan M. Economic impact of UK joining Asia Pacific Trade pact CPTPP: A Global CGE Approach // SSRN Electronic Journal. 2021. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3790232 (дата обращения: 15.03.2025).

AUKUS – для чего был создан и какие цели преследует. РБК. 30.07.2024 URL: <https://www.rbc.ru/base/30/07/2024/668fb8689a79473489cd2c23?ysclid=m6gbpo28ze995153032> (дата обращения: 01.03.2025).

UK Office for National Statistics. UK Trade: September 2025. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/bulletins/uktrade/september2025#explore-uk-trade-in-goods-country-by-commodity-data-for-2024> (дата обращения: 18.11.2025).

UK strikes biggest trade deal since Brexit to join major trade bloc in Indo-Pacific // UK Government, 31.03.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-strikes-biggest-trade-deal-since-brexit-to-join-major-free-trade-bloc-in-indo-pacific> (дата обращения: 05.03.2025).

References

AUKUS – dlya chego byl sozdan i kakie cely presleduet [AUKUS – what was it created for and what goals does it pursue]. RBC. 30.07.2024 URL: <https://www.rbc.ru/base/30/07/2024/668fb8689a79473489cd2c23?ysclid=m6gbpo28ze995153032> (date of access: 01.03.2025). (In Russ.)

Babynina L.O. Soglasheniye o torgovle i sotrudnichestve ES i Velikobritanii: mezdu kontinentalnostju i suverenitetom [The EU-UK Trade and Cooperation Agreement: between Conditionality and sovereignty]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2021. № 2. P. 5–16. (In Russ.)

Godovanyuk K.A. Prioritety Velikobritanii v Indo-Tihookeanskom regione [The Priorities of Great Britain in the Indo-Pacific region]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2020. № 1. P. 37–48. (In Russ.)

Khan M.O., Aamir khan M. Economic impact of UK joining Asia Pacific Trade pact CPTPP: A Global CGE Approach. *SSRN Electronic Journal*. 2021. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3790232 (date of access: 15.03.2025).

Mishchenko Ya.V. Processy integracii i dezintegracii v Aziatsko-Tihookeansom regione: zadachi i perspektivy dlya Rossii [The Processes of Integration and Desintegration in the Asia-Pacific region: aims and prospects for Russia]. *Vek Globalizacii* [Age of Globalization]. 2022. N 1. P. 139–151. (In Russ.)

Mishchenko Ya.V. Transformacii podhodov Yaponii k uchastuiu v integracionnuh processah v Aziatsko- i Indo-Tihookeanskom regionah [The transformation of Japanese approaches to participation in integration processes in the Asia- and Indo-Pacific regions]. *Vek Globalizacii* [Age of Globalization]. 2024. №3. P. 85–94. (In Russ.)

Sholkova M.A. Integraciya – mehanizm Ustoichivosti v ATR [Integration as a sustainability tool in the Asia-Pacific region]. *Observer*. №8. P. 45–59. (In Russ.)

UK Office for National Statistics. UK Trade: September 2025. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/bulletins/uktrade/september2025#explore-uk-trade-in-goods-country-by-commodity-data-for-2024> (date of access: 18.11.2025).

UK strikes biggest trade deal since Brexit to join major trade bloc in Indo-Pacific. UK Government, 31.03.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-strikes-biggest-trade-deal-since-brexit-to-join-major-free-trade-bloc-in-indo-pacific> (date of access: 05.03.2025).

А.В. Белинский

ПРАВЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ФРГ: ИСТОРИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ОСОБЕННОСТИ

***Аннотация.** В статье рассматривается история правого терроризма в ФРГ, начиная с послевоенных лет и заканчивая современностью. Отмечается, что в своем развитии правый терроризм прошел несколько этапов. Если в 1950-х годах правоэкстремистские организации (например, «Союз немецкой молодежи») зачастую создавались под эгидой американских спецслужб для противостояния коммунистической угрозе с Востока и борьбы с внутренними «врагами», то общественно-политический раскол Западной Германии в 1960–1970-х годах привел к появлению ряда террористических организаций (группа М. Кюне, военно-спортивная группа К.-Х. Хофмана и др.), осуществивших серию терактов, самым крупным из которых стал взрыв во время фестиваля Октоберфест в Мюнхене в 1980 г. Объединение Германии в 1990 г. привело к росту правого экстремизма в стране, а вслед за ним – и насилия со стороны крайне правых. При этом, если в 1950–1970-х годах главной целью правых террористов были преимущественно представители левых сил, еврейской общины и американские военные, то начиная с середины 1980-х и в особенности с начала 1990-х годов жертвами террористических группировок стали иностранцы, а также граждане ФРГ, имеющие мигрантские корни. Именно в этой атмосфере в 1998 г. зародилась организация «Национал-социалистическое подполье», которая за 13 лет осуществила десять убийств, два взрыва и 15 ограблений банков. Новый всплеск терроризма произошел в разгар миграционного кризиса 2015–2016 гг. В настоящее время активность террористов пошла на спад, однако угроза возникновения новых террористических организаций продолжает сохраняться.*

***Ключевые слова:** правый терроризм; военно-спортивная группа Хофмана; теракт на Октоберфесте 1980 г.; «Национал-социалистическое подполье»; неонацизм; ФРГ.*

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

Belinskii A.V.

Right-Wing Terrorism in the Federal Republic of Germany (FRG). History, Ideology, and Characteristics

Abstract. *The article examines the history of right-wing terrorism in the FRG from the post-war years to the present day. It is noted that right-wing terrorism has gone through several successive stages in its development. Whereas in the 1950s right-wing extremist organizations (e.g., the “German Youth Union”) were often created under the auspices of American intelligence agencies to counter the communist threat from the East and combat internal “enemies,” the sociopolitical divide in West Germany in the 1960s and 1970s led to the emergence of a number of terrorist organizations (the Kühnen Group, the Hoffmann Military Sports Group, etc.), which carried out a series of terrorist attacks, the largest of which was the bombing during the Oktoberfest festival in Munich in 1980. The reunification of Germany in 1990 led to an increase in right-wing extremism in the country, followed by violence from the far right. Moreover, whereas in the 1950s–1970s the main targets of right-wing terrorists were primarily representatives of left-wing forces, the Jewish community, and American military personnel, from the mid-1980s – and especially since the early 1990s – the victims of terrorist groups have been foreigners, as well as FRG citizens with migrant backgrounds. It was in this atmosphere that the “National Socialist Underground” organization was founded in 1998, carrying out ten murders, two bombings, and fifteen bank robberies over the course of thirteen years. A new surge of terrorism occurred at the height of the migration crisis of 2015–2016. Although it has now subsided, the threat of new terrorist organizations emerging remains.*

Keywords: *Right-wing terrorism; FRG; Military Sports Group Hoffmann; 1980 Oktoberfest bombing; National Socialist Underground; Neo-Nazism.*

Belinskii Andrei Viktorovich – Candidate of Political Sciences, Researcher of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

Введение

В XX–XXI вв. большинство стран мира в той или иной степени столкнулись с терроризмом¹ в преимущественно левой, правой и религиозной формах. Терроризм, по определению немецкого социолога и политолога А. Пфаль-Траугхбера, сформулированному в начале 2010-х годов, – это «форма политически мотиви-

1. В зарубежной научно-академической среде нет единого определения понятия «терроризм», что объясняется не только разными методологическими подходами, но и идеологическим окрасом, который несет данный термин. В этом отношении показателен пример Н.Р. Манделы (1918–2013), в период апартеида в Южно-Африканском Союзе (с 1961 г. – Республике) считавшегося террористом (находился в заключении в 1956–1961 и 1962–1990 гг.), а после освобождения ставшего национальным героем и президентом ЮАР (1994–1999).

рованного применения насилия, которую негосударственные группы систематически используют против политической системы с целью оказания воздействия на население» (цит. по: [Botsch 2019, s. 9]; перевод здесь и далее наш. – А. Б.).

Терроризм возникает в условиях глубокого, зачастую антагонистического общественно-политического раскола, когда отдельные социальные группы прибегают к тактике оказания давления на государство или политических оппонентов посредством запугивания с помощью насилия. При этом реальной мишенью обычно являются не непосредственные жертвы террора, а политические институты или целые социальные группы, к которым обращено «послание» террористов.

С момента своего основания ФРГ² пережила несколько волн терроризма: левого (пик пришелся на 1970–1980-е годы), правого (пик – 2000-е гг.) и исламистского (пик – 2010-е годы). Степень изученности каждой разновидности терроризма в криминологической и научной среде носит различный характер и не всегда пропорциональна степени ее опасности. Левые террористические организации, воспринимавшиеся почти 30 лет как главная угроза конституционному строю, исследованы достаточно хорошо, правый же терроризм остается малоизучен.

В данной статье мы рассмотрим феномен правого терроризма в историческом контексте, выделим его особенности и проследим основные этапы развития.

Правый терроризм: понятие и отличительные черты

Правый терроризм в ФРГ обладает рядом специфических черт, определивших его характер и восприятие немецким обществом и органами государственной власти на протяжении достаточно долгого времени (подробнее см.: [Белинский 2025]).

Во-первых, в основе правотеррористической идеологии лежит расизм с идеей превосходства одной расы или нации над другими³, разделением общества на «своих» и «чужих», культом насилия и отрицанием либеральной демократии⁴.

2. «Старой», или Боннской, республикой обычно называют ФРГ в период 1949–1990 гг.; за объединенной Германией в научной литературе и публицистике закрепился термин «Берлинская республика».

3. С середины 2010-х годов ряд правоэкстремистских организаций ФРГ отказались от типичного биологического расизма в пользу культурного полицентризма. В этом отношении выделяется «Идентаристское движение», члены которого отстаивают культурную и ценностную несовместимость коренных народов Европы и мигрантов.

4. В отличие от других правоэкстремистских течений, делающих ставку на электоральные успехи [например, «Родина» (до 2023 г. – Национал-демократическая партия Германии, НДПГ) и «Республиканцы»] или на агитацию («Идентаристское движение»).

Во-вторых, в отличие от левых террористических организаций в Западной Германии («Фракция Красной Армии»⁵, «Движение 2 июня»⁶, «Революционные ячейки»⁷), стремившихся подвести идеологическую базу под свои действия⁸, крайне правые делали ставку на прямое действие, уделяя концептуальным и доктринальным вопросам второстепенное значение⁹. Во многом это было обусловлено не только более высоким интеллектуальным уровнем крайне левых¹⁰, но и различной коммуникационной стратегией двух разновидностей терроризма.

В-третьих, если для левотеррористических и исламистских организаций характерна двойственная коммуникация, одновременно направленная на государство (или политических оппонентов) и сторонников, то коммуникация правотеррористических группировок обращена исключительно на жертв [Gräfe 2018b, S. 90]. Поэтому практически ни одна из правых террористических группировок не брала на себя ответственность после совершения терактов. На практике это часто приводило к парадоксальной, на первый взгляд, ситуации, когда при расследовании преступления немецкие правоохранительные органы шли по ложному пути, в то время родственники жертв догадывались, кто же стоял за убийствами. Именно это обстоятельство во многом обусловило как долгое

5. Фракция Красной Армии (нем. – Rote Armee Fraktion) – левая террористическая организация, действовавшая в ФРГ в 1970–1998 гг. Осуществила серию терактов против представителей политической элиты, правоохранительных органов и американских военных, самым громким из которых стало похищение и убийство бывшего офицера СС, президента Конфедерации немецких ассоциаций работодателей (с 1973 г.) и Федерации немецкой промышленности (в 1977 г.) Х.М. Шляйера в 1977 г. Самораспустилась.

6. Движение 2 июня (нем. – Bewegung 2. Juni) – левая террористическая организация, действовавшая в Западном Берлине в 1970–1980 годах. Название отсылает к дате смерти студента Б. Онезорга, застреленного полицейским К.-Х. Куррасом после демонстрации против приезда правителя Ирана Реза-шаха Пехлеви 2 июня 1967 г. в Западном Берлине. Самое громкое преступление – похищение в 1975 г. кандидата на пост бургомистра Западного Берлина П. Лоренца. Самораспустилась.

7. Революционные ячейки (нем. – Die Revolutionären Zellen) – левая террористическая организация, действовавшая в ФРГ в 1973–1993 гг. Наиболее крупные акции – захват лайнера «Эйр Франс» в 1976 г., покушения на главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе А. Хейга в 1979 г. и командующего Армией США в Европе Ф. Крезена в 1981 г.

8. После каждого похищения или убийства левые террористы выступали с публичным воззванием, в котором не только брали на себя ответственность, но и объясняли смысл своих действий. Так, после убийства в 1977 г. генерального прокурора при Верховном суде Германии З. Бубака «Фракция Красной Армии» заявила, что отомстила за гибель своих соратников в тюрьме.

9. «Слова вместо слов» – девиз «Национал-социалистического подполья» (НСП; нем. – Nationalsozialistischer Untergrund).

10. В связи с этим уместно процитировать немецкого политолога, специалиста по правому терроризму С. Графе: «Большинство членов левоэкстремистских организаций происходили из среды образованной буржуазии» [Gräfe 2018b, S. 82].

существование отдельных правых террористических организаций (НСП), так и недооценку угрозы со стороны правых экстремистов правоохранительной системой ФРГ.

В-четвертых, если мишенями для атаки «Фракции Красной Армии» в Западной Германии (или «красных бригад» в Италии) становились представители политической и экономической элиты (Х.М. Шляйер, З. Бубак, А. Моро), действия правых террористов были направлены против левых активистов, а с середины 1980-х годов – преимущественно против мигрантов и беженцев.

В-пятых, организационная структура правого терроризма в Западной Германии, а затем и в объединенной ФРГ существенно отличалась от разветвленных, иерархически выстроенных «Фракции Красной Армии» и «Движения 2 июня», включавших десятки активных членов и опиравшихся на сотни сторонников. С середины 1970-х годов ориентированные на вооруженную борьбу правоякстремистские группировки стали постепенно переходить к тактике небольших (3–10 человек) и автономных групп, действовавших в подполье.

Правый терроризм в Западной Германии

Денацификация в западных оккупационных зонах, начатая после окончания Второй мировой войны 1939–1945 гг., была прервана «холодной войной», превратившей бывших союзников в непримиримых врагов, а бывших противников – в потенциальных союзников¹¹. Непокойная внешнеполитическая обстановка конца 1940-х годов заставила США, а вслед за ними Великобританию и Францию изменить свою политику в германском вопросе, взяв курс на создание западногерманского государства.

Изменения затронули и политику американской военной администрации и спецслужб в отношении бывших национал-социалистов, чьи знания, навыки и боевой опыт приобрели особое значение для западных держав, готовившихся вооружаться против стран социалистического лагеря. Упомянутое сотрудничество простиралось от использования офицеров СД и абвера¹² для сбора разведывательных данных до создания в рамках операции «stay-behind» (англ. – оставшиеся

11. Тенденция к противостоянию союзников по антигитлеровской коалиции наметилась в 1945 г. Весной, предвидя возможность противостояния Великобритании с США, с одной стороны, и с СССР – с другой, британский премьер-министр У. Черчилль распорядился, чтобы Генеральный штаб подготовил план военных действий против Красной Армии. Операция «Немыслимое» предполагала использование против советских войск британских сил и германских военнопленных. Из-за нереалистичности и авантюристичности план не был реализован, но британский премьер-министр фактически предвосхитил ситуацию, сложившуюся спустя несколько лет в разделенной Германии.

12. Опыт бывших военнопленных вермахта и войск СС использовался не только США, но и Францией, привлекавшей немцев в Иностранный легион.

позади) парамилитарных организаций, призванных в случае войны с СССР и его союзниками действовать в тылу их войск [Schmidt-Eenboom, Stoll 2015, S. 70].

В рамках именно этой политики появилась одна из первых правых террористических организаций в Западной Германии «Союз немецкой молодежи» (нем. – Bund Deutscher Jugend). Она была создана в 1950 г. при финансовой поддержке американских спецслужб из бывших военнослужащих вермахта, СС и членов Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Однако в скором времени деятельность союза и подчиненной ему технической службы (нем. – Technischer Dienst) стала выходить за отведенные ему американскими кураторами границы. Организация «привлекла к себе внимание демонстрациями, заканчивающимися стычками с силами правопорядка, распеванием песен гитлерюгенда», а в книге «Гражданин и партизан» (1951 г.) один из ее руководителей П. Лют «выдвинул тезис о том, что ввиду инфильтрации коммунистическими агентами Западной Германии необходимо и в мирное время вести борьбу с политическими и профсоюзными лидерами левого толка» [Virchow 2019, s. 15]. Слова П. Люта не были пустой угрозой, и вскоре разведывательная служба союза составила список из 40 лиц, включая и членов Социал-демократической партии Германии, подлежащих ликвидации в «день X»¹³. В итоге союз и его техническая служба в 1953 г. были запрещены судом.

Конец 1960-х – середина 1970-х годов ознаменовались появлением в Западной Германии ряда правозэкстремистских организаций, что было обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, общественно-политический раскол страны привел к появлению не только леворадикальных (Внепарламентская оппозиция¹⁴), а затем левых террористических («Фракция Красной Армии», «Движение 2 июня») организаций, но и усилению крайне правого фланга. Во-вторых, начатая канцлером В. Брандтом и социал-либеральной коалицией новая восточная политика вызвала серьезные опасения на правом фланге политического спектра страны, начиная от респектабельных консерваторов из блока Христианско-демократического союза Германии и Христианско-социального союза Баварии и заканчивая правозэкстремистскими и националистическими организациями¹⁵.

13. Так в правозэкстремистской среде до сих пор называют момент, когда вследствие политического кризиса крайне правые возьмут власть в стране.

14. Внепарламентская оппозиция (нем. – Außerparlamentarische Opposition) – политическое протестное движение в Западной Германии в 1966 – начале 1970-х годов, являвшееся ядром немецкого студенческого движения. Сформировалась в ответ на принятие законов о чрезвычайном положении, войну во Вьетнаме и т. д. После 1968 г. распалась на несколько течений.

15. Негативное отношение правых экстремистов к восточной политике было обусловлено признанием правительства ФРГ границы с Польшей по реке Одер и ее левому притоку Нейсе, что означало отказ от потерянных после Второй мировой войны территорий (Восточная и Западная Пруссии, Силезия). Для экстремистов эти действия правительства были равны предательству национальных интересов.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов ФРГ пережила серию организованных правыми экстремистами терактов. В 1977 г. в Гамбурге М. Кюне, известный своими неонацистскими и ультраправыми взглядами, создал клуб по интересам «Ганза» (нем. – Freizeitverein Hansa), который стал местом притяжения местных ультраправых. В том же 1977 г. на основе «Ганзы» возникли «Фронт национальных социалистов» (нем. – Aktionsfront Nationaler Sozialisten/Nationale Aktivisten) и «Группа Вервольф» (нем. – Wehrwolfgruppe). Хотя сам М. Кюне занимался исключительно пропагандой своих идей и организацией демонстраций, в его окружении сформировалась группа людей, готовых пойти на преступление [Gräfe 2018a, S. 9].

«Группа Вервольф» осуществила в 1977–1978 гг. серию нападений на военнослужащих и банки с целью захвата оружия и денежных средств для дальнейших терактов. После неудачной попытки ограбления, закончившейся перестрелкой с полицией и гибелью двух членов организации, группировка была разгромлена правоохранительными органами. В ходе своей деятельности «Группа Вервольф» продемонстрировала те черты, которые впоследствии стали характерными для подавляющего большинства правых террористов в ФРГ: деятельность небольшими (пять – семь человек) группами; анонимность; отказ от взятия ответственности за свои преступления.

Разгром «Группы Вервольф» не привел к спаду активности правозэкстремистских военизированных групп, стремившихся с помощью террора достичь политических целей. Созданные в 1980 г. М. Рёдером¹⁶ «Немецкие группы действия» (нем. – Deutsche Aktionsgruppen)¹⁷ в целом продолжили деятельность «Группы Вервольф», чаще атакуя иностранцев (мигрантов, в том числе гастарбайтеров). Однако первой мишенью организации в год основания стала выставка, посвященная преступлениям вермахта¹⁸, которая прошла в г. Эссlingen-ам-Наккар, федеральная земля Баден-Вюртеберг. В дальнейшем члены «Фронта действия национальных социалистов» с помощью «коктейлей Молотова» организовали серию нападений на общежития, где проживали беженцы. Вскоре «Немецкие группы действия» были ликвидированы полицией, а М. Рёдер и члены органи-

16. Рёдер Манфред (1929–2014) – немецкий юрист, неонацист, один из идейных вдохновителей возникшего в 1980-х годах правозэкстремистского движения «имперских граждан» (нем. – Reichsbürger), которые отрицают легитимность ФРГ, считая себя гражданами Третьего рейха, или Германской империи.

17. В действительности речь идет о некоторой мистификации М. Рёдера, так как в реальности существовала одна организация. Возможно, он рассчитывал расширить свою террористическую сеть.

18. В послевоенной Германии превалировал миф о «чистом» вермахте, который в отличие от войск СС вел «обычную» войну, исполняя свой долг. Однако научные исследования с привлечением новых источников (дневников, архивных документов, мемуаров) и материалы судебных заседаний продемонстрировали, что военнослужащие вермахта совершили большое количество преступлений в отношении гражданского населения и военнопленных.

зации 26 августа 1982 г. приговорены Верховным земельным судом Штутгарта к длительным тюремным срокам: «Раймунд Хёрнле (52 г., инструментальщик) и Сибель Фордербрюггер (26 лет, медицинско-технический ассистент) по обвинению в убийстве были приговорены к пожизненному лишению свободы», «Манфред Рёдер (53 г., юрист) и Доктор Хайнц Колдитц (52 г., врач) по обвинению в руководстве и членстве в террористической организации» «к 13 и 6 годам заключения соответственно» [Verfassungsschutzbericht 1983, S. 126]. В 1983 г. «Фронт действия национальных социалистов» был запрещен.

Если террористическая деятельность организации М. Рёдера была направлена преимущественно против мигрантов и беженцев, то возникшая также в начале 1980-х годов группа В. Хеппа/О. Кекселя рассматривала себя в качестве авангарда борьбы с империализмом, в первую очередь с гегемонией США в Европе и Западной Германии. Данное обстоятельство в итоге определило в качестве целей для атаки со стороны правых террористов находившихся в ФРГ американских военных. «Общим для нас был крайний антиамериканизм. Мы были убеждены, что пребывание американских войск служит не защите нашего общества, как это утверждается, но капиталистическим интересам правительства США», – вспоминал спустя годы после ликвидации организации О. Кексель (цит. по: [Gräfe 2017, S. 143]). С. Грэфе так оценивает деятельность группы: «Активисты производили самодельные бомбы, что делало последствия их применения более опасными из-за непредсказуемости. Как правило, группа закладывала заряды под сиденья военных автомобилей, что свидетельствует о том, что гибель жертв была преднамеренно спланирована. В ходе терактов несколько солдат были тяжело ранены» [Gräfe 2018a, S. 12]. Цель этих терактов заключалась в том, чтобы посеять панику и страх среди находившихся на территории ФРГ американских войск. Вскоре группа В. Хеппа/О. Кекселя была запрещена, разделив участь других правых террористических организаций 1980-х годов.

Хотя в 1970–1980-х годах для правоэкстремистских организаций в Западной Германии, сделавших ставку на насилие и террор, был характерен образ действия в рамках преимущественно законспирированных небольших групп и ячеек, среди них особо выделялась созданная в 1974 г. отставным офицером бундесвера К.-Х. Хофманом «Военно-спортивная группа Хофмана» (нем. – Wehrsportgruppe Hoffmann). Группа насчитывала в разные периоды времени 400–600 членов и формально являлась одним из многочисленных спортивных союзов. Однако интенсивная военная подготовка в лесах Баварии, включавшая многокилометровые марши, ориентирование на местности, овладение оружием вместе с пропагандой правоэкстремистских идей отчетливо указывали на то, что «Военно-спортивная группа» готовилась к государственному перевороту, включая и осуществление терактов в «час Х».

Первоначально власти федеральной земли Бавария не придавали особого значения деятельности «Военно-спортивной группы», рассматривая ее

как обычный стрелковый или спортивный союз. Министр-президент Баварии (в 1978–1988 гг.) Ф.Й. Штраус на вопрос о возможности запрета организации ответил: «Мой бог! Если человек хочет развлечься, отправившись в воскресенье за город в камуфляже и с рюкзаком, то его нужно оставить в покое» (цит. по: [Gräfe 2017, S. 98]). Длительное время, исключая редкие столкновения членов группы с их левыми оппонентами, активность организации К.-Х. Хофмана действительно не выходила за рамки военно-тактической подготовки и совместных встреч. Однако в марте 1980 г. суд запретил группу как криминальную организацию из-за ряда публикаций ее основателя, оцененных как экстремистские и подрывающие основы конституционного строя.

Судебное решение вынудило руководство «Военно-спортивной группы» бежать в Ливан и вызвало дальнейшую радикализацию действий ее членов как в ФРГ, так и на Ближнем Востоке. В том же году группа совершила два теракта в Баварии, потрясших Республику. В Мюнхене 1 октября во время пивного фестиваля Октоберфест, собирающего тысячи людей, член организации студент Г. Кёлер организовал теракт, унесший жизни 12 человек и его самого. Следствие пришло к выводу, что взрыв был делом рук террориста-одиночки, хотя и в 1980 г. и впоследствии многие исследователи и журналисты выражали серьезные сомнения относительно официальной версии. Вторым громким преступлением, совершенным членом группы У. Берендтом, стало убийство еврейского издателя Ш. Левина и его подруги в конце 1980 г. в г. Эрланген. Сам К.-Х. Хофман по обвинению в причинении вреда физическому здоровью политическим оппонентам и незаконном хранении оружия был арестован полицией только в 1981 г. во Франкфурте-на-Майне. В 1986 г. он был приговорен судом к 9,5 годам лишения свободы, но освобожден досрочно в 1989 г.

Таким образом, в конце 1960-х – начале 1980-х годов правый терроризм в ФРГ превратился в реальную угрозу для отдельных социальных групп (левые, евреи, беженцы из стран третьего мира) и потенциальную для конституционного строя страны. Вместе с тем в оценках правоохранительных органов и спецслужб Республики он не представлял серьезной опасности: «Ссылка на “одиночек” или “действующих в одиночку” стала общим местом в оценках спецслужбами правого экстремизма с начала 1960-х гг.» [Muschiol 2024, S. 32].

Правый терроризм в первые годы после объединения Германии

Встреченное ликованием по обе стороны Бранденбургских ворот объединение Германии в 1990 г. привело отнюдь не к формированию единой политической нации и обещанным канцлером Г. Колем «цветущим ландшафтам» на Востоке, а к лавинообразному закрытию предприятий в «новых» федеральных землях, массовой безработице, росту социальной напряженности, которая очень быстро приобрела форму ксенофобии и правого экстремизма. Начало

1990-х годов было отмечено волной погромов против иностранцев и мигрантов, буквально захлестнувшей восточногерманские города.

В 1992 г. в районе Лихтенхаген в г. Росток, федеральная земля Мекленбург – Передняя Померания, толпа правоэкстремистски настроенной молодежи при поддержке («под крики и улюлюканье») преимущественно «более старших восточногерманских наблюдателей» подвергла настоящей осаде общежитие для трудовых мигрантов из Вьетнама, бросая «бензиновые бомбы» [Ernstes Zeichnen an der Wand 1992, S. 18]. Подобного рода картины после объединения страны можно было также наблюдать в г. Хойерсверда, федеральная земля Саксония.

Правоэкстремистские организации и группировки стали возникать в Восточной Германии в атмосфере ненависти, ксенофобии и социальной фрустрации. Одновременно с этим в правоэкстремистской среде выделились группы, которые не были удовлетворены нападением на мигрантов и левых активистов, посещением партийных митингов и концертов правых рок-групп и стремились перейти к более радикальным действиям. Особо следует подчеркнуть, что наметившийся во второй половине 1970–1980-х годов в правоэкстремистской среде Западной Германии тренд на переход от крупных организаций к небольшим ячейкам или даже индивидуальным действиям, значительно усилился после объединения страны. Во многом этому способствовала череда запретов экстремистских организаций немецкой юстицией в 1990-е годы.

Одним из примером является «Добровольческий корпус Хафельланда» (нем. – Freikorps Havelland)¹⁹ – правая экстремистская организация, сформировавшаяся в начале 2000-х годов. Возраст участников организации (около десяти человек) составлял 15–20 лет. В 2003–2004 гг. в земле Бранденбург они совершили серию поджогов общежитий для мигрантов, иногда поджигая одно и то же общежитие дважды. Основной целью, как и в 1980-х годах, этих правых террористов было посеять страх и ужас среди мигрантов, вынудив их покинуть немецкую землю. Отсутствие тесных контактов с правоэкстремистской средой Бранденбурга обусловили относительно долгое существование «корпуса». Однако немецкие правоохранительные органы вышли на его след и в декабре 2004 г. члены организации были осуждены на различные тюремные сроки.

Дело «Национал-социалистического подполья»

В списке правых террористических организаций, оставивших кровавый след в истории объединенной Германии, НСП занимает, безусловно, особое место (подробнее см.: [Белинский 2017]). Это обусловлено не только продолжительностью существования группировки, совершавшей преступления 13 лет, но и масштабом ее деятельности.

19. Хафельланд – исторический регион в федеральной земле Бранденбург.

НСП оформилась в 1998 г., но незаконная деятельность ее будущих организаторов – друзей У. Бёнхардта, У. Мундлоса и Б. Чепе, тесно связанных с правоэкстремистской средой Тюрингии, началась в первой половине 1990-х годов. Первоначально их поступки в целом укладывались в практику правых экстремистов в «новых» федеральных землях: «6 августа 1994 г. Мундлос вместе с одним знакомым из Хемница (город в земле Саксония. – А. Б.) принял участие во встрече других членов “правой сцены” у искусственного озера под Штраубингом (город в Баварии. – А. Б.), в ходе которой были исполнены песни правоэкстремистского характера» [Beschlussempfehlung und Bericht des 22013, S. 78]. Однако в скором времени неудовлетворенность деятельностью как НДПГ²⁰, так и неформальных объединений неонацистов (скинхеды, товарищества и т. д.), а также желание вести бескомпромиссную борьбу с «системой» и «внутренними врагами» фактически предопределили переход к более радикальным действиям.

6 октября 1996 г. на стадионе г. Йена был найден муляж бомбы с изображением свастики. В ходе расследования этого инцидента полиция обыскала квартиры нескольких правых экстремистов, в том числе У. Бёнхардта и У. Мундлоса. 9 ноября при обыске автомобиля У. Бёнхардта, отмечается в докладе комиссии бундестага, «были найдены предметы, подпадающие под закон об оружии: шлем, тесак, дубинка, боевой нож бундесвера, газовый пистолет, нож, пневматический пистолет, два магазина с газовыми патронами и постер с изображением вермахта» (цит. по: [Белинский 2017, с. 150]). По неизвестным причинам никто из трио в 1996 г. не был арестован²¹. В 1998 г. в квартире и гараже У. Бёнхардта прошли обыски, но в силу несогласованности действий полиции друзья беспрепятственно покинули Йену и перебрались в г. Цвикау, в землю Саксония, где местные неонацисты из группировки «Кровь и Честь» (англ. – «Blood and Honour»)²² оказали им необходимую поддержку. Именно Цвикау вплоть до разгрома организации осенью 2011 г. являлся «базой» НСП, откуда его члены совершали преступления по всей стране. В 2000–2007 гг. группировка осуществила десять убийств (9 мигрантов-мужчин, из которых 8 были турецкого происхождения, один – грек, а также женщина-полицейский), два взрыва и порядка 15 ограблений банков.

20. В конце 1980-х годов эта правоэкстремистская партия испытывала глубокий кризис, что выразилось в сокращении электоральной поддержки. Объединение страны дало партии второй шанс: играя на фрустрации восточных немцев, их националистических чувствах, она превратила «новые» федеральные земли в свой форпост на многие годы.

21. В деле НСП довольно много вопросов и нестыковок, которые не смогли до конца прояснить ни многолетнее следствие, ни несколько парламентских комиссий.

22. 3 Британская ультраправая неонацистская музыкальная промоутерская сеть, созданная в 1987 г. лидером рок-группы Skrewdriver (с англ. – отвертка) Я. С. Стюартом (Я. С. Дональдсом). Имеет филиалы во многих странах Европы, в том числе в ФРГ.

НСП сильно отличалось от других правых террористических группировок, действовавших в ФРГ как до нее, так и после. Первая особенность – продолжительность существования: в то время как большинство правозкстремистских террористических групп просуществовало от нескольких месяцев до 1,5–2 лет, НСП удавалось на протяжении многих лет оставаться в тени. Этому способствовала прежде всего превосходная, организованная практически на уровне спецслужб конспирация организации. Хотя родственники погибших были абсолютно уверены в правозкстремистском следе, полиция, прокуратура и Федеральное ведомство по охране конституции Германии на протяжении долгого времени рассматривало череду смертей турецких торговцев и мелких бизнесменов как следствие криминальной войны между кланами²³. Вторая отличительная черта НСП – масштаб террора, который вышел за границы Саксонии. Если деятельность «Добровольческого корпуса Хафельланда» или банд скинхедов ограничивалась местностью, где проживали участники этих организаций, и была направлена на то, чтобы из-за интенсивности насилия вынудить мигрантов или иностранных рабочих покинуть территорию, то У. Мундлос и У. Бёнхардт в поисках жертвы посещали города на Западе Германии (Мюнхен, Бавария; Дортмунд, федеральная земля Северный Рейн – Вестфалия; Кассель, федеральная земля Гессен). Такая стратегия позволяла не только держать в страхе турецкую общину, но и в какой-то мере обеспечивала относительно безопасное существование группы, поскольку ее члены действовали вне пределов места проживания. Третья характерная черта НСП – высокая интенсивность насилия. Деятельность НСП, вероятно, продолжилась бы, но неудачное ограбление банка в г. Эйзенах, федеральная земля Тюрингия, осенью 2011 г. закончилось перестрелкой с полицией и самоубийством У. Мундлоса и У. Бёнхардта.

Начавшийся в 2012 г. процесс над Б. Чепе и неонацистами, на протяжении многих лет оказывавших помощь группировке, а также деятельность многочисленных парламентских комиссий (бундестага и ландтагов федеральных земель) выявили значительные проблемы в работе правоохранительной системы ФРГ. Этот громкий судебный процесс должен был не только покарать преступников, но и дать ответ на вопрос, почему на протяжении 13 лет группа неонацистов безнаказанно совершала преступления по всей стране, оставаясь вне поля зрения спецслужб. Однако, как отметила немецкая журналистка А. Раммельсбергер, длившийся около 6 лет процесс не удовлетворил ни родственников жертв правого террора, ни общественность: «суровое наказание» Б. Чепе (пожизненное заключение) «безусловно оттеняло тот факт, что другие обвиняемые отделались умеренными сроками», так, председатель (в 1999–2008 гг.) и заместитель председателя (в 2002–2008 гг.) партийных организаций НДПГ

23. Многие родственники погибших долгое время находились под подозрением в совершении убийства.

в Йене и в Тюрингии соответственно Р. Вольлебен, «организовывавший поддержку террористической ячейки, был приговорен к 10 годам; Х. Герлах, который на протяжении многих лет предоставлял свои документы для укрытия трио, получил три года, а несовершеннолетний К. Шультце за передачу оружия – 3 года условно» [Ramelsberger 2019, S. 4].

Важнее относительно умеренных сроков, данных пособникам НСП, было нежелание суда привлечь к ответственности других возможных пособников террористов, а также дать объективную оценку правоохрнительным органам ФРГ в этом громком деле. «В особенности Высший земельный суд Мюнхена всячески стремился контролировать ход процесса, на котором речь шла о 10 убийствах, 15 ограблениях и двух покушениях с применением взрывного устройства, и также вынес за скобки вопрос об ответственности государства за серию смертей» [ibid, S. 5], – отмечает немецкий политолог А. Раммельсбергер.

Новейшие тенденции в развитии правого терроризма в ФРГ

Разгром НСП не означал окончания борьбы с правым терроризмом в ФРГ. Новый всплеск насилия со стороны правых экстремистов связан прежде всего с миграционным кризисом 2015 г. и его последствиями. Прибытие в страну нескольких сотен тысяч беженцев из Сирии и Ирака привело к глубокому расколу немецкого общества, который в скором времени стал выходить за рамки публичных дебатов.

В атмосфере насилия, напоминавшей многим погромную волну в начале 1990-х годов в Восточной Германии, в стране появился ряд правых террористических организаций, которые организовали серию нападений на беженцев, левых активистов, а также политиков, выступавших за оказание помощи мигрантам. При этом, как и ранее, большинство правых террористических группировок представляли собой небольшие ячейки (по три-семь человек), действовавшие преимущественно в местности своего проживания. Так, «группа Фрайталь» (нем. – Gruppe Freital), созданная в 2015 г. во время миграционного кризиса, совершила ряд нападений на общежития с беженцами.

Особенностью этого периода (2015–2019 гг.) является рост числа преступлений, совершенных террористами-одиночками. И хотя в 1990–2000-х годах правоохрнительным органам ФРГ приходилось сталкиваться с правыми террористами-одиночками, именно на 2010-е годы пришелся стремительный рост преступлений, совершенных ими. Во многом это было связано с утверждением в правоэкстремистской среде концепции сопротивления без лидера (англ. – leaderless resistance) и развитием социальных сетей, способствующих радикализации в сети Интернет обычных граждан, не связанных с традиционными крайне правыми партиями и организациями.

В разгар миграционного кризиса, 17 октября 2015 г. – в последний день избирательной кампании, правый экстремист напал на кандидата на пост бургомистра Кёльна, земля Северный Рейн – Вестфалия, Г. Рекер – сторонницу помощи беженцам из Сирии: «Генриетта Рекер раздает розы на рынке в Кёльне... Франк С. просит политика дать ему одну розу, затем достает нож и наносит ей удар» [Messerangriff auf die Demokratie – True Crime 2024]. По счастливой случайности политик выжила. 2019 год ознаменовался двумя громкими преступлениями, совершенными террористами-одиночками: убийство кассельского регирунгспрезидента В. Любке на террасе рядом с его домом в г. Вольфхаген, земля Гессен (в ночь на 2 июня)²⁴, и теракт в г. Халле, федеральная земля Саксония-Анхальт (9 октября)²⁵.

В последнее время волна правого насилия пошла на спад, однако угроза появления новых террористических организаций сохраняется. Тревожным знаком для правоохранительных органов является распространение идеи вооруженной борьбы против «системы» среди других правоэкстремистских течений («имперские граждане» и т. п.), а также внутри полиции и бундесвера (см. подробнее: [Белинский 2021]).

Заключение

Правый терроризм сопровождал ФРГ с момента ее основания. Зародившись в виде сети подконтрольных американским спецслужбам организаций, созданных из бывших нацистов, в 1960–1980-х годах он приобрел «классические» формы (небольшие группы, приверженность нацистской идеологии и т. д.). В этот период целью правого терроризма в стране были преимущественно левые активисты, американские военные, представители еврейской общины. После объединения Германии правый терроризм вышел на новый уровень, что проявилось не только в окончательном переходе к стратегии сопротивления без лидера, но и в выборе новых целей для атак (мигранты, беженцы).

С 1990 г. ФРГ пережила две волны правого терроризма и других форм насилия со стороны правых экстремистов, которые были вызваны негативными последствиями объединения страны (безработица, утрата социальных перспектив), а затем миграционным кризисом. Именно в атмосфере разгула правого экстремизма и стремительного роста ксенофобии в «новых» федеральных

24. Убийца, 47-летний экстремист Ш. Эрнст объяснил мотив своих действий тем, что в 2015 г. В. Любке выступал за размещение беженцев в Германии.

25. Правый экстремист С. Баллиет пытался ворваться в синагогу и расстрелять верующих, но из-за плотно закрытых дверей не смог проникнуть внутрь здания. После этого он открыл стрельбу на улице и в турецкой закусочной, в результате чего погибли несколько человек.

землях зародилась самая опасная правая террористическая организация, безнаказанно действовавшая 13 лет, – НСП.

Общее количество жертв правого терроризма в ФРГ значительно превышает количество погибших от рук левых экстремистов и исламистов, составляя по разным подсчетам около 200 человек. Вместе с тем до раскрытия НСП осенью 2011 г. правый терроризм если и был известен немецким правоохранителям, то явно недооценивался ими в отличие от «Фракции Красной Армии» и «Движения 2 июня». Причины недооценки правого терроризма носят комплексный характер, что, в свою очередь, обусловлено как природой, так и историческим, политическим и социальным контекстом, в котором происходило его становление и развитие.

Во-первых, вплоть до середины – конца 1990-х годов правый терроризм находился в тени левого, наводившего ужас на политическую и общественную элиту страны. Поэтому на борьбу с «Фракцией Красной Армии», «Движением 2 июня», «Революционными ячейками» и другими левоекстремистскими организациями были брошены основные силы полиции, прокуратуры и спецслужб.

Во-вторых, борьба с левым экстремизмом и терроризмом, длившаяся около 30 лет, фактически привела к профессиональной деформации правоохранительных органов ФРГ, привыкших иметь дело с крупной разветвленной организацией в составе командного штаба, нескольких ячеек и многочисленных сторонников. Организационная модель «Фракции Красной Армии» автоматически переносилась на остальные разновидности терроризма, что затрудняло объективную оценку угрозы со стороны наиболее радикальных правоекстремистских групп. Поскольку в этой среде отсутствовали признаки формирования террористических организаций схожих с левоекстремистскими 1970–1980-х годов, для спецслужб напрашивался логичный вывод о невозможности возникновения в Германии «Фракции коричневой Армии» (нем. – Braune Armee Fraktion)²⁶: «Правая среда хорошо известна правоохранительным органам. Исходя из имеющихся данных нет никаких признаков, свидетельствующих о возникновении террористических структур» (цит. по: [Aust, Laabs 2014, S. 561]). Но, как показала практика, с середины 1970-х годов правый терроризм развивался преимущественно в форме небольших ячеек или террористов-одиночек.

В-третьих, выбор жертв: в то время, как действия левых террористов были направлены против представителей политической и экономической элиты, а также высокопоставленных правоохранителей и американских военных, главной целью для ставших на путь террора правых экстремистов стали мигранты и беженцы. Это обстоятельство определило разный общественный резо-

26. Именно такой термин зачастую используется в научной и публицистической литературе, когда речь заходит о создании правой террористической организации, схожей по своей силе с «Фракцией Красной Армии».

нанс на действия левых и правых террористов, и как следствие, разную реакцию правоохранительных органов.

В-четвертых, коммуникационная стратегия правого терроризма кардинально отличалась от той, которую использовали левые экстремисты и исламисты: коммуникация правых террористических организаций была обращена к жертвам и их окружению, поэтому и правоохранительные органы, и общественность могли находиться в неведении относительно истинных мотивов совершенных преступлений. Долгое время это делало правый терроризм не только невидимым для государства, но и крайне опасным для общества.

Количество преступлений, в том числе и террористического характера, к 2025 г. существенно сократилось, однако питательная среда для развития правого терроризма сохраняется. Новые политические и общественные потрясения, раскол общества могут привести к очередному всплеску правого террора.

Библиография

Белинский А.В. «Он снова здесь»: Дело «Национал-социалистического подполья» и угроза правого терроризма в Германии // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 136–162.

Белинский А.В. Свастика на шевроне: правый экстремизм в правоохранительных органах и бундесвере ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 4 (112). С. 247–282. DOI: 10.31249/ape/2021.04.10.

Белинский А.В. Сравнительный анализ левого и правого терроризма в ФРГ // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. 2025. № 3. С. 86–105. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-86-105.

Aust S., Laabs D. Heimatschutz: Der Staat und die Mordserie des NSU. München: Pantheon Verlag, 2014. 864 S.

Beschlussempfehlung und Bericht des 2. Untersuchungsausschusses nach Artikel 44 des Grundgesetzes // Dokumentations- und Informationssystem für Parlamentsmaterialien. 22.08.2013. Nr. 17/14600. XLVII, 1314 S. URL: <https://dip.bundestag.de/drucksache/beschlussempfehlung-und-bericht-des-2-untersuchungsausschusses-nach-artikel-44-des/47224> (дата обращения: 18.11.2025).

Botsch G. Was ist Rechtsterrorismus? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. Jg. 69, Nr. 49/50. Rechtsterrorismus. S. 9–14.

Ernstes Zeichen an der Wand // Der Spiegel. 1992. Nr. 36. S. 18–29.

Gräfe S. Ein halbes Jahrhundert Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland 1969 bis 2018 // Sächsische Landeszentrale für politische Bildung. 2018a. 27 S. URL: <https://www.slpb.de/buch/ein-halbes-jahrhundert-rechtsterrorismus-in-der-bundesrepublik-deutschland> (дата обращения: 11.09.2025).

Gräfe S. Logik der Gewalt. RAF und NSU im Vergleich // Jahrbuch Extremismus & Demokratie. 2018b. Bd 30. S. 79–102. DOI: 10.5771/9783845296654-79.

Gräfe S. Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland. Zwischen erlebnisorientierten Jugendlichen, „Feierabendterroristen“ und klandestinen Untergrundzellen, Baden-Baden: Nomos, 2017. 356 S.

Messerangriff auf die Demokratie – True Crime | Das Attentat auf Henriette Reker // SWR. 18.11.2024. URL: <https://www.swr.de/swrkultur/leben-und-gesellschaft/messerangriff-auf-die-demokratie-das-attentat-auf-henriette-reker-100.html> (дата обращения: 07.09.2025).

Muschiol D. Einzeltäter? Rechtsterroristische Akteure in der alten Bundesrepublik. Göttingen: Wallstein Verlag GmbH, 2024. 486 S.

Ramelsberger A. Nach dem NSU-Prozess: Leerstellen und Lehren // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. Jg. 69, Nr. 49/50. Rechtsterrorismus. S. 4–8.

Schmidt-Eenboom E., Stoll U. Die Partisanen der NATO. Stay-Behind-Organisationen in Deutschland 1946–1991. Berlin: Christoph Links Verlag, 2015. 304 S.

Verfassungsschutzbericht 1982 / Der Bundesminister des Inneren. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1983. 224 S.

Virchow F. Zur Geschichte des Rechtsterrorismus in Deutschland // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. Jg. 69, Nr. 49/50. Rechtsterrorismus. S. 15–19.

References

Aust S., Laabs D. Heimatschutz: Der Staat und die Mordserie des NSU. München: Pantheon Verlag, 2014. 864 S.

Belinskiy A.V. «On snova zdes'»: Delo «Natsional-sotsialisticheskogo podpol'ya» i ugroza pravogo terrorizma v Germanii [“He is back again”: A case of National Socialist Underground and the threat of right-wing terrorism in Germany]. Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]. 2017. N 4. P. 136–162. (In Russ.)

Belinskiy A.V. Sravnitel'nyy analiz levogo i pravogo terrorizma v FRG [A comparative analysis of left-wing and right-wing terrorism in Germany]. Vestnik RGGU [RSUH Bulletin]. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Series: Political Science. History. International Relations]. 2025. N 3. P. 86–105. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-86-105. (In Russ.)

Belinskiy A.V. Svastika na shevronte: pravyy ekstremizm v pravookhranitel'nykh organakh i bundesvere FRG [Swastika on a chevron: Right-wing extremism in law-enforcement authorities and in the Bundeswehr of the FRG]. Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]. 2021. N 4 (112). P. 247–282. DOI: 10.31249/ape/2021.04.10. (In Russ.)

Beschlussempfehlung und Bericht des 2. Untersuchungsausschusses nach Artikel 44 des Grundgesetzes // Dokumentations- und Informationssystem für Parlamentsmaterialien. 22.08.2013. Nr. 17/14600. XLVII, 1314 s. URL: <https://dip.bundestag.de/drucksache/beschlussempfehlung-und-bericht-des-2-untersuchungsausschusses-nach-artikel-44-des/47224> (date of access: 18.11.2025).

Botsch G. Was ist Rechtsterrorismus? Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. Jg. 69, Nr. 49/50. Rechtsterrorismus. S. 9–14.

Ernstes Zeichen an der Wand. Der Spiegel. 1992. Nr. 36. S. 18–29.

Gräfe S. Ein halbes Jahrhundert Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland 1969 bis 2018. Sächsische Landeszentrale für politische Bildung. 2018a. 27 S. URL: <https://www.slpb.de/buch/ein-halbes-jahrhundert-rechtsterrorismus-in-der-bundesrepublik-deutschland> (дата обращения: 11.09.2025).

Gräfe S. Logik der Gewalt. RAF und NSU im Vergleich. Jahrbuch Extremismus & Demokratie. 2018b. Bd 30. S. 79–102. DOI: 10.5771/9783845296654-79.

Gräfe S. Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland. Zwischen erlebnisorientierten Jugendlichen, „Feierabendterroristen“ und klandestinen Untergrundzellen, Baden-Baden: Nomos, 2017. 356 S.

Messerangriff auf die Demokratie – True Crime | Das Attentat auf Henriette Reker. SWR. 18.11.2024. URL: <https://www.swr.de/swrkultur/leben-und-gesellschaft/messerangriff-auf-die-demokratie-das-attentat-auf-henriette-reker-100.html> (date of access: 07.09.2025).

Muschiol D. Einzeltäter? Rechtsterroristische Akteure in der alten Bundesrepublik. Göttingen: Wallstein Verlag GmbH, 2024. 486 s.

Ramelsberger A. Nach dem NSU-Prozess: Leerstellen und Lehren. Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. Jg. 69, Nr. 49/50. Rechtsterrorismus. S. 4–8.

Schmidt-Eenboom E., Stoll U. Die Partisanen der NATO. Stay-Behind-Organisationen in Deutschland 1946–1991. Berlin: Christoph Links Verlag, 2015. 304 S.

Verfassungsschutzbericht 1982 / Der Bundesminister des Inneren. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1983. 224 S.

Virchow F. Zur Geschichte des Rechtsterrorismus in Deutschland. Aus Politik und Zeitgeschichte. 2019. Jg. 69, Nr. 49/50. Rechtsterrorismus. S. 15–19.

К.А. Кудаяров

**ОЦЕНКА НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В РОССИЙСКО-КИРГИЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ:
МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹**

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию, проведенному 2 года назад в рамках широкого научного проекта по определению актуальных и перспективных возможностей аналитических центров и экспертного сообщества Российской Федерации и стран Евразийского экономического союза как субъектов научной дипломатии, способных обеспечивать многосторонние коммуникации с представителями аналитических центров и экспертных сообществ стран «глобального Юга», для формирования актуального и непредвзятого представления о роли России в мире и образа ее будущего в целях внутренней и внешней политики.*

Настоящее исследование осуществлено в 2023 г. в три этапа: в октябре были выявлены основные аналитические центры Киргизской Республики; в ноябре проведен письменный опрос с использованием электронной почты; в декабре взяты устные интервью у экспертов.

В ходе работы были проанализированы мнения сотрудников аналитических центров и высших учебных заведений Кыргызстана относительно состояния и перспектив российско-киргизской научной дипломатии. На основе собранных данных были выявлены ключевые тренды, определяющие развитие сотрудничества в данной сфере, а также предложены рекомендации по дальнейшему укреплению взаимодействия между научными сообществами Российской Федерации и Киргизской Республики.

Особое внимание в экспертных оценках уделено необходимости отделения науки от политики и экспертного знания от пропаганды; важности сохранения автономии исследовательских групп в выборе тем, методологии и партнеров. Российская научная дипломатия в Кыргызстане оценивается экспертами как высокоразвитая, хотя и преимущественно в области гуманитарных наук. В то же время киргизская научная дипломатия, по их же мнению, требует доработки в соответствии с актуальными потребностями Киргизской Республики.

Ключевые слова: научная дипломатия; аналитические центры; экспертные мнения; опрос; интервью; Российская Федерация; Киргизская Республика; Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

1. Статья подготовлена на основе материалов исследовательского проекта «Роль аналитических центров и экспертных сообществ в развитии научной дипломатии в отношениях со странами “глобального Юга” в части формирования роли России в мире и образа будущего России» при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований (№ 123091200069–1).

Кудаяров Каныбек Акматбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.

E-mail: kana83068306@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8970-8694

Kudaiarov K.A.

**Assessment of Science Diplomacy in Russian-Kyrgyz Relations:
Opinions of Experts from the Kyrgyz Republic**

Abstract. *The article is devoted to a study conducted two years ago within the framework of a broad scientific project aimed at determining the current and prospective capabilities of analytical centers and the expert community of the Russian Federation and the Eurasian Economic Union countries as actors in science diplomacy, capable of ensuring multilateral communication with representatives of analytical centers and expert communities of the countries of the “Global South,” and of forming a relevant and unbiased understanding of Russia’s role in the world and the image of its future for domestic and foreign policy purposes.*

The research, as part of the project, was conducted in three stages in 2023: in October, the main think tanks in the Kyrgyz Republic were identified; in November, a written survey was conducted via email; and in December, oral interviews with experts were conducted.

In the course of the work, the opinions of employees of analytical centers and higher educational institutions of Kyrgyzstan regarding the state and prospects of Russian–Kyrgyz scientific diplomacy were analyzed.

Based on the collected data, key trends determining the development of cooperation in this field were identified; recommendations were proposed for further strengthening cooperation between the scientific communities of Russia and Kyrgyzstan.

Special attention in expert assessments is paid to the need to separate science from politics and expert knowledge from propaganda, as well as to the importance of maintaining the autonomy of research groups in choosing topics, methodologies, and partners.

Russian science diplomacy in Kyrgyzstan is assessed by experts as highly developed, although mainly in the field of the humanities. At the same time, Kyrgyz science diplomacy, according to experts, needs to be improved in accordance with the current needs of the state.

Keywords: *science diplomacy; think tanks; expert opinions; survey; interview; Russian Federation; Kyrgyz Republic; Eurasian Economic Union (EAEU).*

Kudaiarov Kanybek Akmatbekovich – PhD in History, Research Fellow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.

E-mail: kana8306@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8970-8694

Введение

В настоящей работе рассматриваются функционирующие в Киргизской (Кыргызской) Республике аналитические центры и экспертное сообщество, а также их деятельность в сфере научной дипломатии, под которой нами понимаются международные научно-экспертные коммуникации, содействующие укреплению двух- и многосторонних связей по всем направлениям двусторонних контактов: официальное дипломатическое сотрудничество; взаимодействие предпринимательских кругов и гуманитарное партнерство, включая «народную дипломатию»; научно-экспертная деятельность по выработке рекомендаций для формирования внешней политики [Чубарьян, Заботкина, Гризе, Руффини, 2021; Вилисов 2023, с. 3].

Статья преследует цель определить степень развития научной дипломатии в российско-киргизских отношениях сквозь призму экспертных мнений, представленных аналитическими центрами, посредством применения количественных (оценка количества аналитических центров в Кыргызстане) и качественных (опрос и интервью, оценка содержания деятельности аналитических центров и экспертных сообществ) методов анализа.

Первоначально список аналитических центров Кыргызстана формировался на основе базы данных аналитических центров Пенсильванского университета в Филадельфии (штат Пенсильвания, США), где в 2020 г. значилось 29 киргизских «фабрик мысли» [McGann 2020, p. 45], из которых девять вошли в число лучших по тем или иным критериям. В последующем мы руководствовались данными сайта «On Think Tanks» [Open Think Tank Directory]² и двух справочных атласов [Атлас аналитических центров ЕАЭС 2021, с. 63–65; Атлас аналитических центров Большой Евразии 2023, с. 110–136]. Общее количество аналитических центров, представленных в Кыргызстане, по нашим подсчетам, доходит до 24.

Общая характеристика аналитических центров Киргизской Республики

Практически все аналитические центры Кыргызстана представлены в сети Интернет. Их сайты доступны исследователю: большая часть «мозговых центров» представляет актуальную информацию на русском и английском языках, при этом около трети из них также имеют киргизоязычную версию. Два аналитических центра располагают исключительно русскоязычной версией сайта, а один имеет 4-х язычную платформу (киргизский, русский, английский и турецкий языки).

Из 24 аналитических центров, представленных в Республике, три «фабрики мысли» относятся к государственным, пять – к университетским, остальные

2. В поисковой системе сайта «Open Think Tank» в качестве ключевого слова использовалось название государства – *Kyrgyzstan*.

являются независимыми негосударственными некоммерческими структурами. Исходя из сферы деятельности обозреваемых аналитических центров, их можно свести в нижеприведенную таблицу.

Область деятельности	Название организации
1	2
Законотворчество, реформы государственного и муниципального управления, развитие местного самоуправления.	Институт политики развития, Институт государственной политики и администрации ³ .
Развитие и поддержка инициатив в области образования, культуры и науки.	Фонд поддержки образовательных инициатив (ФПОИ).
Вопросы здравоохранения.	Центр анализа политики здравоохранения (ЦАПЗ).
Инновационное развитие социально значимых проектов.	Лаборатория социальных инноваций, Кыргызстан ⁴ (Social Innovation Lab Kyrgyzstan, SILK) ⁵ , Исследовательский центр Шелкового пути ⁶ , SIAR research&consulting (Исследования и консалтинг SIAR).
Реализация молодежной политики в области здравоохранения, образования и экономики.	Институт развития молодежи.
Экологическая повестка.	Институт оценки развития ⁷ , Экологическое движение «БИОМ», Центр политико-правовых исследований, Центр изучения окружающей среды и развития (ЦОР) Американского университета в Центральной Азии.
Исследования демократических ценностей и права человека.	Исследовательский центр Шелкового пути, Центр политико-правовых исследований.
Международные отношения, безопасность, социально-экономические и политические процессы в Кыргызстане, Центральной Азии и мире, исследования различных интеграционных проектов.	Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева, Институт стратегического анализа и прогноза ⁸ , Национальный институт стратегических

3. Входит в структуру Университета Центральной Азии (УЦА).

4. Название именно так приведено в русскоязычной версии официального сайта организации, там же встречается как «Лаборатория социальных инноваций в Кыргызстане». В «Атласе аналитических центров Большой Евразии» название дано как «Лаборатория Социальных Инноваций Кыргызстана» [Атлас аналитических центров Большой Евразии 2023, с. 113].

5. Входит в структуру Американского Университета в Центральной Азии (АУЦА).

6. Входит в структуру Международного Университета «Ала-Тоо» (МУА).

7. Общественное объединение специалистов, работающих в Национальной академии наук и в ведущих вузах Кыргызской Республики.

8. Является структурой Кыргызско-Российского славянского университета имени Б.Н. Ельцина (КРСУ).

Продолжение таблицы

1	2
	инициатив при Президенте Кыргызской Республики (НИСИ), Центр политико-правовых исследований, Аналитический центр «Полис Азия», Аналитический центр «Разумные решения», Центр Исследований Центральной Азии (Orta Asya Araştırmaları Merkezi, ORASAM) ⁹ , Региональный институт Центральной Азии, Тянь-Шаньский аналитический центр ¹⁰
Прикладные исследования политической и социально-экономической жизни Республики и региона.	Центральноазиатский Барометр, Центр политико-правовых исследований, М-Вектор.
Религиоведческие исследования.	Центр исследования религиозной ситуации при Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики, Центр религиоведческих исследований.

Опрос был проведен сотрудником ИНИОН РАН в октябре – декабре 2023 г. Оценка текущего состояния, проблем и перспектив научного сотрудничества между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией, а также странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) проводилась в два этапа. На **первом этапе** осуществлялся поиск потенциальных партнеров по научному сотрудничеству среди аналитических центров Кыргызстана, на **втором этапе** – более тесное знакомство с позицией аналитиков (посредством интервью) и в определенной степени установление личных контактов с экспертами.

Составление экспертной базы не было сопряжено с какими-либо сложностями непреодолимого характера. Несмотря на отсутствие контактных данных экспертов на сайтах аналитических центров, найти их почтовые адреса в Интернете не составило большого труда. Этому способствовали следующие обстоятельства: практически все ключевые эксперты Кыргызстана были «на слуху»; они, как правило, работают в нескольких организациях, что упрощает их поиск; число экспертов в Кыргызстане не столь велико, как в Российской Федерации, Республике Армения или Республике Казахстан.

Первоначально планировалось опросить 50 экспертов, работающих как во всех вышеуказанных аналитических центрах, так и в различных вузах г. Бишкек¹¹, поскольку именно такое количество официальных контактов (номера те-

9. Организация, входящая в структуру Кыргызско-Турецкого Университета «Манас», ориентируется на исследования тюркоязычных регионов.

10. Входит в структуру Американского Университета в Центральной Азии (АУЦА).

11. Практика, при которой эксперт может работать одновременно в аналитическом центре и в вузе, – довольно распространена в Кыргызстане.

лефонов, электронные почтовые адреса) нам удалось обнаружить в открытом доступе в Интернете.

Письма с опросником высылались как на личные, так и на рабочие корпоративные и индивидуальные почтовые адреса. Это должно было повысить вероятность получения письма адресатом, оповестить не только руководство, но и штатных сотрудников аналитических центров в случае отсутствия у нас данных о наличии у них личных (или персональных служебных) почтовых адресов. В качестве формы прямого обращения к интервьюируемым, если отчетство эксперта осталось неизвестно, использовались слова «господин» или «госпожа». Респондентам было предложено ответить на вопросы письменно и в качестве коммуникации использовать электронную почту, одну из платформ сервиса обмена мгновенными сообщениями и голосовой связи либо ответить на вопросы устно при личной встрече. Подавляющее большинство опрашиваемых предпочло ответить письменно, используя для коммуникации электронную почту. По одному ответу было получено в ходе устного опроса посредством мессенджера и при личной встрече. Устная коммуникация длилась несколько минут, респондент ограничился краткими ответами на вопросы. Это во многом объясняется отсутствием свободного времени и высокой загруженностью экспертов аналитических центров.

На первом этапе путем письменного опроса предполагалось выяснить наличие профессиональной коммуникации киргизских аналитических центров с «мозговыми центрами» Российской Федерации и стран ЕАЭС; определить актуальную для Кыргызстана научную повестку, а также готовность экспертов этой страны к дальнейшему взаимодействию в рамках второго этапа исследования – проведения интервью.

При первой высылке писем-опросников было получено два ответа. Каждый последующий запрос-напоминание незначительно увеличивал количество ответов. К концу опросного периода была установлена связь лишь с 12% респондентов (нам ответили шесть экспертов из шести центров), что во многом объясняется отсутствием глав аналитических центров и уполномоченных ими сотрудников на рабочих местах (нахождение в длительных командировках местного или международного значения). Оставшиеся 18 аналитических центров не ответили на письма-опросники даже после четырехкратного оповещения по электронной почте. Как впоследствии выяснилось при посещении офисов этих организаций, они не получили наши вопросы из-за попадания писем в папку «спам», изменения почтового адреса или нерегулярного просмотра электронной корреспонденции. Вместе с тем, поскольку в организациях имеются необходимое материально-техническое обеспечение и соответствующий штатный персонал, нами допускается, что по разным причинам имело место и игнорирование писем-запросов.

Предположительно нежелание аналитических центров взаимодействовать с российской научной организацией могло быть связано с их вовлеченностью

в различные мероприятия с участием западных экспертов и аналитических центров, не приветствующих подобные контакты. Большую (если не главную) роль, вероятно, сыграла финансовая составляющая: бюджеты многих киргизских некоммерческих (НКО) и неправительственных (НПО) организаций зависят от проектов и их финансирования со стороны ряда правительственных и неправительственных организаций, представленных преимущественно Европейским союзом, США и Великобританией, поэтому официальные научные контакты с Российской Федерацией отрицательно бы сказались на деятельности аналитических центров. Также нельзя исключать и практическую незаинтересованность части «мозговых центров» Кыргызстана: явных выгод от данного взаимодействия они для себя не обнаружили (например, предложений об экспертно-аналитическом сотрудничестве в рамках исследований, финансируемых российской стороной или непосредственно ИНИОН РАН, не поступило). В случае же с государственными аналитическими центрами обратная связь преимущественно отсутствовала по причине нашего отказа от определенных бюрократических процедур, предусмотренных законом: необходимо было сделать официальное обращение в МИД Киргизской Республики от имени ИНИОН РАН и ждать реакции киргизского внешнеполитического ведомства, которое после вынесения положительного решения направило бы соответствующие уведомления в интересующие нас организации, официально запустив процесс международного взаимодействия¹².

Результаты, полученные в ходе первого этапа исследования, таковы.

При ответе на *первый вопрос*¹³ половина респондентов указала, что в обозначенный период поддерживала научные контакты с Республикой Казахстан, которые выражались преимущественно в виде проведения совместных экспертно-аналитических и научно-образовательных проектов и конференций и вовлечения казахстанских НКО в исследование центральноазиатской гендерной тематики. У двух организаций имелись незначительные контакты с армянскими и белорусскими экспертами. Оставшийся респондент ответил, что в течение двух лет они не имели внешних контактов, поскольку «не занимались полноценными исследованиями»¹⁴.

12. В силу сжатости сроков исследования было принято решение не обращаться в МИД Кыргызстана. В итоге в связи с нашим отказом от процедуры привлечь это внешнеполитическое ведомство опрос не удалось провести в НИСИ, Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева и в Центре исследования религиозной ситуации при Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики.

13. Имеете ли Вы или Ваша организация профессиональные коммуникации с исследователями из России и стран ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан) за последние 2 года (2022–2023 гг.)? Заинтересованы ли Вы в установлении контактов?

14. Ответ директора Института развития молодежи Мадины Саркуловой.

На *второй вопрос*¹⁵ также были даны неполные ответы, учитывающие только первую его часть. Эксперты обозначили необходимость академических обменов, проведения совместных научных мероприятий и подготовки научных публикаций в рамках следующих тематик: роль и положение трудовых мигрантов; экономическое сотрудничество с государствами ЕАЭС и Большой Евразии (в том числе в области развития совместных инфраструктурных проектов); паттерны потребительского поведения; положение микро-, малого и среднего бизнеса; новые подходы к изучению потребления медиа; управление конфликтами; региональная гендерная политика; вопросы развития молодежи; права человека; вопросы безопасности; кросс-границное сотрудничество; экология и изменение климата; геополитические изменения в регионе и мире.

При ответе на *третий вопрос*¹⁶ только 4 из 6 аналитических центров согласились на интервью, а 5 из 6 захотели получить результаты нашего исследования.

Интервью с киргизскими экспертами

Количественный охват респондентов на втором этапе исследования оказался прямо противоположным первому. Несмотря на первоначальное согласие на интервью лишь 4 экспертов, удалось провести 30 интервью, в итоге охватив 13 аналитических центров (17 экспертов из числа сотрудников вузов предпочли аффилиацию с образовательной организацией). Основной причиной, способствовавшей такому успеху, явилась смена тактики опроса – отход от письменных и виртуальных контактов (путем ведения электронной корреспонденции, обмена мгновенными сообщениями и/или видео-соединений) в пользу поочередного обхода офисов всех «фабрик мысли». Отсутствие географической распыленности и относительное удобство расположения (в рамках г. Бишкек) позволили провести серию интервью в течение трех недель.

Интервью было анонимным и состояло из четырех вопросов; ответы на киргизском и русском языках (в зависимости от языковых предпочтений интервьюируемых) записывались на диктофон (с разрешения интервьюируемых) и впоследствии переводились в стенограммы для удобства обработки полученной информации:

15. *Какая социально-экономическая и политическая повестка научных исследований требует первоочередного обсуждения в рамках международных взаимодействий научно-экспертного сообщества (независимо от страновой принадлежности)? В рамках каких организаций и механизмов такой диалог был бы наиболее продуктивен?*

16. *Готовы ли Вы ответить на более подробные вопросы в рамках нашего исследования (будет направлено дополнительное письмо)? Заинтересованы ли Вы в получении результатов нашего исследования?*

1. Как Вы оцениваете актуальное состояние научной дипломатии (Ваша страна и Россия, Ваша страна и страны ЕАЭС) на каждом из указанных ниже уровней: А) экспертного сообщества в целом; Б) отдельных организаций; В) отдельных экспертов. В чем Вы видите причины такого положения дел?

2. Как Вы считаете, насколько результаты имеющегося научного взаимодействия могут реально влиять на политический курс соответствующих стран? Объясните, почему так. Какие успешные практики (и по каким странам и направлениям) Вы можете назвать (собственный опыт, опыт коллег)? Оцените эффективность коммуникаций, опишите барьеры.

3. Возникают ли у Вас опасения, что Ваше взаимодействие с экспертами из других стран может быть использовано в пропагандистских целях?

4. Если бы Вы принимали участие в международной конференции по научной дипломатии, какие вопросы Вы бы подняли в своем докладе, какие рекомендации дали бы своим коллегам из Вашей страны и стран ЕАЭС?

Итак, отвечая на *первый вопрос*, респонденты оценили уровень научной дипломатии между Киргизской Республикой и Российской Федерацией (а также государствами ЕАЭС) следующим образом:

– 43% считают, что международные научные мероприятия Кыргызстана и России и имеющийся между ними уровень сотрудничества следует оценить как «высокий» и «очень высокий» преимущественно в формате кооперации отдельных государственных вузов двух стран в сфере гуманитарных наук;

– 16,5% ответили, что Россия пытается активизировать политику «мягкой силы» в Кыргызстане (на фоне геополитической напряженности после начала проведения Российской Федерацией Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г.) для упрочения своего влияния в регионе. Утверждается при этом, что страны не являются равновесными партнерами и поэтому не приходится говорить о реализации киргизской стороной какой-либо активной научной дипломатии в отношении Российской Федерации в отличие от российской политики в Кыргызстане. Вместе с тем подчеркивались и недостатки с киргизской стороны: аналитики полагают, что необходима основательная проработка киргизской научной дипломатии и ее видения относительно того, что Кыргызстан хочет достичь от подобного сотрудничества с учетом ключевых для региона вопросов воды, границ и безопасности;

– 13,2% оценили укрепление двустороннего российско-киргизского сотрудничества в сфере науки (и образования) как позитивный тренд;

– 10,3% указали на неудовлетворительный уровень научного сотрудничества Кыргызстана со странами ЕАЭС, так как Республика не проявляет никаких инициатив в этом направлении;

– 10% отметили, что российские вузы, в отличие от киргизских, не заинтересованы в сотрудничестве с коллегами из Кыргызстана¹⁷;

– 7% полагают, что в вопросе, касающемся оценки экспертного уровня взаимодействия, его можно охарактеризовать как «средний»¹⁸.

Что касается вопроса относительно экспертного уровня взаимодействия, то основная часть респондентов обошла его вниманием, при этом эксперты единогласно заявили о необходимости постоянных рабочих форматов для выстраивания научного сотрудничества и выработки рекомендаций.

При ответе на *второй вопрос* голоса экспертов распределились следующим образом:

– 29,7% склоняются к тому, что имеющееся научное взаимодействие может позитивно отразиться на Кыргызстане в целом: вклад науки в развитие отношений с государствами мира довольно весом, и поэтому научное взаимодействие может повлиять на политический курс, так как без образования и науки немыслимо развитие государств, а построение мостов между интеллектуальными элитами создает базу для сотрудничества на государственном уровне;

– 16,5% полагают, что сложно однозначно сказать, повлияет ли научное взаимодействие на политический курс, поскольку:

а) наука и политика – не синонимы¹⁹;

б) причинно-следственную связь между обсуждением и принятием решений напрямую установить ученым сложно – это сугубо личная прерогатива человека, принимающего решения, удел большинства аналитических центров мира – рекомендовать, а окончательное решение будет в любом случае за лицом, принимающим решение;

в) всегда необходимо учитывать тот факт, что установление тесных политических взаимоотношений с кем бы то ни было из крупных государств может привести к различного рода «потерям» со стороны Кыргызстана;

г) сегодня решения принимаются исходя из политической повестки²⁰.

17 Интерес к данному взаимодействию с киргизской стороны во многом объясняется необходимостью участия в российских конференциях и круглых столах с возможностью последующей публикации материалов в российских журналах из перечня РИНЦ и ВАК. Наличие зарубежных публикаций позволяет не только определить степень успешности профессорско-преподавательского состава вузов, но и является одним из требований ВАК Киргизской Республики, предъявляемых к соискателям ученой степени кандидата и доктора наук.

18 Основная часть респондентов не ответила на данный вопрос. Причины нам неизвестны.

19 В подтверждение тезиса указаны цитаты экспертов: «Наука должна быть свободна от политики и ничем не должна ограничиваться»; «Во всех вопросах должна быть трезвость рассудка и все действия должны быть четко выверены»; «Наука и научный подход помогут оценить ситуацию и не поддаваться пропаганде».

20 Пояснение к тезису дано в виде цитаты: «Политические решения принимаются без учета научных «фантазий». Раньше наука могла повлиять на политику в Кыргызстане, сейчас – нет».

– 13,3% полагают, что как такового влияния науки на политику нет; в подтверждение сказанному они дали следующие разъяснения:

а) отсутствие независимых экспертов по отдельным направлениям внешней политики в Кыргызстане;

б) незначительность имеющегося взаимодействия между государственными и околосударственными аналитическими центрами и учреждениями, которое можно скорее охарактеризовать как симуляцию взаимодействия;

в) разница между научным и политическим взаимодействием: научное взаимодействие предполагает поиск истины со всеми ее сложностями, а политика – поиск оптимальных решений, не учитывающих истину;

г) крайне слабое влияние научных контактов на политический курс страны в силу разорванности и/или разрозненности связей между наукой и политическим курсом. Выводы и рекомендации ученых остаются исключительно в рамках проводимых ими конференций, что говорит об отсутствии интереса к ним со стороны государства;

д) научные контакты крайне малоэффективны в случае отсутствия иных форм взаимодействия.

Остальная часть экспертов (40,5%) не дала четких ответов, при этом показав следующие результаты: 30% сделали акцент на двусторонних российско-киргизских отношениях и подчеркнули важность науки и политики в межгосударственном взаимодействии, но не дали определенного ответа на поставленный вопрос, а 10,5% – затруднились с ответом.

На *третий вопрос* часть экспертов отвечать не стала, поскольку сама постановка вопроса, на их взгляд, показалась неправильной или непонятной. Имеющиеся ответы были крайне сжатыми: «не знаю», «затрудняюсь ответить», «не исключено», «опасаться можно, но бессмысленно» и т. п. – что не позволяет оценить отношение респондентов к наличию/отсутствию возможной пропаганды при экспертном взаимодействии.

В качестве ответа на *первую часть четвертого вопроса* респонденты предложили следующие темы для обсуждения:

– экология в Центральной Азии, прежде всего проблема нехватки водных ресурсов;

– вопросы границ и вопросы безопасности в Центральной Азии;

– академическая мобильность в рамках студенческих обменов;

– вопросы развития местных сообществ и муниципального управления;

– поиск практических путей в расширении инфраструктурного и экономического взаимодействия Кыргызстана и России.

Вторая часть четвертого вопроса, связанная с рекомендациями экспертному сообществу, представлена следующими ответами:

– 23,1% полагают, что нужно рекомендовать: освещение вопросов обеспечения свободы во всех смыслах, «чтобы преподаватель или научный сотрудник

могли заниматься наукой»; рассмотрение проблем привлечения инвестиций в сектор науки и образования в Кыргызстане; изучение условий труда профессорско-преподавательского состава и возможностей обеспечения достойной оплаты труда; акцентирование внимания на актуальных вопросах развития отечественной науки в Кыргызстане и странах региона;

- 19,8% рекомендуют экспертному сообществу Республики продолжать работать над повышением эффективности научного сотрудничества с Российской Федерацией, развивать научное партнерство на взаимовыгодных условиях; выработать систематический подход в развитии научного и иных видов сотрудничества между двумя странами (Россией и Кыргызстаном); заниматься различными аспектами усиления значимости научной дипломатии в Республике;

- 16% полагают, что нужно делать больший акцент на отделении науки от политики;

- 13,2% сходятся в том, что необходимо рекомендовать перестать коверкать название Республики, заявляя, что это – неприемлемо²¹;

- 10% предлагают развивать все виды взаимодействия систематически, а не хаотически или ситуативно (в зависимости от предпочтений самих государств – РФ и Кыргызстана);

- 9,9% экспертов рекомендуют правительству Киргизской Республики:

- а) уделять внимание финансированию совместных проектов с независимыми аналитическими центрами, делая акцент на свободные исследования без политической конъюнктуры и «спецзаказа сверху»;

- б) увеличить финансирование научных изысканий, посвященных тематике ЕАЭС и решительнее реализовывать те инициативы, которые уже заложены в рамках союза;

- в) заняться улучшением и трансформацией экономико-производственных связей с Россией, которые так или иначе связаны с Центральной Азией;

- г) сосредоточиться на улучшении существующих связей между Российской Федерацией и государствами Центральной Азии;

- 6% призывают больше освещать в научных трудах проблемы экологии и нехватки водных ресурсов в Центральноазиатском регионе;

21. В подтверждение тезиса указаны цитаты экспертов: «Мы – Кыргызстан, а не Киргизия»; «Слово “Киргизия” – это нормальное русское слово, но это обозначение территории в ее отдельном социальном и государственном статусе в определенный период времени. Да, букв изменилось немного, но эти изменения принципиальные»; «Я бы коллегам-гуманитариям посоветовал быть более толерантными в высказываниях по отношению друг к другу. Например, быть осмотрительнее и осторожнее в своих высказываниях в отношении Казахстана и Кыргызстана»; «Необходимо перестать воспринимать страны Центральной Азии и ЕАЭС как что-то, что находится в орбите влияния, в том числе в интеллектуальной зависимости»; «Рекомендую мягче относиться к подходам, требованиям, мягче говорить об имеющихся проблемах и ставить четкие проблемы, актуальные для сотрудничающих стран».

– 2% считают, что необходимо прививать толерантность во взаимоотношениях между учеными разных стран, чтобы международная ситуация не сказывалась на уровне и качестве взаимодействия между ними.

Исследователи из Кыргызстана отметили проблемы излишней формализации и асимметричности научного взаимодействия, что создает подозрения в продвижении российской «мягкой силы». В то же время есть успешные форматы взаимодействия: в рамках международных конференций, экспертных площадок, научных публикаций, сотрудничества с отдельными экспертами, с которыми сформированы устойчивые личные контакты.

Термин «научная дипломатия» вызывал у опрошиваемых немало вопросов, поскольку им не всегда было понятно, что под этим подразумевается.

Заключение

Для сотрудничества между странами ЕАЭС в целом вполне достаточно традиционных академических связей при условии отсутствия какого-либо политического контекста. По мнению ряда респондентов, системность в научно-образовательном сотрудничестве может быть выражена путем создания исследовательских или университетских консорциумов долгосрочной программой совместной исследовательской деятельности. Вместе с тем личные контакты могут сыграть решающую роль в установлении прочных научных связей, что подтвердило в том числе и наше исследование – большое количество респондентов, готовых принять участие в опросе и интервью, объяснялось заинтересованностью самих экспертов и установившимся высоким уровнем доверия между интервьюируемыми и интервьюером.

Все респонденты отметили важность отделения науки от политики и экспертного знания от пропаганды, подчеркивали важность сохранения высокого уровня автономии исследователей и их коллективов как в выборе тем и методов исследований, так и при выборе партнеров.

В качестве авторских рекомендаций для развития тесных профессиональных контактов на уровне экспертов и экспертных групп следовало бы стимулировать:

- 1) участие в международных конференциях (на территории России, Кыргызстана, других государств ЕАЭС, а также стран «глобального Юга»; для этого потребуется дополнительное финансирование);

- 2) взаимные научные публикации (объявлять запрос на публикации киргизских экспертов в российских журналах на русском языке, а также приглашать российских коллег для размещения своих трудов в киргизских научных изданиях также на русском языке);

- 3) долгосрочные международные исследования с формированием устойчивых международных коллективов – по различным отраслям и предметам,

которые вызывают наибольший интерес и наименее зависят от политики (устойчивое развитие, вопросы местного и регионального развития, социальной и промышленной политики, цифровизации, транспортные коридоры, двусторонняя торговля и др.).

Библиография

Атлас аналитических центров Большой Евразии: справочник / под ред. А.В. Кузнецова. Т. 1. М.: ИНИОН РАН, 2023. 264 с.

Атлас аналитических центров ЕАЭС: справочник / Под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИНИОН РАН, 2021. 206 с.

Вилисов М.В., Вавилова Л.И., Кудаяров К.А. Аналитические центры и экспертные сообщества в странах Евразии: модели внутренних и международных коммуникаций. М.: ИНИОН РАН, 2023. 22 с.

Чубарьян А.О., Заботкина В.И., Гризе П., Руффини П. Научная дипломатия: теория и практика // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12-2, № 12 (110). URL: <https://history.jes.su/s207987840018743-6-1/> (дата обращения: 21.09.2025). DOI: 10.18254/S207987840018743-6.

McGann J.G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. University of Pennsylvania, 2021. 374 p.

Open Think Tank Directory. URL: https://onthinktanks.org/open-think-tank-directory/?select-ottd_country%5B%5D=kyrgyzstan&hidden-s=&hidden-current-page=1 (дата обращения: 01.10.2025).

References

Atlas analiticheskikh tsentrov Bol'shoy Evrazii: spravochnik [Atlas of analytical centers of Greater Eurasia: handbook] / ed. by A.V. Kuznetsov. Vol. 1. Moscow: INION RAS, 2023. 264 p. (In Russ.)

Atlas analiticheskikh tsentrov EAES: spravochnik [Atlas of analytical centers of the EAEU: a reference book] / ed. by A.V. Kuznetsov. Moscow: INION RAN, 2021. 206 p. (In Russ.)

Chubar'yan A.O., Zabolotkina V.I., Grize P., Ruffini P. Nauchnaya diplomatiya: teoriya i praktika [Science Diplomacy: Theory and Practice]. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [Istoriya]. 2021. Vol. 12, N 12-2 (110). URL: <https://history.jes.su/s207987840018743-6-1/> (date of accessed: 20.09.2025). DOI: 10.18254/S207987840018743-6 (In Russ.)

McGann J.G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. University of Pennsylvania, 2021. 374 p.

Open Think Tank Directory. URL: https://onthinktanks.org/open-think-tank-directory/?select-ottd_country%5B%5D=kyrgyzstan&hidden-s=&hidden-current-page=1 (date of access: 01.10.2025).

Vilisov M.V., Vavilova L.I., Kudayarov K.A. Analiticheskie tsentry i ekspertnye soobshchestva v stranakh Evrazii: modeli vnutrennikh i mezhdunarodnykh kommunikatsiy [Analytical centers and expert communities in the countries of Eurasia: models of internal and international communications]. Moscow: INION RA, 2023. 22 p. (In Russ.).

М.Б. Раренко

**РЕЦЕПЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ**

***Аннотация.** В постиндустриальном обществе постоянное приобретение новых знаний, умений и навыков оказывается высоко востребованным, что влияет на формат их получения. Возникшее в 1980-х годах в США понятие «инфотейнмент» (от англ. information – «информация» и entertainment – «развлечение») изначально использовалось в негативном контексте. Сегодня оно, утратив этот контекст, обозначает способ в минимально сжатые сроки усвоить информацию, не прилагая значительных усилий, поскольку при обучении задействован не только вербальный, но и визуальный компонент. Появившиеся в последние два-три десятилетия на мировом книжном рынке, в том числе и российском, изотексты (к которым относят комиксы, манга, графические романы и новеллы, виммельбухи, книжки-картинки, лубки, плакаты, карикатуры и другие рисованные истории) опираются на визуальный ряд. Это позволяет адресовать их разным возрастным читательским аудиториям (детям и взрослым) и использовать для различных целей: развлекательных, познавательных, образовательных. В статье рассматриваются особенности восприятия классических произведений литературы в современном обществе на примере четырех изотекстов, в основе которых лежит роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Цель данной статьи – исследовать социокультурные аспекты восприятия классических произведений в условиях постиндустриального общества.*

***Ключевые слова:** восприятие (рецепция); современное общество; постиндустриальное общество; русская словесность; классические литературные произведения; инфотейнмент; графический роман; графический путеводитель; манга; комикс; Ф.М. Достоевский; роман «Преступление и наказание».*

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Россия, Москва.

E-mail: rarenco@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-3601-6832

Rarenko M.B.

Reception of Classical Works in Post-Industrial Society

Abstract. *In a post-industrial society, the constant acquisition of new knowledge, skills, and abilities is in high demand, and it affects the format of their acquisition. The concept of infotainment (“information” + “entertainment”) appeared and was initially used in a negative context in the 1980s in the United States. Today, it refers to a way of mastering certain information in the shortest possible time, with minimal effort, due to the involvement of not only verbal but also visual components in learning.*

Isotexts began to appear on the global book market, including the Russian book market, two or three decades ago. They include comics, manga, graphic novels, picture books, prints, posters, cartoons, and other hand-drawn narratives, on the grounds that the narration in them is based on a visual sequence. Isotexts address different age groups (children and adults) and serve various purposes (entertaining, cognitive, and educational).

The article examines the peculiarities of the perception of classical literary works in modern society using the example of four isotexts based on F.M. Dostoevsky’s novel Crime and Punishment. The purpose of the article is to explore the sociocultural aspects of the perception of classical works in a post-industrial society.

Keywords: *perception; modern society; post-industrial society; Russian literature; classical literary works; infotainment; graphic novel; graphic guide; manga; comic; F.M. Dostoevsky; novel Crime and Punishment.*

**Rarenko Maria Borisovna – PhD in Philology, Leading Researcher of Linguistics
Department of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the
Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.**

E-mail: rarenco@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-3601-6832

Введение

Постиндустриальный этап развития общества, начавшийся в 50–70-х годах XX в. и пришедший на смену индустриальному, характеризуется не только значительными изменениями в экономической, политической и социальной сферах, но и существенным, а возможно, и определяющим, отношением к информации и знаниям, а также к способам их получения и закрепления. На этой стадии развития цивилизации движущей силой экономики признаются именно информация и знания, а образование приобретает характер непрерывного процесса, поскольку приобретение новых знаний, умений и навыков оказывается высоковостребованным в обществе. Поэтому постиндустриальное общество в самом общем виде можно определить как стадию развития цивилизации, когда движущей силой экономического развития становятся, прежде всего, информация и знания. Неудивительно, что к процессу приобретения новых знаний в этот период предъявляются высокие требования. В ответ на это в обществе постепенно выработался новый и, как сегодня уже можно с большой долей уверенности

констатировать, весьма хорошо зарекомендовавший себя формат их получения – *инфотейнмент*, позволяющий приобретать знания в довольно сжатые сроки и получать при этом определенное, прежде всего эстетическое, удовольствие.

Объем значения лексической единицы «инфотейнмент»

Лексическая единица «инфотейнмент» была заимствована в русский язык из английского путем транскрипции, т. е. воссоздания фонетической оболочки слова в другом языке. Английское же слово *infotainment* образовалось путем сложения двух английских лексем – *information* («информация») и *entertainment* («развлечение»), первое из которых «отдало» слову первые два слога, второе – два последних, в результате чего новая лексическая единица получила значение, которое можно описать как «получение информации посредством развлечения», т. е. в новой единице подчеркивается аспект получения информации (шире – знания) без приложения усилий, т. е. легко и непринужденно.

Судя по всему, в английском языке лексическая единица *infotainment* впервые появилась в США в публицистических работах по критике масс-медиа в 1980-е годы. Американский исследователь массмедиа Нил Постман в своей книге «Развлекаясь до смерти» (*Amusing ourselves to death*. New York, 1985) [Postman 1985], использует единицу *infotainment*, описывая отражение определенного мировоззрения, полученного посредством массмедиа. В своем исследовании Н. Постман использовал постулат канадского культуролога и философа, автора книги «Понимание медиа» Г.М. Маклюэна: «Расширения человека» [McLuhan 1964], которому принадлежит выражение «средство передачи информации – это сообщение», или в редуцированной форме: «медиа – это послание». Г.М. Маклюэн исходил из того, что посланием является информация, а медиа метафоризируют сознание человека.

Анализируя перемены, которые Нил Постман наблюдал в американском обществе во второй половине XX в., исследователь пришел к выводу о том, что все они могут быть объяснены отказом от культуры книги в пользу культуры телевидения, роль которого он считал огромной. Введя понятие «*infotainment*», он таким образом обозначил свое отношение к происходящему. В основу концепции *infotainment* Постман поместил сравнение двух известных антиутопий «1984» Дж. Оруэлла (1949) и «О, дивный новый мир» О. Хаксли (1932), таким образом подчеркнув, что в американской действительности воплощаются не пророчества Оруэлла о тоталитарной идеологии, а идеи Хаксли о гедонистическом обществе, в котором полностью нивелируется индивидуальность и способность мыслить независимо.

Таким образом, первоначально лексическая единица *infotainment* была использована в негативном контексте и, как таковая, имела отрицательную коннотацию. Названная лексическая единица призвана была обозначить некий ин-

струмент или технологию, при помощи которых осуществлялось уничтожение личности зрителя, слушателя или читателя. Отчасти это значение воспроизводится и сегодня в работах исследователей массмедиа.

Что касается англоязычных словарей общеупотребительной лексики, то первые словарные упоминания единицы *infotainment* относятся к 1980 г. Так, в Oxford English dictionary приводится следующее определение: «Broadcast material which seeks to inform and entertain simultaneously; (also more generally) informative material presented in an entertaining way» (т. е. «транслируемый посредством теле- или радиовещания материал, направленный на информирование и развлечение одновременно»; в более общем плане: «информативный материал, представленный в развлекательной форме») Также отмечается, что в британский английский язык слово попало из американского варианта.

Инфотейнмент в поисковом запросе elibrary

При введении в поисковом запросе elibrary лексической единицы «инфотейнмент» пользователю предлагается ознакомиться с 1480 публикациями из 65 178 801.

О том, что «инфотейнмент» – явление относительно новое и привлекающее внимание многих исследователей, но в то же самое время – недостаточно изученное, свидетельствует тот факт, что трактуют его то как «жанр», то как «стиль», «направление», «дискурс», «технологию», «метод», «формат», «феномен», «явление», «тенденцию», «инструмент», «способ», «стратегию», «средство воздействия» и даже как «эпоху» (см. например: [Гмызина 2018; Долгова 2018; Долгова 2020; Ефанов 2018; Ивлиева 2018; Никитина 2018; Соколова 2018; Третьяк 2020; Трошина 2018; Чаган 2014 и др.]).

Авторы большинства представленных на портале публикаций при описании данного явления обращаются к сфере медиакультуры [Безгина 2020; Голокова, Смородов 2021; Долгова 2018; Долгова 2020; Ефанов 2018; Ивлиева 2018; Никитина 2018; Соколова 2018; Сурикова 2021; Третьяк 2020; Трошина 2018; Хан Юй 2021; Хорольский 2018; Чаган 2014]. В то же самое время на портале elibrary есть некоторое количество публикаций, авторы которых рассматривают *infotainment* несколько шире и в ином аспекте, распространяя его помимо СМИ и на другие сферы жизнедеятельности человека [Гмызина 2018; Долгова 2018; Трошина 2018; Тятых 2021].

Инфотейнмент как новый формат получения информации и знаний

Если изначально *infotainment* предстает как определенный формат представления и, следовательно, потребления информации в медиасфере, позволяющий целевой аудитории при минимальных интеллектуальных затратах,

в минимально сжатые сроки овладеть некой информацией, то впоследствии возникает вполне закономерный вопрос о возможности использовать эти «технологии» и в других сферах.

Сегодня формат инфотейнмент довольно хорошо зарекомендовал себя в образовательных учреждениях, начиная с детских садов и заканчивая высшими учебными заведениями. Визуальное представление информации все больше оказывается востребованным при подготовке новых материалов как преподавателями, читающими лекции и ведущими семинары, так и самими учащимися. Представляемая в виде презентаций новая информация, как показывают исследования психологов и социологов, не только лучше и быстрее воспринимается и запоминается, но и мотивирует ее реципиентов к получению новых знаний, навыков, умений.

Классическая литература в постиндустриальном обществе

Под «классической литературой» в самом общем виде принято понимать произведения художественной литературы, которые считаются эталоном для своей эпохи или того или иного жанра. При этом речь идет о мировой классической литературе и национальной классической литературе; ряд произведений отдельной национальной классической литературы входят в список мировой.

Чтобы стать «классическим», тексту художественного произведению необходимо пройти довольно сложный и извилистый путь, поэтому с момента его создания, как правило, проходит немало лет, десятилетий, а, может быть, и столетий. За это время происходит смена поколений, то, что казалось незыблемым и правильным, модным и смешным, перестает так восприниматься. В языке происходят значительные изменения, что также не может не заметить читатель новой эпохи. Конечно, все эти изменения приводят к тому, что некоторые моменты прошлого, нашедшие отражение в художественном произведении, затрудняют его восприятие, а процесс чтения превращается в занятие, требующее сосредоточенности, внимания к деталям, знания реалий эпохи. Частью читателей чтение классической литературы воспринимается как увлекательный процесс познания прошлого, для других – превращается в обременительный труд, награждение за который – формирование культурного капитала – приходится ждать годами и даже десятилетиями.

Отдавая предпочтение изучению прикладных дисциплин, многие школьники пренебрегают чтением классических произведений. Изучение классической литературы требует от школьников значительных затрат времени и сил в течение учебного года, которых не хватает даже детям, ориентированным на учебу. Этому есть несколько причин: 1. Действительно, академических часов на изучение литературы в рамках школьной программы отводится мало, а спи-

сок рекомендованных к прочтению книг довольно обширный. 2. Лишь немногие школьники следуют рекомендациям учителей и читают художественные произведения во время летних каникул. 3. Для адекватного освоения классического текста у современных школьников недостаточно экстралингвистических (в первую очередь, культурных) знаний, особенно по истории родной страны – это факт, не требующий доказательств. 4. «Клиповое» мышление, присущее многим представителям молодого поколения, значительно затрудняет процесс чтения, тем более произведений, написанных в другую эпоху. Более того, несмотря на то, что изучение произведений классической литературы, наиболее важных с точки зрения истории литературы и культуры, является обязательным, процент выпускников школ, сдающих экзамен по литературе, ничтожно мал по сравнению с теми, кто сдает другие предметы. Изучение литературы в школах по-прежнему чаще всего происходит по остаточному принципу. Таким образом, получается, что у современных школьников нет ни внутренней, ни внешней мотивации к изучению литературы. В то же время сегодня отмечается тенденция к моде на образованность и эрудированность, что предполагает наличие не только профессиональных знаний, умений и навыков, но и широко-го кругозора, разносторонних интересов. Знание классических произведений также считается «хорошим тоном».

Изотекст в помощь читающим классическую литературу

В последние два-три десятилетия на мировом книжном рынке, в том числе и российском, сначала робко, затем все более уверенно, а в последние три-четыре года настойчиво и даже напористо, издатели предлагают читателям продукт, который в научной литературе получил название изотекста¹. К изотекстам относят комиксы, манга, графические романы и новеллы, виммельбухи, книжки-картинки, лубки, плакаты, карикатуры и другие рисованные истории на том основании, что повествование в них опирается на визуальный ряд [Кунин 2020, с. 5]. Роль иллюстрации при этом может быть разной – доминирующей, равнозначной тексту, подчинительной. Отметим, что и в последнем случае без иллюстрации вербальная часть не является самодостаточной. Изотексты могут быть адресованы разным возрастным читательским аудиториям (детям и взрослым), иметь разные цели (развлекательные, познавательные, образовательные). Своей популярностью у детей изотексты обязаны тому, что

1. В качестве синонима изотексту в нашей статье мы будем также использовать термины «графический продукт», «вербально-визуальный продукт». Последний термин представляется нам особенно удачным, поскольку он подчеркивает, что в основе подобного рода произведений (продуктов) лежит принцип соединения вербальных и визуальных средств для достижения авторами желаемого результата. – Прим. автора.

их «понимание не требует больших интеллектуальных усилий, но доставляет удовольствие» [Кожевникова 2021, с. 196].

На наш взгляд, наибольший интерес среди изотекстов представляют графический роман и графический гид (путеводитель).

Графический роман как феномен

Графический роман представляет собой вербально-визуальную адаптацию художественного произведения – романа, как следует из названия данного изотекста. На российском рынке сегодня представлено довольно много продуктов данного рода. «Преобразованию» подвергаются, как правило, классические произведения крупной формы. На российском книжном рынке это произведения русских авторов: «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Война и мир» и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Герой нашего времени» М. Ю Лермонтова, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова и другие книги, которые входят в золотой фонд русской и мировой литературы.

Каждый из упомянутых выше графических романов уникален и заслуживает особого внимания. В нашей статье мы остановимся на изотекстах, в основе которых лежит роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Этот роман является, пожалуй, своего рода «лидером»: по его мотивам издано не менее десятка вариантов вербально-визуальных произведений. Отметим, что помимо двух графических романов [Преступление и наказание 2024; Чухрай, Полтораки 2024] по мотивам «Преступления и наказания» были изданы манга японского иллюстратора Осаму Тэдзуки (1953, пер. на русский 2012) и комикс французского художника и сценариста Бастьена Лукиа (2019, пер. на русский 2024) [Достоевский 2024].

Кратко остановимся на манге Осаму Тэдзуки. Первоначально предназначенный для японской аудитории вербально-визуальный продукт, видимо, своей целью имел в целом познакомить с сюжетом русского романа в игровой форме, дать представление, о чем роман. Как было отмечено в нашей статье, в манге есть смещение акцентов, неточности в изложении сюжета, отсутствуют второстепенные сюжетные линии и пр. Что касается графического оформления, то японский иллюстратор использовал стиль представления персонажей, в котором прослеживается среди прочего, и диснеевский мотив (подробно см.: [Крюкова, Раренко 2024]).

Вышедшая в России в 2012 г. манга Осаму Тэдзуки в переводе на русский язык – явление уникальное в силу ряда причин [Тэдзука Осаму 2012]. Во-первых, не совсем понятна цель издателей: а) познакомить русских читателей с жанром манги, б) показать, как «прочитывается» роман Ф.М. Достоевского в Японии? Неясно, почему выбрана манга по мотивам романа русского писателя, логичнее было бы выбрать классическое японское произведение. Во-вто-

рых, непонятно, кому адресовано издание: а) едва ли российским школьникам, поскольку в манге большое количество неточностей, из-за чего использовать издание как обучающее нельзя; б) взрослой аудитории, которой хорошо известен роман и которая получит эстетическое удовольствие, фиксируя расхождения с оригиналом?

Комикс² Бастьена Лукиа, адресованный, прежде всего, франкоязычной аудитории, вероятно, связан со стремлением помочь ей ознакомиться с романом Ф.М. Достоевского, вошедшего в мировой фонд классических произведений, в развлекательной форме³. Цель автора комикса заключается не в том, чтобы заменить текст романа (в настоящее время известны, по крайней мере, шесть переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на французский язык), а в том, чтобы превратить чтение в простой и увлекательный процесс. Во «Введении» Бастьен Лукиа пишет: «Когда я впервые прочел “Преступление и наказание”, изначально ожидая всего, что иногда считается присущим русской литературе (слишком длинно, слишком много персонажей, слишком все русское), то, к своему удивлению, почувствовал, что погрузился в непонятный мир, о котором много говорят, хотя почти ничего о нем не знают...» [Достоевский, 2024, с. 3]. Можно предположить, что, создавая свою адаптацию романа, Лукиа руководствовался идеей сделать роман «доступным» для своих соотечественников. Он отмечает, что «самым трудным при создании адаптации этого произведения объемом в семьсот страниц было вычленив наиболее сильные моменты, оставив в стороне остальные, то есть сосредоточиться на главном, сохранив всю драматическую и человеческую мощь этого огромного романа» [Достоевский, 2024, с. 3].

Объем комикса – 160 с. альбомного формата, текст равнозначен визуальной составляющей. Особенно следует отметить наличие в издании ссылок и примечаний – их немного, всего 12, некоторые носят страноведческий характер: «На Сенной площади – “площади сена” – находился знаменитый рынок, где продавался домашний скот, продовольственные продукты, дрова и, разумеется, сено. В этом крайне оживленном и известном районе Санкт-Петербурга – где жил Достоевский, недалеко от Екатерининского канала – располагались многочисленные трактиры, дома терпимости и прочие злочастные места. Можно легко представить себе мрачную атмосферу, часто там царившую. Церковь Пресвятой Богородицы (на заднем плане), построенная между 1753 и 1765 гг., была разрушена в 1961 г.» [там же, с. 158], другие касаются данного издания и истории создания Ф.М. Достоевским романа: «Сюжет последних страниц комикса основан на “Журнале Раскольникова”, а также на записках и чернови-

2. Так определяет жанр своей адаптации Б. Лукиа. – Примеч. автора.

3. Первый перевод романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» под названием «*Crime et Châtiment*» вышел в 1884 г., переводчик – Виктор Дерели.

ках Достоевского. Первая версия “Преступления и наказания” была написана от первого лица в форме дневника, который вел Раскольников» [там же, с. 159].

Упомянутые ниже два графических романа были созданы изначально для русскоязычной аудитории.

Издание, подготовленное Д. Чухраем и А. Полтораком, вышло в серии «Классическая литература в графических романах» и снабжено указанием на форзаце «основано на романе Федора Достоевского “Преступление и наказание”» [Чухрай 2024]. В аннотации к изданию отмечено, что данное издание – «самая масштабная и близкая к оригиналу визуальная адаптация “Преступления и наказания”» [Чухрай 2024, с. 2]. Во «Введении» читателям предлагается небольшая, но весьма информативная справка о том, что представлял собой Петербург времени создания Ф.М. Достоевским своего романа, в частности, описывается место – «проклятый треугольник» – в центре Петербурга, где разворачиваются описываемые события. Объясняется устройство города, дается описание знаменитым петербургским «колодцам», поясняется суть «доходных домов» и кто в них жил. Авторы посчитали необходимым прокомментировать фамилии некоторых персонажей, объяснили, на какие сокращения им пришлось пойти: «Конечно, для создания графической адаптации “Преступление и наказание” пришлось сокращать.... Увы, нам все же пришлось опустить несколько сцен. Мы выбрали для этого те, где, по нашему мнению, отдельный эпизод не влияет на формируемый в романе сюжет и восприятие последующих событий» [Чухрай 2024, с. 5].

Важно, что авторы адаптации указывают цель данного издания: «Мы очень надеемся, что вам понравится наша графическая адаптация, то, как мы увидели роман великого русского писателя, и это вдохновит вас перечитать или прочитать впервые одно из самых выдающихся произведений мировой литературы» [Чухрай, Полторака 2024, с. 5].

Книга, изданная в увеличенном формате, насчитывает 331 с., где иллюстрации играют столь же важную роль, как и текст.

Графический роман «Преступление и наказание» (на обложке указан только иллюстратор – Мария Батурская) вышел в издательстве АСТ в 2024 г. Он значительно уступает предыдущим изотекстам по объему – в нем 144 с., формат 60×90/16, тем не менее основная сюжетная канва сохранена, главные герои и их позиции обозначены. Компактное размещение иллюстраций и небольшой объем могут создавать иллюзию доминирования текста над визуальными элементами, что отличает это издание от других.

В кратком «Введении» издатели обращаются к потенциальному читателю на «ты», используют разговорную лексику. Это дает основания полагать, что издание ориентировано в первую очередь на школьников (несмотря на то, что на обложке стоит знак ограничения по возрасту «18+»). Сами издатели объясняют цели и задачи, которые ставили перед собой, следующим образом: «Мы

старательно искали подход как к тем, кто давно знает произведение, так и к тем, кто только собирается с ним познакомиться. Мы хотели, чтобы герои со страниц романа казались живыми – такими же, как и мы, несмотря на различие эпох, перемену взглядов и порядков, развитие прогресса и совсем иные привычки» [Преступление и наказание 2024, с. 3]. В конце книги приводятся сведения об истории написания романа, о реакции общества того времени на вышедший роман, переводах на иностранные языки, а также об адаптациях романа в кино и театре. Отметим, что в конце книги в отличие от «Введения» стиль повествования иной – более отстраненный: «В сентябре того же 1865 года Достоевский предложил редактору журнала “Русский вестник” Михаилу Каткову разместить свое новое произведение на страницах его издания, сообщив, что начатая им работа – это “психологический отчет одного преступления”» [там же, с. 135].

В приветствии от «комиксиста» Марии Батурской читаем: «Я питаю большую надежду, что кто-то, кто не был знаком с тяжеловесными серьезными произведениями русской классики, кто-то, кто до этого боялся подступить, кто-то, кто думал, «нет, это не для меня», сегодня откроет эту книгу и найдет для себя что-то новое и интересное» [там же, с. 143].

Отметим, что все описанные вербально-визуальные произведения отличаются высокий профессионализм, креативность, достойный уровень полиграфии и, как следствие, довольно высокая цена, нередко превышающая среднюю стоимость хорошо изданного классического оригинала приблизительно в 2 раза.

Причины популярности графических романов

Популярность графических романов в последнее время растет. Их целевая аудитория варьируется от школьников, изучающих произведения классической литературы, до искушенных читателей, интерес которых к подобному жанру, можно предположить, вызван не столько интересом к первоисточнику, сколько тем, как происходит адаптация классического произведения, как трактуются события и поступки героев, удастся ли в итоге сохранить стиль эпохи.

В то же самое время, создатели изотекстов – манги, комикса и графического романа, взяв на вооружение формат инфотейнмента, превращают чтение классического произведения в увлекательную игру. Более того, авторы графических произведений, как нам кажется, вступают в игру между собой, предлагая разные подходы к решению поставленной задачи, чем и объясняется появление на книжном рынке нескольких графических произведений на основе одного классического текста.

Выпускаемые графические произведения ориентированы на разные целевые аудитории, поэтому и задачи, стоящие перед ними, различаются. Так, если целевой аудиторией выступают учащиеся средних школ и средних учебных заведений, а тем более абитуриенты, готовящиеся к сдаче экзамена по литера-

туре, то главным требованием к изотексту выступает максимальная близость к оригинальному тексту, наличие пояснений. Как нам представляется, в качестве удачного примера такого изотекста может послужить графический путеводитель к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [Олейников, 2024].

Он не призван «заменить» оригинал, но поможет, благодаря визуальному компоненту и справочной информации, представленной в большом количестве на его страницах, понять уклад жизни в ту эпоху.

Если читатель ставит перед собой задачу ознакомиться с классическим произведением посредством «вторичного текста» (по А.И. Новикову), то, вероятнее всего, причиной является фактор времени. Помимо факторов времени безусловными «преимуществами» вторичного текста выступают: простота/доступность восприятия (наглядность); однозначная/упрощенная трактовка героев и их действий (поступков), выраженная дидактичность представления информации. Все эти характеристики изотекста привлекают читателя.

Фактор времени, как было сказано выше, часто является определяющим, поскольку большие информационные потоки требуют от современного человека максимально быстро воспринимать, анализировать, обобщать информацию, отделять нужную от ненужной. Экономия времени происходит за счет того, что в отличие от оригинальных текстов классических произведений в изотекстах представленными оказываются по преимуществу магистральные сюжетные линии; второстепенные герои, особенно те, которые непосредственно не участвуют в раскрытии основного сюжета, часто опускаются. Описания локаций и персонажей по большей части отсутствуют, как и лирические отступления. Диалоги персонажей, в том числе и внутренние, подлежат сокращению за счет обобщений и выводов. Так в изотекстах удастся значительно сократить объем оригинального продукта.

Визуальное оформление графического произведения может быть как в черно-белом исполнении, так и в цветном. Герои имеют большее или меньшее сходство с «прототипами». Так, в манге Осаму Тэдзуки Родион Раскольников изображен весьма условно, в его облике присутствуют даже комические черты, делающие его похожим на Пинокио из диснеевского мультфильма. В целом, условность изображения, подчеркивающая наиболее характерные особенности облика героев или локаций, в той или иной степени присутствует во всех изотекстах.

Что касается вербальной составляющей, то авторы изотекстов, сокращая монологи и диалоги персонажей, могут намеренно стилизовать текст – намеренно вводя в речь персонажей устаревшие обороты или, напротив, осовременивая ее. Отметим интересное решение, найденное переводчиком манги на русский язык: некоторые наиболее важные для сюжета фрагменты диалогов и внутренних монологов героев «сохранены», т. е. представляют собой прямые цитаты из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Выводы

Итак, формат инфотеймент, реализуемый в изотекстах, распространяется и на восприятие классических произведений. Вербальная информация, поддерживаемая визуальным рядом, воспринимается легче, лучше запоминается, дольше остается в памяти. Изотекст – графический роман, манга, комикс – таким образом, имеет преимущество в этом плане перед традиционным печатным текстом. Приемы визуализация персонажей и локаций, используемые создателями вербально-визуальной продукции, в значительной степени определяют восприятие оригинального, классического, произведения, положенного в их основу.

Что касается вербальной стороны вербально-визуальных произведений, то общих правил, определяющих, в каком соотношении должны быть представлены визуальные и вербальные средства, нет: окончательное решение остается за авторами, которые, видимо, исходят из потребностей целевой аудитории.

Авторы вербально-визуальных произведений, решающие, в первую очередь, образовательные задачи, в большей степени стремятся сохранить сюжетные линии оригинального произведения: воссоздают визуальные «портреты» персонажей, следуя данным в тексте описаниям, вводят прямые цитаты и пр. Авторы вербально-визуальных произведений, ставящие перед собой развлекательные цели, позволяют себе вольную трактовку оригинального текста, что проявляется в способах графической интерпретации персонажей, в нарочитом изменении времени и места действия сюжета. Во втором случае «вольное» обращение с источником может стать поводом для интеллектуальной игры между автором/авторами изотекста и читателем, участие в которой требует от последнего высокого уровня развития интеллекта, аналитических способностей, умения сопоставлять разные факты, знания оригинального текста.

Библиография

Безгина А.А. Возникновение и развитие понятия «инфотеймент» в зарубежных и отечественных исследованиях массмедиа // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор Н.И. Степыкин. 2020. С. 12–19.

Гмызина Э.В. Инфотеймент как инструмент создания новой идеологии // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4 (12). С. 74–78.

Голокова М.С., Смородов А.А. Роль инфотеймента в спортивной журналистике // Материалы итоговой научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава Национального государственного Университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, за 2020 г., посвященной 125-летию Университета. Министерство спорта Российской Федерации, Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта. 2021. С. 177–179.

Долгова Н.В. Просвещение и инфотейнмент в популяризации науки (на примере российских общественно-политических интернет-СМИ) // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения). Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. 2018. С. 307–312.

Долгова Ю.И. Влияние стиля «инфотейнмент» на представление реальности в информационном вещании // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. 2020. С. 127–128.

Федор Достоевский, Бастьен Лукиа. Преступление и наказание. М.: Алраса, 2024. 160 с.

Ефанов А.А. К проблеме коннотации феномена инфотейнмента в новостном поле медиа // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет». 2018. С. 3319–3321.

Ивлиева Е.В. Документальные телевизионные сюжеты жанра «инфотейнмент» программы «Утро России» телеканала «Россия 1»: драматургический аспект исследования // Наука телевидения. 2018. Т. 14. № 1. С. 159–182.

Крюкова О.С., Раренко М.Б. Манга Осаму Тэдзуки «Преступление и наказание»: закономерности и парадоксы интермедиальности // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28). С. 181–193.

Кожевникова Е.А. Современная книжная иллюстрация как средство мотивации детей к чтению // Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития: материалы XIV Белорусско-Российского науч. семинара-конференции «Современные проблемы книжной культуры». Минск: Центральная науч. библиотека НАН Беларуси; Москва: ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2021. С. 192–198.

Кунин А.И. Введение. От рисованных историй к изотекстам // Изотекст-2020: Материалы V Российской международной конференции исследователей рисованных историй. М.: Рос. гос. б-ка для молодежи; ИЭА РАН, 2020. 216 с.

Никитина С.В. Инфотейнмент как формат будущего // Неделя науки и творчества – 2018. Материалы Межвузовского научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых: в 3 частях. 2018. С. 161–163.

Олейников А. Онегин: Графический путеводитель / Алексей Олейников, ил. Натальи Яскиной. М.: Самокат, 2024. 128 с.

Преступление и наказание. Графический роман / Достоевский Ф.М. иллюстратор М. Батурская. М.: Издательство АСТ, 2024. 144 с.

Соколова И.С. Научно-популярная книга vs научно-популярная лекция по естествознанию: проблемы чтения в эпоху инфотейнмента // Труды ГПНТБ СО РАН. 2018. № 13–2. С. 468–475.

Сурикова Т.И. Стратегия инфотейнмента в эфире с точки зрения лингвистики // Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. 2021. С. 490–491.

Третьяк А.Ю. Феномен «инфотейнмент» как новый метод подачи информации в рамках образовательного процесса // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов V международной научно-практической очно-заочной конференции. 2020. С. 740–745.

Трошина Н.Н. Тенденция к стилю «инфотейнмент» в современном деловом дискурсе // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1–2 (32–33). С. 195–211.

Тэдзука Осаму. Преступление и наказание / Пер. с японского. Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2012. 136 с.

Тятых М.В. Инфотейнмент в политической коммуникации // Журналистика, массовые коммуникации и медиа: взгляд молодых исследователей. Материалы Научно-практической конференции молодых исследователей, аспирантов и студентов. Белгород, 2021. С. 164–169.

Хан Юй. Исследование феномена инфотейнмента в китайском интернете // Журналистика и общественные коммуникации в цифровом пространстве: создавая смыслы. Сборник материалов. Владивосток, 2021. С. 217–221.

Хорольский В.В. Научно-популярная публицистика в западных СМИ: инфотейнмент и просвещение масс // Былое и мы. Журналистика и литература в пространстве культуры. Сборник научных статей. К 100-летию ВГУ. Воронеж, 2018. С. 94–108.

Чаган Н.Г. Инфотейнмент как явление медиакультуры // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 2. С. 76–82.

Чухрай Д. Преступление и наказание: графический роман / Дмитрий Чухрай, Александр Полторак. Ростов н/Дону: Феникс, 2024. 331 с.

McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964. 392 p.

Postman N. Amusing ourselves to death: Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. New York: PENGUIN BOOKS, 1985. 184 p.

References

Bezgina A.A. Voznikovenie i razvitie ponjatija «infotejnmnt» v zarubezhnyh i otechestvennyh issledovaniyah massmedia [The emergence and development of the concept of «infotainment» in foreign and domestic media studies]. Strategija razvitija regional'nyh SMI: problemy i perspektivy. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Otvetstvennyj redaktor N.I. Stepykin. 2020. P. 12–19. (In Russ.)

Chagan N.G. Infotejnmnt kak javlenie mediakul'tury [Infotainment as a phenomenon of media culture]. Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovanija. 2014. N 2. P. 76–82. (In Russ.)

Chuhraj D., Poltorak A. Prestuplenie i nakazanie/graficheskij roman [Crime and punishment / graphic novel]. Rostov n/Donu: Feniks, 2024. 331 p. (In Russ.)

McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964. 392 p.

Dolgova N.V. Prosveshhenie i infotejnmnt v populjarizacii nauki (na primere Rossijskikh obshchestvenno-politicheskikh internet-SMI) [Enlightenment and infotainment in the popularization of science (on the example of Russian socio-political online media)]. Obshchestvo i gosudarstvo v zerkale sociologicheskikh izmerenij (VIII Rjazanskije sociologicheskie chtenija). Materialy Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Otvetstvennye redaktory R.E. Markin, A.V. Pronoza. 2018. P. 307–312. (In Russ.)

Dolgova Ju.I. Vlijanie stilja «infotejnmnt» na predstavlenie real'nosti v informacionnom veshanii [The influence of the «infotainment» style on the representation of reality in information broadcasting]. Zhurnalistika v 2019 godu: tvorcestvo, professija, industrija. sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2020. P. 127–128. (In Russ.)

Dostoevskij F. Bast'en Lukia. Prestuplenie i nakazanie [Crime and punishment] /. M.: Alpaca, 2024. 160 p. (In Russ.)

Efanov A.A. K probleme konnotacii fenomena infotejnmnta v novostnom pole media [On the problem of the connotation of the infotainment phenomenon in the media news field]. Universitetskij kompleks kak regional'nyj centr obrazovanija, nauki i kul'tury. materialy Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii. Ministerstvo obrazovanija i nauki RF, FGBOU VO «Orenburgskij gosudarstvennyj universitet». 2018. P. 3319–3321. (In Russ.)

Gmyzina Je.V. Infotejnmnt kak instrument sozdanija novoj ideologii [Infotainment as a tool for creating a new ideology]. Vestnik gumanitarnogo obrazovanija. 2018. N 4 (12). P. 74–78. (In Russ.)

Golokova M.S., Smorodov A.A. Rol' infotejnmenta v sportivnoj zhurnalistike [The role of infotainment in sports journalism]. Materialy itogovoj nauchno-prakticheskoy konferencii professor-sko-prepodavatel'skogo sostava Nacional'nogo gosudarstvennogo Universiteta fizicheskoy kul'tury, sporta i zdorov'ja im. P.F. Lesgafta, Sankt-Peterburg, za 2020 g., posvjashhennoj 125-letiju Universiteta. Ministerstvo sporta Rossijskoj Federacii, Nacional'nyj gosudarstvennyj Universitet fizicheskoy kul'tury, sporta i zdorov'ja im. P.F. Lesgafta. 2021. P. 177–179. (In Russ.)

Han Juj. Issledovanie fenomena infotejnmenta v kitajskom internete [A study of the phenomenon of infotainment in the Chinese Internet]. Zhurnalistika i obshhestvennye kommunikacii v cifrovom prostranstve: sozdavaja smysl. Sbornik materialov. Vladivostok, 2021. P. 217–221. (In Russ.)

Horol'skij V.V. Nauchno-populjarnaja publicistika v zapadnyh smi: infotejment i prosveshhenie mass [Popular science journalism in Western media: Infotainment and enlightenment of the masses]. Byloe i my. Zhurnalistika i literatura v prostranstve kul'tury. Sbornik nauchnyh statej. K 100-letiju VGU. Voronezh, 2018. P. 94–108. (In Russ.)

Ivlieva E.V. Dokumental'nye televizionnye sjuzhety zhanra «infotejment» programmy «Utro Rossii» telekanala «Rossija 1»: dramaturgicheskij aspekt issledovaniya [Documentary television plots of the genre «infotainment» of the program «Morning of Russia» of the TV channel «Russia 1»: a dramatic aspect of research]. Nauka televidenija. 2018. T. 14. N 1. P. 159–182. (In Russ.)

Kryukova O.S., Rarenko M.B. Manga Osamu Tjedzuki «Prestuplenie i nakazanie»: zakonornosti i paradoksy intermedial'nosti [Osamu Tezuka's Manga Crime and Punishment: Patterns and Paradoxes of Intermediality]. Dostoevsky and World Culture. Philological journal, N 4 (28), 2024, P. 181–193. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-181-193> (In Russ.)

Kozhevnikova E.A. Sovremennaja knizhnaja illjustracija kak sredstvo motivacii detej k chteniju [Modern book illustration as a means of motivating children to read]. Sovremennye problemy knizhnoj kul'tury: Osnovnye tendencii i perspektivy razvitiya: materialy XIV Belorussko-Rossijskogo nauch. seminar-konferencii «Sovremennye problemy knizhnoj kul'tury». Minsk: Central'naja nauch. biblioteka NAN Belarusi; Moskva: FGBU nauki Nauchnyj i izdatel'skij centr «Nauka» RAN, 2021. – S. 192–198.

Kunin A.I. Vvedenie. Ot risovannyh istorij k izotekstam [Introduction. From hand-drawn stories to iso texts]. Izotekst-2020: Materialy V Rossijskoj mezhdunarodnoj konferencii issledovatelej risovannyh istorij. M.: Ros. gos. b-ka dlja molodezhi; IJeA RAN, 2020. 216 s.

Nikitina S.V. Infotejment kak format budushhego [Infotainment as a format of the future]. Nedelja nauki i tvorchestva – 2018. Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma studentov, aspirantov i molodyh uchenyh: v 3 chastjah. 2018. P. 161–163. (In Russ.)

Olejnikov A. Onegin: Graficheskij putevoditel' [Onegin: Graphic Guide] / Aleksej Olejnikov, il. Natal'i Jaskinoj. M.: Samokat, 2024. 128 s. (In Russ.)

Postman N. Amusing ourselves to death: Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. New York: PENGUIN BOOKS, 1985. 184 p.

Prestuplenie i nakazanie. Graficheskij roman [Crime and punishment. Graphic novel] / Dostoevskij F.M. M.: Izdatel'stvo AST, 2024. 144 p. (In Russ.)

Sokolova I.S. Nauchno-populjarnaja kniga vs nauchno-populjarnaja lekcija po estestvoznaniyu: problemy chtenija v jepohu infotejnmenta [Popular Science book vs popular science lecture on natural science: problems of reading in the era of infotainment]. Trudy GPNTB SO RAN. 2018. N 13-2. P. 468–475. (In Russ.)

Surikova T.I. Strategija infotejnmenta v jefire s točki zrenija lingvojetiki [The strategy of on-air infotainment from the point of view of linguoethics]. Zhurnalistika v 2020 godu: tvorchestvo, professija, industrija. sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2021. P. 490–491. (In Russ.)

Tretjak A.Ju. Fenomen «infotejment» kak novyj metod podachi informacii v ramkah obrazovatel'nogo processa [The phenomenon of «infotainment» as a new method of presenting information

in the framework of the educational process]. Filologicheskie i sociokul'turnye voprosy nauki i obrazovanija. Sbornik materialov V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy ochno-zaochnoj konferencii. 2020. P. 740–745. (In Russ.)

Troshina N.N. Tendencija k stilju «infotejnment» v sovremennom delovom diskurse [The tendency towards the «infotainment» style in modern business discourse]. Chelovek: obraz i sushhnost'. Gumanitarnye aspekty. 2018. N 1–2 (32–33). P. 195–211. (In Russ.)

Tjedzuka Osamu. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]. / Per. s japonskogo. Ekaterinburg: Fabrika komiksov, 2012. 136 p. (In Russ.)

Tjatyh M.V. Infotejnment v politicheskoy kommunikacii [Infotainment in political communication]. Zhurnalistika, massovye kommunikacii i media: vzgljad molodyh issledovatelej. Materialy Nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh issledovatelej, aspirantov i studentov. Belgorod, 2021. P. 164–169. (In Russ.)

С.В. Решетников

**СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ: СЛУЧАЙ С.Е. САПОЖНИКОВА¹**

Аннотация. Статья анализирует индивидуальные стратегии выживания советских военнопленных во Франции во время Второй мировой войны на материале биографии майора Красной армии Степана Евгеньевича Сапожникова (1901–1944). На основании переписки, мемуаров и административно-делопроизводственных материалов реконструируется последовательность перехода «от плена к Сопротивлению»: побег из трудового лагеря в Па-де-Кале; установление доверительных контактов с местными жителями; включение в сеть Французского Сопротивления *Organisation civile et militaire* (ОСМ-138) округа Суассона; участие в подпольных операциях и вооруженных действиях в 1943–1944 гг. Работа сочетает микроисторический и биографический подходы, сопоставляя макроуровневые ограничения оккупационного режима с выбором узника на микроуровне. Показано, что четыре взаимосвязанные стратегии – материальная, организационная, социально-коммуникативная и вооруженная – образуют единую траекторию, зависящую от наличия локальной инфраструктуры подполья и гражданского посредничества. Гибель Сапожникова в августе 1944 г. и последующие коммеморативные практики закрепили интеграцию советского офицера в локальную память Французского Сопротивления. Полученные результаты уточняют место советских военнопленных в истории французского подполья и показывают условия, при которых индивидуальные практики выживания преобразуются в участие в движении Сопротивления, т. е. как побег из лагеря конвертируется в вооруженную борьбу.

Ключевые слова: Вторая мировая война; европейское движение Сопротивления; Французское Сопротивление; стратегии выживания военнопленных; советские военнопленные; советские военнопленные во Франции; С.Е. Сапожников; *Organisation civile et militaire*.

Решетников Степан Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН. Россия, Москва.

E-mail: reshehistorien@gmail.com

Scopus Author ID: 57815685300

Web of Science Researcher ID: OIT-2977-2025

ORCID: 0009-0004-5831-4552

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Reshetnikov S.V.

**Survival Strategies of Soviet Prisoners of War in the Resistance
Movement: The Case of S.E. Sapozhnikov**

Abstract. *The article analyzes the individual survival strategies of Soviet prisoners of war in France during World War II through the biography of Red Army Major Stepan Evgenievich Sapozhnikov (1901–1944). Drawing on correspondence, memoirs, and administrative records, it reconstructs a sequential transition “from captivity to resistance”: escape from a labor camp in Pas-de-Calais; the forging of trust-based contacts with local residents; integration into the French Resistance network Organisation civile et militaire (OCM-138) in the Soissons district; and participation in clandestine operations and armed actions in 1943–1944. The study combines microhistorical and biographical approaches, juxtaposing the macro-level constraints of the occupation regime with the prisoner’s micro-level choices. It shows that four interlinked strategies – material, organizational, socio-communicative, and armed – form a single trajectory contingent on the availability of local clandestine infrastructure and civilian mediation. Sapozhnikov’s death in August 1944 and subsequent commemorative practices consolidated the integration of a Soviet officer into the local memory of the French Resistance. The findings refine the place of Soviet POWs in the history of the French underground and identify the conditions under which individual survival practices were transformed into participation in the Resistance movement – that is, how escape from a camp was converted into armed struggle.*

Keywords: *World War II; European Resistance movement; French Resistance; POW survival strategies; Soviet prisoners of war; Soviet prisoners in France; S.E. Sapozhnikov; Organisation civile et militaire.*

Reshetnikov Stepan Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Department of Modern and Contemporary History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: reshehistorien@gmail.com

Scopus Author ID: 57815685300

Web of Science Researcher ID: OIT-2977-2025

ORCID: 0009-0004-5831-4552

Введение

В условиях Второй мировой войны военнопленные, оказавшиеся интернированными противником, вырабатывали различные стратегии выживания. Большинство из них ограничивались пассивным ожиданием собственной участи или окончания войны, меньшинство избрало побег, пытаясь с помощью этого как пережить войну в других условиях, так и продолжить борьбу с врагом. Исследования, посвященные военнопленным на оккупированных территориях Западной Европы, ранее фокусировались в основном на геноцидном преследовании и функционировании лагерей смерти. Только недавно ученые начали уделять внимание сложностям нацистской политики в отношении во-

еннопленных, показав, что выживание зависело от ранее не известных факторов, таких как национальная идентичность [Domènech, Jesús 2021, p. 351–382] и принадлежность к вооруженным силам стран антигитлеровской коалиции [Jacques 2021, p. 362–383]. В то же время было написано сравнительно немного работ, посвященных стратегиям выживания военнопленных. В них отмечалось, что шансы выжить повышали структура лагеря и его иерархия [Holderness, Pontiff 2012, с. 1873–1886]; театральные представления [Emeljanow 2015, p. 269–286]; наличие социальных связей и способность к социальной адаптации [Сак 2025].

Выбор данного региона неслучаен. Франция была страной, где находился многочисленный контингент иностранных перемещенных лиц. В годы Второй мировой войны на территории Франции находились следующие категории иностранных перемещенных лиц (по массовости): около 150 тыс. советских граждан [Решетников 2023, с. 749], 50 тыс. итальянцев [D’Abzac-Epezy 2009, p. 98] и до 9 тыс. испанцев-республиканцев [Peschanski 2002, p. 236]. В то же время положение советских граждан во Франции носило особый характер: они фактически не пользовались защитой Женевской конвенции, были лишены возможности получения помощи от представителей Международного Красного Креста, права на связь с семьями. Все это создавало для них более тяжелые условия по сравнению с военнопленными других армий. Обращение к опыту советских граждан позволяет не только реконструировать специфику содержания, но и понять, почему часть из них, даже в тяжелейших условиях плена, стремилась вернуться к вооруженной борьбе, в отличие от многих других иностранных перемещенных лиц.

Важно понять, каким образом советский военнопленный переходил от пассивной роли узника к активному участию в движении Сопротивления. Для этого необходимо обратиться к «социальной фабрике формирования личности» [Raynaud 2022, p. 265] пленного. В этом отношении показателен пример майора Красной армии С.Е. Сапожникова: он являлся одним из самых высокопоставленных советских офицеров среди военнопленных на момент своего пребывания во Франции.

Советские граждане во Франции (1941–1944)

Первые советские граждане начали прибывать во Францию уже в 1941 г., когда численность германских оккупационных войск на Западе сократилась вследствие их переброски на Восточный фронт. После июня 1941 г. в Северной Франции вспыхнула массовая забастовка французских шахтеров, серьезно нарушившая добычу угля. Акция, проходившая с 27 мая по 9 июня, собрала около 100 тыс. шахтеров (примерно 80% от общего числа в бассейне), став одной из крупнейших и наиболее значимых форм рабочего сопротивления

в оккупированной Европе [Dejonghe 1987, p. 323–345]. Столкнувшись с острой нехваткой рабочей силы, оккупационные власти предприняли меры по восстановлению добычи. Освободившиеся рабочие лагеря при объектах организации Тодта, ранее занятые контингентами, направленными в СССР, стали заполняться новыми группами, среди которых оказались и советские военнопленные.

Летом 1942 г. в угольный бассейн Нор и Па-де-Кале были направлены новые контингенты рабочей силы: около 2 тыс. советских гражданских лиц, свыше 6 тыс. военнопленных, захваченных на юго-западном направлении, а также около 1,5 тыс. сербов, вывезенных с Балкан [Dejonghe 1988, p. 731–738]. Их распределили по десяти лагерям, располагавшимся от Марль-ле-Мин (Па-де-Кале) до бельгийской границы. Согласно данным Центрального комитета советских пленных, – организации, объединявшей советских граждан во Франции, к марту 1944 г. на территории страны функционировало более 20 лагерей, в которых удерживались как военнопленные, так и гражданские лица общей численностью 15 тыс. человек [Документы об участии, л. 1].

Бомон-ан-Артуа в Па-де-Кале был крупнейшим лагерем с советским контингентом во Франции. С 1942 г. сюда прибывали в основном гражданские лица, а также солдаты и офицеры, плененные в бою или бежавшие из лагерей на Украине. Лагерь выполнял функцию транзитно-трудового центра, обеспечивая рабочей силой, в том числе, стратегически важные шахты Ланса и соседние коммуны. Одним из направленных был майор Красной армии Степан Евгеньевич Сапожников.

Выходец из казачьей семьи Оренбургской области, он с 1920 г. служил в Красной армии, окончил Ташкентское офицерское училище (1925) и сделал карьеру в артиллерийских подразделениях. В период «Большого террора» Сапожников был арестован, однако вследствие отсутствия состава преступления освобожден и уволен в запас. В течение двух последующих лет он преподавал военное дело в Оренбургском педагогическом институте. После двух лет преподавания он был возвращен в армию и был принят в 25-ю «Чапаевскую» дивизию [Письма участников зарубежного Сопротивления, л. 7]. В его служебной аттестации в 69-м артиллерийском полку от ноября 1940 г. говорилось: «За время пребывания в полку показал себя как один из лучших командиров, добросовестный, аккуратный, усидчивый, сообразительный командир. Начатое дело до конца довести может. Энергичен, инициативен, исключительно добросовестен. Требователен к себе и подчиненным» [там же, л. 11–12]. С началом Великой Отечественной войны командовал дивизионом 25-й «Чапаевской» дивизии, участвовал в боях на Днестре, под Кагулом и Рени, за что был награжден медалью «За отвагу» (1941) [Наградной документ, л. 5]. Впоследствии участвовал в обороне Одессы и Севастополя, где, занимая должность начальника штаба 69-го артиллерийского полка той же дивизии, отличился в организации снабжения и боевых действий, за что удостоился ордена Красной

Звезды (1942) [там же, л. 45]. Своему брату он писал: «Орден, которым меня наградило правительство – зовет к еще лучшей работе, к еще большим делам во славу нашей родины, к беспощадному разгрому и окончательному уничтожению ненавистного фашизма» [Материалы Сапожникова, л. 1]. С.Е. Сапожников проявлял себя как целеустремленный офицер, для которого патриотизм и борьба с врагом были ключевыми жизненными ориентирами.

После тяжелого ранения при обороне Севастополя и пребывания в полевом госпитале в июле 1942 г. С.Е. Сапожников вместе с морским пехотинцем Анатолием Никитовичем Плахотнюком оказался в плену и был помещен во временный лагерь военнопленных в Крыму². Едва восстановившись, Сапожников планировал побег в горы к партизанам. Однако к марту его с Плахотнюком перевели в Херсон, а затем во Францию, в шахты Ланса в Па-де-Кале [Вайнштейн 1964 (20 февраля), с. 2]. Наличие замысла побега у С.Е. Сапожникова уже на этапе пребывания в крымском лагере свидетельствует о том, что побег рассматривался им не только как средство физического спасения, но и как экзистенциальная форма сохранения воинской чести и возможность продолжения вооруженной борьбы. Мотивация продолжить борьбу против оккупантов своей родины, через побег, без знания языка и отсутствия связей была характерна для многих советских военнопленных: из примерно 15 тыс. граждан, содержащихся в лагерях Нор и Па-де-Кале, не менее 1440 человек (около 10%) к концу войны вступили в партизанские формирования на севере Франции [Решетников 2025, с. 211].

Материальная стратегия выживания

25 мая 1943 г. С.Е. Сапожников и А.Н. Плахотнюк совершили побег и более трех месяцев скрывались в лесах, перемещаясь по ночам от селения к селению. Побег был поддержан французскими горняками, которые сумели передать узникам два штатских костюма, подробную карту Франции и небольшой запас продуктов. После успешного бегства, их поддерживали местные крестьяне, делились с ними продовольствием, снабжали одеждой и указывали безопасные пути. Преодоление более 150 км от шахт Ланса до района Нуврон-Вингре (департамент Эна) потребовало от Сапожникова и Плахотнюка выносливости, скрытности и постоянной импровизации при обходе облав и блокпостов [Письма участников, л. 16].

Лишь 5 сентября 1943 г., спустя три месяца после побега, они добрались до коммуны Нуврон-Вингре (16 км от г. Суассон) и обратились к фермеру Клеберу Буржа, связанному с местной ячейкой Сопротивления. По воспо-

2. В документах числился с октября 1942 г. пропавшим без вести [Приказ об исключении из списков, л. 255].

минаниям Буржа «Они не говорили по-французски, но сумели дать понять, что русские и бежали с шахт Па-де-Кале... [...] Убежали потому, что не хотели работать на немцев. Мы их накормили, дали одежду и обувь, продукты. Через несколько дней они пришли снова. Мы их встретили как старых друзей, так как ненавидели оккупантов, и с большой надеждой следили за борьбой советского народа с немецкими захватчиками. Степан и Анатолий были очень рады такой встрече» [там же, л. 17]. По словам Буржа, советские военнопленные хотели продвигаться на юг, в неоккупированную зону Франции, но он отговорил их из-за высокой опасности маршрута. При втором контакте он дал понять, что связан с Сопротивлением, что обрадовало Сапожникова и побудило его просить о приеме себя и Анатолия [там же]. Повторный контакт с Сопротивлением отражает типичную логику французских подпольщиков того времени, устанавливавших «порог включения»: новичок проходил проверку на надежность перед полноценным вступлением в сеть [Douzou 1997, p. 9–20].

Побег из лагеря для советских военнопленных был первым шагом и не гарантировал немедленного включения в борьбу. Побег происходил в условиях особого риска: немецкие власти жестоко карали не только беглецов, но и тех, кто оказывал им помощь, вплоть до публичных расстрелов и депортации в концлагеря. Масштаб и формы наказания, включая депортации, заключение и внесудебные казни, варьировались в зависимости от департамента [Marcot 2006, p. 433]. Нуврон-Вингре находился в зоне, подчиненной военному управлению, где действовали трибуналы и депортации. Любой акт диверсии вызывал карательные экспедиции. Всего за годы оккупации в Нор и Па-де-Кале было арестовано около 18 тыс. человек, 465 казнены и свыше 1,4 тыс. депортированы [Thiery 2013, p. 215]. Таким образом побег и помощь беглецу требовал мужества сопоставимого с непосредственным участием в боевых действиях. Однако важно отметить, что не все советские граждане решались вступать в партизанские отряды: одни стремились «пересидеть» войну, другие видели в побеге возможность перехода к вооруженной борьбе [Федоров 2016, с. 194].

Из этого эпизода следует, что условиями выживания были: поиск пищи и одежды, обретение временного укрытия и безопасное передвижение с обходом постов, что можно отнести к материальной стратегии выживания, направленной на обеспечение базовых потребностей и минимальной безопасности в условиях оккупационного режима.

Организационная стратегия выживания

К. Буржа входил в локальную ячейку сети «Гражданская и военная организация» (Organisation civile et militaire – ОСМ), действовавшую в округе Суассона (в 90 км от Парижа) под руководством Габриэля Коше. Коше родился 21 июля 1904 г. в семье мелких фермеров. Работал директором зерновых эле-

ваторов в Вик-сюр-Эн, где установил хорошие отношения с местными жителями. Его первый акт сопротивления произошел летом 1940 г., когда он поджег аварийно приземлившийся французский истребитель, чтобы предотвратить захват техники противником. В 1941–1942 гг. он вместе с другом Андре Батай-ярм собрал вокруг себя в Вик-сюр-Эн ядро единомышленников из соседних деревень, включая Нуврон-Вингре [Ruelle 1999–2001, p. 229]. В начале 1943 г. Коше покинул Армию добровольцев и перешел в ОСМ округа Суассон. Он стремился перейти к активным диверсиям против оккупантов, но без риска массовых репрессий против местных жителей [Ruelle 1999–2001, p. 233]. Сама сеть ОСМ, сформированная преимущественно представителями офицерской среды и ориентированная на де Голля, с самого начала отличалась выраженной военной направленностью и приоритетом вооруженных форм борьбы. К 1943 г. она развернула в департаменте Эна широкую подпольную деятельность, организуя нумерованные боевые отряды [Service historique de la Défense, p. 18]. Одновременно организация формировала зачатки гражданского аппарата де Голля, привлекая промышленников, чиновников и работников связи для сбора экономических и военных данных.

Под руководством Коше была образована локальная сеть ОСМ-138, которая выросла до 200–240 участников, объединенных в малые группы с четкой иерархией из местных служащих и местных жителей. Параллельно с организацией структуры Коше продолжал разведку – собирал сведения о укрепленных объектах и лагерях немцев, передавая их в Лондон, готовя сеть к будущим боевым действиям по случаю освобождения. Коше уделял особое внимание транспортной инфраструктуре: собранные через его сеть данные позволили Британским ВВС разрушить железнодорожный туннель и тем самым парализовать линию Париж – Лаон. Отряд под его руководством спасал союзных летчиков, укрывая и переправляя их в Англию. Первая успешная операция прошла 31 декабря 1943 г., более сложная – в апреле 1944 г., когда троим сбитым летчикам обеспечили укрытие, лечение, помощь и переправку в безопасное место.

В это время в 1943 г. в ряде регионов Франции, на местах начался процесс «милитаризации маки», превращая беглецов и уклонистов («маки») от работы на германскую военную промышленность в боеспособные формирования посредством обучения обращению с оружием и дисциплине [Gastaut 2024, p. 7]. В этом ключе можно говорить об организационной стратегии выживания, когда сеть ОСМ целенаправленно встраивала беглеца уже в существующую подпольную инфраструктуру – с военной иерархией, оружием и планом действий на случай союзной высадки. Такая интеграция повышала шансы уцелеть и перейти от пассивного укрытия к вооруженной борьбе. В этих условиях бывшие военнослужащие РККА с боевым опытом выступали ускорителями процесса, как инструкторы, планировщики и организаторы.

Социально-коммуникативная стратегия выживания

Постепенно между советским майором, его товарищем-морским пехотинцем и французскими крестьянами-сопротивленцами установилось доверие. Общая цель – изгнание оккупантов – сгладила языковые и культурные барьеры. Интересно, как один из местных жителей, 19-летний Пьер Лагард, описывал Сапожникова и Плахотнюка: «Один из них был подполковник (прим. Сапожников) – высокий, статный. Другой – словно монгол: невысокий, приземистый, с короткими кривыми ногами – должно быть, слишком рано посадили в седло. У первого – прямой, умный взгляд; у второго – низкий лоб, беглые глаза; внимателен он был лишь к своему начальнику» [Lagarde 1979, р. 2–3]. Это описание отражает типичное восприятие французским крестьянином «других» солдат, при этом подчеркивает, что бывшие советские военнопленные сохраняли в ОСМ-138 воинскую субординацию.

По косвенным данным удалось выявить, что именно после присоединения к сети ОСМ-138 двух бывших советских военнопленных у Г. Коше появилась идея атаковать крупную цель – цистерны со спиртом на местном заводе. В ноябре 1943 г. Коше вместе с соратниками подготовил диверсию против четырех емкостей, реквизированных немцами для отправки в Германию. Первая попытка оказалась неудачной: Коше, еще неопытный в подрывном деле, забыл раздавить детонаторы. Осознав ошибку, он на следующий день вернулся и довел операцию до конца. Утром 27 ноября цистерны взлетели на воздух: 400 тыс. литров спирта сгорели дотла, образовав потоки огня, растекшиеся по дорогам. Это стало одним из крупнейших актов диверсии Сопротивления в регионе в 1943 г. и первым крупным успехом группы Коше [Ruelle 1999–2001, р. 234]. Участие советских военнопленных, вероятно, внесло вклад в эту и другие диверсионные акции, поскольку они обладали боевым опытом подрывных действий, которого не хватало местным сопротивленцам.

Решающим условием адаптации в сеть Сопротивления стало налаживание коммуникации: преодоление языкового барьера, установление доверительных отношений с местным населением и сопротивленцами, что позволило включиться в коллектив. Участие в сети ОСМ-138 обеспечивало Сапожникову и Плахотнюку физическое выживание и возможность перехода к активному Сопротивлению.

Вооруженная стратегия выживания

Вместе с товарищами К. Бурже, Рене Камю, Марселем Варнье, Эмилем Дюху и поляком Леоном Висоцким Сапожников и Плахотнюк участвовали в диверсиях, приемке и перевозке парашютных сбросов [ibid, р. 254].

К. Бурже вспоминал: «Мы взрывали железнодорожные линии, нарушали связь, организовывали саботаж, где могли. Действовали только по ночам, а днем скрывались у меня в доме. Вскоре гитлеровцам стало известно о нашей деятельности. Тогда я, Степан, Анатолий и другие наши товарищи ушли в леса. Степан стал нашим командиром. Даже в лесу он находил время учиться – мы достали франко-русский словарь, и скоро он стал довольно прилично говорить по-французски. Моя жена приходила тайком к нам в лес, приносила продукты, рассказывала обо всех передвижениях фашистов» [Вайнштейн 1964 (5 сентября), с. 5].

В канун высадки союзников в Нормандии ненасильственное Сопротивление во Франции стало массовым, проявляясь в экономических диверсиях и хищении продовольственных карточек. С началом Нормандской операции 6 июня 1944 г. и открытием Второго фронта французские организации Сопротивления активизировали борьбу. По всей Франции участились диверсии на железных дорогах, линиях связи и электросетях, нападения на гарнизоны и склады. В департаменте Нор с мая по июнь 1944 г. число аварий на путях выросло с 13 до 85, а повреждений высоковольтных и телефонных линий – с 2 до 71 [Черкасов 2021, с. 262]. Успехи подполья были тесно связаны с продвижением союзников после высадки в Нормандии.

Ответом немцев стало развертывание антипартизанских карательных экспедиций. Потерь среди отряда ОСМ-138 избежать не удалось: в июне 1944 г. гестапо арестовало Коше, который, несмотря на пытки, не выдал соратников, и вместе с двумя товарищами был отправлен в отряд смертников в Бремен. После его ареста руководство сетью ОСМ-138 перешло к А. Брику из Нуврон-Вингре, а командование третьей группой отряда доверили Степану Сапожникову [Ruelle 1999–2001, p. 244; 232].

Лишь в конце июля – начале августа 1944 г. войска союзников совершили прорыв. 25 июля началась операция «Кобра», позволившая прорвать немецкую оборону и завершившаяся «Фалезским котлом». Значительный вклад в последующую ликвидацию германской группировки в котле внесли акции Сопротивления по саботажу на железнодорожных и автомобильных коммуникациях в департаментах Нор и Па-де-Кале, что вынуждало вермахт перенаправлять либо задерживать конвои с подкреплениями, предназначенными для прорыва окруженных войск [Thierry 2013, p. 187–190]. В конце августа приближение освобождения стало ощутимым и в округе Суассона. Парижское восстание 19–25 августа позволило американским и французским частям двинуться прямо на северо-восток Франции.

В Нуврон-Вингре напряженность нарастала с середины августа: уже 17 числа стало известно, что военная комендатура оккупантов в Суассоне составила список из 14 подозреваемых, и опасаясь арестов, многие бойцы, включая А. Брику, ушли в леса. В ходе боев за Суассон 28–29 августа американцы под-

били немецкий танк «Пантера» и грузовик прямо в городе, что показывало, что моторизованные части вермахта еще продолжали оказывать сопротивление наступающим войскам союзников [29 août 1944].

27 августа 1944 г. жена К. Бурже сообщила группе Сапожникова (Бурже, Брик, Сапожников, Плахотнюк и еще один француз), что отступавшие из Нуврон-Вингре германцы ослабили охрану крупного склада оружия и боеприпасов. Там оставались лишь двое советских коллаборационистов из частей Восточных войск вермахта, находившиеся в сильном опьянении. По воспоминаниям П. Лагарда, подпольщики захватили склад, взяли двух противников в плен и заперли их в сарае. Раздав оружие местным жителям, они организовали его охрану. Через два дня плененных коллаборационистов решили перевести в Суассон, где уже находились американцы. Провожатым вызвался Клод Демори. Рано утром он отправился с велосипедом, в синей шинели французской армии, с повязкой «FFI» на рукаве и оружием за поясом. В Суассоне он передал пленным союзникам и разделил радость горожан по случаю освобождения. На обратном пути Демори столкнулся с немецкой группой – легковой автомобиль с пятью людьми, включая офицеров, и фургон с двумя немцами – направлявшейся в Нуврон-Вингре к оставленному ранее складу. Замеченный противником француз вступил в перестрелку и был убит [Lagarde 1979, p. 4].

Позже наблюдатели из Нуврон-Вингре заметили приближение этих машин. Группа Сапожникова, контролировавшая в это время въезд в поселение, организовала засаду из винтовок и пулеметов: грузовику перебили шины, и он остановился за домом. Сапожников вместе с Анатолием бросили гранаты в сторону грузовика. Но во время второго броска Сапожников трагически поскользнулся, упал и погиб от взрыва своей гранаты. После войны А.Н. Плахотнюк вспоминал: «В этом бою мы были со Степаном рядом. В 5 метрах он был от меня, когда вражеская граната сразила его. Только успел крикнуть – “Бей фашистов! Умираю. Передай прощальный привет моей семье в нашу Россию”. Я бросился к нему, но было поздно... Друг мой был сражен. Ярость переполнила сердце. Партизаны с новой силой ринулись на фашистов. Гранатой я подорвал их машину, штыком заколол офицера. Из немцев никто не ушел. Всех перебили. Но радости у меня не было. Я вернулся к Степану и рыдал горькими слезами. Ведь остался один вдалеке от родной страны без старшего товарища и друга» [Письма участников, л. 17].

Спустя два дня после гибели Сапожникова, оставшийся без командира Плахотнюк самостоятельно подошел к сараю с пленными двумя немцами и открыл по ним огонь. Их тела французы похоронили в саду, замаскировав посадкой вишни [Lagarde, p. 5].

После войны Бурже вспоминал: «Мы были потрясены гибелью такого человека, ставшего нам родным и близким. Он был всегда для нас примером в минуту опасности» [Вайнштейн 1964 (5 сентября), с. 5]. 2 сентября, когда

американские части проходили через деревню, в Нуврон-Вингре не ощущалось обычной радости, по воспоминаниям Плахотнюка: «Многие партизаны плакали и клялись жестоко отомстить врагу за командира. Ведь Степана очень любили» [Письма участников, л. 17]. На похоронах Сапожникова и еще двоих французских партизан погибших при отступлении германских войск из Нуврон-Вингре были все жители деревни. Могилу Сапожникова обложили цветами, поставили памятник и написали по-русски и по-французски: «Les FFI De Nuvron-Vingre a leur camarade de combat Степан Сапожников»³.

А.Н. Плахотнюк после событий в Нуврон-Вингре вступил во французскую армию и продолжил борьбу до конца войны. После ее окончания он вернулся в СССР [Lagarde 1979, p. 6]. За время войны из состава сети ОСМ-138 погибло 13 человек – в основном в боевых операциях или были расстреляны после ареста. Еще трое участников, среди них Г. Коше, которые ранее были депортированы в Германию, позднее вернулись во Францию [Ruelle 1999–2001, p. 254].

Мы не предлагаем трактовку выживания как «заслугу», а гибель – как «неуспех». Гибель С.Е. Сапожникова позволила ему сохранить офицерское достоинство, войти в коллективную память и закрепить образ советского солдата как союзника и соратника французов в борьбе против общего врага. Партизанская деятельность в данном случае выступила особой формой вооруженной стратегии выживания, совмещавшей борьбу с необходимостью сохранения самого существования.

Локальная память

Благодаря оренбургскому писателю М.М. Вайнштейну история Сапожникова сначала была опубликована в местной газете «Южный Урал», а затем – в «Красной Звезде». 9 мая 1965 г. Оренбургская студия телевидения показала повесть «Твой сын, Россия», посвященную памяти С.Е. Сапожникова. После спектакля начальник политотдела областного военкомата передал семье Сапожникова на вечное хранение медали «За оборону Одессы» и «За оборону Севастополя». Решением Оренбургского городского Совета улица, где жили сыновья Сапожникова, была переименована в «улицу Сапожникова». По ходатайству облвоенкомата его вдове Лидии Степановне назначили персональную пенсию, а школе в селе Нижнеозерное, на его родине, присвоили имя Степана Евгеньевича Сапожникова [Письма участников, л. 4; 20]. Во Франции память о С.Е. Сапожникове сохраняется в коммуне Нуврон-Вингре как часть истории местного Сопротивления. Местные жители рассматривают его и А.Н. Плахотнюка как союзников, чья жертва стала символом единства в борьбе против оккупации.

3. Скорее всего, звание «подполковник», на французский манер «colonel» было присвоено Сапожникову символически.

Заключение

Вступление в движение Сопротивления трактуется нами как результат индивидуального выбора, осуществляемого в конкретных социальных и территориальных условиях, а не как следствие стечения обстоятельств. На примере Степана Сапожникова можно выделить несколько типов стратегий выживания, превращавших военнопленного в участника Сопротивления. Материальная стратегия включала поиск пищи, одежды и укрытия. Организационная выражалась в интеграции в сеть Сопротивления. Социально-коммуникативная проявлялась в освоении языка, прохождении проверок со стороны подполья и помощи местных жителей. Вооруженная стратегия выживания являлась особым типом, когда сохранение жизни достигалось через участие в диверсиях и боевых операциях. Опыт Сапожникова иллюстрирует, что для советских военнопленных во Франции стратегии выживания выходили за рамки простого сохранения жизни. Биографии таких «невидимых» участников встраивают вклад советских граждан в общую историю всего европейского движения Сопротивления.

Автор выражает признательность Паскаль Лагард и Бернару Рюэлю за предоставленные замечания, уточнение сведений и сохранение памяти о Степане Евгеньевиче Сапожникове и его товарищах.

Библиография

- Вайнштейн М.М. Командир отряда маки // Южный Урал. 1964. 20 февраля. С. 2.
- Документы об участии советских граждан в движении Сопротивления во Франции // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 553. Оп. 1. Д. 1.
- Материалы Сапожникова Степана Евгеньевича // Документальный фонд Центрального музея Вооруженных Сил МО РФ. 4/43839/1.
- Наградной документ // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 15.
- Письма участников зарубежного Сопротивления в годы Великой Отечественной войны Смирнову С.С. с воспоминаниями и по другим вопросам // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2528. Оп. 7. Д. 290.
- Приказ об исключении из списков // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 268.
- Решетников С.В. Репатриация советских граждан и участников движения Сопротивления из Франции в СССР // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 3. С. 745–758.
- Решетников С.В. Русские эмигранты и советские граждане во французском движении Сопротивления 1943–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2025. 304 с.
- Сак К.В. Социальная адаптация советских женщин к условиям нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Специальный выпуск. URL: <https://history.jes.su/s207987840034611-1-1/> (дата обращения: 27.08.2025).
- Федоров А.А. Моя война с 1941 по 1945. Оборона Москвы, концлагерь в Германии, партизанский отряд во Франции. М.: АСТ, 2016. 508 с.

Черкасов П.П. Движение Сопротивления во Франции в период Второй мировой войны // Избранное: Статьи, очерки, заметки по истории Франции и России. М.: Издательство «Весь Мир», 2021. 768 с.

Вайнштейн М. М. Он сражался во Франции // Красная Звезда. 1964. 5 сентября. С. 5.

Bělín M.; Jelínek T.; Jurajda Š. Preexisting social ties among Auschwitz prisoners support Holocaust survival // PNAS. Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 2023. 11 Jul. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2221654120> (дата обращения: 27.08.2025).

D'Abzac-Epezy C. La France face au rapatriement des prisonniers de guerre allemands // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2009. № 233. P. 93–108.

Dejonghe É. Chronique de la grève des mineurs du Nord / Pas-de-Calais (27 mai – 6 juin 1941) // Revue du Nord. 1987. T. LXIX. № 273. P. 323–345.

Dejonghe É. Requis ukrainiens et prisonniers de guerre soviétiques dans le Nord de la France 1942–1944 // Revue du Nord, hors-série. 1988. № 2. P. 731–738.

Domènech J.; Jesús J. Survival in a Nazi Concentration Camp: The Spanish Prisoners of Mauthausen // The Journal of Interdisciplinary History. 2021. Vol. 52. P. 351–382.

Douzou L. L'entrée en résistance // Le Mouvement social. 1997. № 180. P. 9–20.

Emeljanow V. Palliative Pantomimes: Entertainments in Prisoner-of-War Camps // Maunder A. (ed.). British Theatre and the Great War, 1914–1919. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 269–286.

Gastaut Y. The Mountains as a Place of Resistance: The Case of the French Alps (1943–44) // Wer ist Walter. Sarajevo: Historijski muzej Bosne i Hercegovine, 2024. 694 p.

Holderness C.G. Pontiff J.E. Hierarchies and the Survival of POWs during WWII // Management Science. 2012. Vol. 58. P. 1873–1886.

Jacques J. A 'Most Astonishing' Circumstance: The Survival of Jewish POWs in German War Captivity during the Second World War // Social and Legal Studies. 2021. Vol. 30. P. 362–383.

Lagarde P. La mémoire des pierres. Paris: A. Michel, 1979. P. 1–6.

Marcot F. Dictionnaire historique de la Résistance. Paris: Robert Laffont, coll. «Bouquins», 2006. 1187 p.

Peschanski D. La France des camps. L'internement, 1938–1946. Paris: Gallimard, 2002. 555 p.

Raynaud A. Emmanuel d'Astier. La conversion d'un résistant. Paris: Fayard, 2022. 352 p.

Ruelle B. La Résistance dans la région vicoise, le secteur OCM 138 // Mémoires du Soissonnais. 1999–2001. Tome 2. Société archéologique et historique de Soissons. 311 p.

Service historique de la Défense (Vincennes). Résistance et France combattante. Guide des recherches en archives // Fondation de la France libre. URL: https://www.france-libre.net/site/wp-content/uploads/2015/12/guide_deteneur_archives_resistance.pdf (дата обращения: 27.08.2025).

Thiery L. La répression allemande dans le Nord de la France (1940–1944). Villeneuve-d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2013. 368 p.

29 août 1944, la 3e division blindée américaine libère Soissons // Aisne.com. URL: <https://www.aisne.com/territoire/terre-memoire/1939-1945-seconde-guerre-mondiale/liberation-laisne/29-aout-1944-3e-division-blindee-americaine-libere-soissons> (дата обращения: 27.08.2025).

References

Bělín M.; Jelínek T.; Jurajda Š. Preexisting social ties among Auschwitz prisoners support Holocaust survival. Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 2023. Vol. 120. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2221654120> (date of access: 27.08.2025).

Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation (TsAMO RF). F. 33, inv. 11458, file 268. Prikaz ob isklyuchenii iz spiskov [Order on striking from the rolls]. (In Russ.)

Cherkasov P.P. Dvizhenie Soprotivleniya vo Frantsii v period Vtoroy mirovoy voyny [The Resistance Movement in France during World War II]. In: Izbrannoe: Stat'i, ocherki, zametki po istorii Frantsii i Rossii. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2021. 768 p. (In Russ.)

D'Abzac-Epezy C. La France face au rapatriement des prisonniers de guerre allemands. Guerres mondiales et conflits contemporains. 2009. N 233. Pp. 93–108.

Dejonghe É. Chronique de la grève des mineurs du Nord/Pas-de-Calais (27 mai–6 juin 1941). Revue du Nord. 1987. T. LXIX. N. 273. Pp. 323–345.

Dejonghe É. Requis ukrainiens et prisonniers de guerre soviétiques dans le Nord de la France 1942–1944. Revue du Nord, hors-série. 1988. N 2. Pp. 731–738.

Dokumental'nyy fond Tsentral'nogo muzeya Vooruzhennykh Sil MO RF [Documentary Fund of the Central Armed Forces Museum of the Russian Federation]. 4/43839/1. (In Russ.)

Domènech J.; Jesús J. Survival in a Nazi Concentration Camp: The Spanish Prisoners of Mauthausen. The Journal of Interdisciplinary History. 2021. Vol. 52. Pp. 351–382.

Douzou L. L'entrée en résistance. Le Mouvement social. 1997. N 180. Pp. 9–20.

Emeljanow V. Palliative Pantomimes: Entertainments in Prisoner-of-War Camps. In: Maunder A. (ed.). British Theatre and the Great War, 1914–1919. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 269–286.

Fedorov A.A. Moya voyna s 1941 po 1945: Oborona Moskvy', konczlager' v Germanii, partizanskij otryad vo Francii. [My War from 1941 to 1945: Defense of Moscow, a concentration camp in Germany, and a partisan unit in France]. Moscow: AST, 2016, 508 p. (In Russ.)

Gastaut Y. The Mountains as a Place of Resistance: The Case of the French Alps (1943–44). Wer ist Walter. Sarajevo: Historijski muzej Bosne i Hercegovine, 2024. 694 p.

Holderness C.G.; Pontiff J.E. Hierarchies and the Survival of POWs during WWII. Management Science. 2012. Vol. 58. Pp. 1873–1886.

Jacques J. A 'Most Astonishing' Circumstance: The Survival of Jewish POWs in German War Captivity during the Second World War. Social and Legal Studies. 2021. Vol. 30. Pp. 362–383.

Lagarde P. La mémoire des pierres. Paris: A. Michel, 1979. P. 1–6.

Marcot F. Dictionnaire historique de la Résistance. Paris: Robert Laffont, “Bouquins”, 2006. 1187 p.

Materialy Sapozhnikova Stepana Evgen'evicha [Materials of Stepan Evgenievich Sapozhnikov]. Documentary Fund of the Central Armed Forces Museum of the Russian Federation. 4/43839/1. (In Russ.)

Peschanski D. La France des camps. L'internement, 1938–1946. Paris: Gallimard, 2002. 555 p.

Reshetnikov S.V. Repatriatsiya sovetских grazhdan i uchastnikov dvizheniya Soprotivleniya iz Frantsii v SSSR [Repatriation of Soviet Citizens and Members of the Resistance from France to the USSR]. Noveyshaya istoriya Rossii. 2023. Vol. 13. N. 3. Pp. 745–758. (In Russ.)

Reshetnikov S.V. Russkie emigranty i sovetские grazhdane vo frantsuzskom dvizhenii Soprotivleniya 1943–1945 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. [Russian Émigrés and Soviet Citizens in the French Resistance, 1943–1945: PhD Thesis]. Moscow: IRI RAN, 2025. 304 p. (In Russ.)

Ruelle B. La Résistance dans la région vicoise, le secteur OCM 138. Mémoires du Soissonnais, 1999–2001, tome 2. Soissons: Société archéologique et historique de Soissons. 311 p.

Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 2528, inv. 7, file 290. Pis'ma uchastnikov zarubezhnogo Soprotivleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny S.S. Smirnovu s vospominaniyami i po drugim voprosam [Letters of members of the foreign Resistance to S.S. Smirnov during the Great Patriotic War]. (In Russ.)

Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 553, inv. 1, file 1. Dokumenty ob uchastii sovetских grazhdan v dvizhenii Soprotivleniya vo Frantsii [Documents on the participation of Soviet citizens in the Resistance movement in France]. (In Russ.)

Sak K.V. Sotsial'naya adaptatsiya sovetских zhenshchin k usloviyam natsistskoy okkupatsii (1941–1944 gg.) [Social Adaptation of Soviet Women to the Conditions of Nazi Occupation (1941–1944)]. Istoriya, 2025, vol. 16, special issue. URL: <https://history.jes.su/s207987840034611-1/> (date of access: 27.08.2025). (In Russ.)

Service historique de la Défense (Vincennes). Résistance et France combattante. Guide des recherches en archives. Fondation de la France libre. URL: https://www.france-libre.net/site/wp-content/uploads/2015/12/guide_detenteur_archives_resistance.pdf (date of access: 27.08.2025).

Thiery L. La répression allemande dans le Nord de la France (1940–1944). Villeneuve-d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2013. 368 p.

TsAMO RF. F. 33, inv. 682524, file 15. Nagradnoy dokument [Award document]. (In Russ.)

29 août 1944, la 3e division blindée américaine libère Soissons. Aisne.com. URL: <https://www.aisne.com/territoire/terre-memoire/1939-1945-seconde-guerre-mondiale/liberation-laisne/29-aout-1944-3e-division-blindee-americaaine-libere-soissons> (date of access: 27.08.2025).

Vaynshteyn M.M. Komandir otryada maki [Commander of a Maquis Detachment]. Yuzhnyy Ural. 1964. 20 February. (In Russ.)

Vaynshteyn M.M. On srazhalsya vo Frantsii [He Fought in France]. Krasnaya Zvezda. 1964. 5 September. (In Russ.)

С.А. Лиманова, В.В. Тихонов

**РЕЗЕВАКУАЦИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР:
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

***Аннотация.** В статье представлены основные этапы реэвакуации учреждений АН СССР в Москву и Ленинград. С декабря 1942 г. начались первые попытки локального возвращения ряда институтов. 13 марта 1943 г. вышло соответствующее постановление СНК СССР, после чего реэвакуация стала набирать обороты, однако происходила с многочисленными трудностями. Анализ источников личного происхождения и документов из фондов Архива РАН, часть из которых вводится в научный оборот впервые, позволяет более детально увидеть весь процесс. Реэвакуация проводилась тремя очередями, в соответствии с календарным планом, для чего были назначены уполномоченные по обеспечению переезда. Научные учреждения перемещались из Казани, Свердловска, Ташкента, Алма-Аты и Фрунзе обратно в Москву и Ленинград, в связи с чем возникали различные организационные и бытовые сложности. Среди основных проблем можно назвать неготовность помещений к приему институтов и трудности с обеспечением продовольствия. Тем не менее к середине 1943 г. проходившая реэвакуация была признана удовлетворительной и продолжилась. Возврат научных институтов в Ленинград имел свою специфику, притом, что часть из них так и не вернулась, а была перенаправлена в Москву. Сложившаяся в предвоенные годы высокоцентрализованная сеть научных академических учреждений в военный период сильно пострадала, частично была «разорвана» или перестроена. Более того, военные условия четко показали, что концентрация научных разработок в двух ключевых научных центрах не столь эффективна для сохранения научного потенциала страны. Следовательно, сложившаяся ситуация с вынужденной и скоропалительной эвакуацией, а затем реэвакуацией способствовала дальнейшему переосмыслению способов развития науки и организации научной работы уже в послевоенное время.*

***Ключевые слова:** АН СССР; Великая Отечественная война; реэвакуация; Москва; Ленинград; академические учреждения.*

Лиманова Светлана Андреевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, начальник Отдела истории Академии наук Архива Российской академии наук (РАН). Россия, Москва.

E-mail: serovasvetlana@mail.ru

Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

Scopus Researcher ID: 57220923106

ORCID: 0000-0002-9189-0963

Тихонов Виталий Витальевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Архива Российской академии наук (РАН). Россия, Москва.

E-mail: tihonovvitaliy@list.ru

Web of Science Researcher ID: G-5553-2016

Scopus Researcher ID: 55480752700

ORCID: 0000-0002-8523-5743

Limanova S.A., Tikhonov V.V.

Re-Evacuation of the Academy of Sciences of the USSR: Organizational and Institutional Problems

Abstract. *The article presents the main stages of the re-evacuation of the institutions of the USSR Academy of Sciences to Moscow and Leningrad. Since December 1942, the first attempts to return a number of institutes locally had begun. On March 13, 1943, the Council of People's Commissars of the USSR issued a corresponding resolution, after which the re-evacuation began to gain momentum, albeit with numerous difficulties. Analysis of personal sources and documents from the funds of the Archive of the Russian Academy of Sciences, some of which are being introduced into scholarly circulation for the first time, allows the entire process to be seen in greater detail. The re-evacuation was carried out in three stages, in accordance with the calendar plan, with authorized persons appointed to ensure the move. Scientific institutions were moved from Kazan, Sverdlovsk, Tashkent, Alma-Ata, and Frunze back to Moscow and Leningrad, which caused various organizational and everyday difficulties. Among the main problems were the unpreparedness of the premises to receive the institutes and difficulties in providing food. Nevertheless, by mid-1943, the ongoing re-evacuation was considered satisfactory and continued. The return of scientific institutes to Leningrad had its own specifics, given that some of them never returned but were redirected to Moscow. The highly centralized network of scientific academic institutions that had developed in the pre-war years suffered greatly during the war and was partially "broken up" or reformatted. Moreover, military conditions clearly showed that the concentration of scientific developments in two key scientific centers was not the most effective way to preserve the country's scientific potential. Consequently, the situation with the forced and hasty evacuation, and subsequent re-evacuation, contributed to a further rethinking of the methods of developing science and organizing scientific work in the post-war period.*

Keywords: *Academy of Sciences of the USSR; Great Patriotic War; re-evacuation; Moscow; Leningrad; academic institutions*

Limanova Svetlana Andreevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher – Head of the Department of History of the Academy of Sciences of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS). Russia, Moscow.

E-mail: serovasvetlana@mail.ru

Web of Science Researcher ID: AAF-3549-2020

Scopus Researcher ID: 57220923106

ORCID: 0000-0002-9189-0963

Tikhonov Vitaly Vitalievich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS). Russia, Moscow.

Email: tikhonovvitaliy@list.ru

Scopus Author ID: 55480752700

ResearcherID Web of Science: G-5553-2016

ORCID: 0000-0002-8523-5743

Резэвакуация учреждений Академии наук СССР традиционно находится в тени двух больших проблемно-тематических блоков истории Академии в годы Великой Отечественной войны – экстренной эвакуации 1941–1942 гг. и организации научной работы в военных условиях. В монографиях Б.В. Левшина, до сих пор остающихся наиболее полными исследованиями по истории АН СССР в годы войны, тема резэвакуации звучит довольно приглушенно и показана весьма лапидарно, теряясь в описании работы Академии над восстановлением своей инфраструктуры, подготовки кадров и помощи республиканским и региональным научным центрам [Левшин 1966, с. 139; Левшин 1983, с. 78]. В то же время в обобщающих трудах доминирует «декретный» подход, представляющий резэвакуацию как оперативное возвращение научных учреждений на прежние места и восстановление разрушенной войной инфраструктуры [Комков, Левшин, Семенов 1974, с. 46; Комков, Левшин, Семенов 1977, с. 210]. Между тем привлечение ряда источников личного происхождения и документов Архива РАН, раскрывающих внутренние механизмы резэвакуации, позволяет представить более сложную картину, отражающую многочисленные трудности, с которыми сталкивались как организаторы, так и рядовые сотрудники при резэвакуации.

В довоенное время существовала высокоцентрализованная система академических учреждений, при которой абсолютное большинство научно-исследовательских институтов и лабораторий размещалась в Москве и Ленинграде. Угроза захвата Москвы и блокада Ленинграда привели к необходимости экстренной эвакуации и перемещению учреждений в глубь страны. С одной стороны, это позволило сохранить научный потенциал, но с другой – сломало налаженную ранее научную инфраструктуру. В условиях эвакуации вести исследования на должном уровне было проблематично, и многие ученые только и ждали возможности вернуться.

Следует признать, что военное время самым негативным образом сказалось на сложившейся академической научной сети. В 1942 г. происходило заметное сокращение научно-исследовательских институтов, лабораторий и библиотек союзного подчинения [Левшин 1983, с. 76]. На этом фоне ходили регулярные слухи о том, что институты АН СССР также будут объединяться

для лучшего администрирования, концентрации ресурсов и в связи с общим сокращением штатов¹.

1943 год стал переломным на фронтах Великой Отечественной войны. Шло вытеснение врага с территории Советского Союза, освобождалось все больше населенных пунктов. Между тем война продолжалась, и советская наука напряженно трудилась ради Победы. Для дальнейшей эффективной работы требовалось возвращение академических учреждений в привычные места расположения. И в первую очередь речь шла о Москве и Ленинграде, где, несмотря на разрушения, сохранялась научная инфраструктура, необходимая для исследований и культурной работы. Кроме того, в Москве концентрировались военные ведомства, формировавшие оборонный заказ, и нахождение рядом с ними позволяло оперативнее реагировать на нужды армии и флота.

Разговоры о реэвакуации академических учреждений и ученых ходили еще с 1942 г. Тогда же получила распространение практика возвращения из эвакуации отдельных лабораторий, необходимых для реализации срочных военных исследований. Но помимо «целевых» реэвакуантов в Москву стремились попасть и многие другие сотрудники Академии, причем в том числе, руководствуясь собственными интересами. Физик академик С.И. Вавилов записал в дневнике от 26 февраля 1942 г.: «В Академии развал. По примеру вице-президентов начинают всеми правдами и неправдами диффундировать в Москву, поодиночке, группами, лабораториями. Вовсе не из-за патриотических порывов, а для охраны собственных квартир, захвата зданий, теплых мест. В результате в Казани в академических институтах работа почти прекратилась, хлопочут о вагонах, билетах, пропусках, упаковываются и все нервно дрожат, как бы их не обогнали» [Сергей Иванович Вавилов 2016, с. 170–171].

Уже 25 декабря 1942 г. Президиум АН СССР посчитал возможным начать реэвакуацию в Москву институтов гуманитарного профиля – Института истории, Института мирового хозяйства и мировой политики, Института экономики и Института философии [Обращение президента АН СССР В.Л. Комарова в СНК СССР]. Необходимость этого обосновывалась отсутствием в местах их текущего расположения архивов и крупных библиотек, необходимых для исследований. Однако тогда это посчитали преждевременным. В феврале 1943 г. АН СССР обратилась в СНК СССР с просьбой о переводе Президиума и его аппарата из Свердловска в Москву [Обращение президента АН СССР В.Л. Комарова и секретаря Президиума АН СССР Н.Г. Бруевича в СНК СССР]. О реэвакуации в Москву ряда академических институтов, напрямую участвовавших в оборонных разработках, ходатайствовали и наркоматы, заинтересованные в том, чтобы поддерживать с ними более тесную связь [К собранию партактива учреждений, л. 16].

1. Например, ленинградский историк Б.А. Романов фиксирует слухи об объединении Института истории и Института материальной культуры [Романов 2023, с. 183].

Наконец, 13 марта 1943 г. СНК СССР принял постановление № 269 «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии наук СССР в Москву»:

«Совет народных комиссаров постановляет:

1. Разрешить Академии наук СССР перевести в г. Москву эвакуированные институты и учреждения Академии наук СССР.

Разрешить въезд в Москву семьям сотрудников Академии наук по списку, утвержденному Президиумом АН СССР.

2. Обязать Народный комиссариат обороны (НКО), Наркомвоенморфлот, Наркомцветмет, Наркомстрой, Наркомвооружения, Наркомсвязи, Комитет по делам геологии при Совнаркоме и Мосгорисполком в месячный срок освободить занимаемые подведомственными им организациями служебные помещения Академии наук, согласно приложению.

3. Обязать Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) и Наркомречфлот выделить вагоны и речной транспорт по заявкам Академии наук СССР для перевозки оборудования и материалов институтов Академии наук СССР.

4. Обязать Мосгорисполком до 1 апреля с.г. выделить Академии наук СССР 10 квартир.

5. Поручить Наркомфину СССР рассмотреть и утвердить смету расходов на перевод в Москву институтов и учреждений Академии наук СССР» [Копия постановления № 269, л. 2].

Предполагалось вернуть 75 учреждений. Для этого выделялось 4,5 млн руб. [Левшин 1983, с. 78]. Помещения, ранее занимавшиеся учреждениями АН СССР, подлежали освобождению², а сотрудникам и их семьям разрешалось возвращаться в столицу по списку Президиума АН СССР [Копия постановления № 269, л. 2; Летопись 2021, с. 196]. Для перевозки академических учреждений потребовалось 10 пассажирских составов и 234 товарных вагона [Левшин 1966, с. 139].

Основываясь на решении правительства, 19 марта 1943 г. Президиум АН СССР постановил, чтобы реэвакуация проводилась тремя очередями: первая прошла в середине мая, вторая – в июне, а третья – в октябре [Постановление Президиума АН СССР; Протокол №1 заседания Президиума АН СССР, л. 12; Материалы к истории Академии наук СССР 1950, с. 272; Летопись 2021, с. 200]. Последнее было обусловлено тем, что сотрудникам Академии нужно было убрать урожай на своих огородах и подшефных хозяйствах. В условиях острого дефицита продуктов питания в крупных городах это было жизненно необходимо.

2. Вопреки постановлению СНК СССР не все помещения возвращались академическим институтам «без боя». Так, С.И. Вавилов фиксирует, что здание Физического института на Муссах (Москва) было занято Народным комиссариатом электрической промышленности и тот не спешил его освободить [Сергей Иванович Вавилов 2016, с. 172].

Для утверждения календарного плана перевода академических учреждений была сформирована комиссия под председательством вице-президента АН СССР академика А.А. Байкова. Учреждения из Ленинграда решено было оставить по месту эвакуации [Список учреждений], но некоторые подлежали передислокации. Так, Институту истории материальной культуры и Институту литературы предписывалось переехать в Казань [Протокол № 1, л. 12–13].

Президиум устанавливал, что в Москву переводились только те сотрудники институтов, которые находились в их штате и имели жилплощадь в столице. Из членов семей разрешалось перевозить лишь инвалидов и прямых иждивенцев. Возвращению в Москву подлежали также семьи сотрудников Академии наук, призванных в армию [Протокол № 1, л. 13–14]. Каждый реэвакуируемый институт должен был выделить группу сотрудников, которые готовили помещения к его возвращению.

Назначались уполномоченные по обеспечению переезда учреждений АН СССР: 1) в Казани – академик А.Ф. Иоффе, его заместитель – Е.Г. Ботвинник; 2) в Свердловске – академик Л.Д. Шевяков, его заместитель – Н.Е. Калиновский; 3) в Ташкенте – В.А. Ковда, его заместитель – Л.Р. Свирский; 4) в Алма-Ате – академик И.И. Мещанинов, его заместитель – К.И. Сатпаев; 5) во Фрунзе – академик А.А. Борисьяк, его заместитель – А.П. Щербаков [Протокол № 1, л. 14].

Возвращение осложнялось множеством чисто организационных и бытовых проблем. Как часто бывает в таких случаях, достоверная информация подменялась многочисленными слухами и домыслами. Ленинградский историк Б.А. Романов, находившийся в Ташкенте, отметил в своем письме к жене: «Май представляется месяцем таинственным. Предполагается (на данный момент твердо), что в мае уже все московские институты выедут из Ташкента в Москву – и в Ташкенте останутся одни ленинградцы (Восточный институт, ИИМК, группа Ленинградского отделения Института истории, Институт этнографии) <...> Присматриваюсь к москвичам, не вижу особой радости по поводу реэвакуации. Есть и озабоченность. Если основные работники и будут там как-то снабжены, то тема об иждивенцах там будет еще сложнее, чем здесь. Здесь хоть чуточку выручает рынок и иногда экстренные выдачи (с учетом иждивенцев). Там этого не будет» [Романов 2023, с. 281].

Учитывая, что блокада Ленинграда еще не была полностью снята, многие ленинградские ученые опасались, что их учреждения и их самих временно разместят в Москве. Б.А. Романов фиксировал их настроения и опасения: «<...> Все мы устали, обносились, лишены всякого подобия ресурсов – и в Москве попали бы в условия вопиющего неравенства и нищенства *de facto*» [Романов 2023, с. 281]. Важно было и то, что в Москве ленинградские ученые оказались бы оторваны от своих библиотек и все равно не смогли бы развернуть планомерную работу. «Есть одно обстоятельство, которое упоминается в раз-

говорах лишь вполголоса, но очень существенное: это – состояние московских библиотек. Все они находятся и официально, и фактически в свернутом, полуэвакуированном-полузапакованном состоянии и пользоваться ими почти невозможно. Сюда самых простых и ходовых книг не могут прислать оттуда именно по этой причине. В этом отношении здесь безусловно лучше! Что есть, то и есть. Часть москвичей едет к собственным библиотекам и, главное, материалам – и это одно. А мы все, ленинградцы, попадем и в этом отношении туда на худшее, чем здесь», – рассуждал Б. А. Романов [там же, с. 283]. Ходили слухи, что после реэвакуации московских академических учреждений и их сотрудников будут решать, что делать с учеными-гуманитариями из Ленинграда – концентрировать их в Ташкенте или Казани.

С. И. Вавилов также отмечал, что переезды ломали нормальный ритм научной работы. Он записал: «Непостижимое “разрешение” Академии реэвакуироваться в Москву. В итоге академические институты заняты только переездными делами» [Сергей Иванович Вавилов 2016, с. 172].

Реэвакуация осложнялась значительной распыленностью академических учреждений. Так, во второй половине 1943 г. в Москву возвращалось 61 учреждение из 11 городов Советского Союза.

Учитывая трудности с продовольствием, многие научные сотрудники стремились взять с собой выращенные или приобретенные в местах эвакуации продукты. Для этого «Плодоовощ» организовал схему, по которой продукты можно было сдать по месту посадки и получить по месту прибытия. Однако эта схема не работала в Ленинграде, где и продовольственные карточки получить было затруднительно.

Для решения проблемы питания Президиум АН СССР постановил в соответствии с распоряжением СНК СССР от 29 марта 1943 г. № 6640р, организовать при АН СССР Отдел снабжения «Академпродснаб» на полном хозрасчете для снабжения сотрудников Академии наук и их семей продовольственными и промышленными товарами [Протокол № 3, л. 34–36, 47–50].

Президиум АН СССР на распорядительном заседании 15 июня 1943 г. заслушал доклад об организации общественного питания работников АН СССР в Москве. В обсуждении доклада участвовала директор Московского Дома ученых М. Ф. Андреева. Было принято решение, в связи с увеличением числа ведущих ученых Академии наук в Москве, прикрепить всех академиков, членов-корреспондентов, докторов наук, профессоров к столовой Дома ученых. Обратиться в Наркомторг СССР с просьбой об увеличении лимита продовольственных фондов для столовой Дома ученых на 100 человек. После открытия этой столовой следовало открепить от столовой Дома ученых членов семей ученых, с организацией столовой для них. Кроме того М. Ф. Андреевой было предписано прикрепить к столовой Дома ученых академиков и членов корреспондентов Украинской и Белорусской академий наук. «Ака-

демпродснабу» поручено выделить 200 вторых горячих блюд «без выреза талонов из продовольственных карточек» «для наиболее интенсивно работающих научно-технических работников», а также выделить десять карточек литеры А и Б, 25 абонементов сухих пайков для распределения между научными сотрудниками институтов, показавших лучшие образцы работы по выполнению тематического плана.

Основным источником дополнительных продуктов для улучшения питания академических работников признано было подсобное хозяйство Академии наук. Было принято решение обратиться в СНК СССР о выделении для этого совхоза под Москвой. «Академпродснабу» предложено командировать бригады в Киргизию, Грузию, Армению, Башкирию и на Дальневосточную горно-таежную станцию для заготовки меда, сухофруктов, сушеных овощей, дикорастущих плодов и ягод, а также развернуть заготовку грибов и ловлю рыбы [Протокол № 6, л. 94–96].

На заседании Президиума АН СССР 21–23 июня 1943 г. отмечалось, что эвакуация в целом проходит по плану. Было оформлено и выслано пропусков на въезд в Москву для 4160 человек. На 15 июня 1943 г. в столицу возвратились: Президиум АН СССР, его центральный аппарат, Издательство Академии наук и большинство отделений; институты – Математический, Сейсмологический, Горючих ископаемых, Автоматики и телемеханики, Цитологии, гистологии и эмбриологии, Мировой литературы, Языка и письменности народов СССР, Права, Географии, Почвенный, Экономики, Мирового хозяйства и мировой политики, Истории, Философии; лаборатории – Океанологии, Кристаллографии, Морская гидрофизическая и др. [Протокол № 2, л. 69–71].

Всего к 15 июня в Москву прибыло 996 сотрудников и 1539 членов их семей, 1260 т грузов. Для этого было использовано 62 пассажирских и 84 транспортных вагонов. Отмечалось, что перевозка по железной дороге прошла хорошо и оперативно. Из недостатков указывалось, что ряд институтов нарушает предписание возвращать в Москву только штатных сотрудников. Кроме того, обращалось особое внимание, что многие помещения не готовы принимать возвращающиеся институты. Темпы ремонтных работ были признаны неудовлетворительными [Протокол № 2, л. 72–75].

Ленинградские учреждения эвакуировались позднее, уже после полного снятия блокады³, преимущественно в январе – апреле 1945 г. К ноябрю 1944 г. в Ленинграде уже работали 915 сотрудников, включая 50 академиков, 73 члена корреспондента и 106 докторов наук [Левшин 1983, с. 78].

3. Массовая эвакуация предприятий и жителей Ленинграда началась после выхода постановления Государственного Комитета Обороны от 29.03.1944 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году» [Постановление Государственного комитета обороны, с. 299–304].

При этом возвращение ленинградцев было сопряжено с множеством организационных трудностей. Так, сотрудник Физиологического института им. И.П. Павлова Ф.Р. Дунаевский описывал мытарства с возвращением. В первую очередь, оставалось неясным, как будет организована реэвакуация научных работников: что их будет ждать на месте? Как будет организовано снабжение и питание?

Для того, чтобы попасть в Ленинград необходимо было получить два документа: вызов из Ленинграда, который давался по решению председателя горисполкома, и пропуск из облисполкома места эвакуации. Получить их было непросто. Кроме того, из-за наплыва населения в освобожденный Ленинград въезд в город вскоре был аннулирован даже для тех, кто получил долгожданный вызов.

Физиологический институт реэвакуировался в два этапа – в середине августа и середине сентября. Это казалось правильным решением, поскольку одна часть сотрудников могла вернуться в Ленинград и подготовить помещения для работы, а другая убрать осенний урожай и привезти его с собой. В реальности урожай оказался плохим и не оправдал надежд, а 19 августа 1944 г. поступило правительственное распоряжение о том, что неиспользованные вызовы аннулируются. Ф.Р. Дунаевский с возмущением описывал это решение: «Распоряжение это поставило в тягчайшие условия тысячи людей. Люди ликвидировали свои дела, упаковались, распродали дрова, отказались от квартир. И вдруг – с полной неподготовленностью к ней перспектива еще одной зимы. Собрано, упаковано оборудование (например, институты Физико-технический, Радиевый). Теперь надо снова его распаковывать и быть может на краткий срок. В нашем институте часть оборудования в Ленинграде, часть – в Казани, нет комплектности. Часть сотрудников там, часть здесь, срывается работа и там, и здесь. И множество разорванных семейств» [Ф.Р. Дунаевский 2020, с. 195]. С огромным трудом Ф.Р. Дунаевскому и его жене удалось добраться до Ленинграда.

Состояние зданий ленинградских институтов нередко оставляло желать лучшего. Многие из них пострадали во время обстрелов. В тяжелом состоянии оказалась Библиотека Академии наук. В докладной записке от 4 марта 1944 г. указывалось, что библиотека страдает из-за хронического дефицита кадров. Об условиях работы сообщалось следующее: «Условия работы в Библиотеке абсолютно нетерпимы при наличии дымящихся печей-временок, при всех разбитых окнах, которые лишь прикрыты фанерой, подвешенной к железным рамам. Сейчас же необходимо разрешить вопрос о паровом отоплении и остеклении хотя бы в помещениях 1–2 этажа. Иначе Библиотека никакой работы в холодное время производить не будет» [Докладная записка академику-секретарю АН СССР академику Н.Г. Бруевичу; О работе Библиотеки Академии наук 2024].

Множество повреждений получило здание Института литературы (Пушкинский Дом): «Несмотря на то, что разрушения, производимые артобстрелами, прекратились, здание Института литературы продолжает разрушаться от снега, дождя и проникновения сырого воздуха внутрь помещений <...> Необходимо капитальный ремонт» [Докладная записка вице-президенту АН СССР академику Л.А. Орбели, л. 13]. Приведенные выше проблемы были типичны. Почти все здания требовали капитального ремонта. Многие возвращающиеся сотрудники сталкивались с тем, что их квартиры все еще продолжали быть занятыми или оказались непригодны для проживания.

Не все ленинградские институты вернулись на прежнее место. Институт химической физики с 1943 г. находился в Москве, где и остался. В Москву переехала также группа физиков, возглавляемая И.В. Курчатовым, и работавшая над проблемами атомной энергии. Все они оказались в результате участниками атомного проекта.

Еще в сентябре 1943 г. заместитель управляющего делами АН СССР М.Е. Федосеев направил президенту Академии наук В.Л. Комарову «Информационный доклад об ущербе, нанесенном ленинградским учреждениям АН СССР немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками». Согласно оценкам составителей доклада, общая сумма ущерба составила 1 111 936 398 руб. [Кольцов 2003, с. 505]. В 1945 г. М.Е. Федосеев представил «Сведения о состоянии кадров ленинградских учреждений Академии наук Союза ССР по состоянию на 1941 и 1945 гг.». В них отмечалось, что в 1941 г. в штатах ленинградских академических учреждений числились 2596 сотрудников, из которых фактически работали 2420 человек. Во время блокады умерло 470 сотрудников, в том числе 23 доктора наук и 66 кандидатов. На фронте погибло 57 сотрудников [Кольцов 2003, с. 506].

17 мая 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил 57 сотрудников АН СССР с формулировкой «За самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады города Ленинграда научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках Академии наук СССР, являющихся национальным богатством страны». В 1945 г. в Ленинграде работали 37 академиков и 52 члена-корреспондента. В штатах учреждений АН СССР значились 1452 сотрудника, а фактически работали 1330 [Кольцов 2003, с. 505].

Итак, реэвакуация оказалась непростым мероприятием, потребовавшим значительных организационных усилий. В сравнении с экстренной эвакуацией 1941–1942 гг. она прошла в относительно штатном режиме: сказался и опыт эвакуации, и более спокойные условия. Однако говорить, что все прошло без осложнений, не приходится. Трудно пришлось рядовым сотрудникам, особенно из Ленинграда. Реэвакуация сыграла в итоге роль регулирующего инструмента в «настройке» научной сети, поскольку ряд учреждений поменял свое местоположение. Учитывая, что главным бенефициарием этих изменений

стала Москва, можно в этом увидеть и завершение процесса перебазирования ленинградских институтов и лабораторий в столицу.

Однако опыт эвакуации и реэвакуации наглядно продемонстрировал, что концентрация ресурсов даже в двух больших центрах опасна, поскольку их потеря сразу приводит к потере почти всего научного потенциала страны. Более разветвленную сеть захватить гораздо сложнее. Данный опыт оказался полезным в послевоенное время и привел в 1950–1960-е годы к более интенсивному развитию региональных центров науки.

Библиография

Великая Отечественная война и блокада Ленинграда в судьбах сотрудников Библиотеки Российской академии наук / Авт.-сост.: Н.В. Бекжанова, А.А. Балакина. СПб.: Библиотека РАН, 2024. 568 с.

Докладная записка академику-секретарю АН СССР академику Н.Г. Бруевичу о состоянии библиотечного дела в Ленинграде. 3 марта 1944 г. // Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 4. Оп. 1-1944. Д. 12. Л. 5.

Докладная записка вице-президенту АН СССР академику Л.А. Орбели «О состоянии здания и фондов Института литературы (Пушкинского Дома) АН СССР и необходимых мерах для налаживания нормальной работы Института». 6 марта 1944 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1944. Д. 12. Л. 12–16.

К собранию партактива учреждений Академии наук, находящихся в Москве. 4 мая 1943 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 16–35.

Кольцов А.В. Подвиг ленинградских ученых. Ленинградские отделения АН СССР в годы Великой Отечественной войны // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках: Исторические очерки / Отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2003. С. 482–510.

Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР, 1724–1974: Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974. 522 с.

Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. В 2-х т. / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1977. Т. 2: 1917–1976. 455 с.

Копия постановления № 269 СНК СССР «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии наук СССР в г. Москву». 13 марта 1943 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 2–3.

Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1966. 188 с.

Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. 382 с.

Летопись Российской академии наук. М.: Архив РАН, 2021. Т. 6: 1941–1945. 590 с.

Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 617 с.

Обращение президента АН СССР В.Л. Комарова в СНК СССР по поводу перевода в Москву Института истории, Института мирового хозяйства и мировой политики, Института экономики и Института философии. 25 декабря 1942 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1942. Д. 153. Л. 8.

Обращение президента АН СССР В.Л. Комарова и секретаря Президиума АН СССР Н.Г. Бруевича в СНК СССР по поводу разрешения перевода Президиума АН СССР из Свердловска в Москву. 3 февраля 1943 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 1–1 об.

Постановление Государственного комитета обороны «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.» (извлечение) // Страна – Ленинграду. 1941–1945: Сб. док. / Отв. ред. В.М. Ковальчук. СПб.; Кишинев, 2002. С. 299–304.

Постановление Президиума АН СССР «О переводе эвакуированных институтов и учреждений Академии наук СССР в Москву». 19 марта 1943 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 4–6.

Протокол № 1 заседания Президиума АН СССР, г. Москва. 18, 19 и 20 марта 1943 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 36. Л. 1–27.

Протокол № 2 заседания Президиума АН СССР, г. Москва. 21, 22 и 23 марта 1943 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 36. Л. 51–81.

Протокол № 3 распорядительного заседания Президиума АН СССР. 13 апреля 1943 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 37. Л. 32–69.

Протокол № 6 заседания Президиума АН СССР. 15 июня 1943 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 37. Л. 85–107.

Романов Б.А. Письма к жене / Сост. и подгот. к печати Б.С. Каганович и Л.Б. Вольфшун. СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. 391 с.

Сергей Иванович Вавилов: Дневники. 1909–1951. В 2-х кн. М.: Наука, 2016. Кн. 2: 1920, 1935–1951. 605 с.

Список учреждений Академии наук СССР, которые временно остаются в местах эвакуации. 10 марта 1943 г. // АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1943. Д. 11. Л. 7.

Ф.Р. Дунаевский о реэвакуации в Ленинград / Публ. Е.Н. Груздева // Архивный поиск: сб. научных статей и публикаций. М.: Архив Российской академии наук, 2020. Вып. 3. С. 192–204.

Reference

Dokladnaya zapiska akademiku-sekretaryu AN SSSR akademiku N.G. Bruevichu o sostoyanii bibliotchnogo dela v Leningrade. 3 marta 1944 g. [Report to the Academician-Secretary of the USSR Academy of Sciences, Academician N.G. Bruevich, on the state of library work in Leningrad. March 3, 1944]. Arkhiv RAN (ARAN). F. 4. Inv. 1-1944. Fol. 12. P. 5. (In Russ.)

Dokladnaya zapiska vice-prezidentu AN SSSR akademiku L.A. Orbeli «O sostoyanii zdaniya i fondov Instituta literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR i neobkhodimyykh merakh dlya nalazhivaniya normal'noy raboty Instituta». 6 marta 1944 g. [Report to the Vice-President of the USSR Academy of Sciences, Academician L.A. Orbeli, «On the condition of the building and funds of the Institute of Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences and the necessary measures to establish the normal operation of the Institute». March 6, 1944]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1944. Fol. 12. P. 12–16. (In Russ.)

F.R. Dunaevskiy o reevakuatsii v Leningrad [F.R. Dunaevsky on the re-evacuation to Leningrad]. Publ. E.N. Gruzdeva. Arkhivniy poisk: sbornik nauchnykh statey i publikatsiy [Archive search: collection of scientific articles and publications]. Moscow: Архив Российской академии наук, 2020. Iss. 3. P. 192–204. (In Russ.)

K sobraniyu partaktiva uchrezhdeniy Akademii nauk, nakhodyashhikhsya v Moskve. 4 maya 1943 g. [To the meeting of the party activists of the institutions of the Academy of Sciences located in Moscow. May 4, 1943]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1943. Fol. 11. P. 16–35. (In Russ.)

Kol'tsov A.V. Podvig leningradskikh uchenykh. Leningradskie otdeleniya AN SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The feat of Leningrad scientists. Leningrad branches of the USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War]. Akademicheskaya nauka v Sankt-Peterburge

v XVIII–XX vekakh: Istoricheskie ocherki [Academic Science in St. Petersburg in the 18th–20th Centuries: Historical Essays]. Otv. red. Zh.I. Alferov. Saint Petersburg: Nauka, 2003. P. 482–510. (In Russ.)

Komkov G.D., Levshin B.V., Semenov L.K. Akademiya nauk SSSR, 1724–1974: Kratkiy istoricheskiy ocherk [Academy of Sciences of the USSR, 1724–1974: A Brief Historical Essay]. Moscow: Nauka, 1974. 522 p. (In Russ.)

Komkov G.D., Levshin B.V., Semenov L.K. Akademiya nauk. SSSR: Kratkiy istoricheskiy ocherk [Academy of Sciences. USSR: Brief historical essay]. In 2 vol. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Nauka, 1977. Vol. 2: 1917–1976. 455 p. (In Russ.)

Kopiya postanovleniya № 269 SNK SSSR «O perevode yevakuirovannykh institutov i uchrezhdeniy Akademii nauk SSSR v g. Moskvu». 13 marta 1943 g. [Copy of Resolution N 269 of the Council of People's Commissars of the USSR «On the transfer of evacuated institutes and institutions of the USSR Academy of Sciences to Moscow». March 13, 1943]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1943. Fol. 11. P. 2–3. (In Russ.)

Letopis' Rossiyskoy akademii nauk [Chronicle of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Arxiv RAN, 2021. Vol. 6: 1941–1945. 590 p. (In Russ.)

Levshin B.V. Akademiya nauk SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka, 1966. 188 p. (In Russ.)

Levshin B.V. Sovetskaya nauka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Soviet Science During the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka, 1983. 382 p. (In Russ.)

Materialy k istorii Akademii nauk SSSR za sovetskie gody (1917–1947) [Materials for the history of the USSR Academy of Sciences during the Soviet years (1917–1947)]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 617 p. (In Russ.)

Obrashhenie prezidenta AN SSSR V.L. Komarova i sekretarya Prezidiuma AN SSSR N.G. Bruevicha v SNK SSSR po povodu razresheniya perevoda Prezidiuma AN SSSR iz Sverdlovskaya v Moskvu. 3 fevralya 1943 g. [Appeal of the President of the USSR Academy of Sciences V.L. Komarov and the Secretary of the Presidium of the USSR Academy of Sciences N.G. Bruevich to the Council of People's Commissars of the USSR regarding permission to transfer the Presidium of the USSR Academy of Sciences from Sverdlovsk to Moscow. February 3, 1943]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1943. Fol. 11. P. 1–1 ob. (In Russ.)

Obrashhenie prezidenta AN SSSR V.L. Komarova v SNK SSSR po povodu perevoda v Moskvu Instituta istorii, Instituta mirovogo khozyaystva i mirovoy politiki, Instituta yekonomiki i Instituta filosofii. 25 dekabrya 1942 g. [Appeal of the President of the USSR Academy of Sciences V.L. Komarov to the Council of People's Commissars of the USSR regarding the transfer to Moscow of the Institute of History, the Institute of World Economy and World Politics, the Institute of Economics and the Institute of Philosophy. December 25, 1942]. ARAN. F. 2. Inv. 1-1942. Fol. 153. P. 8. (In Russ.)

Postanovlenie Gosudarstvennogo komiteta oborony «O pervoocherednykh meropriyatiyakh po vosstanovleniyu promyshlennosti i gorodskogo khozyaystva Leningrada v 1944 g.» (izvlechenie) [Resolution of the State Defense Committee «On priority measures for the restoration of industry and urban economy of Leningrad in 1944» (extract)]. Strana – Leningradu. 1941–1945: Sb. dok. [Country to Leningrad. 1941–1945: Collection of documents]. Otv. red. V.M. Koval'chuk. Saint Petersburg; Kishinev, 2002. P. 299–304. (In Russ.)

Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR «O perevode yevakuirovannykh institutov i uchrezhdeniy Akademii nauk SSSR v Moskvu». 19 marta 1943 g. [Resolution of the Presidium of the USSR Academy of Sciences «On the transfer of evacuated institutes and institutions of the USSR Academy of Sciences to Moscow». March 19, 1943]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1943. Fol. 11. P. 4–6. (In Russ.)

Protokol № 1 zasedaniya Prezidiuma AN SSSR, g. Moskva. 18, 19 i 20 marta 1943 g. [Protocol No. 1 of the meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, Moscow. March 18, 19 and 20, 1943]. ARAN. F. 2. Inv. 6. Fol. 36. P. 1–27. (In Russ.)

Protokol № 2 zasedaniya Prezidiuma AN SSSR, g. Moskva. 21, 22 i 23 marta 1943 g. [Protocol N 2 of the meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, Moscow. March 21, 22 and 23, 1943]. ARAN. F. 2. Inv. 6. Fol. 36. P. 51–81. (In Russ.)

Protokol № 3 rasporyaditel'nogo zasedaniya Prezidiuma AN SSSR. 13 aprelya 1943 g. [Protocol N 3 of the administrative meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences. April 13, 1943]. ARAN. F. 2. Inv. 6. Fol. 37. P. 32–69. (In Russ.)

Protokol № 6 zasedaniya Prezidiuma AN SSSR. 15 iyunya 1943 g. [Protocol N 6 of the meeting of the Presidium of the USSR Academy of Sciences. June 15, 1943]. ARAN. F. 2. Inv. 6. Fol. 37. P. 85–107. (In Russ.)

Romanov B.A. Pis'ma k zhene [Letters to the wife]. Sost. i podgot. k pechati B.S. Kaganovich i L.B. Vol'fson. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2023. 391 p. (In Russ.)

Sergey Ivanovich Vavilov: Dnevnik. 1909–1951 [Sergei Ivanovich Vavilov: Diaries. 1909–1951]. In 2 books. Moscow: Nauka, 2016. Book 2: 1920, 1935–1951. 605 p. (In Russ.)

Spisok uchrezhdeniy Akademii nauk SSSR, kotorye vremenno ostayutsya v mestakh yevakuatsii. 10 marta 1943 g. [List of institutions of the USSR Academy of Sciences that temporarily remain in evacuation areas. March 10, 1943]. ARAN. F. 4. Inv. 1-1943. Fol. 11. P. 7. (In Russ.)

Velikaya Otechestvennaya voyna i blokada Leningrada v sud'bach sotrudnikov Biblioteki Rossiyskoy akademii nauk [The Great Patriotic War and the Siege of Leningrad in the Fates of the Employees of the Library of the Russian Academy of Sciences]. Avt.-sost.: N.V. Bekzhanova, A.A. Balakina. Saint Petersburg: Biblioteka RAN, 2024. 568 p. (In Russ.)

К.А. Феофанов

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПОДСИСТЕМЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОТИВОСТОЯНИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются глобальные и региональные противостояния в современных международных отношениях с позиций цивилизационной теории. Исследуются предпосылки «цивилизационизации» – повышения политического и исследовательского внимания к мировым и локальным цивилизационным подсистемам, начиная с 1990-х годов, цивилизации как подсистемы международных отношений и цивилизационные подсистемы как акторы многоуровневых межцивилизационных взаимодействий. Демонстрируется многослойность современных цивилизационных региональных и кроссрегиональных ареалов, их формирование на основе взаимодействия не совпадающих друг с другом, географического, геополитического, геоэкономического, геофилософского и других уровней. Дифференцируются типы межцивилизационных взаимодействий между цивилизационными кластерами на различных уровнях, роли акторов и специфика пограничных территорий и промежуточных регионов. Отдельное внимание уделяется практической реализации гибридных противостояний как современной формы межцивилизационных противоречий, проявляющейся в действиях государств и других акторов, направленных на подавление оппонентов, стремление к контролю над их идеологией и мировоззрением, культурой, институтами и традициями. Детально анализируются исторические и геополитические аспекты межцивилизационных противостояний Запада и России, Запада и исламского мира, суннитско-шиитского противостояния как крупнейших цивилизационно-подсистемных противостояний в современных международных отношениях, при этом фактор длительности межцивилизационного противостояния рассматривается как оказывающий преимущественно деструктивное воздействие. Делаются выводы о детерминирующем влиянии цивилизационных подсистем на современные международные отношения и характер противостояний, о результирующем взаимодействии противоположных векторов развития, направленных на углубление межцивилизационных противостояний и поиски консенсусного и компромиссного взаимодействия, и как следствие, новое, относительно устойчивое, но динамическое распределение международных ролей между ключевыми акторами.*

Ключевые слова: локальные цивилизации; цивилизационные подсистемы; межцивилизационные противостояния; цивилизационизация; системный подход; региональные подсистемы; Запад; Россия; исламский мир; суннитско-шиитские отношения.

Феофанов Константин Анатольевич – доктор политических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

Scopus Author ID: 24460724000

ORCID: 0000-0002-2279-5292

Feofanov K.A.

Civilizational Subsystems as Determinants of Confrontations in Contemporary International Relations

Abstract. *The article examines global and regional confrontations in modern international relations from the standpoint of civilizational theory. The prerequisites of “civilizationization” are considered, namely the increasing political and scholarly attention to global and local civilizational subsystems since the 1990s. Civilizations are studied as subsystems of international relations, and civilizational subsystems as actors in multilevel intercivilizational interactions. The multilayered nature of modern civilizational, regional, and cross-regional areas, and their formation on the basis of interactions among non-coinciding geographical, geopolitical, geo-economic, geo-philosophical, and other levels are demonstrated. The types of intercivilizational interactions between civilizational clusters at various levels, the roles of actors, and the specifics of border territories and intermediate regions are differentiated. Special attention is paid to the practical implementation of hybrid confrontations as a contemporary form of intercivilizational contradiction, manifested in the actions of states and other actors aimed at suppressing opponents and striving to control their ideology and worldview, culture, institutions, and traditions. The historical and geopolitical aspects of intercivilizational confrontations between the West and Russia, the West and the Islamic world, and the Sunni–Shia confrontation as the largest civilizational-subsystem confrontations in contemporary international relations are analyzed in detail, while the duration of these confrontations is considered to have a predominantly destructive effect. Conclusions are drawn about the determining influence of civilizational subsystems on contemporary international relations and the nature of confrontations, about the resulting interaction of opposing vectors of development aimed at deepening intercivilizational confrontations and at seeking consensus and compromise, and, as a consequence, about a new, relatively stable yet dynamic distribution of international roles among key actors.*

Keywords: *local civilizations; civilizational subsystems; inter-civilizational confrontations; civilizationization; systemic approach; regional subsystems; the West; Russia; Islamic world; Sunni-Shia relations.*

Feofanov Konstantin Anatolevich – DSc (Polit.), Professor. Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

Scopus Author ID: 24460724000

ORCID: 0000-0002-2279-5292

Введение

Исследователи международных отношений широко используют понятие «Региональная подсистема международных отношений», методологически отделяя региональные подсистемы от глобальной системы. Введение в научный оборот понятия «цивилизационные подсистемы» – ещё одна эвристическая возможность применения методов системного анализа в исследовании актуальных международных проблем. Рост научного интереса к цивилизационному развитию, прежде всего, в 1990–2000-е годы, свидетельствуют о значительном потенциале цивилизациологии, терминологии и методологии цивилизационного подхода. Противостояние государств в современных международных отношениях – важное направление научных исследований. Наряду с теоретической значимостью, оно постоянно актуализируется эмпирически, как на глобальном уровне, так и в различных международных регионах и странах мира. Достижения технологического развития, выход современных информационных технологий на исторически беспрецедентные уровни позволяют акторам международных отношений осуществлять с геополитическими, геоэкономическими и цивилизационными оппонентами масштабные комплексные противостояния.

Предпосылки повышения внимания к локальным цивилизационным подсистемам

Трансформация международной системы в начале 1990-х гг. радикально преобразила облик глобальных и региональных процессов. Возросший интерес исследователей и политиков к цивилизациям и их «столкновениям», нашедший своевременное отражение в трудах С. Хантингтона, сигнализировал о возвращении в мировую политику более древних и значительных, чем идеологические барьеры эпохи «холодной войны», «линий разлома». Несмотря на разнообразие существующих определений мировых и локальных цивилизаций, цивилизационный подход в основном фокусировался на их уникальных особенностях, корнящихся в фундаментальных ценностях, сформированных многовековым социокультурным и религиозно-конфессиональным развитием.

Катализаторами возросшего интереса к мировым и локальным цивилизационным подсистемам в 1990-е годы стали разрушение биполярной системы, полицентризация миропорядка, проблематизация глобальных и региональных интеграционных процессов, постмодернистское осознание «многослойности» региональных пространств, регионализация и усиление влияния локальных цивилизаций, народов и культур, выстраданное понимание неспособности одних цивилизаций к копированию опыта других. Значительному «усложнению» мира также способствовало возрастание культурно-цивилизационной и международно-политической самостоятельности незападных цивилизаций в резуль-

тате «выпадения» государств из «капиталистического» и «социалистического» «лагерей». Наряду с глобализацией и регионализацией, полицентризацией, периферизацией, гибридизацией и другими развивающимися процессами, представляется возможным также использовать понятие «**цивилизационизация**» для обозначения постбиполярного перехода прежних глобальных и региональных противоречий на глубинный и детерминирующий цивилизационный уровень, в свою очередь, реализующийся в политической, экономической, дипломатической и других формах взаимодействия государств.

Цивилизации как подсистемы международных отношений

Применение системного подхода, разработанного М. Капланом, К. Боулдингом, К. Уолтцем, а ещё раньше, российским учёным А.А. Богдановым, было осуществлено в 1980-е годы Б. Хеттне, Ф. Сёдербаумом и другими для анализа проблем региональной интеграции в духе «старого» и «нового» регионализма и нашло отражение в дальнейшем активном применении понятия «Региональная подсистема» международных отношений [Hettne, Söderbaum 2000; Acharya 2007; Buzan, Albert 2010; Özdemir 2015; Tziampiris 2019; Кулматов, Митрофанова 2010; Воскресенский 2012; Феофанов 2025].

По сравнению с региональными подсистемами, *цивилизационные подсистемы международных отношений* ещё больше не совпадают с территориально-географическими границами государств и регионов. Цивилизации могут «располагаться» преимущественно в той или иной стране в качестве основной, но, как правило, не привязаны к единственной стране или международному региону. Мировые и локальные цивилизации действуют на глобальном и региональном уровнях, выходя за пределы государственных и региональных границ. Многочисленные теории локальных цивилизаций, восходящие к концепциям Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби, отражают представление о *самостоятельных, отдельных друг от друга общностях со специфическими особенностями конфессионального и социокультурного развития*. Наряду с государствами и распределением ролей между ними (ядро, гегемоны, протогегемоны, вассалы, парии), а также транснациональными корпорациями и другими акторами, цивилизации имеют важное значение в глобальных и региональных порядках как посредством ценностно-нормативных и культурно-традиционных влияний, так и через международные экономические, культурные и конфессиональные организации, институционализированные цивилизационно-детерминированные структуры. В отдельных случаях Китая и Индии, России и нескольких других государств можно говорить о всепроникающей цивилизационной детерминированности феномена «государства-цивилизации» [Феофанов 2024]. *Цивилизационные подсистемы международных отношений* представляют собой сложные глобальные и региональные конгломераты

фундаментальных ценностей и норм, культур, институтов и традиций, сформировавшиеся в результате многовекового цивилизационно-исторического развития и охватывающие общества как внутри, так и за пределами государственных границ.

Активность цивилизационно-детерминированных структур в глобальной и региональных системах (подсистемах) международных отношений существенным образом изменяет ландшафты и конфигурации, выступает не только в качестве значимой, но ключевой детерминанты глобального и регионального развития. На основе методологии системного подхода представляется перспективным изучение действующих мировых и (макро)региональных цивилизационных систем и подсистем, находящихся в непрерывном развитии, взаимодействии, диалоге, конкуренции и противостоянии, перманентном перераспределении ролей и потенциалов. Данный подход также усиливает эвристические возможности «компаративного цивилизационизма» как исследовательского направления, предполагающего сравнение теоретических позиций, типов региональных структур и самих регионов с целью получения научно-содержательных и политически-актуальных выводов.

Цивилизационные подсистемы как акторы многоуровневых межцивилизационных взаимодействий

Данное понимание мировых и локальных цивилизаций позволяет исследовать как глобальные, так и регионально-кроссрегионально-экстрарегиональные системы (подсистемы). Все известные, восходящие к пониманию в рамках вышеупомянутых классических цивилизационных концепций, мировые цивилизации, в данном случае, предстают перед исследователем в виде локальных акторных, товарно-экономических и знаково-символических структур международных отношений, реализующих целенаправленную деятельность в доступных международных форматах, в региональных и кроссрегиональных интеграционных структурах. Значимым аспектом цивилизаций и межцивилизационных взаимодействий также является их погруженность во внешнюю среду – систему международных отношений, осуществление взаимных влияний на фундаменте собственных цивилизационных конгломератов, включающих, как следует из авторского операционального определения содержания и структуры цивилизаций, ценности и нормы, культуру, институты и традиции [Феофанов 2021, с. 8]. Многослойная структура современных цивилизационных ареалов, охватывающих несколько регионов, складывается из взаимосвязанных, но не идентичных друг другу пластов: географического (территориального), геополитического, геоэкономического и геофилософского.

Межцивилизационные взаимодействия осуществляются на межгосударственном, дипломатическом, общественно-политическом, миграцион-

ном и туристическом уровнях, в обмене товарами и технологиями. Особое место занимает целенаправленный обмен идеями, идеологемами, пропагандой и другими знаковыми системами, формы культурной и идеологической экспансии [Феофанов 2023, с. 36–38]. Акторы межкультурного взаимодействия в ходе такого взаимодействия предстают в качестве носителей, передатчиков (адресантов, трансляторов) и реципиентов (адресатов) ценностей и норм, месседжей и нарративов, исходных культур, институциональных особенностей, этнонациональных, политических и страновых традиций. **Взаимодействия между мегакультурными кластерами** осуществляются посредством межправительственных и дипломатических форматов, официальных и неофициальных контактов представителей экономически развитых и развивающихся государств, глобальных и макрорегиональных межправительственных организаций. Благодаря географическим средствам коммуникации, таким как проживание вдоль одной крупной реки, морской или океанской береговой линии также имеют место **взаимодействия между локальными культурными кластерами**. Данные инструменты усиливают возможности как продуктивных, так и проблемных, вплоть до масштабных противостояний, взаимодействий. «Непрямое» территориальное соседство, расположение через одно, два или более промежуточных государств или таких географических объектов, как океаны, моря, пустыни, лесные и горные массивы также создаёт специфические коммуникационные возможности для отношений межкультурного сотрудничества и партнёрства, соперничества и противостояния. **Пограничные территории и промежуточные регионы**, как правило, в ходе взаимодействия культур являются проблемными. Пограничные территории могут способствовать взаимодействию между различными культурами, промежуточные регионы «стягивают мегакультуры» в качестве «самостоятельных субъектов межкультурного взаимодействия». Структурными элементами (подсистемами) культур и государств, помимо ядра, являются **лимб** как пояс территорий с отдельными второстепенными признаками «пограничности», **лимитроф** как межкультурное пространство и **лимес** как культурно-географическая граница между культурами [Харин 2015].

Гибридные противостояния как современная форма реализации межкультурных противоречий

Стремясь избежать вооружённых столкновений [Тимофеев 2023], государства и другие структуры, базирующиеся на культурных началах, могут преследовать цель подавления оппонента, установления контроля над его ценностями и нормами, идеологиями и мировоззрением, культурой,

институтами и традициями. Для дружественных государств политическое, экономическое и информационное воздействие строится на основе практического применения внешнеполитических концепций «мягкой силы» в отношении конкретных актуальных и потенциальных союзников. Если отношения между государствами имеют проблемный характер, действующие формы гибридных воздействий могут предполагать развёрнутый, комплексный арсенал эффективных средств. При наличии определенной стадии внутреннего, в области понимания ситуации, интересов и намерений, или внешнего, уже перешедшего в форму открытого противостояния, международного конфликта, в отношении противника предпринимается целая система рационально структурированных действий и контрдействий. Успешное движение в этом направлении открывает перед участниками гибридной войны возможности, применяя масштабное идейно-психологическое воздействие на население, добиваться поставленных задач ценностно-нормативной, а затем и институциональной дестабилизации политического строя и экономической стабильности противника, «установления над государством идеологического и финансово-экономического контроля, подчинения диктату другой стороны, введения "мягкой оккупации"... Гибридная война втягивает в антагонизм всё население и охватывает все участки информационного пространства, включая печатные и электронные СМИ, Интернет и кибератаки, организацию семинаров, обучающих курсов с чтением лекций для сторонников оппозиционных движений... [Имеет место] синергетическое применение для получения наибольшего эффекта» [Черноперов, Сулейманова 2021, с. 38–40, 42]. Данные формы противостояний могут приобретать длительный и устойчивый характер, преследуя цели деморализации, физического и экономического истощения и уничтожения противника.

Исторические и геополитические детерминанты междоцивилизационного противостояния Запада и России

Наиболее длительными являются междоцивилизационные противостояния между Западом и Россией, Западом и исламским миром, между суннитами и шиитами на Ближнем и Среднем Востоке. Другое масштабное противостояние, между Западом и Китаем, не обусловлено настолько глубинными цивилизационными основаниями, а затрагивает геополитическое и геоэкономическое взаимодействие наиболее могущественных конкурирующих «великих держав» [Лукин 2020; Островский 2020]. Однако цивилизационные и конфессионные факторы и в данном случае оказывают значительное детерминирующее влияние. Именно с ними связано отсутствие во внешней политике Китая стремления к навязыванию противникам и партнёрам собственных мировоззренческо-идеологических представлений.

История противостояния Запада и России, несмотря на принадлежность к христианской цивилизации, изначально была обусловлена пространственной отдалённостью Рима и Константинополя, преобладанием центробежных сил над центростремительными, фрагментационных тенденций над интеграционными во времена ранней Византии (V–VI вв.) [Феофанов 2021, с. 141–142]. В фундамент этого противостояния оказались вовлечены талассократические и теллурократические кластеры, «море» и «суша», геополитическая конкуренция за Хартленд как «Срединную землю» в форме военных походов и торгово-экономического соперничества Запада и Востока. Последствиями длительной геополитической конкуренции стали межстрановые противостояния, со временем приобретшие цивилизационный характер, вобравшие в себя многовековые архетипы коллективного бессознательного, господствующие установки, ценности и нормы, которые, независимо от их обоснованности и правильности, считаются превосходящими не только конкурирующие, но и все остальные страны и народы, не только по политическим и экономическим, но и нравственным критериям. Это касается российских мессианских идей, идеологемы «Москва – третий Рим» 1523 г., в XVI–XVII вв. ещё не находившей практическое применение в российской внешней политике, но затем умело приспособленной российскими правителями к политическим выгодам и превратившейся в доминирующий внутри- и внешнеполитический архетип. Это также относится к мессианской доктрине американской исключительности (книжные издания Дж. Уинтропа «Город на холме» 1630 г. и А. де Токвиля «Демократия в Америке» 1831 г.), и в настоящее время оказывающей непосредственное влияние на повседневную политическую и идеологическую активность в США и странах коллективного Запада.

Важную роль в поддержании противостояния играют действующие конгломераты (пост)христианских протестантских либеральных и православных консервативных ценностей, ценностей техногенной и космогенной цивилизаций, вертикальные общественно-политические и горизонтальные межгосударственные формы межкультурных противоречий и столкновений. Самоидентификационные противостояния, столетиями цивилизационно выстраиваемые по принципу «свой – чужой», не могут ежедневно не реализовываться на (гео)политическом уровне по поводу расширения НАТО на Восток, соперничества за постсоветское пространство, разногласий по программе ЕвроПРО и использованию западных санкций против Сирии и Ирана [Барановский 2010, с. 25]. Вышеназванные доктрины имеют далеко не только историософский, но очень конкретный и современный характер, непосредственно, буквально и повседневно детерминируя действия политиков и современные международные отношения.

Исторические и геополитические детерминанты межцивилизационного противостояния Запада и исламского мира

Межцивилизационное противостояние Запада и исламского мира также имеет продолжительную историю (арабское завоевание Испании, атаки на европейские города VII–XI вв., Крестовые походы XI–XV вв. и мн. др.). Среди детерминант противостояния – глобализация как угроза для исламской цивилизации, ее ценностно-нормативной сферы, культуры, институтов и традиций. Для успешной адаптации требовалась бы унификация с Западом – через трансформацию основополагающих ценностей, изначально проблематичной в обществах с сильными традиционными ценностями. В случае выпадения мусульманских стран из мировых вестернизационных тенденций становились ожидаемыми и неизбежными стагнация и периферизация Ближнего и Среднего Востока. Данная угроза со стороны «безбожного Запада» продолжает оставаться ключевым фактором нестабильности, несмотря на отсутствие у (иудео-постхристианского) Запада и исламского мира религиозных противоречий. Политически усиливающими факторами выступают вестернизированные мусульманские элиты и молодежь, американское вмешательство в Афганистан и Ирак, опора населения арабских стран на базовые, традиционные (исламские) ценности и идентичности.

Важным препятствием на пути взаимодействия между исламским миром и Западом является проблема освобождения Иерусалима как третьего по святости, после Мекки и Медины, мусульманского города. Несмотря на отсутствие конфессиональных противоречий, неотделимым от противостояния исламского мира и западной цивилизации является арабо-израильский конфликт. Следствием усиливающегося противостояния стал выход прежней антиколониальной борьбы на новые уровни эскалации, проявляющиеся в виде международного терроризма, политического исламизма и идеи всемирного Халифата. Как и в западно-российском противостоянии, в данном случае также имеют место противостояние (пост)христианских протестантских либеральных и исламских консервативных ценностей, противоречия между техногенной и космогенной цивилизациями, вертикальные общественно-внутриполитические и горизонтальные межгосударственные формы столкновений. Обострению противоречий в немалой степени способствовала политика двойных стандартов США и Евросоюза, использование экстремистских сил в исламском мире в корыстных интересах еще со времен «холодной войны», поощрение исламизма в целях противодействия влиянию СССР и России, «полное непонимание Западом реальных проблем, мифологизация, искаженные представления, предрассудки и предубеждения, демонизация исламского мира в глазах американцев и европейцев и с точки зрения динамики межцивилизационного конфликта, переход в стадию поляризации противоречий. Обострение «ислам-

ского вопроса» выгодно политическим и идеологическим силам довольно широкого спектра как на Западе, так и в мусульманских сообществах» [Валиахметова 2014, с. 7].

В условиях настойчивого цивилизационного влияния Запада политически активные структурные элементы исламской цивилизации выступают именно тем стабилизатором цивилизационной самореферентности, который позволяет мусульманским обществам продолжать развиваться в традиционной форме. Нередко это переходит правовые и нравственные границы, и выражается в террористической и экстремистской активности. С геополитических позиций, исламский мир по-прежнему является (мега)региональным, а не глобальным игроком. Объединительные процессы на Ближнем и Среднем Востоке по-прежнему не выступают в качестве главных направлений эволюции для международных отношений. Однако благодаря консолидации перед вмешательством экстрарегиональных акторов, поиску самостоятельных ответов на глобальные вызовы и угрозы исламские, как арабские, так и неарабские страны, несомпадающие друг с другом в границах и (макро)региональной, и цивилизационной подсистем, становятся сверхзначимым, и потому ключевым элементом системы современных международных отношений.

Исторические и геополитические детерминанты суннитско-шиитского противостояния на Ближнем и Среднем Востоке

Наряду с нормативно-поведенческими и обрядовыми различиями, сформировавшимися еще в VII в., усиление суннитско-шиитской «линии» цивилизационного «разлома» в более позднее время было детерминировано геополитически, что нашло отражение в вооруженных столкновениях Османской империи и Персии в борьбе за гегемонию на Ближнем и Среднем Востоке и Кавказе, а в современных условиях – в борьбе Саудовской Аравии и Ирана за региональное лидерство. Исламская революция 1979 г. в Иране и создание Исламской Республики Иран, доктрина «экспорта исламской революции» и настойчивые попытки ее осуществления идеологическими и силовыми средствами способствовали серьезному обострению шиитско-суннитского противостояния. «Исламский фронт освобождения Бахрейна», «Арабские революционные бригады» в Кувейте в 1979–1980 гг., шиитские оппозиционные группировки в Саудовской Аравии, исламские партии «Амаль» и «Хезболла» в Ливане и «Дава» в Ираке, шиитская коалиция «Аль-Вифак» в Бахрейне, движение исламской реформы «Аль-Харака аль-Ислахия аль-Исламия» в Саудовской Аравии, поддержка Ираном алавитского правительства Б. Асада в Сирии, поддержка Саудовской Аравией и Катаром сирийской, преимущественно суннитской оппозиции, поддержка Ираном и Саудовской Аравией конфликтующих сил в Ливане, беспорядки в Йемене, Бахрейне и Ираке [Рыжов, Бородина, Дорофеев 2019, с.

171–172] не только не способствовали стабилизации на Ближнем Востоке, но и сделали эту стабилизацию, при всегда сохраняющихся возможностях временных улучшений благодаря субъективному политическому снижению антишиитской и антисуннитской риторики, маловероятной не только в среднесрочной, но и в долгосрочной перспективе.

Заключение

Особенностями рассмотренных межкультурных противостояний является наличие возникших в историческом прошлом геополитических, мировоззренческих, самоидентификационных и конфессиональных противоречий. Передаваемые из поколения в поколение механизмы самоотождествления и неприятия инаковости «другого» в более поздние эпохи с легкостью находили новые общественно-политические причины и поводы для подтверждения и обострения. Для цивилизационных подсистем как детерминант противостояний характерны инерционность, сверхустойчивость традиций и связанность с более динамичными, но также устойчивыми геополитическими и геоэкономическими ценностями и нормами. Влияние цивилизационных подсистем на формирование и развитие современных противостояний является одной из наиболее значимых и инвариантных детерминант современных международных отношений.

Наличие противоречий между давними цивилизационно-инспирированными оппонентами не исключает возможностей для диалога и сотрудничества, прежде всего, на площадках международных межкультурных интеграционных структур. В данном взаимодействии распределения ролей союзников с каждой из противоборствующих сторон обретают все более выраженные и устойчивые очертания. Консенсус суперальянсов и компромисс суперкоалиций с устойчивыми, но динамичными ролями опирается на различные модели межкультурного взаимодействия, преимущественно, в тех случаях, когда они непосредственно не связаны со сверхдлительными межкультурными противостояниями. Современные межкультурные противостояния Запада и России, Запада и исламского мира, суннитов и шиитов характеризуются усилением самосознания цивилизационных подсистем, происходящем на фоне множества разнонаправленных, нередко противоречащих друг другу тенденций. Среди них – полицентризация мирового порядка, межкультурные и межконфессиональные противостояния и солидарности, конкурирующая деятельность глобальных и (макро)региональных интеграционных структур, реализация национальных интересов для защиты и поддержания государственного суверенитета, детерминизм цивилизационных подсистем. Последующая трансформация современных международных отношений будет в значительной степени определяться возможностями диалога и сотрудничества в ключевых межкультурных противостояниях.

Библиография

Барановский В.Г. Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа / Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). Мюнхен, 7–8 февраля 2010 г. Москва: ИМЭМО РАН. 2010. 41 с.

Валиахметова Г.Н. Исламский мир – Запад: цивилизационное измерение конфликта политических интересов // Проблемы востоковедения. 2014. № 4 (66). С. 7–11.

Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2. С. 30–58.

Кулматов К.Н., Митрофанова А.В. Региональные аспекты международных отношений. Учебник. Москва: Восток-Запад, 2010. 536 с.

Лабуткин Н.С. Концепция региональных подсистем: от гетерогенности к плюрализму // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 1. С. 32–56.

Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46–59.

Малков С.Ю., Алешковский И.А., Билюга С.Э. Методологические основы междисциплинарных исследований цивилизационных процессов // Россия и современный мир. 2024. № 122. С. 189–202.

Островский А.В. Экономическое противостояние США и Китая: кто победит? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 2. С. 6–19.

Ракова К.В. Столкновение или сотрудничество цивилизаций? Актуальные оценки западными специалистами концепции С. Хантингтона // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 2. С. 20–50.

Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Дорофеев Ф.А. Суннитско-шиитское противостояние: Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное лидерство // Свободная мысль. 2019. № 1 (1673). С. 169–180.

Следзевский И.В. Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 82–90.

Тимофеев И. Гибридная война и гибридный мир // РСМД. Российский Совет по Международным Дела. 2023. 4 окт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-i-gibridnyy-mir/?ysclid=m439xvwb2772835680> (дата обращения: 12.12.2024).

Феофанов К.А. Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 122–135.

Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель – Observer. 2023. № 2 (397). С. 36–51.

Феофанов К. А. Цивилизационная теория модернизации. 3-е изд., испр. и перераб. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». 2021. 218 с.

Феофанов К.А. Цивилизационное моделирование региональных международных отношений (на примере Большой Евразии) // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 1 (9). С. 50–62.

Харин А.Н. Уровни межкультурного взаимодействия // АШПИ. Алтайская школа политических исследований. 2015. 8 апр. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3046> (дата обращения: 12.12.2024).

Черноперов В.Л., Сулейманова У.И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 33–46.

- Acharya A. The emerging regional architecture of world politics // *World Politics*. 2007. Vol. 59. № 4. Pp. 629–652.
- Buzan B., Albert M. Differentiation: A sociological approach to international relations theory // *European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 16. № 3. Pp. 315–337.
- Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *Contribution to New Political Economy*. 2000. Vol 5. № 3 (December). Pp. 457–473.
- Özdemir H. An Inter-Subsystemic Approach in International Relations // *All Azimuth*. 2015. Vol. 4. № 1. Pp. 5–26.
- Tziampiris A. The New Eastern Mediterranean as a Regional Subsystem / Litsas S.N., Tziampiris A. (eds.) *The New Eastern Mediterranean*. Cham, Switzerland: Springer. 2019. Pp. 1–30.

References

- Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics. *World Politics*. 2007. Vol. 59. N 4. P. 629–652.
- Baranovsky V.G. Evroatlanticheskoe prostranstvo: vyzovy bezopasnosti i vozmozhnosti sovmestnogo otveta / Doklad dlya Komissii Evroatlanticheskoy iniciativy v oblasti bezopasnosti (EASI) [Euro-Atlantic Space: Security Challenges and Possibilities of a Joint Response / Report for the Commission of the Euro-Atlantic Security Initiative (EASI)]. Myunhen, 7–8 fevralya 2010 g. Moskva: IMEMO RAN [IMEMO RAS]. 2010. 41 p.
- Buzan B., Albert M. Differentiation: A Sociological Approach to International Relations Theory. *European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 16. N 3. P. 315–337.
- Chernopero V.L., Suleimanova U.I. Gibradnaya vojna: predposylki poyavleniya, koncepcii, sushchnost', celi, instrumentarij, pravovye voprosy, riski [Hybrid War: Prerequisites for Emergence, Concepts, Essence, Goals, Tools, Legal Issues, Risks]. *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Studies]. 2021. Issue. 3. P. 33–46. (In Russ.)
- Feofanov K.A. *Civilizacionnaya teoriya modernizacii*. 3-e izd., ispr. i pererab [Civilizational Theory of Modernization. 3rd edition, revised and reworked]. Moscow. Moskva: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i K» [Publishing and Trade Corporation “Dashkov and Co”]. 2021. 218 p. (In Russ.)
- Feofanov K.A. Civilizacionnoe modelirovanie regionalnyx mezhdunarodnyx otnoshenij (na primere Bolshoj Evrazii) [Civilizational modeling of regional international relations (on the example of Greater Eurasia)] // *Blizhnij i Postsovetiskij Vostok* [Middle and Post-Soviet East]. 2025. N 1 (9). P. 50–62 (In Russ.)
- Feofanov K.A. Kontseptsiya “gosudarstva-tsivilizatsii” kak napravleniye v razvitii tsivilizatsionnoy teorii [The concept of “Civilization State” as a Direction in the Development of Civilizational Theory] // *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. Vol. 17. N 4. 2024. Vol. 17. N 4. P. 122–135. (In Russ.)
- Feofanov K.A. Postpravda – faktor degradacii social'no-politicheskogo diskursa [Post-Truth – a Factor of Degradation of Social and Political Discourse] // *Obozrevatel' – Observer*. 2023. N 2 (397). P. 36–51.
- Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *Contribution to New Political Economy*. 2000. Vol 5. N 3 (December). P. 457–473.
- Kharin A.N. (2015). Urovni mezheivilizacionnogo vzaimodejstviya [Levels of Intercivilizational Interaction]. // *Altai School of Political Research* [Altajskaya shkola politicheskikh issledovanij] 2015. 8 Aprl. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3046> (date of accessed: 12.12.2024)] (In Russ.)
- Kulmatov K.N., Mitrofanova A.V. *Regionalnye aspekty mezhdunarodnyx otnoshenij*: Uchebnik [Regional aspects of international relations: Textbook]. Moskva: Vostok-Zapad, 2010. 536 p. (In Russ.)

Labutkin N.S. Konceptsiya regional'nyh podsistem: ot geterogennosti k plyuralizmu [The Concept of Regional Subsystems: From Heterogeneity to Pluralism] // Vestn. Mosk. un-ta [Vestnik of Moscow Univ]. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [International Relations and World Politics]. 2020. Vol. 12. N 1. P. 32–56. (in Russ.)

Lukin A.V. Rossiya i Kitaj v Bol'shoj Evrazii [Russia and China in the Greater Eurasia]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Political studies]. 2020. N 5. P. 46–59]. (in Russ.)

Malkov S. Yu., Aleshkovsky I.A., Bilyuga S.E. Malkov S.Yu., Aleshkovskij I.A., Bilyuga S.E. Metodologicheskie osnovy mezhdisciplinarnykh issledovanij civilizacionnykh processov [Methodological Foundations of Interdisciplinary Studies of Civilization Processes]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Modern World]. 2024. N 122. P. 189–202. (In Russ.)

Ostrovsky A.V. Ekonomicheskoe protivostoyanie SShA i Kitaya: kto pobedit? Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [Economic Confrontation Between the USA and China: Who Will Win? East Asia: Facts and Analytics]. 2020. N 2. P. 6–19. (in Russ.)

Özdemir H. An Inter-Subsystemic Approach in International Relations. All Azimuth. 2015. Vol. 4. N 1. P. 5–26.

Rakova K.V. Stolknovenie ili sotrudnichestvo civilizacij? Aktual'nye ocenki zapadnymi specialistami koncepcii S. Hantingtona [Clash or Cooperation of Civilizations? Current Assessments by Western Experts of S. Huntington's concept] // Problemy civilizacionnogo razvitiya [Problems of Civilizational Development]. 2021. Vol. 3. N 2. P. 20–50. (in Russ.)

Ryzhov I.V., Borodina M.Yu., Dorofeev F.A. Sunnitsko-shiitskoe protivostoyanie: Iran i Saudovskaya Araviya v bor'be za regional'noe liderstvo [Sunni-Shia Confrontation: Iran and Saudi Arabia in the Struggle for Regional Leadership]. // Svobodnaya mysl' [Free Thought]. 2019. N 1 (1673). P. 169–180]. (In Russ.)

Sladzevskij I.V. Civilizacionnoe izmerenie sovremennogo mirovogo razvitiya: problemy i podhody [Civilizational Dimension of Contemporary World Development: Problems and Approaches]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2020. Vol. 64. N 1. P. 82–90. (in Russ.)

Timofeev I. Gibridnaya vojna i gibridnyj mir [Hybrid War and Hybrid Peace] // RIAC. Russian International Affairs Council. 2023. 4 Oct. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-i-gibridnyy-mir/?ysclid=m439xvwb2772835680> (date of accessed: 12.12.2024)]. (In Russ.)

Tziampiris A. The New Eastern Mediterranean as a Regional Subsystem / Litsas S.N., Tziampiris A. (eds.) The New Eastern Mediterranean. Cham, Switzerland: Springer. 2019. P. 1–30.

Valiaxmetova G.N. Valiaxmetova G.N. Islamskij mir – Zapad: civilizacionnoe izmerenie konflikta politicheskikh interesov [Islamic World – the West: Civilizational Dimension of the Conflict of Political Interests] // Problemy vostokovedeniya [Problems of Oriental Studies]. 2014. N 4 (66). P. 7–11 (In Russ.)

Voskresenskiy A.D. Koncepcii regionalizacii, regionalnyx podsistem, regionalnyx kompleksov i regionalnyx transformacij v sovremennyx mezhdunarodnyx otnosheniyax [Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in modern international relations] // Sravnitel'naya politika [Comparative politics]. 2012. N 2. P. 30–58]. (in Russ.)

Д.Д. Бондарь

**МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РФ САНКЦИОННОМУ ДАВЛЕНИЮ
В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ**

***Аннотация.** Российский топливно-энергетический комплекс, безусловно являющийся важным источником пополнения доходов федерального бюджета, в настоящее время подвергается беспрецедентному санкционному давлению стран Запада: введено множество ограничений, затрагивающих экспорт российской нефти, газа и угля, транспортировку энергоносителей, доступ к технологиям разработки месторождений и др. Под санкциями находятся и крупнейшие российские компании – экспортеры энергоносителей, банки и ведомства. В связи с этим актуально изучение того комплекса мер, которые предпринимаются органами власти РФ в целях минимизации и преодоления последствий данных ограничений, эффективности и достаточности антисанкционных мер. Цель исследования состоит в оценке эффективности антисанкционных мер в области энергетики через призму последствий санкций для российского топливно-энергетического комплекса. По результатам исследования выявлено, что санкции не достигли желаемого эффекта: комплекс антисанкционных мер, включающий в себя меры стимулирования технологического развития российского топливно-энергетического комплекса, меры налогового регулирования, а также успешную переориентацию экспорта на восток, преимущественно в Китай и Индию, позволил сохранить объемы экспорта энергоносителей на уровне предыдущих лет и обеспечить рост доходов бюджета от добычи и экспорта нефти, газа и угля. Тем не менее существует необходимость проведения дальнейшей работы по укреплению технологической независимости российского топливно-энергетического комплекса, а также необходимость диверсификации поставок энергоносителей, поиска новых перспективных рынков: одним из перспективных направлений развития экспорта энергоносителей и обеспечения энергетической безопасности может выступать усиление сотрудничества в рамках расширяющегося БРИКС.*

***Ключевые слова:** санкции; нефть; нефтепродукты; природный газ; уголь; антисанкционные меры; нефтегазовые доходы.*

Бондарь Даниил Дмитриевич – аспирант кафедры геополитики Факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: bondar.d.d.plat2112@gmail.com

Bondar D.D.

Measures of the Russian Federation to Counter Sanctions Pressure in the Energy Sector

Abstract. *The Russian fuel and energy complex, which is undoubtedly an important source of federal budget revenues, is currently subject to unprecedented sanctions pressure from Western countries. Numerous restrictions have been introduced affecting the export of Russian oil, gas, and coal, the transportation of energy resources, and access to field development technologies, among others. Russia's largest energy-exporting companies, banks, and government agencies are also subject to sanctions. In this regard, it is important to study the set of measures taken by the authorities of the Russian Federation to minimize and overcome the consequences of these restrictions, as well as the effectiveness and sufficiency of the anti-sanctions measures. The purpose of the study is to assess the effectiveness of anti-sanctions measures in the energy sector through the prism of the consequences of sanctions for the Russian fuel and energy complex.*

According to the results of the study, it was found that the sanctions did not achieve the desired effect: a set of anti-sanctions measures, including steps to stimulate the technological development of the Russian fuel and energy complex, tax regulation measures, as well as the successful reorientation of exports to the East, mainly to China and India, made it possible to maintain energy export volumes at the level of previous years and ensured an increase in budget revenues from the production and export of oil, gas, and coal. However, there remains a need to continue work to strengthen the technological independence of the Russian fuel and energy complex, as well as to diversify energy supplies and search for new promising markets. One of the promising areas for developing energy exports and ensuring energy security may be expanded cooperation within the growing BRICS framework.

Keywords: *sanctions; oil; petroleum products; natural gas; coal; anti-sanctions measures; oil and gas revenues.*

Bondar Daniil Dmitrievich – a post-graduate student of the Department of Geopolitics, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.

E-mail: bondar.d.d.plat2112@gmail.com

Энергетическая безопасность представляет собой один из важнейших аспектов национальной безопасности любой страны и отражает, по определению, данному в Доктрине энергетической безопасности России, «состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством требований к топливно- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств РФ» [Доктрина энергетической безопасности РФ...] Таким образом, основная задача энергетической безопасности страны состоит, прежде всего, в обеспечении удовлетворения потребностей потребителей в энергоно-

сителях: углеводородах, твердом ископаемом топливе, электроэнергии, ресурсах атомной энергетики и др.

Российский топливно-энергетический комплекс, как отмечает Президент РФ В.В. Путин, в настоящее время в полной мере обеспечивает потребности страны [Нефедова 2024]. Россия обладает одними из наиболее крупных разведанных запасов нефти в мире, которые составляют около 19 млрд тонн [Савенкова 23] (8,9% мировых запасов по данным ОПЕК [ОПЕК 2021]), по данному показателю страна занимает восьмое место в мире, занимая третье место по экспорту нефти [Добыча сырой нефти 2022]. По запасам природного газа Россия занимает первое место в мире, обладая, по данным ОПЕК, 24,38% мировых разведанных запасов [ОПЕК 2021], по запасам угля – второе место в мире (17% всех мировых запасов) [Запасов угля...2022].

Экспорт энергоносителей все еще является важнейшим источником пополнения доходной части федерального бюджета, несмотря на достаточно долгие усилия по диверсификации доходов с целью снижения зависимости бюджета от нефтяных котировок, так называемой «нефтяной иглы». В 2023 г. доля нефтегазовых доходов в бюджете РФ составляла 30% [Минфин отчитался о росте...2024] (в 2022 г. – 41,6%, в 2021 г. – 35,8%) [Соколов 2023, с. 3].

В связи с тем, что контроль за поставками энергоресурсов важен с точки зрения геополитики, а в российских нефтяных компаниях велика доля государственного участия, топливно-энергетический комплекс страны выступил в качестве одной из основных мишеней санкционной политики западных стран. Данному вопросу посвящено множество работ отечественных исследователей, в том числе А.Р. Борисовой [Борисова 2017, с. 84], С.В. Казанцева [Казанцев 2018, с. 46], П.А. Пыхова [Пыхов 2022, с. 147], Г.А. Аннадурдыевой [Аннадурдыева 2023, с. 72], А.А. Родыгина [Родыгин 2023, с. 237] и др. Тем не менее, в связи с тем, что в настоящее время активно вводятся новые санкционные ограничения и разрабатываются ответные меры, тема исследования не теряет своей актуальности.

В настоящее время на Россию проводится беспрецедентное санкционное давление: на момент проведения исследования в различных сферах в отношении России общее количество санкционных ограничений составляет более 16 тыс. При этом более 71% санкций введены правительствами США, Великобритании и Европы, включая Швейцарию [Санкции против России].

Введенные санкции направлены на ограничения финансового сектора РФ, ряда отраслей промышленности, внутренней и внешней торговли, энергетического сектора и ТЭК, транспорта и иных сфер деятельности. Кроме того, санкционные ограничения распространяются на достаточно широкий перечень конкретных юридических и физических лиц. Цель санкций, по утверждению западных политических деятелей, состоит в нанесении России стратегического поражения.

Санкционные ограничения в энергетическом секторе включают в себя отказ от поставок российской нефти (для ЕС – только морским путем), ограничение верхнего предела цен на нефть и нефтепродукты из России, ограничения транспортировки российской нефти и нефтепродуктов, приостановку сотрудничества в области нефтехимии, запрет на экспорт оборудования в РФ для разведки месторождений нефти и газа, добычи трудноизвлекаемых запасов нефти (ТРИЗ) и др. В отношении российского угля с конца 2022 г. ЕС, США, Великобритания, Австралия, Канада и Япония запретили импорт и ограничили для своих компаний возможность оказания услуг по его транспортировке, в том числе в пределах России, обосновав ограничения тем, что уголь является товаром, приносящим России значительный доход [Путеводитель по санкциям].

В целом, следует отметить, что все санкции недружественных стран, направленные против российского топливно-энергетического комплекса, можно разделить на три группы: ограничение импорта энергоресурсов из России, ограничение транспортировки российских энергоресурсов и ограничение экспорта товаров и технологий для добычи/производства энергоресурсов.

Особенное внимание уделяется ценовым ограничениям на российские нефть и нефтепродукты, и вопросам соблюдения этих ограничений. Так, ЕС, Великобритания, США и Япония регулярно обновляют соответствующие нормативные документы и руководства с целью обеспечения выполнения введенных ограничений и препятствования обходу санкций, включая присоединение третьих стран к ограничениям цен, меры в отношении нефти, смешанной с российской и нефти неизвестного происхождения.

В ответ на внедрение санкций власти РФ в целях обеспечения энергетической безопасности разрабатывают и внедряют ряд антисанкционных мер различного характера. В первую очередь, антисанкционные меры в энергетическом секторе направлены на:

- защиту критически важной информации (информации об объемах добычи нефти и газа, объемах и странах экспорта энергоносителей и др.);
- обеспечение достаточного уровня доходов бюджета (увеличение НДПИ при добыче угля, природного газа и нефти, запрет продажи нефти по ценовому потолку и др.);
- стимулирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКТР) в сфере нефте- и газодобычи;
- субсидирование модернизации нефте- и газодобывающих предприятий с применением нового отечественного оборудования;
- переориентация рынков сбыта российских энергоносителей.

В связи с тем, что многие компании нефтегазового и угольного сектора страны попали под санкции западных стран в 2022–2023 г., что усложнило для них расчеты с покупателями по экспортным контрактам, а также услож-

нило транспортировку поставляемых энергоносителей, с апреля 2023 г. в соответствии с распоряжением Правительства РФ № 1074-р от 26.04.2023 не публикуется статистическая информация, касающаяся объемов добычи и экспорта нефти, нефтепродуктов и природного газа [Распоряжение Правительства РФ от 26 апреля 2023 г.]. Данная мера, прежде всего, направлена на усложнение поиска иностранными органами власти российских юридических лиц для введения новых санкций.

В целях обеспечения достаточного уровня доходов бюджета с 1 января 2023 г. Федеральным законом от 21.11.2022 № 443-ФЗ были увеличены ставки налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) для угля, нефти и газа [Федеральный закон от 21 ноября 2022 г.]. В связи с введением потолка цен на российскую нефть, который был разработан исходя из распространенного в США мнения о том, что нефтяной рынок контролирует в большей степени покупатель, чем продавец, Указом Президента РФ от 27.12.2022 № 961 была запрещена продажа российской нефти по договорам, которые предусматривают фиксированную предельную цену, запрет действует до 30 июня 2024 г., и, предположительно, может быть продлён [Указ Президента РФ от 27 декабря 2022 г.]. Касательно экспорта каменного угля, Постановлением Правительства России от 21.09.2023 № 1538 с 1 октября 2023 г. введены гибкие экспортные пошлины в размере от 4% до 7%, которые зависят от курса рубля (при курсе 80 руб. и менее за долл. США экспортная пошлина обнуляется) [Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2023 г.].

Одной из важнейших проблем ТЭК России, вызванных санкциями, является прекращение сотрудничества и потеря доступа к технологиям и оборудованию для добычи трудноизвлекаемых запасов нефти и газа. В результате этих санкций ряд совместных проектов по разработке шельфовых месторождений были заморожены, хотя в настоящее время некоторые из этих проектов возобновляют работу (в частности, проекты Сахалин-1 и Сахалин-2). Проблема усугубляется тем, что в структуре российской нефтедобычи запасы, извлекаемые традиционными, менее затратными способами, постепенно истощаются, что вызывает необходимость разрабатывать более затратные месторождения. Трудноизвлекаемые запасы составляют 45% всех разведанных объемов нефти в России [Маринин, Рахматуллина 2023, с. 94], и в структуре ежегодной добычи, по оценкам экспертов, в ближайшей перспективе доля таких запасов неизбежно будет расти [Мокрова 2022, с. 77]. В существующих реалиях важно обеспечить технологическую безопасность топливно-энергетического комплекса и проводить исследования, направленные на разработку собственных технологий нефте- и газодобычи, производство собственного оборудования для обеспечения бесперебойной работы предприятий и освоения новых месторождений. В этих целях принят достаточно обширный пакет документов, предусматривающий налоговые льготы для российских предприятий, проводя-

щих НИОКТР в сфере разработки и производства технологий и оборудования для нефтегазодобычи, субсидирование модернизации предприятий ТЭК с применением отечественного оборудования [Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2022 г.; Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2022 г.; Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2023 г.; Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2022 г.]. Есть и некоторые успехи, в июне 2024 г. компания Камаз успешно протестировала оборудование собственной разработки и производства для гидроразрыва пласта, производства которого ранее в России не существовало [Камаз и РИАТ...2024].

Что касается потери доступа России к традиционным рынкам сбыта энергоносителей (страны ЕС, Великобритания, США и др.), с момента введения санкций в отношении нефтегазового сектора проводится активная внешнеполитическая работа по переориентации сбыта нефти, природного газа и угля. В качестве основной проблемы переориентации выступает, в первую очередь, не поиск покупателей новых объемов нефти, а необходимость переориентации транспортных потоков: по мнению отраслевых экспертов, свободные портовые и трубопроводные мощности сформировались в европейски ориентированных направлениях, где из-за санкций были прекращены поставки. Трубопроводы и порты, работающие на экспорт энергоносителей на восток, работали на полную мощность и до 2021 г., что вызвало необходимость в расширении портовых и трубопроводных мощностей для переориентации сбыта [Сафонова 2023, с. 51].

Тем не менее российским компаниям удалось в достаточно короткие сроки сразу после введения санкций заключить сделки с покупателями из стран БРИКС: Китая и Индии, а также ряда стран Африки, юго-восточной Азии, серьезно нарастив поставки и закрепившись на рынке за счет скидок. Благодаря применяемым дисконтам на уголь российским компаниям удалось значительно нарастить объемы поставок в 2023 г. в Китай (рост на 52% по сравнению с 2022 годом), в Индию (рост на 43%) и в Турцию (рост на 46%) [Инфраструктурный оптимизм...2024]. Серьезный рост спроса на энергоносители в Китае после отмены коронавирусных ограничений в 2023 г., рост внутреннего потребления в Индии и развитие в стране отрасли нефтепереработки позволило обеспечить необходимые объемы российского экспорта. Основным покупателем российской нефти, поставляемой морским транспортом, на данный момент является Индия, трубопроводным транспортом – Китай, в сумме поставки в эти две страны составляют порядка 80% российского экспорта нефти и нефтепродуктов, что содержит в себе определенные риски, связанные с недостаточной диверсификацией [Юшков 2024, с. 18]. Тем не менее задачу в короткие сроки переориентировать экспорт энергоносителей и удержать объемы продаж в условиях широких санкционных ограничений можно считать выполненной: по заявлениям Правительства РФ, уже

к началу 2023 г. выпавшие из-за санкций объемы поставок были полностью компенсированы поставками в дружественные страны и снижения продаж не произошло [Нефть пошла на восток 2023].

В целом следует отметить, что все введенные антисанкционные меры направлены на снижение зависимости топливно-энергетического комплекса России от технологий, оборудования, рынков сбыта и политических решений, исходящих из недружественных стран, и параллельно на усиление сотрудничества и расширение рынка сбыта энергоносителей в страны ЕАЭС, БРИКС, Юго-восточной Азии и Африки. Внедренные меры являются комплексными и затрагивают практически все аспекты, по которым энергетический сектор испытывает санкционное давление.

В связи с тем, что санкции нацелены на создание сложностей для получения Россией доходов от экспорта нефти, газа и угля, а антисанкционные меры, напротив, направлены на нивелирование эффекта санкций, достаточность предпринятых для обеспечения энергетической безопасности России мер, на наш взгляд, возможно оценить исходя из объективных последствий санкций – динамики цены на российскую нефть, динамики получаемых доходов.

Динамика спотовой цены сырой нефти Urals представлена на рисунке 1.

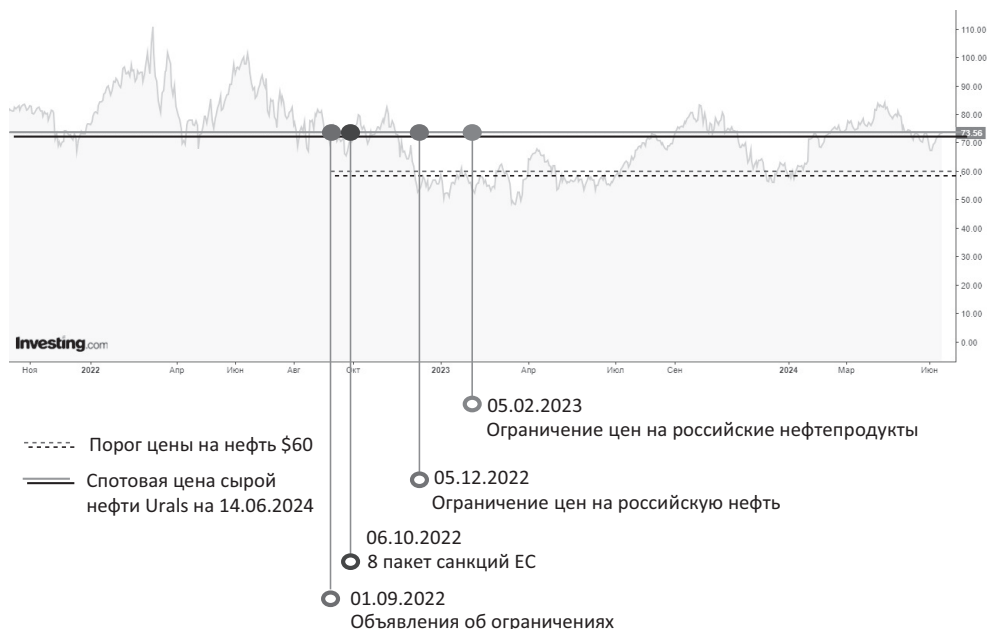


Рис. 1. Динамика спотовой цены сырой нефти Urals с ноября 2021 по июнь 2024 г.

Источник: [Спотовая цена сырой нефти Urals 2024]

Ограничения предельных цен на нефть были введены из соображений снижения инфляции в Европе и США. Недостаток российской нефти на мировом рынке в 2022 г. вызвал дефицит топлива, что в свою очередь привело к росту его цены и значительно увеличило инфляцию в целом. Идея о том, чтобы позволить России наполнять рынок нефтью, но не позволять на этом зарабатывать, привела к анонсу в сентябре 2022 г. восьмого пакета санкций, предусматривающих предельную цену на российскую нефть (с 5 декабря 2022 г.) и нефтепродукты (с 5 февраля 2023 года), в те же сроки вступило в силу эмбарго ЕС на закупки российской нефти и нефтепродуктов морским путем.

Как видно на рисунке 1, ограничение предельной цены не всегда соблюдается: периоды соблюдения ограничений перемежаются периодами резкого роста цены (что свидетельствует об успешном обходе санкций при помощи судов теневого флота, перемешивания российской нефти с иной, использование судов под флагами других стран и др.). В течение большей части периода действия ограничений цена на Urals значительно превышает порог ограничений.

Динамика дополнительных нефтегазовых доходов бюджета РФ представлена на рисунке 2.

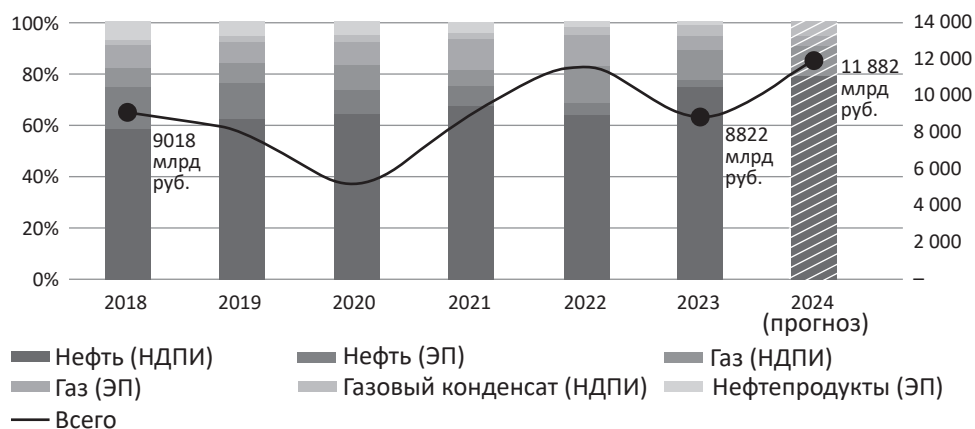


Рис. 2. Динамика нефтегазовых доходов федерального бюджета РФ за 2018–2023 гг., млрд. руб.

Источник: [Сведения о формировании 2024]

Как видно на рисунке 2, общий объем доходов бюджета, как от экспорта нефти, так и от нефтепродуктов, природного газа и газового конденсата, от санкций значительно не пострадал. Это вызвано как переориентацией рынков сбыта энергоносителей, так и применяемыми мерами налогового регулирования, и, в некоторой мере, снижением курса рубля.

Что касается экспорта угля, его объемы также не пострадали от санкций: объемы добычи угля в 2023 г. снизились на 1,7% по сравнению с 2022 годом, а экспорт увеличился на 1%. По итогам 2021–2023 гг. объемы экспорта сохраняются на уровне 2019–2020 гг. и составляют в районе 30 млн тонн. Сохранить экспорт в условиях отказа США, ЕС и Великобритании от российского угля удалось за счет значительного наращивания поставок в Индию и Китай: в 2023 г. в Китай было поставлено угля более чем на 50% больше, чем в 2022 г., в Индию рост экспорта увеличился более чем на 40% [Инфраструктурный оптимизм...2024].

Выводы

В целом следует отметить, что хотя санкции и создали ряд сложностей для российского топливно-энергетического комплекса, экспортно-ориентированного на европейский рынок и рынок США до 2022 г., в настоящее время они не достигли ожидаемого эффекта: российская нефть всё еще продается дороже установленных ценовых ограничений, нефтегазовые доходы российского бюджета не снизились, а экспорт угля сохранился на уровне предыдущих лет.

Достичь такого эффекта удалось благодаря эффективным, комплексным антисанкционным мерам, включающим в себя меры стимулирования технологического развития российского топливно-энергетического комплекса, мерам налогового регулирования (снижение экспортных пошлин, увеличение НДС), а также успешной и быстрой переориентации сбыта энергоносителей на восток, преимущественно в Китай и Индию, что включает в себя как дипломатические усилия, так и логистические решения, связанные с увеличением портовых и трубопроводных мощностей.

Тем не менее в существующих реалиях, когда большая часть экспорта российских энергоносителей приходится на Индию и Китай, а доходы от экспорта энергоносителей составляют важнейшую часть федерального бюджета, существует необходимость в продолжении диверсификации поставок. Перспективным в данном отношении выглядит расширяющееся партнерство в рамках БРИКС: страны БРИКС составляют более 40% населения мира и обеспечивают порядка четверти мирового ВВП, что представляет собой значимый, динамично растущий и расширяющийся благодаря вступлению новых стран рынок. Деятельность стран в соответствии с Дорожной картой энергетического сотрудничества БРИКС до 2025 г. предполагает в том числе и привлечение инвестиций с использованием возможностей Нового банка развития, что создает новые возможности для развития топливно-энергетического комплекса, транспортной инфраструктуры и перспективы для укрепления энергетической безопасности стран-участниц.

В качестве перспективного направления обеспечения энергетической безопасности России также следует отметить и необходимость усиления технологической независимости в сфере добычи полезных ископаемых. Несмотря на продолжающуюся работу в данном направлении и некоторые успехи, данная работа должна быть продолжена, предлагается расширить финансирование НИОКТР в сфере оборудования для нефтегазодобычи и нефтехимии.

Библиография

Аннадурдыева Г.А., Венецианова С.Л. Пути обхода экономических санкций в сфере ТЭК и их правовое обеспечение // Право и управление. 2023. № 4. С. 72–78.

Борисова А.Р., Кислицин С.В. Влияние санкций США на топливно-энергетический комплекс России // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 3(567). С. 84–96.

Доктрина энергетической безопасности РФ: утверждена Указом Президента РФ от 13.05.2019 № 216 // Министерство Энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-security-doctrine> (дата обращения: 15.06.2024).

Запасов угля хватит России на 370 лет // Нефть и капитал. 2022. 13 дек. URL: <https://oilcapital.ru/news/2022-12-13/zapasy-uglya-hvatit-rossii-na-370-let-2614557> (дата обращения: 13.06.2024).

Инфраструктурный оптимизм для экспорта российского угля // Морские вести России. 2024. 15 апреля. URL: <https://morvesti.ru/themes/1694/108666/> (дата обращения: 15.06.2024).

Казанцев С.В. Оценка влияния антироссийских санкций на топливно-энергетический и оборонно-промышленный комплексы России // Экономическая политика. 2018. №3. С. 46–57.

Камаз и РИАТ работают над импортозамещением техники для газонефтедобычи // ТАСС. 2024. 17 июня. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21123143> (дата обращения: 15.06.2024).

Маринин И.А., Рахматуллина А.Р. Развитие нефтегазодобывающей отрасли России в условиях международных экономических санкций // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 4 (117). С. 94–100.

Минфин отчитался о росте доходов бюджета темпом выше 50% // РБК. 2024. 13 мая. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/05/2024/6641c2db9a7947d479462fd1?ysclid=mi4o3prmpri799672033> (дата обращения: 16.06.2024).

Мокрова Е.М. Антироссийские экономические санкции США в нефтяном секторе: вызов или стимул для внешней политики РФ // Власть. 2022. Т. 30. № 2. С. 77–83.

Нефедова А. ТЭК держать: Путин заявил об устойчивом росте потребления электроэнергии в России // Известия. 2024. 20 мая. URL: <https://iz.ru/1699517/alena-nefedova/tek-derzhat-putin-zaiavil-ob-ustoichivom-roste-potrebleniia-elektroenergii-v-rossii> (дата обращения: 14.06.2024).

Нефть пошла на восток // Российская Газета. 2023. 19 дек. URL: <https://rg.ru/2023/12/19/barrel-smenil-marshrut.html> (дата обращения: 15.06.2024).

Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2022 г. № 2312 «О внесении изменений в перечень научных исследований и опытно-конструкторских разработок, расходы налогоплательщика на которые в соответствии с пунктом 7 статьи 262 части второй Налогового кодекса Российской Федерации включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 52. Ст. 9597. URL: <https://base.garant.ru/405960165> (дата обращения: 17.06.2024).

Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2023 г. № 1538 «О ставках вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза, и о внесении изменений в ставки вывозных

таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 39. Ст. 7046. URL: <http://government.ru/docs/all/149648/> (дата обращения: 17.06.2024).

Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2022 г. № 2167 «Об утверждении Правил предоставления в 2022 г. субсидий из федерального бюджета организациям на возмещение части затрат на приобретение новых буровых установок взамен буровых установок, сданных на утилизацию, и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 1957» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 49. Ст. 8680. URL: <https://base.garant.ru/405850377/> (дата обращения: 17.06.2024).

Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/57750632/> (дата обращения: 13.06.2024).

Пыхов П.А. Топливо-энергетический комплекс России в условиях санкционных ограничений // Московский экономический журнал. 2022. № 12. С. 147–162.

Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2023 г. №1888-р «О выделении Минпромторгу России в 2023 г. бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства РФ на предоставление субсидии из федерального бюджета АНО «Агентство по технологическому развитию» на поддержку проектов, предусматривающих разработку конструкторской документации на комплектующие изделия, необходимые для отраслей промышленности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 29. Ст. 5491. URL: <https://base.garant.ru/407386770/> (дата обращения: 13.06.2024).

Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2022 г. № 2289-р «О выделении Минпромторгу России из резервного фонда Правительства РФ в 2022 г. бюджетных ассигнований на предоставление субсидий российским организациям на финансовое обеспечение затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по современным технологиям в части реализации такими организациями инновационных проектов в рамках федерального проекта «Прорыв на рынки сжиженного природного газа» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 34. Ст. 6043. URL: <https://base.garant.ru/405165267/> (дата обращения: 13.06.2024).

Распоряжение Правительства РФ от 26 апреля 2023 г. № 1074-р «О видах продукции, в отношении которых приостанавливаются предоставление и распространение официальной статистической информации, формируемой в соответствии с позициями 1.4.6, 1.5.8, 1.18.2, 1.18.5, 1.18.6, 1.18.7, 1.19.5, 1.19.8, 1.22.1 и 1.22.6 Федерального плана статистических работ (с изменениями и дополнениями)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3373. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1301439565> (дата обращения: 16.06.2024).

Родыгин А.А. Энергетическая безопасность России в условиях санкций // Управленческий учет. 2023. № 12. С. 237–245.

Савенкова Д. Трудноизвлекаемые запасы нефти в России выросли на треть за 9 лет // Ведомости. 2023. 21 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/04/21/972046-trudnoizvlekaemie-virosli-tret> (дата обращения: 14.06.2024).

Санкции против России: актуальная статистика // Интерфакс. x-compliance. URL: <https://x-compliance.ru/statistics?ysclid=lxbnlwwk429768214> (дата обращения: 16.06.2024).

Сафонова Т.Ю. Трансформация рынков сбыта российской нефти с учетом санкционного давления // Управленческое консультирование. 2023. № 1 (169). С. 51–62.

Сведения о формировании и использовании дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2018–2024 годах // Министерство Финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/oil?id_57=122094-svedeniya_o_formirovanii_i_ispolzovanii_dopolnitelnykh_neftegazovykh_dokhodov_federalnogo_byudzheta_v_2018-2024_godakh&ysclid=mi4o5qmq17634850649 (дата обращения: 15.06.2024).

Соколов И.А. Федеральный бюджет: итоги 2022 г. и перспективы 2023 года // Мониторинг экономической ситуации в России. 2023. № 2(167). С. 3–6.

Спотовая цена сырой нефти Urals – потоковый график // Investing.com. URL: <https://ru.investing.com/commodities/crude-oil-urals-spot-futures-streaming-chart?ysclid=lxijfuy9v1456525658> (дата обращения: 13.06.2024).

Указ Президента Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 961 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами предельной цены на российские нефть и нефтепродукты» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 6. Ст. 953. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300730964> (дата обращения: 14.06.2024).

Федеральный закон от 21 ноября 2022 г. № 443-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 части первой, часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 48, 28.11.2022. Ст. 8310. URL: <https://docs.cntd.ru/document/352392336> (дата обращения: 17.06.2024).

Юшков И.В. Трансформация российской нефтяной отрасли в 2022–2023 годах // Геоэкономика энергетики. 2024. Т. 25. № 1. С. 18–32.

Crude oil production. 2022 year // Enterdata. URL: <https://energystats.enerdata.net/crude-oil/world-production-statistics.html> (дата обращения: 15.06.2024).

OPEC Annual Statistic Bulletin 2021 // OPEC. URL: <https://www.opec.org/assets/assetdb/asb-2021.pdf> (дата обращения: 15.06.2024).

References

Annadurdyeva G.A., Venetsianova S.L. Puti obkhoda ekonomicheskikh sanktsii v sfere TEK i ikh pravovoe obespechenie [Ways to circumvent economic sanctions in the fuel and energy sector and their legal support]. Pravo i upravlenie [Law and Governance]. 2023. N 4. P. 72–78. (In Russ.)

Borisova A.R., Kislitsin S.V. Vliianie sanktsii SShA na toplivno-energeticheskii kompleks Rossii [The impact of USA sanctions on the Russian fuel and energy complex]. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura [USA and Canada: economics, politics, culture]. 2017. N 3(567). P. 84–96. (In Russ.)

Crude oil production. 2022 year // Enterdata. URL: <https://energystats.enerdata.net/crude-oil/world-production-statistics.html> (date of access: 15.06.2024).

Doktrina energeticheskoi bezopasnosti RF: utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 13.05.2019 N 216 [Doctrine of Energy Security of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2019. N 216]. Ministerstvo Energetiki RF [Ministry of Energy of the Russian Federation]. URL: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-security-doctrine> (date of access: 15.06.2024). (In Russ.)

Infrastrukturnyi optimizm dlia eksporta rossiiskogo uгля [Infrastructure optimism for Russian coal exports]. Morskie vesti Rossii [Marine news of Russia]. 2024. 15 Apr. URL: <https://morvesti.ru/themes/1694/108666/> (date of access: 15.06.2024). (In Russ.)

Iushkov I. V. Transformatsiia rossiiskoi neftianoi otrasli v 2022–2023 godakh [Transformation of the Russian oil industry in 2022–2023]. Geoekonomika energetiki [Goeconomics of Energy.]. 2024. T. 25. N 1. P. 18–32. (In Russ.)

Federalnyi zakon ot 21 noiabria 2022 g. № 443-FZ «O vnesenii izmenenii v statiu 4 chasti pervoi, chast vtoruiu Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i otdelnye zakonodatelnye akty Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law of November 21, 2022 N 443-FZ «On Amendments to Article 4 of Part One, Part Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation»]. Sbranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian

Federation]. 2022. N 48, 28.11.2022. Art. 8310. URL: <https://docs.cntd.ru/document/352392336> (date of access: 17.06.2024). (In Russ.)

Kazantsev S.V. Otsenka vlianiia antirossiiskikh sanktsii na toplivno-energeticheskii i oboronno-promyshlennii komplekсы Rossii [Assessing the impact of anti-Russian sanctions on the fuel, energy and military-industrial complexes of Russia]. Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]. 2018. N 3. P. 46–57. (In Russ.)

Kamaz i RIAT rabotaiut nad importozameshcheniem tekhniki dlia gazoneftedobychi [Kamaz and RIAT are working on import substitution of equipment for gas and oil production]. TASS [TASS]. 2024. 17 Jun. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21123143> (date of access: 15.06.2024). (In Russ.)

Marinin I.A., Rakhmatullina A.R. Razvitie neftegazodobyvaiushchei otrasli Rossii v usloviakh mezhdunarodnykh ekonomicheskikh sanktsii [Development of the oil and gas industry in Russia in the context of international economic sanctions]. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: politics, economics, law]. 2023. N 4 (117). P. 94–100. (In Russ.)

Minfin otchitalsia o roste dokhodov biudzheta tempom vyshе 50% [The Ministry of Finance reported on the growth of budget revenues at a rate above 50%]. RBK [RBC]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/05/2024/6641c2db9a7947d479462fd1> (date of access: 16.06.2024). (In Russ.)

Minfin Rossii. Svedeniia o formirovanii i ispolzovanii dopolnitelnykh neftegazovykh dokhodov federalnogo biudzheta v 2018–2024 godakh. [Ministry of Finance of Russia. Information on the formation and use of additional oil and gas revenues of the federal budget in 2018–2024]. Ministerstvo Finansov Rossiiskoi Federatsii [Ministry of Finance of the Russian Federation]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/oil?id_57=122094-svedeniya_o_formirovanii_i_ispolzovanii_dopolnitelnykh_neftegazovykh_dokhodov_federalnogo_byudzheta_v_2018-2024_godakh (date of access: 15.06.2024). (In Russ.)

Mokrova E.M. Antirossiiskie ekonomicheskie sanktsii SShA v neftianom sektore: vyzov ili stimul dlia vneshnei politiki RF [Anti-Russian economic sanctions of the United States in the oil sector: a challenge or incentive for the foreign policy of the Russian Federation]. Vlast [Power]. 2022. T. 30. N 2. P. 77–83. (In Russ.)

Nefedova A. TEK derzhat: Putin zaiavil ob ustoichivom roste potrebleniia elektroenergii v Rossii. [Keep fuel and energy complex: Putin announced a steady increase in electricity consumption in Russia]. Izvestiia [Izvestiia]. 2024. 20 May. URL: <https://iz.ru/1699517/alena-nefedova/tek-derzhat-putin-zaiavil-ob-ustoichivom-roste-potrebleniia-elektroenergii-v-rossii> (date of access: 14.06.2024). (In Russ.)

Neft poshla na vostok [Oil went east]. Rossiiskaia Gazeta [Russian newspaper]. 2023. 19 Dec. URL: <https://rg.ru/2023/12/19/barrel-smenil-marshrut.html> (date of access: 15.06.2024). (In Russ.)

OPEC Annual Statistic Bulletin 2021. OPEC. URL: <https://www.opec.org/assets/assetdb/asb-2021.pdf> Crude oil production. 2022 year // Enterdata. URL: <https://energystats.enerdata.net/crude-oil/world-production-statistics.html> (date of access: 15.06.2024).

Postanovlenie Pravitelstva RF ot 15 dekabria 2022 g. № 2312 «O vnesenii izmenenii v perechen nauchnykh issledovani i opytно-konstruktorskikh razrabotok, rashkody nalogoplatelshchika na kotorye v sootvetstvii s punktom 7 stati 262 chasti vtoroi Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii vkluchaiutsia v sostav prochikh rashkodov v razmere fakticheskikh zatrat s koeffitsientom 1,5» [Decree of the Government of the Russian Federation of December 15, 2022 N 2312 «On introducing amendments to the list of scientific research and development activities, the taxpayer's expenses for which, in accordance with paragraph 7 of Article 262 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation, are included in other expenses in amount of actual costs with a coefficient of 1.5»]. Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2022. N 52. Art. 9597. URL: <https://base.garant.ru/405960165> (date of access: 17.06.2024). (In Russ.)

Postanovlenie Pravitelstva RF ot 21 sentiabria.2023 g. № 1538 «O stavkakh vyvozykh tamozhennykh poshlin na tovary, vyvozimyе iz Rossiiskoi Federatsii za predely tamozhennoi territorii Evrazi-

iskogo ekonomicheskogo soiuza, i o vnesenii izmenenii v stavki vyvozykh tamozhennykh poshlin na tovary, vyvozimy iz Rossiiskoi Federatsii za predely tamozhennoi territorii Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuza» [Decree of the Government of the Russian Federation dated September 21, 2023 N 1538 «On the rates of export customs duties on goods exported from the Russian Federation outside the customs territory of the Eurasian Economic Union, and on amendments to the rates of export customs duties on goods exported from the Russian Federation beyond the customs territory of the Eurasian Economic Union»]. Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2023. N 39. Art. 7046. URL: <http://government.ru/docs/all/149648/> (date of access: 17.06.2024). (In Russ.)

Postanovlenie Pravitelstva RF ot 30 noiabria 2022 g. № 2167 «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniia v 2022 godu subsidii iz federalnogo biudzheta organizatsiiam na vozmeshchenie chasti zatrat na priobretenie novykh burovykh ustanovok vzamen burovykh ustanovok, sdannykh na utilizatsiiu, i priznanii utrativshim silu postanovleniia Pravitelstva Rossiiskoi Federatsii ot 16 noiabria 2021 g. № 1957» [Decree of the Government of the Russian Federation of November 30, 2022 N 2167 «On approval of the Rules for the provision in 2022 of subsidies from the federal budget to organizations to reimburse part of the costs of purchasing new drilling rigs to replace drilling rigs handed over for disposal, and invalidating the resolution of the Government of the Russian Federation of November 16, 2021 N 1957»]. Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2022. N 49. Art. 8680. URL: <https://base.garant.ru/405850377/> (date of access: 17.06.2024). (In Russ.)

Putevoditel po sanktsiiam i ogranicheniiam protiv Rossiiskoi Federatsii (posle 22 fevralia 2022 g.) [Guide to sanctions and restrictions against the Russian Federation (after February 22, 2022)]. Garant [Garant]. URL: <https://base.garant.ru/57750632/> (date of access: 13.06.2024). (In Russ.)

Pykhov P.A. Toplivno-energeticheskii kompleks Rossii v usloviakh sanktsionnykh ogranichenii [Fuel and energy complex of Russia under sanctions restrictions]. Moskovskii ekonomicheskii zhurnal [Moscow Economic Journal]. 2022. N 12. P. 147–162. (In Russ.)

Rasporiazhenie Pravitelstva RF ot 14 iulia 2023 g. №1888-r «O vydelenii Minpromtorgu Rossii v 2023 g. biudzhetykh assignovaniy iz rezervnogo fonda Pravitelstva RF na predostavlenie subsidii iz federalnogo biudzheta ANO “Agentstvo po tekhnologicheskomu razvitiu” na podderzhku proektov, predumtrivaiushchikh razrabotku konstruktorskoj dokumentatsii na komplektuiushchie izdeliia, neobkhodimye dlia otraslei promyshlennosti» [Order of the Government of the Russian Federation dated July 14, 2023 N 1888-r «On the allocation to the Ministry of Industry and Trade of Russia in 2023 of budgetary allocations from the reserve fund of the Government of the Russian Federation to provide subsidies from the federal budget of the ANO “Agency for Technological Development” to support projects involving the development design documentation for components necessary for industries»]. Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2023. N 29. Art. 5491. URL: <https://base.garant.ru/407386770/> (date of access: 13.06.2024). (In Russ.)

Rasporiazhenie Pravitelstva RF ot 17 avgusta 2022 g. № 2289-r «O vydelenii Minpromtorgu Rossii iz rezervnogo fonda Pravitelstva RF v 2022 g. biudzhetykh assignovaniy na predostavlenie subsidii rossiiskim organizatsiiam na finansovoe obespechenie zatrat na provedenie nauchno-issledovatskikh i opytно-konstruktorskikh rabot po sovremennym tekhnologiiam v chasti realizatsii takimi organizatsiiami innovatsionnykh proektov v ramkakh federalnogo proekta «Proryv na rynki szhizhennogo prirodno-gaza» [Order of the Government of the Russian Federation dated August 17, 2022 N 2289-r «On the allocation to the Ministry of Industry and Trade of Russia from the reserve fund of the Government of the Russian Federation in 2022 of budgetary allocations to provide subsidies to Russian organizations for financial support of the costs of research and development work on modern technologies in terms of the implementation of innovative projects by such organizations within the framework of the federal project “Breakthrough to the Liquefied Natural Gas Markets”»]. Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi

Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2022. N 34. Art. 6043. URL: <https://base.garant.ru/405165267/> (date of access: 13.06.2024). (In Russ.)

Rasporiazhenie Pravitelstva RF ot 26 apreliia 2023 g. № 1074-r «O vidakh produktsii, v otnoshenii kotorykh priostanavlivaiutsia predostavlenie i rasprostranenie ofitsialnoi statisticheskoi informatsii, formiruemoi v sootvetstvii s pozitsiiami 1.4.6, 1.5.8, 1.18.2, 1.18.5, 1.18.6, 1.18.7, 1.19.5, 1.19.8, 1.22.1 i 1.22.6 Federalnogo plana statisticheskikh rabot (s izmeneniiami i dopolneniiami)» [Order of the Government of the Russian Federation of April 26, 2023 N 1074-r «On the types of products in respect of which the provision and dissemination of official statistical information generated in accordance with positions 1.4.6, 1.5.8, 1.18.2, 1.18 are suspended. 5, 1.18.6, 1.18.7, 1.19.5, 1.19.8, 1.22.1 and 1.22.6 of the Federal Statistical Work Plan (with amendments and additions)». Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2023. N 18. Art. 3373. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1301439565> (date of access: 16.06.2024). (In Russ.)

Rodygin A.A. Energeticheskaya bezopasnost Rossii v usloviakh sanktsii [Energy security of Russia under sanctions]. Upravlencheskii uchet [Management accounting]. 2023. N 12. P. 237–245. (In Russ.)

Sanktsii protiv Rossii: aktualnaya statistika [Sanctions against Russia: current statistics]. Interfaks. x-compliance [Interfax. x-compliance]. URL: <https://x-compliance.ru/statistics?ysclid=lxbnlw-wk429768214> (date of access: 16.06.2024). (In Russ.)

Savenkova D. Trudnoizvlekaemye zapasy nefti v Rossii vyrosli na tret za 9 let [Hard-to-recover oil reserves in Russia have increased by a third in 9 years]. Vedomosti [Vedomosti]. 2023. 21 Apr. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/04/21/972046-trudnoizvlekaemie-virosli-tret> (date of access: 14.06.2024). (In Russ.)

Safonova T.Iu. Transformatsiia rynkov sbyta rossiiskoi nefti s uchetom sanktsionnogo davleniia [Transformation of Russian oil sales markets taking into account sanctions pressure]. Upravlencheskoe konsultirovanie [Management consulting.]. 2023. N 1 (169). P. 51–62. (In Russ.)

Sokolov I.A. Federalnyi biudzheth: itogi 2022 goda i perspektivy 2023 goda [Federal budget: results of 2022 and prospects for 2023]. Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii [Monitoring of the economic situation in Russia]. 2023. N 2(167). P. 3–6. (In Russ.)

Spotovaya tsena syroi nefti Urals – potokovyi grafik [Spot price of Urals crude oil – flow chart]. Investing.com [Investing.com]. URL: <https://ru.investing.com/commodities/crude-oil-urals-spot-futures-streaming-chart?ysclid=lxijfuy9v1456525658> (date of access: 13.06.2024). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 27 dekabria 2022 g. № 961 «O primenenii spetsialnykh ekonomicheskikh mer v toplivno-energeticheskoi sfere v sviazi s ustanovleniem nekotorymi inostrannymi gosudarstvami predelnoi tseny na rossiiskie neft i nefteprodukty» [Decree of the President of the Russian Federation of December 27, 2022 N 961 «On the application of special economic measures in the fuel and energy sector in connection with the establishment by some foreign states of the maximum price for Russian oil and petroleum products»]. Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2023. N 6. Art. 953. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300730964> (date of access: 14.06.2024). (In Russ.)

Zapasov uglia khvatit Rossii na 370 let [Coal reserves will last Russia for 370 years]. Neft i kapital [Oil and capital]. 2022. 13 Dec. URL: <https://oilcapital.ru/news/2022-12-13/zapasov-uglya-hvatit-rossii-na-370-let-2614557> (date of access: 13.06.2024). (In Russ.)

Е.С. Леонов

**СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ
И СТРИМИНГОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются новые формы стратегической коммуникации в виде стриминговых платформ, представляющих собой мобильные и интерактивные каналы взаимодействия с целевыми аудиториями. Стриминг, в основе которого лежит развлекательная составляющая, выступает эффективным средством донесения политических и идеологических нарративов до современной молодежи. В частности, поколение «зумеров», не обремененное вопросами выживания, часто исходит в своей поведенческой модели не из экономических мотивов, а из ценностных ориентиров, что ускоряет их попадание в ловушку западной пропаганды. Это, в свою очередь, содействует разработке в Российской Федерации собственных технологических стриминговых платформ.*

Современные российские стриминговые ресурсы с огромными библиотеками данных, базирующимися на облачных технологиях, не требуют ни серьезной нагрузки на аппаратное обеспечение, ни устройств хранения. Это позволяет охватывать многомиллионные аудитории пользователей с любыми финансовыми возможностями и предпочтениями.

***Ключевые слова:** стратегическая коммуникация; стриминговые платформы; киберспорт; онлайн-кинотеатры; музыкальный стриминг; диалоговая пропаганда; Российская Федерация.*

Леонов Егор Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Россия, Москва.
E-mail: e.leonov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0009-0008-5801-3070
Web of Science Researcher ID: NTQ-5480-2025

Leonov E.S.

Contemporary Strategic Communication and Streaming Platforms

Abstract. *The article examines new forms of strategic communication in the form of streaming platforms, which are mobile and interactive channels of interaction with target audiences. Streaming, which is based on an entertainment component, is an effective means of conveying political and ideological narratives to young people. For example, the “zoomer” generation, not burdened with issues of survival, bases its behavioral model not on economic motives but on value guidelines, which accelerates its vulnerability to Western propaganda. This, in turn, has determined the need for the Russian Federation to develop its own technological streaming platforms.*

Contemporary Russian streaming resources, with large data libraries based on cloud technologies, do not require a significant load on hardware and storage devices. This allows them to reach multimillion-user audiences with diverse financial capabilities and preferences.

Keywords: *strategic communication; streaming platforms; eSports; online cinemas; music streaming; dialogic propaganda; Russian Federation.*

Leonov Egor Sergeevich – PhD in History, Associate Professor of Department of Diplomacy of School of International Relations of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Russia, Moscow.

E-mail: e.leonov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0009-0008-5801-3070

Web of Science Researcher ID: NTQ-5480-2025

Введение

Наряду с социальными сетями одним из наиболее успешных каналов современной стратегической коммуникации¹ являются стриминговые, или потоковые, платформы (англ. streaming platforms, от stream – поток). Стриминговые платформы предоставляют доступ к цифровому контенту через сеть Интернет, позволяя пользователям смотреть видео, слушать музыку, читать или слушать книги, играть в игры в реальном времени без необходимости загрузки файлов на устройство.

Стратегическая коммуникация в отличие от классической публичной дипломатии времен «холодной войны» предлагает проактивные и более мобильные формы прямого взаимодействия с целевыми аудиториями – модель «G2P»

1. Стратегическая коммуникация (англ. strategic communication) – это система взаимосвязанных действий, направленных на достижение понимания интересов и потребностей целевых аудиторий, а также применение этого знания в целях убеждения, вовлечения и управления.

(«Government-to-People Communication», с англ. – коммуникация «правительство – народ») [Дипломатия новых сфер 2024, с. 139]. Онлайн-сервисы весьма гармонично вписываются в эту парадигму. Коммуникативный аспект прослеживается также в постепенной трансформации стриминга из чисто технологического процесса «доставки удаленным пользователям мультимедийных потоков информации» в режиме онлайн – в «социально-культурное явление», сопровождающееся реальным общением пользователей в цифровой среде [Болычева 2018, с. 160].

Стриминг как новый канал коммуникации

Нацеленность рынка стриминга преимущественно на молодых людей объясняется их привычками и ценностными ориентирами, базирующимися на требованиях к мобильности, доступности и качеству контента в любое время и на любом устройстве, подключенном к сети Интернет. Например, сегодня одним из приоритетных направлений развития стриминга считается облачный гейминг², который «позволяет запускать графичекие» продукты «на маломощном оборудовании» (устаревшем компьютере, планшете, смартфоне и т. д.) [Гореликов, Скаржинская 2023, с. 31]. Устройство передает на сервер команды с клавиатуры или геймпада и принимает изображение из игры, т.е. для игрового процесса достаточно наличия стабильного интернет-соединения и подписки на облачный игровой сервис.

Аналогичным образом стриминговые сервисы кардинально изменили подходы к кинопроизводству, распространению и просмотру кинопродукции в сторону большей доступности, интерактивности, а также демократизации средств массовой культуры [Мехоношин 2024, с. 312]. Это касается как зрителей, которые получили «новые возможности для выбора и потребления контента», так и для кинематографистов с точки зрения эксперимента «с форматами и жанрами, что... привело к возникновению новых жанров и способов повествования» [там же, с. 314].

Современная молодежь (особенно поколение «зумеров» – от 16–18 до 24 лет), в минимальной степени обремененная материальными экзистенциальными трудностями, руководствуется в своем поведении не коммерческими интересами выживания, а в большей мере ценностными ориентирами [Kratz 2023]. В основе жизненной модели поведения «зумеров» лежит не стремление к постоянному достижению целей, часто в ущерб эмоциональному состоянию, а прежде всего досуг [Тихонова 2025]. Эти факторы объясняют особую наце-

2. Облачный гейминг (англ. *cloud gaming*) – это технология, позволяющая играть в видеоигры, не устанавливая их на локальное устройство, а транслируя с удаленного сервера (обычно центра обработки данных).

ленность западных институтов стратегической коммуникации на формирование лояльной молодежи, относительно легко поддающейся информационному влиянию через доступные развлекательные сервисы. В частности, различные онлайн-платформы активно используются США в рамках концепции «мягкой делегитимации» (англ. soft disempowerment) по продвижению откровенно антиправительственных нарративов и подрыву авторитета конкурирующих центров силы [Базлуцкая, Сытник 2024, с. 122–124, 135–136].

Взаимодействие с публикой постепенно отходит от устаревшей технологии простого «вшивания» политической рекламы, базирующейся на монологическом подходе. Более эффективными представляются инструменты диалоговой пропаганды (англ. dialogue propaganda) через получение обратной связи (англ. feedback) [см. подробнее: Цветкова 2015]. Это достигается в том числе посредством преобразования стриминга в одну из форм блогинга, когда стримеры, став инфлюэнсерами, т. е. лидерами мнений, содействуют росту вовлеченности (англ. engagement) аудитории в соответствующий контент. Посредством интерактивных форматов (чаты, система донатов³, комментарии к публикациям, подключение к социальным сетям, обмен контентом и др.) стриминг позволяет блогерам-инфлюэнсерам общаться с аудиторией в режиме реального времени, формируя у нее чувство доверия как к себе, так и к распространяемой ими информации.

В более широком плане ряд западных научных школ ввели в оборот понятие «дипломатия инфлюэнсеров» (англ. influencer diplomacy), что является маркером системного подхода по выстраиванию взаимодействия между государственными институтами и лидерами мнений. Продвижение государственных интересов в неклишированном стиле, т. е. доведение до масс необходимых власти посылов («мессенджер») с помощью обычных людей, находит у населения большой отклик.

Серьезное внимание западными научно-исследовательскими центрами, частными компаниями и государственными учреждениями уделяется получению от пользователей обратной связи в виде анализа больших данных (англ. big data). Перспективность больших данных можно проследить в сфере стримингового телевидения на примере работы алгоритмов машинного обучения. Алгоритмы способны обрабатывать огромные массивы информации о просмотрах, которые хранятся сервисами в отношении каждого отдельного пользователя, а затем создавать на этой основе актуальные рекомендации. При этом в основе предлагаемых рекомендаций лежат скрытые идейные смыслы, которые необходимо незаметно донести до потребителя. По мере использования

3. Система донатов (пожертвований) – механизм, позволяющий зрителям, подписчикам и / или поклонникам добровольно отправлять деньги стримерам, создателям контента, музыкантам и другим авторам в знак благодарности и / или поддержки.

приложения, алгоритм способен учиться и становиться «умнее» (англ. smart) для достижения более точных результатов.

Посредством алгоритмов происходит «персонафицирование» контента, которого не хватало традиционным информационным каналам. Например, радиотрансляция основана на модели передачи «один ко многим» (англ. – one-to-many model), в то время как стриминговые платформы стремятся сосредоточиться на вкусах отдельного слушателя [Burroughs 2015, p. 33].

Важной составляющей в работе алгоритмов являются также действия пользователей в приложениях стриминговых платформ, в ходе каждого из которых остаются «цифровые следы» (англ. digital footprints), формирующие цифровой портрет человека в интересах субъектов информационного влияния.

Подобный метод информационного воздействия, основанный на принципе сложной интерактивной систематизации, является примером постановки публичной дипломатии на рельсы цифровизации. На этом фоне ряд исследователей используют термин «data-driven diplomacy» (с англ. – дипломатия больших данных, дипломатия данных) для описания процессов машинного анализа данных в международных отношениях [Цветкова, Сытник, Гришанина 2022, с. 177]. Впервые методы анализа больших данных, а также алгоритмы программирования для получения информации о политических предпочтениях пользователей были апробированы в США в 2013–2017 гг. [Цветкова 2020, с. 39].

С точки зрения классификации по типу контента и целевых аудиторий стриминговые платформы можно разделить на несколько групп:

- онлайн-кинотеатры;
- музыкальные платформы;
- гейминг (игровые стримы);
- платформы для общения и сообществ.

Стриминг в Российской Федерации

В настоящее время Российская Федерация активно вовлекается в процесс изучения и разработки собственных решений по каждому из вышеперечисленных направлений для формирования информационно благоприятного поля. Наряду с общемировыми трендами в последние годы в стране наиболее значительный рост аудитории стриминга отмечается в молодых возрастных группах. Речь идет о пользователях 25–35 лет (т. е. о поколении так называемых младших «миллениалов») и 17–25 лет («зумерах»), на которых приходится 47% и 45% аудитории стриминговых платформ соответственно [Капранов 2023, с. 5]. Отметим, что первая из упомянутых групп традиционно поддерживает платную модель стриминга, т. е. хорошо относится к оплате подписок [Посещаемость стриминговых платформ выросла на 50% 2023].

Российская индустрия *онлайн-кинотеатров*, в последние годы довольно мощно развиваясь, достигла значительных успехов.

Во-первых, наметился существенный сдвиг в потреблении контента в библиотеках видеосервисов – от преимущественно западного контента в пользу российских продуктов и продукции ряда стран Азии (Турция, Объединенные Арабские Эмираты и др.). Это связано с нежелательностью деструктивной пропаганды, а также сложностями с продлением договоров с зарубежными правообладателями и уходом с рынка таких сервисов, как «Netflix» (штаб-квартира – г. Лос-Гатос, штат Калифорния, США) и «Megogo» (Киев, Украина). Например, в 2024 г. доля российских сериалов в библиотеках крупнейших отечественных стриминговых сервисов достигла почти 50%, а по отдельным платформам этот показатель еще выше, так, на сервисе «Кинопоиск» российских проектов 72%, иностранных – 28% [Стогова 2025]. В 2023 г. стриминговые платформы привели медиатеки в соответствие с требованиями российского законодательства о запрете пропаганды ЛГБТ (решением Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. движение признано экстремистским, а его деятельность запрещена на территории России). В целом модерация происходила в ручном режиме силами штатных сотрудников онлайн-кинотеатров. Тем не менее уже в 2023 г. начались первые тестирования возможностей применения технологий искусственного интеллекта для автоматического выявления запрещенного ЛГБТ-контента [Новый 2024].

Во-вторых, российские платформы увеличивают объемы производства собственного контента и его продажи другим участникам рынка. Положительный тренд прослеживается в расширении объема рынка российских онлайн-кинотеатров за счет приобретения друг у друга прав как на показ отдельных проектов, так и на целые библиотеки. Выручка легальных видеосервисов от продажи лицензионного контента другим площадкам в 2024 г. составила 15,8 млрд руб. [Онлайн показал монетизацию 2025]. Растет также выручка видеосервисов от рекламы, которая в 2024 г. достигла 43,9 млрд руб. [Видеосервисы заработали на рекламе 2025]. Фиксируется увеличение средней стоимости проектов.

В-третьих, российские онлайн-кинотеатры удерживают относительно высокую стоимость подписок (по сравнению с западными сервисами), что стимулирует приток новой аудитории. По состоянию на начало 2025 г. количество подписок на российские онлайн-кинотеатры приблизилось к 60 млн, за год прибавив почти 30% с 45 млн [Серебров 2025]. В пятерку лидеров по количеству подписчиков вошли «Кинопоиск», «Иви» («Ivi»), «Okko», «Wink» и «Kion» [Крылова 2025], всего же в стране девять онлайн-кинотеатров, преодолевших отметку в 1 млн подписчиков. Почти половина городских жителей России в возрасте от 16 до 55 лет пользовалась в том или ином виде инструментом подписок [Около 50% опрошенных россиян используют подписку на онлайн-

кинотеатры 2023]. При этом существенный прирост аудитории фиксировался в возрастной группе от 16 до 24 лет, т.е. среди наиболее молодой, активной и мобильной городской части населения.

Крупные российские онлайн-кинотеатры начинают конкурировать с традиционным информационным каналом – телевидением. Борясь за внимание потребителя, в том числе более консервативной и возрастной его части, онлайн-кинотеатры с помощью собственного программного обеспечения предоставляют возможность просмотра федеральных телеканалов в интернет-среде. Отмечаются случаи реализации взаимовыгодных совместных проектов телевидения с онлайн-платформами для расширения охвата аудитории. Например, премьерный показ продукта патриотического и духовно-нравственного характера следует одновременно проводить на стриминговой платформе и по телевидению в целях усиления присутствия соответствующей повестки в Интернете.

Анализируя развитие *гейминга*, следует иметь в виду, что большое количество пользователей в мире, помимо непосредственного участия в играх, смотрят трансляции видеоигр в прямом эфире на стриминговых платформах. Это актуально и для Российской Федерации, где существенный вклад в рост популярности киберспорта внесла культура прямых трансляций киберспортивных турниров. По данным опроса Ассоциации коммуникационных агентств России, прямые трансляции турниров являются самым популярным (у 52,6% респондентов) форматом потребления киберспортивного контента [Исследование аудитории киберспорта России 2024, с. 6, 23]. Такие показатели объясняются стараниями российских разработчиков стриминговых платформ обеспечить зрителей передовыми техническими решениями (удобная навигация, подборка хайлайтов⁴ и лучших действий⁵, аналитические программы и т.д.), опережающими по инновациям и качеству исполнения американские аналоги – от YouTube и Twitch. В частности, одним из первопроходцев на этом направлении в России стал онлайн-кинотеатр «Окко», который с 2019 г. организывает регулярные показы киберспортивных трансляций [Сулейманова 2024]. Российский видеохостинг «Rutube» также предоставляет возможность проводить игровые стримы, становясь достойной альтернативой сервису «YouTube» [Видеоигры: стримы Rutube].

4. *Хайлайт* (от англ. *highlight* – главный момент) (в киберспорте) – это короткое видео или яркий отрезок записи, демонстрирующий наиболее зрелищный, запоминающийся и эффектный игровой момент.

5. *Лучшие действия* (в киберспорте) – это видеоролик с наиболее зрелищными и мастерскими моментами из соревновательных компьютерных игр (например, сложными тактическими ходами или командными победами).

Приоритетное внимание в российском игровом стриминге уделяется облачным сервисам с минимальной нагрузкой на аппаратное обеспечение. Например, российская платформа «VK Play» предлагает пользователям свыше 300 предустановленных игр, которые уже загружены на сервер и поэтому не требуют скачивания для каждой сессии, а также широкую сетку тарифов (почасовой, безлимитный и т. п.) для игроков с разными предпочтениями и финансовыми возможностями [Облачный гейминг VK Play]. «МТС Fog Play» предлагает потребителям иную форму гейминга: из-за отсутствия собственных серверов сервис арендует мощности компьютеров пользователей с установленной игрой. Преимуществом этой системы является доступ к платным играм с учетной записи владельца компьютера без необходимости их покупки на свой аккаунт. В данном случае оператор «МТС» обладает собственным облачным хранилищем «МТС Вторая память», не уступающим зарубежным аналогам (например, американской Steam Cloud) и позволяющим сохранять многие данные – общие пользовательские настройки, ход каждой игры, статистику профиля [Облачный гейминг МТС Fog Play].

Горизонт возможностей появился у российских разработчиков на этапе развития мессенджеров для геймеров с функцией создания и вступления в различные виртуальные сообщества, где можно общаться в текстовых и голосовых каналах. В частности, в октябре 2024 г. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций за нарушения законодательства заблокировала американский ресурс Discord на территории России [Розанова 2024]. Западные институты использовали данный мессенджер (и подобные ему) для склонения молодежи (в том числе несовершеннолетних лиц) к совершению ряда правонарушений и серьезных преступлений, вовлечению в диверсионно-террористическую деятельность, экстремистские сообщества и протестное движение [Белый, Кучушев 2024]. На этом фоне российские платформы (например, «VK Play») успешно справляются с обеспечением игроков механизмами общения между пользователями в рамках отдельных игр и в общем чате (обсуждение новостей, обмен сообщениями, комментирование трансляций, общение со стримерами и прочие виды взаимодействия).

Важнейшим каналом цифровизации культурной дипломатии является **музыкальный стриминг**, который позволяет пользователям слушать музыку в режиме реального времени, не скачивая ее на устройство. После ухода западных сервисов потоковой передачи музыки – Spotify (штаб-квартира – Стокгольм, Швеция), Deezer (Париж, Франция), SoundCloud (Берлин, ФРГ) – музыкальный стриминг в России представлен такими крупными сервисами, как «Яндекс Музыка», «VK Музыка», «МТС Музыка», «Звук», «Музыка в ОК», которые совокупно предлагают огромные библиотеки с миллионами треков, альбомов, плейлистов, подкастов и аудиокниг. По итогам 3-го квартала 2024 г. число рос-

сиян, которые пользуются подпиской на музыкальные сервисы, составило 47% (годом ранее было 42%). При этом наиболее вовлечены в «цифровую музыкальную среду» лица 16–24 лет (т. е. поколение «зумеров»), что индексируется в частоте прослушивания музыки – не менее одного раза в неделю [Почти половина жителей России пользуются подпиской на музыкальные сервисы 2024]. «Яндекс Музыка» является самым популярным музыкальным стримингом в стране – ежемесячная аудитория сервиса, имеющая подписку, насчитывала в конце 2024 г. 26 млн человек [Гончарова 2025].

В интересах большего погружения подписчиков в культурную среду, как элемента публичной дипломатии, «Яндекс Музыка» посредством интеграции с «Яндекс Афишей» начала предоставлять пользователям персональные рекомендации концертов и функцию продажи билетов непосредственно в приложении сервиса [Яндекс Музыка запустила... 2024]. Кроме того, «Яндекс Музыка» активно работает над развитием системы персональных рекомендаций «Моя волна», которая с помощью нейросети подбирает для каждого слушателя определенный поток музыки. Эта функция является прямым цифровым интерактивным продолжателем наследия радиовещания, выступавшего многие десятилетия инструментом «мягкой силы» в международных отношениях.

Прослушивание музыки онлайн в России развивается параллельно с ростом интереса к стримингу аудиокниг. Так, в 2023 г. объем рынка аудиокниг достиг рекордных значений, составив 3,8 млрд руб. (рост на 24%) [Алабина 2024]. Увеличение показателей связано в том числе с расширением технических возможностей и с удобством формата для потребления книжного контента через различные сервисы без необходимости их загрузки («ЛитРес», «Яндекс Музыка», «МТС Библиотека» и др.).

Заключение

Ускоренное развитие стриминговых платформ и сервисов, как показывает анализ, обеспечивает Российскую Федерацию технологической автономностью, средствами формирования общественного мнения и распространения культурных ценностей, а также инструментами информационной безопасности.

В заключение отметим, что помимо рассмотренных нами в стране реализуются и другие направления стриминга – социальный⁶, культурный⁷, бизнес⁸,

6. Социальный стриминг – это формат онлайн-трансляций, предполагающий интерактивное взаимодействие между стримером и его аудиторией в социальных сетях.

7. Культурный стриминг – это онлайн-трансляция культурных мероприятий.

8. Бизнес-стриминг – это использование прямых трансляций в бизнес-целях для взаимодействия с аудиторией, продвижения товаров и услуг, а также для проведения онлайн-мероприятий.

образовательный⁹, каждый из которых также предоставляет моментальный доступ к контенту, коммуникативное взаимодействие в реальном времени и в интерактивном ключе, а также значительную экономию временного, инфраструктурного и финансового ресурса. Например, платформа онлайн-трансляций «Культурный стриминг», созданная на базе портала «Культура.РФ», собирает со всей страны онлайн-трансляции и записи событий, оформляет их в единое расписание для комфортного выбора площадки и типа мероприятия по принципу «одного окна» [Культурные мероприятия онлайн].

Библиография

Алабина К. Сто раз услышать: рынок аудиокниг в 2024 году вырастет в полтора раза // Известия. 10.04.2024. URL: <https://iz.ru/1679632/katerina-alabina/sto-raz-uslyshat-rynok-audioknig-v-2024-godu-vyrastet-v-poltora-raza> (дата обращения: 20.06.2025).

Базлуцкая М.М., Сытник А.Н. Игровое пространство «информационного беспорядка» // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 4. С. 122–136.

Белый А., Кучушев С. Побить Discord: как мессенджер для школьников стал инструментом радикалов // Известия. 01.10.2024. URL: <https://iz.ru/1767724/anton-belyi-stanislav-kuchushev/pobit-discord-kak-messendzher-dlia-shkolnikov-stal-instrumentom-radikalov> (дата обращения: 20.06.2025).

Большачева М.Д. Стриминговое вещание как феномен современной медиасреды // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 4. С. 159–169. DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-4-159.

Видеоигры: стримы Rutube. URL: <https://rutube.ru/feeds/games/streams/> (дата обращения: 20.06.2025).

Видеосервисы заработали на рекламе 43,9 млрд рублей // Rambler. 25.03.2025. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/54400973-videoservisy-zarabotali-na-reklame-43-9-mlrd-rublej/> (дата обращения: 20.06.2025).

Гончарова А. Назван лидер рынка музыкального стриминга России // Lenta.ru. 20.02.2025. URL: <https://lenta.ru/news/2025/02/20/nazvan-lider-rynka-muzykalnogo-striminga-rossii/> (дата обращения: 20.06.2025).

Гореликов В.А., Скаржинская А.Н. Особенности спонсорства киберспорта беттинговыми компаниями // Имущественные отношения в РФ. 2023. № 8 (263). С. 28–37. DOI: 10.24412/2072-4098-2023-8263-28-37.

Дипломатия новых сфер: учебное пособие для вузов / под ред. О.В. Лебедевой. М.: Аспект-Пресс, 2024. 240 с.

Исследование аудитории киберспорта России. М.: Аналитический центр АКАР, 2024. 38 с. URL: <https://interactivead.ru/wp-content/uploads/2025/04/new-russianesports12.11.2024-2.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).

Капранов О. Стрим пошел в рост // Российская газета. 2023. № 196 (1 сентября). С. 5.

Крылова Е. Держать в платформе: число зрителей онлайн-кинотеатров в РФ увеличилось на треть // Известия. 25.02.2025. URL: <https://iz.ru/1844255/elizaveta-krylova/derzhat-v-platforme-chislo-zritelej-onlajn-kinoteatrov-v-rf-uvelichilos-na-tret> (дата обращения: 20.06.2025).

9. Образовательный стриминг – это современный формат обучения онлайн, позволяющий преподавателям взаимодействовать со студентами в интерактивном режиме, а студентам получать знания во все удобстввах.

Культурные мероприятия онлайн // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/materials/254069/kulturnye-meropriyatiya-onlain> (дата обращения 20.06.2025).

Мехоношин В.Ю. Формирование «новой зрелищности». Как устроен современный стриминг (на примере Netflix и др.) // Манускрипт. 2024. Т. 17, вып. 3. С. 312–318. DOI: 10.30853/mns20240044/.

Новый В. Ловцы радуги: как видеосервисы выявляют пропаганду ЛГБТ // Forbes. 08.01.2024. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/503499-lovcy-radugi-kak-videoservisy-vyavlyaut-propagan-du-lgbt> (дата обращения: 20.06.2025).

Облачный гейминг MTC Fog Play. URL: <https://fogplay.mts.ru/> (дата обращения: 20.06.2025).

Облачный гейминг VK Play. URL: <https://cloud.vkplay.ru/> (дата обращения: 20.06.2025).

Около 50% опрошенных россиян используют подписку на онлайн-кинотеатры // AdIndex: Информационное отраслевое издание о рынке рекламы и маркетинга в России. 28.04.2023. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2023/04/28/312370.phtml> (дата обращения: 20.06.2025).

Онлайн показал монетизацию // Коммерсант. 25.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7603703> (дата обращения: 20.06.2025).

Посещаемость стриминговых платформ выросла на 50% // Ведомости. 31.08.2023. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/08/31/poseschaemost-strimingovih-platform-viros-la-na-50 (дата обращения: 20.06.2025).

Почти половина жителей России пользуются подпиской на музыкальные сервисы // AdIndex: Информационное отраслевое издание о рынке рекламы и маркетинга в России. 02.12.2024. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2024/12/2/327867.phtml> (дата обращения: 20.06.2025).

Розанова А. Роскомнадзор заблокировал сервис Discord. Что стало причиной // РБК. 08.10.2024. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/66f661ed9a7947100ae04329> (дата обращения: 20.06.2025).

Серебров Ю. ИАА TelecomDaily: число подписчиков ОК за год выросло на 28% // Telecom Daily: Информационно-аналитическое агентство. 25.02.2025. URL: <https://telecomdaily.ru/news/2025/02/25/iaa-telecomdaily-chislo-podpischikov-ok-za-god-vyroslo-na-28> (дата обращения: 20.06.2025).

Стогова Е. Российские сериалы заняли почти половину библиотек онлайн-кинотеатров // РБК. 14.03.2025. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/03/2025/67d2e36d9a79471a65e41dc1 (дата обращения: 20.06.2025).

Сулейманова Д. Рынок в \$33 млрд: как киберспорт перестал быть нишевым и начал завоевывать Россию // Forbes. 05.05.2024. URL: <https://www.forbes.ru/sport/511409-industria-na-33-mlrd-kak-rynok-translacij-kibersporta-zavoevyvaet-rossiu> (дата обращения: 20.06.2025).

Тихонова Э. Аузан назвал две проблемы российских зумеров и пути их решения // РБК. 07.02.2025. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/02/2025/67a484059a794706d0cba130> (дата обращения: 20.06.2025).

Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 3. С. 121–133. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.42.8.

Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РИГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47.

Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15, вып. 2. С. 174–196. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.204>.

Яндекс Музыка запустила персональные рекомендации концертов и функцию покупки билетов в приложении // Яндекс. 2024. URL: <https://yandex.ru/company/news/02-16-09-2024> (дата обращения: 20.06.2025).

Burroughs B.E. Streaming media: audience and industry shifts in a networked society. Iowa: University of Iowa, 2015. 205 p. DOI: 10.17077/etd.e9qi86xf.

Kratz J. Gen Z Is Shaping The Future Of Corporate America, Not The Other Way Around // Forbes. 07.11.2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/juliekratz/2023/11/07/gen-z-is-shaping-the-future-of-corporate-america-not-the-other-way-around/> (дата обращения: 20.06.2025).

References

Alabina K. Sto raz uslyshat': rynek audioknig v 2024 godu vyrastet v poltora raza [Hear it a hundred times: the audiobook market will grow by one and a half times in 2024]. Izvestiya [Izvestia]. 10.04.2024. URL: <https://iz.ru/1679632/katerina-alabina/sto-raz-uslyshat-rynek-audioknig-v-2024-godu-vyrastet-v-poltora-raza> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Bazluckaya M.M., Sytnik A.N. Igrovoye prostranstvo «informacionnogo besporyadka» [Game space of “information disorder”]. Rossiya v global'noj politike [Russia in global politics]. 2024. Vol. 22, N 4. P. 122–136. (In Russ.)

Bely A., Kuchushev S. Pobit' Discord: kak messendzher dlya shkol'nikov stal instrumentom radikalov [Beat Discord: How a Messenger for Schoolchildren Became a Tool for Radicals]. Izvestiya [Izvestia]. 01.10.2024. URL: <https://iz.ru/1767724/anton-belyi-stanislav-kuchushev/pobit-discord-kak-messendzher-dlia-shkolnikov-stal-instrumentom-radikalov> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Bolycheva M.D. Strimingovoye veshchanie kak fenomen sovremennoj mediasredy [Stream Broadcasting as a Phenomenon of Modern Media Environment]. Kommunikologiya [Communicology]. 2018. Vol. 6, N 4. P. 159–169. DOI 10.21453/2311-3065-2018-6-4-159. (In Russ.)

Burroughs B.E. Streaming media: audience and industry shifts in a networked society. Iowa: University of Iowa, 2015. 205 p. DOI: 10.17077/etd.e9qi86xf.

Diplomatiya novykh sfer: Uchebnoye posobie dlya vuzov / pod red. O.V. Lebedevoy [Diplomacy of new spheres: Textbook for universities / ed. by O.V. Lebedeva]. Moscow: Aspekt-Press, 2024. 240 p. (In Russ.)

Goncharova A. Nazvan lider rynka muzykal'nogo striminga Rossii [The leader of the Russian music streaming market has been named]. Lenta.ru [Lenta.ru]. 20.02.2025. URL: <https://lenta.ru/news/2025/02/20/nazvan-lider-rynka-muzykalnogo-striminga-rossii/> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Gorelikov V.A., Skarzinskaya A.N. Osobennosti sponsorstva kibersporta bettingovymi kompaniyami [Features of sponsorship of eSports by betting companies]. Imushchestvennye otnosheniya v RF [Property relations in the Russian Federation]. 2023. N 8 (263). P. 28–37. DOI: 10.24412/2072-4098-2023-8263-28-37. (In Russ.)

Issledovanie auditorii kibersporta Rossii [Research of the audience of eSports of Russia]. Moscow: Analiticheskiy tsentr AKAR, 2024. 38 p. URL: <https://interactivead.ru/wp-content/uploads/2025/04/new-russianesports12.11.2024-2.pdf> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Kapranov O. Strim poshel v rost [The stream started to grow]. Rossiyskaya gazeta [Russian Gazette]. 2023. N 196 (September 1). P. 5.

Kratz J. Gen Z Is Shaping The Future Of Corporate America, Not The Other Way Around. Forbes. 07.11.2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/juliekratz/2023/11/07/gen-z-is-shaping-the-future-of-corporate-america-not-the-other-way-around/> (date of access: 20.06.2025).

Krylova E. Derzhat' v platforme: chislo zriteley onlayn-kinoteatrov v RF uvelichilos' na tret' [Keep in the platform: the number of viewers of online cinemas in the Russian Federation has increased by a third]. Izvestiya [Izvestia]. 25.02.2025. URL: <https://iz.ru/1844255/elizaveta-krylova/derzhat-v-platforme-chislo-zriteley-onlajn-kinoteatrov-v-rf-uvelichilos-na-tret> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Kul'turnye meropriyatiya onlayn [Cultural events online]. Kul'tura.RF [Culture.RF]. URL: <https://www.culture.ru/materials/254069/kulturnye-meropriyatiya-onlain> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Mekhonoshin V.Yu. Formirovanie «novoy zrelischnosti». Kak ustroen sovremennyy striming (na primere Netflix i dr.) [Formation of the “new spectacle”. Understanding modern streaming (by the example of Netflix and others)]. Manuskript [Manuscript]. 2024. Vol. 17, Iss. 3. P. 132–138. DOI: 10.30853/mns20240044/. (In Russ.)

Novyy V. Lovtsy radugi: kak videoservisy vyavlyayut propagandu LGBT [Rainbow Catchers: How Video Services Identify LGBT Propaganda]. Forbes [Forbes]. 08.01.2024. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/503499-lovcy-radugi-kak-videoservisy-vyavlyaut-propagandu-lgbt> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Oblachnyy geyming MTS Fog Play [The cloud gaming of MTS Fog Play]. URL: <https://fogplay.mts.ru/> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Oblachnyy geyming VK Play [The cloud gaming of VK Play]. URL: <https://cloud.vkplay.ru/> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Okolo 50% opreshennykh rossiyan ispol'zuyut podpisu na onlayn-kinoteatry [About 50% of Russians surveyed use a subscription to online cinemas]. AdIndex: Informatsionnoe otraslevoe izdanie o rynke reklamy i marketinga v Rossii [AdIndex: Information industry publication about the advertising and marketing market in Russia]. 28.04.2023. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2023/04/28/312370.phtml> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Onlayn pokazal monetizatsiyu [Online showed monetization]. Kommersant" [Kommersant]. 25.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7603703> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Pochti polovina zhiteley Rossii pol'zuyutsya podpisokoy na muzykal'nye servisy [Almost half of Russians subscribe to music services]. AdIndex: Informatsionnoe otraslevoe izdanie o rynke reklamy i marketinga v Rossii [AdIndex: Information industry publication about the advertising and marketing market in Russia]. 02.12.2024 URL: <https://adindex.ru/news/researches/2024/12/2/327867.phtml> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Poseshchaemost' strimingovykh platform vyroslo na 50% [Streaming Platform Traffic Increases by 50%]. Vedomosti [Vedomosti]. 31.08.2023. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/08/31/poseshchaemost-strimingovih-platform-vyroslo-na-50 (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Rozanova A. Roskomnadzor zablokiroval servis Discord. Chto stalo prichinoy [Roskomnadzor blocked the Discord service. What was the reason]. RBK [RBC]. 08.10.2024. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/66f661ed9a7947100ae04329> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Serebrov Yu. IAA TelecomDaily: chislo podpischikov OK za god vyroslo na 28% [TelecomDaily: the number of OK subscribers has grown by 28% in a year]. Telecom Daily: Informatsionno-analiticheskoe agentstvo [Telecom Daily: Information and analytical agency]. 25.02.2025. URL: <https://telecomdaily.ru/news/2025/02/25/iaa-telecomdaily-chislo-podpischikov-ok-za-god-vyroslo-na-28> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Stogova E. Rossiyskie serily zanyali pochti polovinu bibliotek onlayn-kinoteatrov [Russian TV series occupy almost half of online cinema libraries]. RBK [RBC]. 14.03.2025. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/03/2025/67d2e36d9a79471a65e41dc1 (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Suleymanova D. Rynok v \$33 mlrd: kak kibersport perestal byt' nishevym i nachal zavoeyvat' Rossiyu [A \$33 billion market: how eSports ceased to be a niche and began to conquer Russia]. Forbes [Forbes]. 05.03.2024. URL: <https://www.forbes.ru/sport/511409-industria-na-33-mlrd-kak-rynok-translatsij-kibersporta-zavoeyvaet-rossiu> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Tikhonova E. Auzan nazval dve problemy rossiyskikh zumerov i puti ikh resheniya [Auzan named two problems of Russian zoomers and ways to solve them]. RBK [RBC]. 07.02.2025. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/02/2025/67a484059a794706d0cba130> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Tsvetkova N.A. Fenomen tsifrovoy diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i metodologiya ego izucheniya [The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology]. Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations]. 2020. N 2. P. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47. (In Russ.)

Tsvetkova N.A. Publichnaya diplomatiya SShA: ot «myagkoy sily» k «dialogovoy propagande» [New Forms and Elements of US Public Diplomacy from Soft Power to Dialoguebased Propaganda]. Mezhdunarodnye process [International Processes]. 2015. Vol 13, N 3. P. 121–133. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.42.8. (In Russ.)

Tsvetkova N.A., Sytnik A.N., Grishanina T.A. Tsifrovaya diplomatiya i digital international relations: vyzovy i novye vozmozhnosti [Digital diplomacy and digital international relations: Challenges and new advantages]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of St. Petersburg University. International relations]. 2022. Vol. 15. Iss. 2. P. 174–196. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.204> (In Russ.)

Videoigry: strimy Rutube [Video games: streams of Rutube]. URL: <https://rutube.ru/feeds/games/streams/> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Videoservisy zarabotali na reklame 43,9 mlrd rubley [Video services earned 43.9 billion rubles on advertising]. Rambler [Rambler]. 25.03.2025. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/54400973-videoservisy-zarabotali-na-reklame-43-9-mlrd-rubley/> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Yandeks Muzyka zapustila personal'nye rekomendacii koncertov i funkciyu pokupki biletov v prilozhenii [Yandex Music Launches Personalized Concert Recommendations and In-App Ticket Purchase Function]. Yandeks [Yandex]. 2024. URL: <https://yandex.ru/company/news/02-16-09-2024> (date of access: 20.06.2025). (In Russ.)

Д.В. Неренц

**ЦЕННОСТЬ И БЕСЦЕННОСТЬ ИИ-ТЕКСТОВ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ**

***Аннотация.** Применение нейросетей сегодня обсуждается на всех уровнях: интернет-пользователя, коммерческой структуры, государства. Технологическая гонка в самом разгаре и уже сложно определить области, куда до сих пор не проникли технологии искусственного интеллекта (ИИ). Отдельную обеспокоенность вызывают правовые и этические аспекты его применения. В мировом медиапространстве начали появляться примеры законов и нормативных актов, пытающихся привести к некоему подобию контроля деятельность разработчиков ИИ, однако их эффективность на данном этапе оценить трудно. Возможности нейросетей постоянно расширяются, и общество уже не может быть уверено, что отличит сгенерированный контент от публикации, созданной человеком. И это становится всё более серьезной проблемой.*

Цель данной статьи – выявить достоинства и недостатки текстов, созданных ИИ, и ключевые маркеры, благодаря которым можно распознать такие материалы. Исследование проходило в 2024–2025 гг. Первый условный этап – опрос студентов факультета журналистики разных курсов на предмет их мнения о достоинствах и недостатках текстов, созданных ИИ. Опрос (респондентам предлагалось ответить на 12 вопросов разных типов) позволил определить положительные и отрицательные черты ИИ-текстов с позиции автора и читателя. Второй условный этап – создание магистрантами второго года обучения того же факультета трех публикаций на заданную тему самостоятельно и с помощью ИИ и определение коллегами, где чье авторство. Результаты проведенного исследования позволили выделить исчерпывающий перечень маркеров, являющихся ярким отличительным признаком сгенерированного контента.

***Ключевые слова:** искусственный интеллект (ИИ); нейросети; сгенерированный текст; медиатекст; медиа; опрос; журналистика; факультет журналистики.*

Неренц Дарья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета. Россия, Москва.

E-mail: ya.newlevel@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6370-0157

D.V. Nerents

The Value and Valuelessness of AI-Generated Texts in the Contemporary Media Space

Abstract. *The use of neural networks is currently being discussed at all levels: at the level of an Internet user, a commercial structure, and the state. The technological race is in full swing and it is already difficult to identify areas where artificial intelligence (AI) technologies have not yet reached. The legal and ethical aspects of its application are of particular concern. There are already examples of laws and regulations in the global media space that try to bring some semblance of control over the activities of AI developers, but their effectiveness at this stage is difficult to assess. Meanwhile, the capabilities of AI are growing every day, and the audience can no longer be sure that they will distinguish generated content from a human-created publication. And this is becoming an increasingly serious problem.*

The purpose of this article is to identify the advantages and disadvantages of AI-generated texts and key markers that can be used to recognize such materials. The study took place in 2024–2025. The first stage is a survey of students of the journalism faculty of various courses for their opinion on the advantages and disadvantages of AI-generated texts. The survey (respondents were asked to answer 12 questions of different types) allowed for the identification of the positive and negative aspects of AI-generated texts from the perspectives of both the author and the reader. The second stage involved second-year master's students from the same faculty creating three publications on a given topic, independently and using AI, and having their colleagues identify each author. The results of the conducted research allowed us to identify an exhaustive list of markers that are a striking distinguishing feature of the generated content.

Keywords: *artificial intelligence (AI); neural networks; generated text; media text; media; survey; journalism; Faculty of Journalism.*

Nerents Daria Valer'evna – PhD in Philology, Associate Professor of Department of Journalism Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow.

E-mail: ya.newlevel@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6370-0157

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) уже не первый год привлекает исследователей, работающих в самых разных областях науки. Резкий рост развития ИИ и попытка внедрения данного инструмента во все сферы человеческой деятельности порождают различные беспрецедентные ситуации, которые после обсуждения кладутся в основу первых законов и этических стандартов, призванных регулировать эту область. ИИ сегодня для многих пользователей становится базовой технологией третьей волны развития человеческого общества, аналогом цифровой революции, начавшейся во второй половине XX в.

ИИ уже интегрирован в повседневную жизнь – от смартфонов до онлайн-магазинов и умных колонок. Является ли ИИ общественным благом, способным облегчить и, главное, улучшить нашу жизнь, или же станет в будущем опасным оружием, угрожающим комфортной жизни человечества, – вопрос пока скорее философского, чем практического характера. На данном этапе можно выделить как недостатки, так и достоинства использования нейросетей.

Искусственный интеллект уже не один десяток лет является инструментом, активно применяемым в сфере IT-технологий. Британский психолог А. Гарнэм в своей книге «Искусственный интеллект» (1988 г.) в рамках описания развития ИИ упоминает антикерский механизм – древнее вычислительное устройство с зубчатой передачей, использовавшееся для астрономических расчетов. В частности, исследователь указывает, что бурное развитие нейросетей стало возможным благодаря попыткам создать машины, которые смогли бы не только избавить людей от монотонного умственного труда, но и исправлять допущенные человеком ошибки [Pickover 2021, p. 9]. Таким образом, можно сказать, что стремление создать механические устройства, способные имитировать некую человеческую деятельность, стали появляться еще до нашей эры в Древней Греции.

Термин «искусственный интеллект» был впервые озвучен Д. Маккарти, американским информатиком из Дартмутского колледжа. В 1956 г. в США прошел знаковый для всей IT-отрасли того времени Дартмутский семинар, организаторами которого выступили крупные специалисты в этой сфере – К. Шеннон, представитель Bell Telephone Laboratories, М. Мински из Гарвардского университета, Н. Рочестер из крупной компании IBM и Д. Маккарти. Эта группа ученых стала тем сообществом, которое смогло положить начало активным дискуссиям о возможностях применения ИИ. Одной из задач встречи было намерение доказать, что «машина» может выполнять любые задачи и предоставить информацию о любом аспекте явления действительности, если его точно и детально описать ей [Dornmehl 2017, p. 52]. В современных реалиях четко написанные задачи для ИИ для получения желаемого результата уже стали общеизвестным условием, которое не является секретом.

Первые программы распознавания лиц стали появляться в середине 1960-х годов: в них большую роль играли люди, вручную создававшие изображения человека с разных ракурсов и загружавшие их в систему. Сейчас же компьютер сравнивает лицо с изображением из базы данных, а в ряде систем активно применяются трехмерные датчики. В 1970-х годах американская корпорация IBM создает первый в мире голосовой ассистент под именем Shoebox (с англ. – коробка для обуви). С тех пор применение нейросетей становится все более распространенным. При этом в нашей стране такой инструмент начал широко использоваться лишь с 2017 г., когда аудитории стал доступен виртуальный помощник «Алиса», разработанный «Яндексом» (хотя пользователи смартфонов от Apple уже с 2014 г. могли применять «голосовые команды» благодаря вне-

дренной в устройства программы Siri). Позже данный инструментарий начали активно использовать банки, первым это сделал «Сбербанк России», а с 2023 г. ИИ-ассистент в виде чат-бота появился в государственных сервисах (например, на «Госуслугах» или «Едином транспортном портале»). Теперь виртуальных помощников можно встретить на сайтах магазинов, некоммерческих организаций, маркетплейсов и др.

Существует классификация с тремя ступенями развития ИИ [Колодка, Метелкин, Леоненко 2023, с. 41]. Первый тип (нижний уровень иерархии) – слабый ИИ (Narrow Artificial Intelligence, или NAI), или нейросети, т. е. технология, способная учиться на предложенных данных и выполнять исключительно четко поставленные задачи на основе прописанных решений, или алгоритмов. К такому типу относятся самые распространенные на сегодняшний день инструменты – различные чат-боты, системы распознавания речи, переводчики, рекомендательные системы. Они могут выполнять простейшие задачи. Второй тип – так называемый Artificial General Intelligence или сильный ИИ. В таких программах пользователь может взаимодействовать с настоящим «машинным разумом», способным работать в режиме многозадачности и создавать оригинальные, собственные, а не сгенерированные проекты. Третий тип – искусственный сверхинтеллект (Artificial Super Intelligence, или ASI), способный превзойти человеческий ум в любой сфере, в том числе в науке, творчестве и социальных навыках. Учитывая, что сейчас разработчики взаимодействуют только с первым типом ИИ, можно предполагать, что в ближайшие несколько десятков лет появится второй тип, самостоятельный и более мощный. О третьем типе ИИ пока можно говорить только в контексте научной фантастики.

Непрерывное совершенствование систем ИИ и их повсеместное внедрение в различные сферы деятельности приводит к тому, что человек перестает замечать присутствие «машины». Это проявляется на разных уровнях: на уровне потребления информации, в особенности из социальных медиа, на уровне поиска товаров или услуг и совершения покупок в Интернете, на уровне поиска необходимых данных, на уровне общения (особенно с представителями различных организаций). Становится все менее понятно, кто вступает в коммуникацию – голосовой ассистент или «живой» оператор колл-центра. Особенно остро эта проблема в 2025 г. проявилась среди более возрастной аудитории, которая не всегда может оперативно сориентироваться в технологических нововведениях.

Серьезные опасения вызывает отсутствие маркировки ИИ-текстов при их публикации в открытом информационном пространстве. Известно, что качество работы нейросети и, как следствие, качество создаваемого ими продукта, полностью зависит от баз данных, на которых она обучалась, а также от навыков разработчиков, которые ее создавали. Многие тексты, созданные «машинной», содержат в себе фактически неверные данные, могут включать даже

полностью выдуманные события или несуществующих персоналий. В итоге человек рискует быть введенным в заблуждение. В то же время пользователи ИИ отмечают шаблонность фраз, наличие клише в текстах, легко узнаваемую, одинаковую стилистику текстов и однотипные грамматические конструкции. Получается, что регулярное использование нейросетей для написания материалов приводит к оскудению языка и потере авторского стиля.

Цель проводимого нами исследования – определить ключевые маркеры, которые позволят распознавать текст, написанный ИИ. Сбор данных проводился нами в два этапа. Первый условный этап (февраль-март 2025 г.) – *опрос среди студентов бакалавриата* 1–4 курсов (было опрошено 167 человек) факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)¹. Студентам предложили ответить на 12 вопросов разных типов – пять вопросов закрытого (опрашиваемые выбирали ответ из предложенных им вариантов), шесть – открытого (требовался развернутый самостоятельный ответ, без возможности выбора каких-либо вариантов) и один смешанного². Второй условный этап (октябрь 2024 г.) – *исследование-эксперимент среди магистрантов* второго года обучения того же факультета РГГУ³. 14 магистрантов в течение двух недель должны были выполнить задание: написать три вида текстов самостоятельно и с помощью ИИ. Первый текст – новостная заметка на любую тему, второй – подборка пяти информационных ресурсов, полезных для работы журналиста, третий – статья об особенностях использования технологий нейросетей в СМИ. В общей сложности обучающиеся представляли шесть текстов, три – написанные ими, три – сгенерированные. Далее в рамках занятий участники эксперимента смотрели тексты друг друга, определяя, какие созданы человеком, а какие – «машиной».

Результаты опроса «Маркеры распознавания ИИ в медиатекстах» среди студентов бакалавриата факультета журналистики РГГУ

Опрос, проведенный нами среди студентов бакалавриата, показал, с одной стороны, ожидаемые результаты, с другой – позволил увидеть нюансы, на которые ранее никто особого внимания не обращал. При этом нами были получены и противоречивые ответы, о чем отдельно будет написано далее.

1. Стоит отметить, что это предварительные результаты и опрос будет продолжен для уточнения результатов и увеличения количества опрашиваемых.

2. Вопросы закрытого типа были разбиты на две части (три и два), а между ними помещены один вопрос смешанного типа и шесть вопросов открытого типа. По нашей задумке два вопроса закрытого типа подводят итог опроса. Первые два вопроса носят отчасти отсекающий характер, однако респонденты, ответившие на них отрицательно, продолжили участие в опросе.

3. Данный эксперимент хронологически предшествовал описанному выше опросу и подтолкнул нас к работе со студентами бакалавриата.

На вопрос, известно ли студентам о том, что в средствах массовой информации **встречаются тексты, сгенерированные ИИ**, без предупреждения об этом, 79,8% ответили утвердительно, одновременно каждый пятый респондент (20,2%) указал, что он об этом ничего не знает.

При ответе на вопрос о том, **встречались ли** респондентам в СМИ **тексты, созданные ИИ**, которые были бы студентами самостоятельно определены как сгенерированные, мнения опрашиваемых разделились. Свыше четверти (28,1%) закономерно ответили отрицательно, каждый третий (33,7%) – утвердительно, оставшееся незначительное большинство (38,2%) затруднилось с ответом.

Из общего вопроса **об отношении к текстам, созданным ИИ**, почти половина респондентов (48,3%) указала, что такой материал ей не нравится, поскольку чувствуется, что что-то не так, написано непривычно и со странными выражениями. Но около 2/5 (44,9%) относится к этому равнодушно – все равно, кто написал, «главное, чтобы не фейк и по делу». Незначительному числу опрошенных (6,7%), наоборот, нравится такой текст, так как он выглядит интересно и почти не отличается от написанного человеком.

Далее студентов попросили отметить, **какого рода сгенерированные элементы медиатекста встречаются им чаще всего** в информационном пространстве. Отвечая на вопрос смешанного типа, респонденты могли выбрать один из девяти предложенных вариантов или написать свой вариант ответа. В результате, 78,7% выбрали визуальные элементы, фотографии и рисунки. 58,4% студентов отметили статьи-списки по типу топ-5 лучших сериалов, далее, на третьем и четвертом местах, с небольшим отставанием (57,3% и 53,9% соответственно), – короткие сообщения или новостные заметки и инфографика. Свыше 1/3 опрошенных (37,1%) указали справочную информацию, менее трети (30,3%) – рейтинги и прогнозы. Каждый пятый (по 21,3%) отметил лонгриды⁴ и аналитические статьи, а также рецензии и комментарии. Свой вариант ответа предложило подавляющее меньшинство (3,3%), один из них – посты в новостных каналах популярного кроссплатформенного мессенджера. Вместе с тем если рецензию и комментарий, подготовленные нейросетью, действительно можно встретить, то в отношении лонгридов и прогнозов, сочиненных ИИ, существуют определенные сомнения (остается до конца неясно, действительно ли студенты сумели распознать работу «машины», и что именно подтолкнуло их к указанному выводу).

На шесть вопросов студентам было предложено ответить развернуто; полученные ответы были нами систематизированы, что позволило выявить

4. Лонгрид – медиатекст большого объема с мультимедийными элементами (фотографиями, инфографикой, видео- и/или аудиозаписями), который композиционно состоит из серии нескольких публикаций, объединенных одной темой, либо разделен на подтемы.

наиболее частотные из них, а также несколько ответов, противоречивших другим. При описании *маркеров распознавания сгенерированных текстов по смысловым признакам* 83,5% студентов (свыше 4/5 опрошенных) назвали некорректные формулировки, повторы слов, потерю логики повествования за счет сюжетных несоответствий. Почти 2/3 респондентов (62,9%) указали шаблонный характер текстов и использование речевых клише. Больше половины, 52,6% человек, отметили многочисленные повторы мыслей, чрезмерное количество вводных конструкций, малоиспользуемые в русском языке речевые обороты, а также бессодержательность самого текста⁵.

Получается, что впечатление от таких текстов у респондентов разные: кто-то считает его шаблонным и максимально простым с позиции восприятия информации, отмечает отсутствие глубины содержания. Другая группа опрошенных, напротив, указывает на сложность понимания материала, специфическую стилистику.

Отвечая на открытый вопрос о *маркерах ИИ-материалов по текстовым признакам*, 63% студентов указали на пунктуационные ошибки (причем часть отметила их чрезмерное количество, а другая часть, наоборот, указала на явное их отсутствие). На втором месте оказалось наблюдение, связанное с отсутствием в текстах восклицательных и вопросительных конструкций (54,9%). Далее выделим композиционные особенности, которые проявились в разделении текста на части с обязательными подзаголовками (причем не всегда это было оправдано) – подобное отметили 42,7% магистрантов. Еще 35,2% замечали наличие определенных графических символов – звездочки вместо двоеточия, тире вместо дефиса, двоеточие вместо точки в конце предложения. Интересно, что 21,9% (т.е. каждый пятый) выделили как отличительный признак частую незаконченные мысли и короткие предложения. При этом, каждый десятый опрошенный, 9,2% респондентов, напротив, считает, что в ИИ-текстах слишком тяжелые для восприятия, длинные предложения, а материал написан в официально-деловом стиле. Подводя промежуточные итоги, можно отметить, что большинство респондентов указали на наличие пунктуационных и орфографических ошибок, однако другая часть (хотя их было сравнительно меньше), наоборот, выделили отсутствие опечаток и высокий уровень грамот-

5. Среди интересных ответов выделим: «Непоследовательное изложение мысли. Общие выражения, нехватка смысла. Повторение одних и тех же тезисов разными словами»; «Отсутствие эмоциональной окрашенности»; «Содержание обобщено, иногда оторвано от реальности. Текст не всегда понятен обывателю, сух и содержит неподтвержденные факты»; «Обычно нет причинно-следственной связи, все как-то раскидано»; «Стилистически текст подогнан под английский язык, использование слов, которые практически не встречаются в русской речи»; «Текст разделен на части, есть обязательно заключительный абзац»; «Излишняя простота (как будто текст написал пятиклассник)».

ности текста⁶. Учитывая такие противоречивые ответы, можно предположить, что характер отзывов зависит от самой нейросети, а точнее от того, насколько хорошо она обучена, кто является ее создателем, платная или бесплатная версия используется. Большое значение имеет и грамотное и четкое написание промта⁷.

Отдельный вопрос был посвящен *преимуществам сгенерированного текста с позиции автора*. Существенная экономия времени при поиске информации и написании текста стала главным плюсом, который выделили 93,8% опрошенных. Создание неких шаблонов в виде плана или основы текста, а также помощь в формулировке идеи отметили 54,2%. Чуть более четверти (27,4%) считают, что ИИ может помочь избавиться от боязни «белого листа», сделать материал более объективным (избежать наличия авторской позиции) и оперативно исправить все грамматические недочеты⁸.

Далее студентам было предложено определить *преимущества сгенерированного текста с позиции читателя*. На отсутствие таковых указали 63,8%. Легкий с позиции восприятия текст, лишенный замысловатых фраз и сложных оборотов речи, – то достоинство, которое отметили 22,1%. Каждый шестой опрошенный указал на то, что такие тексты позволяют получить нужную информацию в максимально упрощенной форме, что гораздо удобнее, чем искать в разных источниках (так считают 16,9%)⁹.

Последние два вопроса открытого типа, требующие развернутого ответа, предлагали студентам поразмышлять, в чем заключаются *недостатки ИИ-текстов* как *с позиции автора*, так и *с позиции читателя*. Снижение когнитивных навыков и способностей человека к творчеству, а также отсутствие

6. Среди ответов стоит выделить: «Простая структура текста. Отсутствие анализа»; «Ошибки в орфографии и пунктуации, либо же чрезмерное использование сложных слов, проф. жаргона и т. д.»; «Однообразный стиль. Слишком идеальная орфография и пунктуация»; «Бывают опiski в словах, очень часто встречаются повторения, неправильно построены предложения»; «Очень много коротких предложений, чаще всего короткое – длинное – короткое»; «Не всегда верно написаны аббревиатуры, часто предложение может быть «обрезано» знаком препинания, из-за чего теряется смысл»; «Потерянные окончания, иногда слова превращаются в «кашу»».

7. Промт – задание, которое в текстовой форме дается нейросети для выполнения. Отметим, что чем подробнее будет описано задание и чем больше деталей будет отмечено, тем ответственнее четче и точнее будет выполнен запрос.

8. Среди ответов встретились следующие: «Сгенерированный текст может более точно сформулировать определенные термины, помочь глубже разобраться в теме»; «Легче в написании, помогает выразить мысль более точно»; «Инструмент разработки идей»; «Данный текст будет корректно и стилистически сформирован».

9. Среди ответов встречаются мнения: «Новости, сгенерированные ИИ, могут быть разделены на части или пункты, что даст читателю возможность лучше понимать информацию, не читая большое количество текста»; «Искусственный интеллект объективнее человека».

авторской уникальной стилистики – главный недостаток сгенерированных материалов (это мнение 46,1% опрошенных). 1/4 респондентов указали на риски получить фейковые сведения или устаревшие данные, еще 11,4% считают существенным недостатком вынужденную трату времени на перепроверку и редактирование полученного материала. 7,2% отметили поверхностное освещение проблемы, однотипность, шаблонность предложений, нехватку эмоциональности. Остальные ответы носили единичный характер (15,3%), среди которых был вариант об отсутствии существенных минусов, о неполноте полученной информации, а также о наличии канцеляризмов и неточностях.

Что касается минусов сгенерированного текста с позиции читателя, можно сказать, что во многом отмеченные мысли схожи с ответами на предыдущий вопрос. Самым частым было мнение, что не хватает отсутствие эмоциональной окраски и авторского подхода (42,8%), далее – недостоверная и/или устаревшая информация (29,6%), бессвязность мысли и повторы (14,1%), отсутствие в тексте фактов (13,5%). В этом вопросе все ответы удалось сгруппировать по представленным четырем позициям, единичных высказываний, отличных от мнения большинства, не встретилось.

При ответе на четвертый вопрос закрытого типа (предлагалось девять вариантов ответа) было установлено, что *главными опасностями*, с которыми могут столкнуться пользователи при работе с ИИ-текстами, студенты считают получение – шаблонного текста без конкретных данных или с искаженными данными (84,3%), фейка (71,9%), слишком общего описания, без фактической базы (68,5%). Более половины респондентов опасаются получить устаревшие данные (55,1%) и материал не по теме (52,8%). Потеря личных данных беспокоит только каждого десятого опрошенного (13,5%), что говорит о явно недостаточном понимании студентами принципов работы нейросетей и возможностей их использования злоумышленниками. И лишь один человек (1,1%) ответил, что ИИ-тексты совершенно безопасны.

Заключительный вопрос закрытого типа о *вероятности в ближайшие пять лет доминирования в информационном поле текстов, сгенерированных ИИ*, позволил определить настороженность и даже осторожность при работе с нейросетями. Почти 3/4 (71,6%) указали, что аналитика и истории о людях, где нужен эмоциональный подход, по-прежнему останутся прерогативой человека. Каждый восьмой (13,6%) убежден, что небольшие новостные заметки и справочная информация – то, что ИИ делает сейчас и будет продолжать делать в будущем. 9,1%, или каждый десятый, прогнозирует увеличение количества ИИ-текстов, которые будут доминировать в информационном пространстве. Некоторые опрошенные (5,7%) указывают, что ИИ будут заниматься только подбором информации, т. е. будет вспомогательным инструментом.

Благодаря полученным результатам удалось подметить и выделить интересные нюансы создания текстов нейросетями, а также определить, в чем пре-

имущества и недостатки таких материалов с позиции автора и читателя. У студентов нет четкого понимания того, как относиться к резкому развитию ИИ-технологий, а также того, что нас ждет в будущем в связи с повсеместным стремлением внедрить ИИ во все сферы жизнедеятельности. При этом есть более-менее четкое представление о маркерах распознавания сгенерированных текстов, поскольку многие ответы дублировали друг друга и лишь несколько носили одиночный характер. Можно отметить ключевые позиции и того, что касается понимания достоинств и недостатков использования ИИ-текстов. Интересно, что, если для писателя достоинств достаточно (быстрота, оперативность создания текста, подбор фактов, нужных данных, помощь с идеей и формулировкой плана и др.), то для читателя таких плюсов гораздо меньше (большинство указало, что их нет вовсе). При этом самыми частотными недостатками названы шаблонность текста, использование недостоверной информации, клише и штампы, графические знаки (зачастую там, где их не должно быть), простые однотипные речевые конструкции, напоминающие перевод с иностранного языка, сухость и отсутствие привлекательности в подаче информации, неоправданная разбивка текста на подтемы и использование коротких предложений, обрывающих мысль буквально на середине. Неоднократно назывались и повторы мысли, однообразные вводные конструкции, официально-деловой стиль изложения. Указанные ответы, с одной стороны, заставляют задуматься о том, насколько давно и умело пользуются студенты данными цифровыми технологиями, с другой – позволяют понять, что ответы напрямую зависят от того, какой нейросетью пользуется человек, а также насколько грамотно он умеет составлять запрос.

Результаты исследования-эксперимента: создание ИИ-текстов разных форматов магистрантами факультета журналистики РГГУ

Исследование-эксперимент с магистрантами в рамках дисциплины «Современный медиаландшафт» стало интересным опытом, поскольку обучающиеся оказались в разных условиях: кто-то впервые написал тексты с помощью ИИ, кто-то уже работал с нейросетями. С заданием в целом справились все, однако, у кого-то тексты собственного сочинения и сгенерированные материалы имели заметные отличия, а у кого-то, наоборот, оказались максимально похожи. Когда магистранты угадывали первые три раза, определить ИИ-тексты было сложно, однако впоследствии стали прослеживаться определенные признаки, позволяющие разграничивать тексты под авторством студентов, и при анализе последних пяти работ, практически никто из группы не испытывал трудности с распознаванием сгенерированных материалов.

При выполнении задания магистранты использовали две доступные нейросети. Первая – американский ChatGPT (принадлежит компании OpenAI),

вторая – российский GigaChat (создан «Сбером»)¹⁰. Вне зависимости от выбранной нейросети ИИ-тексты отличались наличием шаблонных выражений, повторов мыслей, которые могли быть перефразированы, специфической стилистикой текста. Эти признаки позволили легко распознать авторство.

При выполнении первого задания (написание новостной заметки на свободную тему) получилось определить группу маркеров ИИ-текстов. Самым главным стало отсутствие конкретной, точной информации о произошедшем. Тексты, созданные нейросетями, содержали в себе общие сведения, которые можно было бы указать при описании, по сути, любого события. В сгенерированных текстах не было деталей, конкретных дат или организаторов, если речь шла о мероприятии. При этом ИИ легко придумывал цитаты (причем в виде прямой речи), а также авторов этих цитат – людей, которые не имеют никакого отношения к описываемому событию. Например, в тексте об открытии выставки «Передвижники» в Третьяковской галерее в Москве нейросеть написала: «Выставка будет работать до конца февраля 2025 года и станет важным событием для всех любителей искусства». Помимо неверной даты (на официальном сайте музея было написано, что мероприятие будет проходить до 6 апреля 2025 г.), нейросеть буквально выдумала куратора этой выставки, написав: «Как отметил куратор выставки, искусствовед Анна Смирнова: “Мы хотели показать не только художественные достижения передвижников, но и их вклад в формирование общественного мнения и культурной идентичности России”». На том же официальном сайте четко указано, что куратором является Татьяна Юденкова, известный историк искусства. Следовательно, сама цитата также является фейком. Другая новость, предлагаемая для анализа магистрантом, была посвящена открытию голосования за лучший книжный магазин. Текст, который предложил ИИ, вовсе не содержал никаких конкретных данных: «Голосование продлится до конца декабря, и каждый житель Москвы сможет выбрать свой любимый книжный магазин». Точная дата не указана. Или еще: «...Мы хотим, чтобы москвичи активно участвовали в голосовании и выбирали лучшие из лучших», – отметил руководитель Департамента средств массовой информации и рекламы». Кто этот руководитель – непонятно, поскольку его имя и фамилия просто отсутствуют.

Интересно посмотреть на оформление текста. В качестве отличительной особенности сгенерированного текста можно отметить отсутствие традиционного для наших текстов варианта кавычек-«елочек», особенно при цитировании: «“Передвижники” – это не просто название выставки, это целая эпоха в русской культуре, которая отражает социальные перемены и стремление к правде жизни». Ни в одном из 14 сгенерированных текстов не было этого привычного для нас вида кавычек.

10. Тексты двух указанных нейросетей между собой не сравнивались (это предполагается сделать в будущем).

Стилистика текста также может стать опознавательным знаком. Нередко нейросеть предлагала конструкции, похожие на дословный перевод с иностранного языка. Это заметно в следующем примере (здесь и ниже курсив наш. – Д. Н.): «Во время игры Литвин *оказался вовлечен в драку с болельщиками* команды соперника. Причиной конфликта стали оскорбления в адрес Литвина, на которые он *отреагировал физическим ударом*. Это привело к задержанию блогера полицией на 48 часов». В качестве нехарактерных для журналиста выражений можно привести и следующее предложение: «В голосовании примут участие 10 книжных магазинов, *расположенных по всей Москве*». Подобные примеры подтверждают наличие очевидных несовершенств, характерных для работы искусственного интеллекта.

Второе задание, которое включало в себя *создание подборки топ-5 информационных ресурсов для работы журналиста*, также позволило выделить некоторые маркеры, но уже с другого ракурса. Главным отличием подборки магистрантов от подборки ИИ стали известные, но международные ресурсы, которые предлагала нейросеть. Несмотря на их полезность и известность, для российских журналистов они малоподходящие. В итоге, чат-бот предлагал обращаться к The New York Times, BBC News, Reuters, Wikipedia, Google News, а магистранты выделили в качестве самых полезных электронные библиотеки и отечественные информационные агентства. Еще одно наблюдение: если участники эксперимента указывали только категорию (новостные порталы, цифровые архивы), то ИИ предлагал конкретные интернет-порталы. Кроме того, магистранты составили обычный список, а нейросеть представила еще и краткое описание каждого ресурса.

В вариантах, предлагаемых ИИ, встречались неактуальные ресурсы. Как пример: в 3 из 14 подборок фигурировали «Яндекс.Новости», хотя сайт не работает с сентября 2022 г. (его место занял «Яндекс.Дзен»). Еще один пример – видеохостинг YouTube как полезный ресурс для журналистов. Ни один магистрант не указал его, поскольку работа портала была замедлена на территории РФ и пользоваться им стало практически невозможно, о чем ИИ, конечно, не знает, поскольку обучен на уже устаревших данных.

В рамках третьего задания обучающимся было предложено представить *два варианта статьи на одну тему* «Способы использования ИИ в медиа». Именно эта работа позволила выявить больше всего отличий в текстах, написанных людьми, и сгенерированных. Одним из самых ярких стали примеры только из зарубежной практики: «...компания NVIDIA разработала платформу StyleGAN, которая позволяет создавать реалистичные изображения людей на основе нескольких фотографий», или «...система Cyborg от Bloomberg генерирует финансовые отчеты, анализируя данные в реальном времени... системы вроде Wordsmith от Automated Insights активно применяются для создания простых новостей и отчетов», и еще: «Системы анализа данных, такие

как Socialbakers и Hootsuite, предоставляют мощные инструменты для мониторинга активности в социальных сетях...».

Этот маркер стал самым очевидным, потому что магистранты в своих статьях приводили примеры преимущественно из опыта российских медиа: «Среди средств массовой информации ИИ внедрили «Интерфакс», «РИА Новости», РБК, Sports.ru», или «...«Газета.Ru», входящая в медиахолдинг «Rambler&Co», первой из российских СМИ интегрировала в работу ИИ от Сбера», и еще: «Информационное агентство «ТАСС» с начала 2024 года перешло на новую цифровую платформу, где нейросети помогают верифицировать новости в автоматическом режиме». Таким образом, кейсы США и европейских стран в тексте, а также отсутствие примеров из деятельности российских СМИ позволили сразу же определить авторство.

Отличительным признаком ИИ-текстов стало наличие подтем и разбивка текста на смысловые блоки, что было не всегда оправданно. Отдельная подтема часто была сделана для одного абзаца текста, а сами заголовки у некоторых статей были абсолютно идентичны. Например, в качестве подтемы была заявлена: «Автоматизация контента». При этом текст состоял всего из трех предложений: «Одним из самых заметных применений ИИ в СМИ является автоматизация создания контента. Журналистам не всегда удастся осветить все важные события, и здесь на помощь приходят алгоритмы, которые могут быстро генерировать новости на основе имеющихся данных. Например, в некоторых новостных агентствах используются программы для написания отчетов о спортивных событиях или финансовых отчетах». После этого отрывка, который не несет в себе, по сути, никакой полезной информации, а состоит из общеизвестных сведений, идет уже следующая подтема под названием «Персонализация новостей» (этот блок также состоит из трех предложений). Заканчивается ИИ-статья у большинства одинаково – небольшим абзацем под заголовком «Заключение». В то же время, 12 из 14 написанных магистрантами статей вообще не были разбиты на подтемы и представляли собой сплошной текст, включавший в себя мысли экспертов и примеры использования технологий ИИ из современной практики российских СМИ.

В статьях, равно как и в новостных заметках, можно отметить стилистику, характерную для текстов нейросети. Как пример: «...рекомендательные системы, такие как у YouTube, Netflix и Spotify, собирают данные о действиях пользователей и на их основе предлагают *индивидуализированные рекомендации*», или так: «Это создает более *индивидуализированный опыт* для пользователей». Еще пример: «Медиаорганизации смогут предложить аудитории новые способы взаимодействия с контентом, что *сделает их опыт более глубоким и персонализированным*». Или: «...используют ИИ для рекомендаций фильмов, сериалов и видео, что значительно повышает *удовлетворенность пользователей* и увеличивает время, проводимое ими на платформе».

Подводя итог, можно сказать, что распознать сгенерированные тексты возможно. Ниже представлен ряд маркеров, которые были выделены на основе проведенного исследования:

- нехватка конкретных данных, важных деталей, наличие общих фраз и неточных формулировок;
- отсутствие точных фактов, которые можно было бы проверить в альтернативном источнике, или недостаточное их количество (например, нет конкретного числа, указан только месяц и год);
- наличие многочисленных повторов, пересказ одного и того же разными словами;
- специфическая стилистика текста (тексты похожи на дословный перевод с иностранного языка без дальнейшего редактирования);
- присутствие в тексте клише и канцеляризмов;
- необычное композиционное построение текста (неоправданная разбивка на подтемы, однотипные и неинформативные подзаголовки);
- зарубежный опыт как единственный пример при описании какого-то явления (чаще всего опыт США);
- отсутствие замен существительных на местоимения и неудачный подбор синонимов, из-за которых может быть потерян смысл предложения.

Данный список представляет собой неполный перечень отличительных признаков ИИ-текстов, который будет дополнен при дальнейшем исследовании (планируется организации фокус-групп, которые будут работать над распознаванием сгенерированных текстов). Предполагается, что полученные результаты позволят получить более четкое понимание работы нейросетей и расширят список маркеров сгенерированных текстов.

Заключение

Подводя предварительные итоги нашего исследования, которое вскоре будет продолжено, можно определить достоинства и недостатки использования ИИ-текстов, а также описать те маркеры, которые удалось выделить в ходе проведенных исследований.

Главными преимуществами сгенерированных текстов является быстрота их написания и оперативный подбор фактической базы, которую автор мог искать на протяжении долгого времени. Кроме того, безусловным плюсом является простота и краткость, отсутствие дополнительных данных, которые отвлекали бы от сути проблемы, короткие и понятные предложения, а также объективность, которая подразумевает отсутствие субъективности и эмоционального фона. К недостаткам, прежде всего, относится шаблонный характер текстов и отсутствие авторского стиля, интересных ярких выражений, средств языковой выразительности; опасность фейковой недостоверной информации

или устаревших данных; множественность клишированных фраз и однотипный характер композиции построения мысли, зачастую может исчезать логика повествования (текст будто мозаика – собран из разных кусочков), наблюдается обрывочность и искажение предоставляемых сведений.

В качестве маркеров ИИ-текстов выделяются:

- 1) неточные формулировки и общие фразы вместо конкретных данных;
- 2) нехватка фактического материала, информация сомнительного характера, требующая проверки;
- 3) многословие и неоднократное дублирование одних и тех же мыслей;
- 4) разбивка на подтемы;
- 5) использование тире и звездочек при перечислении, постановка в конце предложений двоеточия вместо точки;
- 6) абсолютное преобладание зарубежных примеров при неуточненном запросе.

Можно заметить, что молодая аудитория уже имеет опыт использования нейросетей и понимает, с какими сложностями может столкнуться. Например, есть четкое понимание, что ИИ может выдать фейк или текст по шаблону, и что этот материал необходимо проверять и редактировать. При этом также есть понимание, что не всегда ИИ-тексты можно отличить от написанных человеком, и если нет пометки на сайте, то, скорее всего, большинство людей даже не задумается об этом. Между тем сгенерированных текстов становится все больше, они непрерывно наводняют наше информационное пространство, заменяя человека в создании новостных лент, подборок и рекомендаций, ответах на самые популярные вопросы пользователей, в написании постов для социальных сетей и т.п. И далеко не всегда удастся понять, что тебе отвечает не человек, а компьютерная программа. Что с этим делать – вопрос открытый, который уже не первый год обсуждается на разных уровнях, начиная от уровня школ и вузов и заканчивая правительственными структурами и министерствами. Точного ответа на данный момент не существует, поэтому единственно действенным остается ответственность самого потребителя медиаконтента, критическое осмысление всей получаемой информации и понимание того, что все данные следует перепроверять, особенно если они несут в себе какой-то глубокий посыл или призыв к действию.

Библиография

Колодка А.А., Метелкин П.В., Леоненко В.В. Искусственный интеллект: защитить и защититься // Интеллектуальные транспортные системы. 2023. № 25. С. 37–43.

Pickover C. Artificial Intelligence: An Illustrated History: From Medieval Robots to Neural Networks. New York: Sterling Publishing Co., Inc., 2021. 224 p.

Dormehl L. Thinking Machines. New York: TarcherPerigee, 2017. 218 p.

References

Dormehl L. Thinking Machines. New York: TarcherPerigee, 2017. 218 p.

Kolodka A.A., Metelkin P.V., Leonenko V.V. Iskusstvennyy intellekt: zashchitit' i zashchitit'sya [Artificial Intelligence: Protecting and Defending Yourself]. Intellektual'nye transportnye sistemy [Intelligent transportation systems]. 2023. N 25. P. 37–43. (In Russ.)

Pickover C. Artificial Intelligence: An Illustrated History: From Medieval Robots to Neural Networks. New York: Sterling Publishing Co., Inc., 2021. 224 p.

А.В. Громова

**ВЛИЯНИЕ К.Д. УШИНСКОГО НА ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются два направления деятельности супруги императора Александра II императрицы Марии Александровны, связанные с выдающимся педагогом К.Д. Ушинским: реформы в воспитательных и образовательных учреждениях в Российской империи в 1855–1880 гг., а также воспитание и образование детей императрицы Марии Александровны. В статье получили отражение участие императрицы в развитии женского среднего образования в России и за рубежом: преобразования в закрытых женских институтах Ведомства учреждений императрицы Марии и поддержка К.Д. Ушинского в годы его работы в Смольном институте, учреждение всесословных женских гимназий, попечение о епархиальных женских училищах, а также поддержка русских школ в Палестине и на Балканском полуострове; составление учебно-воспитательных программ для собственных детей и особенная забота о надлежащем воспитании и образовании наследника престола цесаревича Николая Александровича как будущего правителя Российской империи. Автором предпринята попытка анализа «Писем о воспитании наследника русского престола» К.Д. Ушинского – предыстория их появления, конкретный адресат, цель, основные педагогические идеи данного произведения, значимость произведения для русской педагогической мысли и лично для императрицы Марии Александровны, всегда следившей за развитием педагогики как науки. Автором предлагается вывод, что христианские принципы в воспитании и образовании были ключевыми принципами и для великого педагога, и для императрицы Марии Александровны: оба, прежде всего, в основу всего образования ставили воспитание нравственности, настаивали на гуманности и разносторонности обучения без давления и физического насилия с целью развития в ребёнке заложенных в нём талантов.

Ключевые слова: Императорской Дом Романовых; императрица Мария Александровна; Константин Дмитриевич Ушинский; педагогическая мысль XIX века; реформы женского образования при императоре Александре II; воспитание в семье императора Александра II; цесаревич Николай Александрович (1843–1865); «Письма о воспитании наследника русского престола».

Громова Анна Витальевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН. Россия, Москва.

E-mail: avgromova@inbox.ru

Scopus Author ID: 57219052898

Web of Science Researcher ID: ABG-3732-2021

Gromova A.V.

**K.D. Ushinsky's Influence on the Pedagogical Views
of Empress Maria Alexandrovna**

Abstract. *The article examines two areas of activity of Empress Maria Alexandrovna, the wife of Emperor Alexander II, related to the outstanding pedagogue K.D. Ushinsky: reforms in educational and upbringing programmes in educational institutions in the Russian Empire (1855–1880), and the upbringing and education of the children of Empress Maria Alexandrovna. The article reflects her involvement in the development of women's secondary education in Russia and abroad, including transformations in the closed women's institutes of the Department of the Institutions of Empress Maria, support for K.D. Ushinsky during his work at the Smolny Institute, the establishment of women's gymnasiums, care for diocesan women's schools, and support for Russian schools in Palestine and the Balkan Peninsula; as well as the compilation of educational programmes for her own children and special concern for the proper upbringing and education of the heir to the throne, Tsarevich Nikolai Alexandrovich, as the future ruler of the Russian Empire. The author attempts to analyse Ushinsky's Letters on the Upbringing of the Heir to the Russian Throne – the prehistory of their appearance, their specific addressee, purpose, main pedagogical ideas, and significance for Russian pedagogical thought and personally for Empress Maria Alexandrovna, who closely followed the development of pedagogy as a science.*

The author concludes that Christian principles in upbringing and education were fundamental for both the eminent pedagogue and Empress Maria Alexandrovna: above all, they placed moral education at the foundation of all education and insisted on the humanity and holistic nature of education, without pressure or physical violence, in order to develop the child's inherent talents.

Keywords: *Imperial House of Romanov; Empress Maria Alexandrovna; Konstantin Dmitrievich Ushinsky; 19th-century pedagogical thought; reforms of women's education under Emperor Alexander II; upbringing within the family of Emperor Alexander II; Tsesarevich Nikolai Alexandrovich (1843–1865); 'Letters on the Upbringing of the Heir to the Russian Throne'.*

**Gromova Anna Vitalyevna – PhD in history, leading researcher, Institute
of World History Russian Academy of Science. Russia, Moscow.**

E-mail: avgromova@inbox.ru

Scopus Author ID: 57219052898

Web of Science Researcher ID: ABG-3732-2021

Педагогические воззрения императрицы Марии Александровны (1824–1880), супруги императора Александра II, представляют особый интерес: она покровительствовала многим воспитательным и образовательным учреждениям в России, общалась с известными российскими педагогами и преподавателями своей эпохи, дискутируя воочию или переписываясь с ними, приглашая их в качестве учителей для своих детей. Она не была чужда новаторству, но и не переступала граней консервативного понимания педагогики. Постоянно

совершенствуя свои взгляды на формирование подрастающего поколения, она осмысляла, впитывала и частично принимала опыт избранных ею наставников, среди которых были самые известные деятели образовательного сообщества страны.

Характер императрицы и сфера ее интересов формировались по мере ее взросления. Принцесса Мария, младший ребенок великого герцога Людвига II Гессенского и Прирейнского, выросла в большой семье Дармштадтской ветви немецкого Гессенского рода, в которой дети, как правило, были окружены любовью и вниманием родителей. Мать Марии – Вильгельмина Баденская, великая герцогиня Гессенская и Прирейнская – воспитание своей дочери не отдавала в руки гувернанток, направляя его сама. Во главе угла стало приобщение к литературе и истории, в основном, к французской. Когда мать скончалась, дочери исполнилось одиннадцать лет, и ее дальнейшим образованием занималась придворная дама Марианна де Гранси, которая следовала воспитательно-му плану родительницы [Арсеньев 2018, с. 127].

В Гессенской семье дети сами убирали в своих комнатах, растапливали камин. Их убеждали в важности христианской любви и сострадания, они посещали госпитали, приюты, учебные заведения для всех уровней преподавания и воспитанников из различных кругов общества. В доме великого герцога Гессенского можно было встретить лучших преподавателей и талантливых людей, которые своим примером помогали в воспитании будущих правительниц европейских государств.

В данном исследовании рассматриваются два важных направления деятельности императрицы Марии Александровны в России, где воплотились в жизнь ее педагогические воззрения, которые были связаны с выдающимся педагогом К.Д. Ушинским и проявились в процессе общения с ним.

Первое направление – воспитательные и образовательные учреждения в Российской империи и эволюция представлений императрицы о формах и содержании их деятельности.

Второе направление – обучение, воспитание и формирование мировоззрения потомков императорской семьи, в первую очередь – детей императрицы Марии Александровны. План для осуществления этих целей пробовали составлять разные педагоги и наставники, но среди них выделяются яркие, интересные и продуманные идеи и советы, сформулированные именно К.Д. Ушинским. Ушинский подготовил для Марии Александровны особенный труд, который принято называть «Письма о воспитании наследника русского престола». Императрица постоянно сама совершенствовалась в педагогической сфере и всегда приглашала наиболее талантливых и перспективных учителей.

В связи с первым направлением в деятельности Марии Александровны следует отметить, что женское образование и воспитание было «большим местом» в существовавшей в России системе народного просвещения. Проблемы

были связаны с возрастающей ролью женщин в жизни общества, с их все более интенсивным участием в общественной жизни. Со стороны это могло показаться либеральными реформами в системе образования. Однако роль женщин в российской действительности была и до этого времени заметной. Просто она не была систематизирована на законодательном уровне.

Начиналась деятельность Марии Александровны на ниве развития женского образования в 1844 г., когда она впервые возглавила женское учебное заведение – Выборгскую школу Женского Патриотического общества [О назначении цесаревны Марии Александровны, л. 3]. Потом она опекала Царско-сельское и Солигаличское училища для девиц духовного звания.

Еще будучи великой княгиней, цесаревной, Мария Александровна сначала помогала императрице Александре Федоровне в руководстве всеми заведениями Императрицы Марии, а затем – по официальной просьбе императрицы – приняла на себя «наблюдение как за физическим и нравственным воспитанием, так и за успехами умственного образования девиц в Воспитательном Обществе и Александровском училище» [Черепнин 1915, с. 266–267].

В конце 1840-х годов Мария Александровна обратила внимание на деятельность педагога К.Д. Ушинского, который к тому времени уже слыл вдумчивым и оригинальным теоретиком в сфере педагогической мысли. Познакомились они, скорее всего, в Ярославле, где в 1846–1849 гг. он занимал должность профессора Демидовского лицея. Здесь же, в Ярославле, находилось и училище для девиц духовного звания, которому помогала цесаревна. Она могла наблюдать за его работой и впоследствии: с 1854 г. Ушинский преподавал русскую словесность, географию и юридические предметы, а затем стал инспектором (заведующим учебной частью) Гатчинского сиротского института.

Педагогическую деятельность Мария Александровна продолжила и после 1855 г., когда ее муж, цесаревич Александр Николаевич, стал императором Александром II. По мнению знавшего и любившего Россию французского историка Альфреда Рамбо, «императрица Мария Александровна... по совету видных русских педагогов решила сделать для буржуазии то, что Мария Федоровна сделала для дворянства. Новое правление ознаменовалось масштабными проектами реформы; пока Александр II готовил освобождение крепостных, его жена также посвятила себя освободительному делу» [Rimbaud 1873, p. 325–326].

Постоянное общение императрицы с К.Д. Ушинским стало возможным, когда он в 1859 г. был назначен инспектором классов Смольного института и активно занялся преобразованиями в нем. Мария Александровна отметила этим назначением, что его идеи близки ее представлениям о системе образования в Российской империи.

Лежащие в основе педагогики Ушинского принципы народности воспитания, продуманной и организованной массовости образования и направлен-

ности его на всестороннее, полноценное и равноправное развитие личности, привлечение для этого основ традиций и ценностей русской культуры, привлекли внимание императрицы. Ушинский прекрасно понимал, что движение вперед для современной школы и преподавания на всех уровнях, от начального до высшего, должно было основываться на православном миросозерцании, уважении и понимании принципов монархической власти, на постулатах должным образом понятого и осознанного патриотизма. Без этих основ педагогика становилась в России беспринципной, представлялась лишь хаотичным методом образования, идеей механического накопления знаний, но не практической наукой формирования личности, понимающей свою роль в жизни российского общества, столь непохожего на европейское.

Императрица находила в трудах выдающегося педагога идеи, которые определяли теорию и практику не только и не столько формирования образованной личности, а последовательного воспитания учащихся, поддержку процесса созревания в их душах и умах понимания глубины и уникальности окружающего мира. На такое «образовательное воспитание», по мнению выдающегося учителя, имел право любой человек, включая выходцев из малообеспеченных семей и до наследника российского престола.

Ушинский собрал и пригласил на работу в Смольный институт круг своих близких людей, с которыми он сотрудничал ранее. «Лучшие педагоги того времени считали счастьем служить под руководством К.Д. Ушинского. К нему сами шли наиболее талантливые преподаватели, увлеченные его идеями, стремлениями и начинаниями. Члены дружной педагогической семьи К.Д. Ушинского на всю жизнь сохранили теплую, благодарную память о времени совместной работы в Смольном с великим русским педагогом» [Черепнин 1915, с. 305]. «Мы думали обновить Россию только упорным трудом и светом образования», писал впоследствии о настроениях в кружке К.Д. Ушинского его ученик, сподвижник и последователь, автор книг о педагогике Д.Д. Семенов [Семенов 1897, с. 3].

В Смольном институте за три года трудов Ушинский ввел в практику ряд изменений, которые не всеми коллегами были встречены с одобрением. Он нажил много врагов, что привело позднее к необходимости уйти из учебного учреждения. Но Ушинский сократил с девяти до семи лет срок обучения в институте. Он заложил в умах преподавателей идеологически важное оружие против бездарности и русофобии – благодаря ему основой образовательного процесса стало изучение русского, или, как тогда говорили – отечественного языка. В младших классах было введено наглядное обучение. Преподавание многих гуманитарных предметов стало более углубленным и весомым. При этом особая роль отводилась математике как основе развития логического мышления. Чтение книг, в первую очередь художественной литературы, становилось основой формирования вкуса, без которого даже образованный человек не мог стать полноценной личностью.

Педагогический класс, открытый в Смольном институте Ушинским, в дальнейшем стал кузницей преподавательских кадров для различных школ, гимназий и институтов России. По мнению педагога, которое совпадало с мнением императрицы, поддерживающей данное начинание, женщина-педагог – это вполне естественно, ибо в женщине самой природой уже заложены материнские педагогические наклонности [Ушинский 2015, с. 23].

Следует отметить, что учебная реформа К.Д. Ушинского за три года показала реальные возможности изменений в сфере народного просвещения. Педагог на практике упразднил сословное разделение, ввел новую «наглядную» практику преподавание предметов на русском языке, а девушки, наконец, получили возможность проводить свои каникулы и праздники у родителей, тогда как старые правила это запрещали.

Кроме Смольного института, Ведомство учреждений императрицы Марии содержало десятки созданных в разные времена образовательных учреждений, куда входили женские школы, гимназии, институты, почти 100 детских приютов, а также богадельни, больницы, благотворительные общества и воспитательные дома. Среди них были Мариинские гимназии и училища, появление которых связано с именем императрицы Марии Александровны. Женское образование для широких слоев общества, уменьшение роли закрытых женских учреждений – все это стало происходить именно в те годы. Требовались новые, более демократичные по форме, но и более качественные по содержанию нормы обучения и воспитания в сфере женского образования.

В марте 1858 г. был высочайше утвержден составленный при поддержке императрицы Марии Александровны инспектором Павловского института Н.А. Вышнеградским проект учебного заведения для приходящих девочек, которое потом стали называть Мариинским женским училищем. Обучалось сразу 250 девочек, хотя могло быть и более [Полное собрание Законов Российской Империи 1860, с. 316]. По итогам обучения выдавался аттестат, который давал звание домашней учительницы. Дальнейшее образование можно было получать на педагогических курсах. Первое такое училище открылось в Санкт-Петербурге в присутствии императрицы Марии Александровны. Его попечителем стал управляющий Ведомством учреждений Императрицы Марии принц П.Г. Ольденбургский. После принятия в январе 1862 г. «Устава училищ для приходящих девиц» [Полное собрание Законов Российской Империи 1865, с. 20], Мариинское училище переименовали в Мариинскую женскую гимназию. Так было положено начало всесословного женского образования в России.

Одной из важных целей женских гимназий было желание дать девушкам воспитание и образование как будущим женам и матерям. Император Александр II в 1859 г. отметил: «В открытых училищах для приходящих девиц, доступных всем сословиям, как и в институтах, дети, утверждаясь в правилах

веры и благочестия... приготавливаются к достижению предназначенной им цели быть настоятельницами и рукодельницами будущих поколений» [О действиях Главного Совета женских учебных заведений по отчету за 1858 год, л. 31].

В 1897 г. в России насчитывалось более 70 Мариинских гимназий, в них каждый год обучалось около 6000 девиц [Шумигорский 1897, с. 25–30]. К 1911 г. было открыто 35 Мариинских женских гимназий, в которых учились 16000 воспитанниц [Зимин 2019, с. 62].

Важным воплощением педагогических идей императрицы Марии Александровны стали епархиальные женские училища для девочек из семей духовенства. Впервые такие заведения возникли в 1840-х годах при императоре Николае I. В 1848 г. училища перешли под попечение Марии Александровны и митрополита Московского и Коломенского Филарета. Спустя 26 лет под покровительством императрицы находилось уже 11 епархиальных женских училищ. Позднее в епархиальные училища стали принимать девочек из других сословий.

Императрица Мария Александровна воплощала свои педагогические задачи и за пределами России – на Балканах и в Святой Земле. Под ее покровительством и на ее личные средства в столице княжества Черногория Цетинье в 1869 г. открыли институт для девочек, начальницами которого были русские преподавательницы. В их задачи входило воспитывать благочестивых, кротких и добронравных девушек, которые будут самым благотворным образом влиять на окружающую их среду, а также смогут стать наставницами и учительницами [Ровинский 1895, с. 11]. В окрестностях Иерусалима, в городе Бейт-Джала, на средства Марии Александровны с 1866 г. содержалась школа для арабских девочек. Это было первое на тот момент русское учебное заведение в Палестине. Школа затем была преобразована в женскую учительскую семинарию Императорского Православного Палестинского Общества [Лисовой 2007, с. 280].

Второе направление педагогической деятельности императрицы Марии Александровны, которое было связано с обучением, воспитанием и формированием мировоззрения потомков императорской семьи, в первую очередь – ее детей. Следует отметить, что здесь деловые отношения ее с педагогом К.Д. Ушинским, а также знание его трудов прослеживаются не менее обширно и последовательно.

Императрица Мария Александровна главные усилия в сфере воспитания и образования в семье сосредоточила на своем старшем сыне, цесаревиче Николае Александровиче, который, как считается, был ее любимом ребенком и, по ее мнению, более всего походил на нее саму [Zeerpat 2000, p. 36].

Дети императрицы воспитывались в строгости. Хотя в своих воспоминаниях один из воспитателей младших сыновей Марии Александровны адмирал Д.С. Арсеньев писал: «Императрица... чуждая всякой суетности и мелкой жизни, была к самой себе очень строга, но в отношении к своему супругу и своим

детям... думала, что нельзя требовать от других такого возвышенного и такого строгого взгляда на жизнь... Она боялась, чтобы такая жизнь не показалась Государю и детям ее, да и обществу, скучною, узкою и противною... И поэтому она всегда старалась, чтобы дети её, воспитанные в истинно-христианском направлении, в то же время не чуждались удовольствий и развлечений» [Из воспоминаний генерал-адъютанта адмирала Д.С. Арсеньева 1911, с. 583].

Некоторое время у детей была одна няня. Императрица считала это важным, ибо таким образом соблюдалось равенство образования [Великий князь Сергей Александрович 2006, с. 122]. Няня была англичанкой, с именем на русский лад: Екатерина Ивановна Струттон. Она вырастила всех детей императрицы Марии Александровны, кроме, цесаревича Николая Александровича [Об определении Струттон, л. 1–21].

Занимались образованием детей также фрейлина высочайшего двора А.Ф. Тютчева, родственница графа Л.Н. Толстого фрейлина А.А. Толстая, поэт В.А. Жуковский, историк Д.А. Милютин. «Мятежный» князь П.А. Кропоткин отмечал позднее, что императрица Мария Александровна старалась, чтобы ее сын Николай Александрович посещал лучшие занятия в отдельных учебных заведениях: в частности, он посещал уроки алгебры капитана Сухонина, которые тот давал в Пажеском корпусе, «наследник сидел на скамье вместе с другими и, как все, отвечал на вопросы» [Кропоткин 1906, с. 70].

Одним из преподавателей детей императрицы был русский правовед, историк, психолог и публицист К.Д. Кавелин – несмотря на его дружбу с А.И. Герценом [Кропоткин 1902, с. 142]. Среди преподавателей в императорской семье можно выделить историка С.М. Соловьева. Курс русского языка и литературы наследнику читал писатель И.А. Гончаров.

Со своей стороны, император Александр II считал важным, чтобы дети получили воспитание, соответствующее главным традициям и принципам, принятым в семье его отца, императора Николая I. Он пытался передать детям мысль о то, что «только нашим образованием и службой мы можем вознаградить то, что мы родились Великими князьями» [Алексей Александрович, л. 69 об].

В итоге отличительной особенностью образования в императорской семье стала постоянная смена педагогов-наставников, а также перемены образовательных программ [Сидорова 2016, с. 272]. Только при появлении К.Д. Ушинского появились попытки создать целенаправленный и по возможности единый план обучения в семье, как это было при Николае I, когда в середине 1820-х годов В.А. Жуковский подготовил «План учения его императорского высочества государя Великого князя наследника Цесаревича Александра Николаевича» [Киселев, Жиликова 2014, с. 125–136].

Среди многочисленных трудов Ушинского особо выделялись его знаменитые «Письма о воспитании наследника русского престола», созданные, как это принято считать, специально и по просьбе императрицы Марии Александровны

около 1859 г. Можно даже предположить, что они были предметом внутреннего рассмотрения, не для публики. Широкий доступ читателей и исследователей к ним стал возможен лишь после их публикации в 1908 г. [Острогорский 1908].

Факт появления таких писем, связанных с возможным созданием плана воспитания наследника цесаревича Николая Александровича, является пока еще предметом дискуссий среди исследователей. Неясно в точности, когда эти письма были написаны, сколько их было или предполагалось (известно четыре письма), был ли это заказ со стороны императрицы или инициатива Ушинского, читала ли она все письма или ознакомилась с ними частично, были ли ответы автору с ее стороны.

Одним из первых кто определил, что письма К.Д. Ушинского создавались для императрицы Марии Александровны или были ею заказаны, стал личный секретарь Ушинского А. Фролков. По мнению Фролкова, заказ на создание таких писем о воспитании наследника престола был сделан императрицей Марией Александровной в Италии, в 1866 г., во время ее встречи с Ушинским [Фролков 1881, с. 38]. Но наследник престола к тому времени уже год как скончался. Это же заметил в своей книге историк педагогики В.Я. Струминский, указав странную дату: «Письма о воспитании наследника Ушинский писал еще в 1849 г.» [Струминский 1960, с. 15], т.е., когда наследнику исполнилось шесть лет. Хотя в тексте писем речь идет о воспитании 16-летнего наследника: «16-летний возраст, – пишет Ушинский, – это именно то время, когда начинает формироваться в человеке убеждение... Только теперь настает пора воспитания идеи, мысли, таинственная формация взглядов на жизнь и убеждений...» [Острогорский 1908, с. 129–130].

Струминский ссылаясь на коллегу и сподвижника Ушинского Д.Д. Семенова, который вспоминал, что педагог часто встречался с императрицей Марией Александровной в период работы в Гатчинском сиротском институте: «Императрица посещала институт и беседовала с Ушинским в Гатчинском парке» [Семенов 1895, с. 10–20]. То есть работа над письмами могла начаться до 1859 г. Струминский сделал из этого вывод, что именно в это время императрица была озабочена составлением плана воспитания наследника престола и попросила Ушинского сделать предварительные предложения [Струминский 1960, с. 167–168].

Датирование работы над письмами – 1859 год, а также их адресата вскоре приняли другие исследователи жизни и трудов К.Д. Ушинского. Среди них М. Песковский [Песковский 1892] и указанный нами В.Я. Струминский: «Из царского дворца Ушинский получил предложение высказаться о воспитании наследника престола» [Струминский 1943, с. 32].

Предысторией этого труда Ушинского являются события, связанные с более интенсивными поисками наставников и преподавателей для императорской семьи именно в это время. До 1856 г. «инспектором классов» великих

князей служил Я.К. Грот [Глинский 1896, с. 255–262]. В апреле 1856 г. министр иностранных дел Российской империи князь А.М. Горчаков, пользовавшийся расположением императрицы Марии Александровны, подготовил «План инструкции руководителю образованием наследника престола» [Татищев 2002, с. 105]. В том же апреле 1856 г. по просьбе императрицы Александр II утвердил в качестве наставника для наследника престола дипломата В.П. Титова, которого опекал Горчаков [Татищев 2002, с. 145].

По воспоминаниям современников, «Титов, искренно представляя себе, что он изобрел гениальную вещь и дошел до апогея в понимании века, сочинил проект особого учебного заведения – не то гимназии, не то лицея, в котором великие князья должны были учиться вместе с дворянскими и сановными детьми», и что идею эту он «взял отчасти из Англии, отчасти из летописей германских университетов, совсем забыв, что такое воспитание для наследника престола у нас, по нашим нравам, во многом с ними не могло согласовываться» [Мещерский 2003, с. 10].

Проект был отклонен императрицей Марией Александровной [Мелентьев 2017, с. 41]. Титов был уволен, в 1858 г. наставником великих князей стал А.Т. Grimm [О воспитателях Великих князей, Л. 1–10]. В 1859 г. попечителем наследника был назначен граф С.Г. Строганов, бывший попечитель Московского университета. Тогда цесаревича Николая Александровича окончательно «отделили от братьев» [Мемуары графа С.Д. Шереметева 2001, с. 193], а в 1860 г. были уволены воспитатели императорских сыновей по военному делу – Н.В. Зиновьев, Н.Г. Казнаков и Г.Ф. Гогель.

Становится очевидным, что появление «Писем о воспитании наследника русского престола» К.Д. Ушинского имело отношение к указанным событиям. В «Письмах» наиболее сжато и последовательно сформулированы взгляды автора на современную педагогику и на развитие отечественной педагогической мысли. Жанр педагогических писем известен еще со времен Песталоцци, который, как известно, назвал свое произведение «Письма к матери о физическом и духовном воспитании ее детей». Жанр писем избрал и Ушинский, хотя это могли быть и реальные послания, которые он направлял императрице Марии Александровне. В жанре писем публиковался в то время сподвижник Ушинского, теоретик педагогики В.И. Водовозов («Зарубежные письма»), а также и воспитатели наследника¹.

Чтобы проследить влияние, которое оказали труды К.Д. Ушинского и его послания на педагогические воззрения императрицы (считая ее адресатом посланий), нужно сравнить некоторые высказывания Марии Александровны

1. «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма», написанные позднее его наставниками К.П. Победоносцевым и И.К. Бабстом.

с тезисами выдающегося педагога из его «Писем». В итоге приоткрывается некоторая картина глубинной работы, проделываемой в верхнем эшелоне власти и затем – в общественном сознании, относящаяся ко второй половине XIX столетия и затрагивающая сферу развития и реформирования воспитания и образования в Российской империи².

С первых же строк первого письма Ушинского мы видим, что императрица достаточно хорошо и с пристрастием изучала его труды и нововведения. «Вы слишком снисходительны были ко мне, – пишет Ушинский, – и слишком высоко оценили меня, выразив желание, чтобы я изложил Вам письменно мысли свои о воспитании... Я сначала раскаивался было в обещании, данном Вам, но потом, вспомнив все те педагогические советы и мнения, с которыми я до сих пор встречался в С.-Петербурге, решился высказать и мое слово...» (письмо первое). «Высокая оценка» с ее стороны не могла быть лишь только проявлением вежливости. И следующие слова педагога явно высказаны как итог состоявшихся между ними бесед о воспитании в России: «Это дело так близко сердцу каждого русского человека, так тесно связано с благодеянием его родины, так близко, современно и действительно, что об нем нельзя рассуждать с той решительностью, с которой можно говорить о самых важных вопросах человеческой жизни» (письмо первое).

«Мне как-то странно говорить об этом предмете в письмах к вам», – замечает автор текста в первом письме, а это дает подсказку о том, что, возможно, жанр писем был определен не самим Ушинским, а совместно, в процессе бесед с императрицей, для того чтобы не придавать тексту значения официального документа, сохранить свободу выражения мысли, напоминающую частный разговор.

Итак, наследнику цесаревичу уже 16 лет. Что делать, когда он фактически вырос и имеет вполне сформировавшиеся взгляды на жизнь? «Не поздно ли уже рассуждать о воспитании? Не миновала ли пора воспитания? Не начинается ли пора примеров, деятельности?.. Не скрою, что ходят слухи, что в первоначальном воспитании наследника было много упущено. Но я не придавал этих слухам никогда большого значения» (письмо первое).

Образованность или знания Ушинский не считает главным делом воспитания. «Недостаток тех или иных фактических научных сведений не имеет для наследника большого значения. При тех средствах, которыми обладает воспитание при такой высокой сфере, недостаток фактических сведений может быть пополнен быстро, легко и незаметно. Дело здесь не в фактических сведениях, но в том душевном и умственном развитии, которое дается идеею науки. Дело же воспитателя в том и состоит, чтобы, сбросивши с науки все педагогические ее формы, приблизить ее к пониманию слушателя» (письмо первое).

2. Письма К.Д. Ушинского цитируются по изданиям: [Острогорский 1908, с. 128–148; Ушинский 1999, с. 82–88; Ушинский 2015, с. 185–221].

В центре внимания и для него, и для Марии Александровны – христианские принципы в воспитании и образовании. «Современная педагогика, – писал Ушинский, – исключительно выросла на христианской почве, и для нас нехристианская педагогика есть вещь немыслимая – безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди» [Ушинский 1950, с. 452]. А в третьем его письме читаем следующее: «Философская опора общественной нравственности, сильно поддерживаемая правительством положительными, но не отрицательными мерами; такой исход естественному чувству любви к отчизне необходим, неизбежен для каждого великого общественного организма». Сходное понимание проблемы находим и у императрицы, которая в одном из своих рескриптов отметила: «Цели: готовить через воспитание своих питомцев к строгому и добросовестному исполнению различных обязанностей, предстоящих им за институтским порогом на многотрудном жизненном пути», придерживаться «твёрдых правил христианского образования и чистой нравственности, несокрушимой преданности Царю и Отечеству и... святой любви к труду» [Бардовский 1913, с. 118]. В одном из писем в 1863 г. она пишет: «Детям скажите, что я их благословляю и молю Бога, да сохраняются навсегда в их сердцах христианские убеждения, внушенные им» [там же, с. 107].

Можно заметить и другие параллели в их представлениях о воспитании, причем, в, казалось бы, разных по цели высказываниях. Например, Ушинский пишет о воспитании и о воспитателе наследника (письмо первое): «Я полагаю, что в воспитателе наследника всего важнее его собственное убеждение, потому что надеть маску каких бы то ни было убеждений в деле воспитания невозможно. Юность чрезвычайно чутка, и мертвящий холод притворства нечувствительно, бессознательно, отразится в воспитании. Боже мой! Как должен быть уверен человек в чистоте, искренности, истине и народности своих убеждений, который принимает на себя обязанности стать бдительным стражем при образовании убеждений будущего русского монарха! Конечно, о личных расчетах здесь и речи быть не может. Можно извлекать им выгоды из всего, но только не из будущего благосостояния русского народа». Императрица рассуждает о том же, давая характеристику предполагаемого духовного наставника и воспитателя для сына: «Я бы хотела, чтобы он посвятил себя совершенно детям, чтобы он был им духовник, наставник, друг, товарищ и, мало того, – руководитель и советник самих воспитателей. Словом, чтобы он не был бы слишком мягок, не был бы снисходителен, но сердечность мне необходима для детей прежде всего; чтобы он был тверд, но не фанатик, чтобы он так слился с жизнью детей, что сделался бы необходимым ее элементом, имея в виду лишь пользу церкви и их спасение, а не мнение света, но я не хочу, чтобы в душу его запала бы хотя малейшая капля протестантизма, и очень тоже я дорожу учебной частью Закона Божьего» [Арсеньев 2018, с. 408].

Взгляды учителя и императрицы на патриотическое воспитание вполне сходились. Ушинский отмечает (письмо первое): «Узнать духовные потребности народа может только русский, который сам в себе их перечувствовал. Потому что эти потребности чужды иностранцу. Самый простой человек, если захочет сделать сына своего полезным русским гражданином, а не космополитом сего мира, вероятно, не прибегнет с просьбою об этом к иностранцу». Императрица оставляет следы своих размышлений в разработанном с ее участием Уставе епархиальных женских училищ 1868 года: наша цель – «воспитание девиц в правилах благочестия по учению православной церкви и в русском народном духе, с тем, чтобы воспитанницы могли впоследствии иметь благотворное влияние на окружающую среду строгою нравственною жизнью и деятельным исполнением семейных обязанностей» [Семенов 1893, с. 29].

Видимо, многие положения, высказанные Ушинским в его «Письмах о воспитании наследника русского престола», были позитивно встречены императрицей Марией Александровной. Это видно из замечания Ушинского в самом конце четвертого письма: «Высокое же внимание, которого были удостоены первые мои два письма, налагает на меня святую обязанность говорить везде правду... В первый раз в жизни моей дала мне судьба возможность высказать истину в такой высокой сфере, где слово может всегда сделаться делом». Подробный анализ темы возможной переписки или же устных отзывов и восприятия государыней идей Ушинского, еще предстоит сделать исследователям, что возможно по мере углубления в архивы императорской семьи и поступления в научный оборот новых находок из наследия выдающегося русского педагога.

Актуальность трудов К.Д. Ушинского, а также сохранившихся и дошедших до нас замечаний о педагогике императрицы Марии Александровны – очевидна и важна и в наши дни. Понимая друг друга, следуя единой цели в этом направлении, они во главу угла ставили воспитание нравственности, предполагали гуманность и разносторонность обучения лиц из разных сословий, без давления и физического насилия. Система образования должна была развивать заложенные в ребенке природные способности. И система эта предполагала подключить к решению этих задач также школу (училище, гимназию, институт), семью и общество. Многие из этих задач мы продолжаем решать до сих пор, что говорит об их сложности и особенной для познания и практического применения глубине.

Библиография

- Алексей Александрович. Дневник 1862–1907 // ОР РНБ. Ф. 890. Ед. хр. 83. Л. 69об.
Арсеньев Д.С. Жизнеописание Императрицы Марии Александровны. 1838–1854. М.: Кучково поле; Воевода, 2018. 560 с.
Бардовский А.Ф. Патриотический институт. СПб.: тип. Т-ва Е. Вейерман и К, 1913. 285 с.
Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн.1: 1857–1877. М.: Новоспасский монастырь, 2006. 448 с.

Гаврилова Т.Н., Паладьев С.Л. Воспитательная система Смольного института благородных девиц // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 45–52.

Глинский Б. Наставник царских детей // Исторический вестник. 1896. Т. 63. № 1. С. 255–262.

Зимин И.В. Императрица Мария Александровна (1824–1880) // Российская благотворительность под покровительством Императорского Дома Романовых. Каталог выставки. М.: Союз-Дизайн, 2019. 455 с.

Из воспоминаний генерал-адъютанта адмирала Д.С. Арсеньева. 1876–1878 // Русский архив. 1911. Вып. 12. С. 567–638.

Киселёв В. С., Жиликова Э. М. «План учения... наследника цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6. С. 125–136.

Кропоткин П.А. Записки революционера // Перевод с английского под редакцией автора. Лондон, 1902. 420 с.

Кропоткин П. Записки революционера. Лондон; СПб.: «Свободная мысль», 1906. 435 с.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: Индрик, 2007. 512 с.

Мелентьев Ф.И. Воспитание и образование наследника престола в проектах В.П. Титова 1856–1858 гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 1. С. 11–57.

Мемуары графа С.Д. Шереметева. М.: Индрик, 2001. 735 с.

Мещерский В.П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. 860 с.

О воспитателях Великих князей. РГИА. Ф. 540. Оп. 1 (17/1369). Д. 46. Л. 1–16.

О действиях Главного Совета женских учебных заведений по отчету за 1858 год // РГИА. Ф. 761. Оп. 1. Д. 1305. Л. 31.

О назначении цесаревны Марии Александровны // РГИА. Ф. 759. Оп. 19. Д. 3039. Л. 3.

Об определении Струттон // РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 235. Л. 1–21.

Острогорский А.Н. Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского (материалы для «Педагогической антропологии», т. III и материалы для биографии). СПб.: Книгопеч. Шмидт, 1908. 172 с.

Папка с молитвами и выписками из Священного писания // ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

Песковский М. К.Д. Ушинский, его жизнь и педагогическая деятельность. СПб.: тип. Ю.Н. Эрлих, 1893. 80 с.

Письма к императрице Марии Федоровне Александра III // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 709. Л. 15.

Победоносцев К.П. Приветствие старого воспитателя Великому князю в день его совершеннолетия // Старина и новизна. 1907. Кн. 12. С. 1–9.

Полное собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. СПб., 1860. Т. 33. № 32873. С. 316.

Полное собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. СПб., 1865. Т. 37. № 37849. С. 20.

Помелов В.Б. Работа К.Д. Ушинского в Смольном институте благородных девиц. К 200-летию со дня рождения великого русского педагога // Вестник Вятского Государственного университета. 2023. № 2 (148). С. 90–100.

Поповкин А. Российская императрица Мария Александровна (1824–1880). М.: Тончу; ЕСПО, 2018. 256 с.

Ровинский П.А. Девичий институт Императрицы Марии в Цетинье в Черногории. СПб.: СПб. слав. благотвор. о-во, 1895. 90 с.

Селезнев И.Я. L [Пятидесятилетие] IV отделения Собственной Е. И. В. канцелярии: Хроника Ведомства учреждений Императрицы Марии. СПб.: Тип. В. Демакова, 1878. 871 с.

Семенов Д. Влияние школы и среды на развитие природного таланта. По поводу смерти Л.Н. Модзалевского. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1897. 17 с.

Семенов Д.Д. Из пережитого // Русская школа. 1895. № 1. С. 10–20.

Семенов Д.Д. Епархиальные женские училища за первое 50-летие их существования // Русская школа. 1893. № 9–10. С. 29–45.

Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности). Дисс. на... канд. ист. наук. М., 2016. 311 с.

Струминский В.Я. Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870). М.: Молодая гвардия, 1943. 69 с.

Струминский В.Я. Очерки жизни и педагогической деятельности К.Д. Ушинского. М.: Учпедгиз, 1960. 348 с.

Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. М.: Рос. фонд культуры и др., 2002. С. 5–442.

Ушинский К.Д. Педагогические сочинения в 6 т. М.: Педагогика, 1990. Т. 5. 526 с.

Ушинский К.Д. Письма о воспитании наследника русского престола [1859 г.] // Педагогика. № 5. 1999. С. 82–88.

Ушинский К.Д. Русская Школа. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 688 с.

Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11 т. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1950. Т. 10. 668 с.

Фролков А. К.Д. Ушинский. Краткий биографический очерк. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1881. 66 с.

Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк: 1764–1914 гг. Пг: Гос. тип., 1915. Т. 2. 671 с.

Шумигорский Е.С. Ведомство учреждений Императрицы Марии (1797–1897). СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1897. 32 с.

Щюц П.Я. Открытие Коломенского женского училища в Санкт-Петербурге 8-го октября 1858 г. СПб.: Тип. Я. Трея, 1858. 16 с.

Rambaud A. L'Éducation des filles en Russie et les gymnases de femmes // Revue des deux Mondes. 2e période. Paris, 1873. Т. 104. 15 Mars. P. 325–326.

Zeepvat Ch. Romanov Autumn: Stories from the last century of Imperial Russia. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 2000. 288 p.

References

Aleksej Aleksandrovich. Dnevnik [Diary] 1862–1907 // Manuscripts department of the Russian National Library (OR RNB). F. 890. Ed. hr. 83. L. 69 ob. (In Russ.)

Arsen'ev D.S. Zhizneopisanie Imperatricy Marii Aleksandrovny [The Life of Empress Maria Alexandrovna]. 1838–1854. Moscow: Kuchkovo pole; Voevoda, 2018. 560 p. (In Russ.)

Bardovskij A.F. Patrioticheskij institute [The Patriotic Institute]. St. Petersburg: Printing House of E. Weyermann & Co., 1913. 285 p. (In Russ.)

Cherepnin N.P. Imperatorskoe vospitatel'noe obshchestvo blagorodnyh devic. Istoricheskij ocherk: 1764–1914 gg. [The Imperial Educational Society for Noble Maidens: A Historical Essay, 1764–1914]. Petrograd: State Printing House, 1915. Vol. 2. 671 p. (In Russ.)

Frolkov A. K.D. Ushinskij. Kratkij biograficheskij ocherk [K.D. Ushinsky: A Brief Biographical Sketch]. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich, 1881. 66 p. (In Russ.)

Gavrilova T.N., Palad'ev S.L. Vospitatel'naya sistema Smol'nogo instituta blagorodnyh devic [The Educational System of the Smolny Institute for Noble Maidens]. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2021. № 2 (119). P. 45–52. (In Russ.)

Glinskij B. Nastavnik carskih detej [The Tutor of the Tsar's Children]. Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin]. 1896. Vol. 63. N 1. P. 255–262. (In Russ.)

Iz vospominanij general-ad'yutanta admirala D. S. Arsen'eva. 1876–1878 [From the Memoirs of Adjutant General Admiral D. S. Arseniev, 1876–1878]. Russkij arhiv [Russian Archive]. 1911. Iss. 12. P. 567–638. (In Russ.)

Kiselyov V.S., Zhilyakova E.M. «Plan ucheniya... naslednika cesarevicha Aleksandra Nikolaevicha» v kontekste pedagogicheskogo naslediya V.A. Zhukovskogo [“The Study Plan of the Heir, Tsarevich Alexander Nikolaevich’ in the Context of V.A. Zhukovsky’s Pedagogical Legacy”]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]. 2014. N 6. P. 125–136. (In Russ.)

Kropotkin P.A. Zapiski revolyucionera [Memoirs of a Revolutionist]. Perevod s anglijskogo pod redakciej avtora [Translated from English under the author’s editorship]. London, 1902. 420 p. (In Russ.)

Kropotkin P. Zapiski revolyucionera [Memoirs of a Revolutionist]. London; St. Petersburg: Free Thought Publishing House, 1906. 435 p. (In Russ.)

Lisovoj N.N. Russkoe duhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX - nachale XX v. [Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Indrik, 2007. 512 p. (In Russ.)

Melent’ev F.I. Vospitanie i obrazovanie naslednika prestola v proektah V.P. Titova 1856–1858 gg. [The Education and Upbringing of the Heir to the Throne in the Projects of V.P. Titov, 1856–1858]. Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo [Dmitry Pozharsky University Bulletin]. 2017. N 1. P. 11–57. (In Russ.)

Memuary grafa S.D. Sheremeteva [Memoirs of Count S.D. Sheremetev]. Moscow: Indrik, 2001. 735 pp. (In Russ.)

Meshcherskij V.P. Moi vospominaniya [My Memoirs]. Moscow: Zakharov, 2003. 860 p. (In Russ.)

O dejstviyah Glavnogo Soveta zhenskikh uchebnykh zavedenij po otchetu za 1858 god [On the Activities of the Main Council of Women’s Educational Institutions According to the Report for 1858]. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 761. Op. 1. D. 1305. L. 31. (In Russ.)

O naznachenii cesarevny Marii Aleksandrovny [On the Appointment of the Tsarevna Maria Alexandrovna]. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 759. Op. 19. D. 3039. L. 3. (In Russ.)

O vospitatel’nykh Velikikh knyazej [On the Tutors of the Grand Dukes]. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 540. Op. 1 (17/1369). D. 46. L. 1–16. (In Russ.)

Ob opredelenii Strutton [On the Appointment of Strutton]. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 522. Op. 1. D. 235. L. 1–21. (In Russ.)

Ostrogorskij A. N. Sobranie neizdannykh sochinenij K. D. Ushinskogo (materialy dlya «Pedagogicheskoy antropologii», t. III i materialy dlya biografii) [Collection of Unpublished Works by K. D. Ushinsky (Materials for “Pedagogical Anthropology,” Vol. III, and Biographical Materials)]. St. Petersburg: Schmidt Printing House, 1908. 172 p. (In Russ.)

Papka s molitvami i vypiskami iz svyashchennogo pisaniya [Folder with Prayers and Extracts from the Holy Scriptures]. State archive of the Russian Federation (GA RF). F. 641. Op. 1. D. 14. L. 48. (In Russ.)

Peskovskij M. K. D. Ushinskij, ego zhizn’ i pedagogicheskaya deyatel’nost’ [K.D. Ushinsky: His Life and Pedagogical Activity]. St. Petersburg: Printing House of Yu. N. Erlikh, 1893. 80 p. (In Russ.)

Pis’mo k imperatricy Marii Fedorovne Aleksandra III [Letters to Empress Maria Feodorovna from Alexander III]. State archive of the Russian Federation (GA RF). F. 642. Op. 1. D. 709. L. 15. (In Russ.)

Pobedonoscev K. P. Privetstvie starogo vospitatel’ya Velikomu knyazyu v den’ ego sovershenoletiya [Greeting from an Old Tutor to the Grand Duke on the Day of His Coming of Age]. Starina i novizna. 1907. Book 12. P. 1–9. (In Russ.)

Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii. Sobr. 2. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Series 2]. St. Petersburg, 1860. Vol. 33. N 32873. P. 316. (In Russ.)

Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii. Sobr. 2. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Series 2]. St. Petersburg, 1865. Vol. 37. N 37849. P. 20. (In Russ.)

Pomelov V.B. Rabota K.D. Ushinskogo v Smol’nom institute blagorodnykh devic. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya velikogo russkogo pedagoga [K.D. Ushinsky’s Work at the Smolny Institute for

Noble Maidens: On the 200th Anniversary of the Birth of the Great Russian Educator]. *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University]. 2023. N 2 (148). P. 90–100. (In Russ.)

Popovkin A. Rossijskaya imperatrica Mariya Aleksandrovna (1824–1880) [Russian Empress Maria Alexandrovna (1824–1880)]. Moscow: Tonchu; ESPO, 2018. 256 p. (In Russ.)

Rambaud A. L'Éducation des filles en Russie et les gymnases de femmes. *Revue des deux Mondes*. 2e période. T. 104. 15 Mars. Paris, 1873. P. 325–326.

Rovinskij P.A. Devichij institut Imperatricy Marii v Cetin'e v Chernogorii [The Institute for Young Ladies of Empress Maria in Cetinje, Montenegro]. St. Petersburg: St. Petersburg Slavic Charitable Society, 1895. 90 p. (In Russ.)

Seleznev I.Ya. L [Pyatidesyatiletie] IV otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. kancelarii: Hronika Vedomstva uchrezhdenij Imperatricy Marii [[Fiftieth Anniversary] of the IV Department of Her Imperial Majesty's Own Chancellery: Chronicle of the Department of the Institutions of Empress Maria]. St. Petersburg: Printing House of V. Demakov, 1878. 871 p. (In Russ.)

Semenov D. D. Iz perezhitogo [From What I Have Experienced]. *Russkaya shkola* [Russian School]. 1895. No. 1. P. 10–20. (In Russ.)

Semenov D.D. Eparhial'nye zhenskie uchilishcha za pervoe 50-letie ih sushchestvovaniya [Diocesan Women's Schools During the First Fifty Years of Their Existence]. *Russkaya shkola* [Russian School]. 1893. N 9–10. P. 29–45. (In Russ.)

Semenov D.D. Vliyanie shkoly i sredy na razvitie prirodnogo talanta. Po povodu smerti L.N. Modzalevskogo [The Influence of School and Environment on the Development of Natural Talent: On the Occasion of the Death of L.N. Modzalevsky]. Moscow: Typo-Lithography of V. Richter, 1897. 17 p. (In Russ.)

Shchütz P. Ya. Otkrytie Kolomenskogo zhenskogo uchilishcha v Sankt-Peterburge 8-go oktyabrya 1858 g. [The Opening of the Kolomna Women's School in St. Petersburg on October 8, 1858]. St. Petersburg: Printing House of Ya. Trey, 1858. 16 pp. (In Russ.)

Shumigorskij E. S. Vedomstvo uchrezhdenij Imperatricy Marii (1797–1897) [The Department of the Institutions of Empress Maria (1797–1897)]. St. Petersburg: Printing House of the "Public Benefit" Partnership, 1897. 32 p. (In Russ.)

Sidorova A.N. Vospitanie velikih knyazej v sem'yah imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoj deyatelnosti) [The Upbringing of Grand Dukes in the Families of Emperors Nicholas I and Alexander II (Preparation for State Service)]. Diss. na soisk. uch. st. kand. ist. Nauk [Ph.D. Dissertation in History]. Moscow, 2016. 311 p. (In Russ.)

Struminskij V.Ya. Konstantin Dmitrievich Ushinskij (1824–1870) [Konstantin Dmitrievich Ushinsky (1824–1870)]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1943. 69 p. (In Russ.)

Struminskij V.Ya. Ocherki zhizni i pedagogicheskoy deyatelnosti K.D. Ushinskogo [Essays on the Life and Pedagogical Activity of K.D. Ushinsky]. Moscow: Uchpedgiz, 1960. 348 p. (In Russ.)

Tatishchev S.S. Detstvo i yunost' velikogo knyazya Aleksandra Aleksandrovicha [The Childhood and Youth of Grand Duke Alexander Alexandrovich]. Velikij knyaz' Aleksandr Aleksandrovich: Sb. Dokumentov [Grand Duke Alexander Alexandrovich: Collection of Documents]. Moscow: Russian Cultural Foundation et al., 2002. P. 5–442. (In Russ.)

Ushinskij K.D. Pedagogicheskie sochineniya v 6 t. [Pedagogical Works in Six Volumes]. Moscow: Pedagogika, 1990. Vol. 5. 526 p. (In Russ.)

Ushinskij K.D. Pis'ma o vospitanii naslednika russkogo prestola [1859 g.] [Letters on the Upbringing of the Heir to the Russian Throne [1859]]. *Pedagogy*. N 5. 1999. P. 82–88. (In Russ.)

Ushinskij K.D. *Russkaya Shkola* [The Russian School]. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2015. 688 p. (In Russ.)

Ushinskij K.D. *Sobranie sochinenij v 11 t.* [Collected Works in Eleven Volumes]. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1950. Vol. 10. 668 p. (In Russ.)

Velikij knyaz' Sergej Aleksandrovich: biograficheskie materialy [Grand Duke Sergei Alexandrovich: Biographical Materials]. Vol. 1: 1857–1877. Moscow: Novospassky Monastery, 2006. 448 p. (In Russ.)

Zeepvat Ch. Romanov Autumn: Stories from the last century of Imperial Russia. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 2000. 288 p.

Zimin I.V. Imperatrica Mariya Aleksandrovna [Empress Maria Alexandrovna] (1824–1880). Rossijskaya blagotvoritel'nost' pod pokrovitel'stvom Imperatorskogo Doma Romanovyh. Katalog vystavki [Russian Philanthropy under the Patronage of the Imperial House of Romanov: Exhibition Catalogue]. Moscow: Soyuz-Design, 2019. 455 p. (In Russ.)

М.В. Вершинина

**ИМПЕРИЯ И «ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУША»:
АХМЕД-БЕК АГАЕВ О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КАСПИЙ»)¹**

***Аннотация.** В статье проводится анализ публикации Ахмед-бека Агаева (1869–1939) «О необходимости изучения Востока», вышедшей в бакинской русскоязычной газете «Каспий» (1881–1919) в 1898 г. Рассматриваемая в контексте интеллектуальной биографии автора, видного представителя местной тюрко-мусульманской интеллигенции нового типа, и общественно-политической жизни Баку на рубеже XIX–XX вв., статья интерпретируется как программный текст, отражающий поиск моделей интеграции мусульманских сообществ в социокультурное пространство Российской империи. Выявляется, что Агаев, выступая с позиций просвещенного империализма, критикует практику силовой русификации и предлагает альтернативную модель «взаимного духовного проникновения» центра и окраин. Ключом к созданию «общегосударственной души» (прообраза гражданской нации) он считает системное изучение языков, истории и культуры народов «Востока империи» по образцу западных колониальных практик, но с опорой на уникальную территориальную и культурную близость России и её азиатских владений. Текст представляет собой классический пример ориенталистского дискурса, звучащего, тем не менее, из уст мусульманского интеллектуала. Статья 1898 г. рассматривается как важный этап в эволюции взглядов А. Агаева.*

***Ключевые слова:** Российская империя; Южный Кавказ; Азербайджан; Ахмед-бек Агаев; газета «Каспий»; дореволюционная пресса; мусульманская интеллигенция; модернизация; ориентализм.*

**Вершинина Мария Валентиновна – младший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН. Россия, Москва.
E-mail: vermaa@yandex.ru
Researcher ID: KLZ-4538-2024
ORCID: 0009-0004-7746-6420**

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Vershinina M.V.

The Empire and the ‘All-State Soul’: Ahmed bey Agayev on the Necessity of Studying the East (Based on Materials from the Newspaper Kaspîi)

Abstract. *The paper presents an analysis of a publication by Ahmed bey Agayev (Agaoglu) (1869–1939) titled “On the Necessity of Studying the East,” which appeared in the Baku-based Russian-language newspaper Kaspîi (1881–1919) in 1898. Situated within the context of the author’s intellectual biography, as a prominent representative of the new local Turkic-Muslim intelligentsia, and the socio-political life of Baku at the turn of the twentieth century, the article is interpreted as a programmatic text. It reflects the search for models of integrating Muslim communities into the socio-cultural space of the Russian Empire. The analysis reveals that Ahmed bey Agayev, arguing from a position of enlightened imperialism, criticizes the practice of forced Russification and proposes an alternative model of “mutual spiritual penetration” between the centre and the periphery. He posits that the key to creating an “All-State Soul” (a prototype of a civic nation) lies in the systematic study of the languages, history, and cultures of the peoples of the “Empire’s East”, following the example of Western colonial practices, but leveraging Russia’s unique territorial and cultural proximity to its Asian possessions. The text constitutes a classic example of Orientalist discourse, albeit articulated by a Muslim intellectual. The article under study is considered an important stage in the evolution of Ahmed bey Agayev’s views.*

Keywords: *Russian Empire; South Caucasus; Azerbaijan; Ahmed bey Agayev (Agaoglu); Newspaper “Kaspîi”; pre-revolutionary press; Muslim intelligentsia; modernization; Orientalism.*

Vershinina Maria Valentinovna – Junior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: vermaa@yandex.ru

Researcher ID: KLZ-4538-2024

ORCID: 0009-0004-7746-6420

Введение

В 1898 г. в бакинской газете «Каспий» была опубликована любопытная статья под названием «О необходимости изучения Востока». Ее автором был указан некий «А. А.» – под псевдонимом скрывался один из наиболее активных публицистов газеты Ахмед-бек Агаев (1869–1939).

А. Агаев родился в г. Шуша Елизаветпольской губернии Российской империи в 1869 г. Начальное образование получил в традиционной мусульманской школе (*моллахане*), где изучал арабский и персидский языки, и параллельно по инициативе своей матери Тазе-ханум получал частные уроки по русскому языку. Затем учился в городской русской школе в Шуше, а после ее окончания в 1884 г. поступил в Шушинское реальное училище. Последний класс, отсутствующий в родном городе, посещал в Тифлисском реальном училище. За время

учебы познакомился с классической русской литературой, которая оказала значительное влияние на его мировоззрение [Akçuraoglu 2006, p. 113–114, Балаев 2020, с. 190, 193]. В 1888 г. отправился в Санкт-Петербург для поступления в Технологический институт, однако неудачно сдал один из вступительных экзаменов и принял решение уехать в Париж [Агаев 2019, с. 66, 69]. Предварительно усовершенствовав владение французским языком, приступил к обучению на юридическом факультете Сорбонны, дополнительно посещая занятия в Коллеж де Франс (фр. *Le Collège de France*), Высшей школе прикладных исследований (фр. *École des Hautes Études Pratiques*) и Школе живых восточных языков (фр. *École des Langues Orientales Vivantes*). В этот период А. Агаев углублял знание арабского и персидского языков, слушал лекции одного из ведущих специалистов по религии и культуре Ирана Джеймса Дармстетера, знакомился с работами ведущих интеллектуалов Франции – философа и историка Эрнеста Ренана, философа-позитивиста и исследователя культуры Ипполита Тэна, автора теории расового неравенства Артюра де Гобино и др. Как идеи Ренана, особенно о силе науки, природе нации и религии в контексте принципов свободы и рационализма, так и знакомство с мусульманским реформатором и идеологом панисламизма Джамал ад-Дином ал-Афгани, находившимся в то время в Париже, оказали большое влияние на взгляды А. Агаева [Akçuraoglu 2006, p. 115–117]. Стоит отметить, что в парижский период он ощущал свою принадлежность к иранской культуре [Жигульская 2018, с. 25–26]. В 1892–1898 гг. сотрудничал в тифлисской газете «Кавказ» (1846–1918) [Гулиев 2019, с. 10]. В 1894 г. вернулся в Россию и стал преподавать французский язык в одной из гимназий Тифлиса. В 1897 г. переехал в Баку и спустя некоторое время присоединился к редакции газеты «Каспий» в должности заведующего литературно-критическим отделом [Akçuraoglu 2006, p. 118, Гулиев 2019, с. 10].

Следует отметить, что с 1898 г., когда по инициативе бакинского нефтепромышленника и мецената Гаджи Зейналабдина Тагиева (1823–1924), годом ранее выкупившего газету вместе с типографией, на пост главного редактора газеты был назначен видный общественный деятель Алимардан-бек Топчибашев (1863–1934), начинается так называемый период «мусульманского «Каспия»». С этого времени стремительно растет количество материалов, посвященных насущным вопросам жизни тюрко-мусульманского населения региона, а также истории, литературе, культуре мусульманских народов мира. Статья А. Агаева вышла в первом же номере под редакцией А. Топчибашева (№133 от 24 июня 1898 г.), что придает ей особое значение.

Небезынтересно и место публикации этой статьи. Баку на рубеже веков представлял собой быстрорастущий промышленный и капиталистический центр, многоконфессиональный, поликультурный, в некоторой степени космополитичный город-порт, в котором на фоне активного развития нефтяного дела, железнодорожного и морского сообщения кипела общественная и куль-

турная жизнь. Эта среда выступала ареной борьбы альтернативных проектов модернизации, предлагаемых в том числе такими интеллектуалами нового типа, как А. Агаев.

Ключевые тезисы статьи А. Агаева

Статью «О необходимости изучения Востока» Ахмед-бек Агаев начинает с размышления о том, как географическое положение и историческая судьба России «стихийно и фатально» предопределили расширение ее границ: «Громадное русское ядро, расширяясь, с одной стороны, к Востоку, а с другой – к Югу, неминуемо должно было вовлечь в орбиту своего движения те народности, которых оно встречало на своем пути», – и отмечает, что в силу индустриального развития, урбанизации и роста численности населения, в частности рабочего класса, этот процесс продолжится [Гаджиева 2018, с. 157].

Однако в отличие от других империй, прежде всего европейских, Россия обладает уникальным преимуществом – «территориальной непрерывностью» и постепенностью культурных переходов со своими «окраинами». А. Агаев пишет: «В то время, как европейские государства отделены от своих внеевропейских владений огромными пространствами, громадными морями и океанами и обширными государствами, разноточаясь от них климатом, топографией, нравами, обычаями и степенью культурности, внеевропейские владения России представляют собой непрерывное продолжение ее, не представляя резких переходов ни в климате, ни в топографии, ни в нравах и обычаях или же в степени культурности» [Гаджиева 2018, с. 157–158].

По мнению автора, эта естественная близость, «в связи с присущей русскому человеку простотой, общительностью, религиозно-национальной терпимостью», облегчает «культурные задачи России на Востоке», заключающиеся в «ассимиляции и привитии русской культуры к ее азиатским владениям». Однако сами по себе, без вмешательства «сильной воли», т.е. государственной власти, эти благоприятные условия недостаточны для реализации цивилизаторской миссии. Ключом к успешной интеграции, по мнению А. Агаева, выступает «взаимное духовное проникновение», достигаемое через изучение языков, истории, обычаев покоренных народов с целью создания «общегосударственной души» [там же, с. 158–159].

Отмечается, что военная сила – «средство ненадежное и вообще недействительное», и если она выступает единственным связующим элементом между народами, то государство обречено на распад, что показывает пример «азиатских и всех вообще великих восточных азиатских империй» [там же, с. 159, 160]. Автор подчеркивает: «Связующим цементом между людьми служит их душа и чувства, а не их тело или территория, на которой они живут; без этого цемента, народы, скопленные на данной территории, будут похо-

доть на конгломерат, готовый распасться от малейшего дуновения ветра» [там же, с. 158].

«Высшими государственными задачами», по мнению А. Агаева, являются «взаимное духовное проникновение между центром и окраинами, выработка общегосударственной души, общие чувства и солидарность» [Гаджиева 2018, с. 159]. В деле реализации этих задач он предлагает обратиться к практическому опыту западноевропейских государств, подчеркивая, что «европейцы давно поняли все это и давно сделали в этом направлении большие и упорные усилия» [там же, с. 160].

Прежде всего, чтобы познакомить «свои владения с собой», власти организывают «так называемые смешанные школы (*écoles mixtes*), где дети, параллельно с изучением родного языка, истории и географии изучают также и государственный язык, историю и географию», и вводят государственные программы обучения духовенства. В обратную сторону, т.е. для повышения осведомленности метрополий о своих колониях, необходимы высшие учебные заведения, где готовят административную элиту, посредников между местным населением и колониальными властями – «будущих консулов, драгоманов, политических и дипломатических агентов, администраторов, судей и адвокатов». Большая роль отводится прессе, освещающей жизнь во «внеевропейских владениях» [там же, с. 161].

Однако, несмотря на приложенные усилия, европейские государства, по мнению А. Агаева, не вполне достигли своей цели в силу «естественных, непреодолимых препятствий». У Российской империи же есть все условия для этого; однако, сокрушается автор, «к сожалению, у нас в России очень мало внимания обращено на изучение Востока, имеющего, как мы видели выше, важное государственное значение». Подводя итог, А. Агаев подчеркивает, что только с преодолением предрассудков и ложных представлений, только с «лучшим знанием Востока» возможно «установление того гармонически однородного единого, которое должно составлять предмет вожделений наших государственных людей и нашей русской печати» [там же, с. 161, 162].

Сравнительный анализ и историческое значение статьи

Статья представляет собой крайне интересный образчик общественной мысли мусульман российского Закавказья на рубеже XIX–XX вв. Она обращена в первую очередь к местной русскоязычной элите, но шире – к кавказской администрации и центральным властям, столичной либеральной и консервативной интеллигенции, мусульманским интеллектуалам в других регионах России.

Отстаивая свой проект и выступая в роли посредника, А. Агаев приводит аргументы с позиций лояльного российской администрации интеллектуала и убежденного сторонника «просвещенного империализма», который непо-

средственно сталкивается с проблемами, порожденными существующей стратегией управления этнически и конфессионально разнородным населением на окраинах империи.

Статья А. Агаева в некотором отношении созвучна более позднему документу из другой среды – критическому докладу российского консула К. В. Иванова, написанному им в 1912 г. Указывая на системные проблемы в подготовке востоковедных кадров для Министерства иностранных дел, дипломат подвергает критике недостаточный уровень страноведческих знаний и языковой подготовки. Так же, как и Агаев, Иванов подчеркивает, что военная сила оказывается ненадежным способом в долгосрочной перспективе. И также призывает обратиться к опыту западных стран для модернизации существующей системы, прежде всего в сфере образования [Ларин 2023]. Оба автора смотрят на «Восток» с практической точки зрения, но с разных сторон, говоря при этом на одном языке, в логике концепции «русского дела на Востоке».

А. Агаев мыслит в рамках иерархичной модели «метрополия – окраина/колония» и по крайней мере в этой статье идентифицирует себя с правящей элитой, способной повлиять на политику на местах, вполне ясно определяя, какие вопросы управления и просвещения должны быть в фокусе внимания управленцев и какими методами можно достичь заявленных результатов.

Образ «восточных окраин», народов «Востока» и «Азии» создается в русле классического ориенталистского дискурса. В риторике Агаева они представлены как объект управления, чью «душу» необходимо «изучить» и «раскрыть» для достижения государственных целей. И, хотя автор сам является представителем «Востока», парадоксально, что «другим» для него выступает собственный народ, т. е. он попадает в ловушку самоориентализации/«колониальной мимикрии» [Said 1978, Bhabha 1997, Тольц 2006].

Разграничивая модели развития западных и Российской империй, А. Агаев, с одной стороны, создает положительную самоидентификацию, а с другой – предлагает вполне современный взгляд на классификацию империй XIX в. [Миллер 2013, Миллер 2010, Западные окраины 2006]. Другую свою статью в «Каспии» под ёмким названием «Цивилизаторы» А. Агаев начинает с ироничной фразы: «Люблю слушать европейцев, когда они в пышных дифирамбах развёртывают картину благодеяний, принесённых ими на Восток», – и далее приводит показательный, с его точки зрения, отрывок из письма, присланного в редакцию газеты: «Толпа английских авантюристов ежегодно возрастает; молодой англичанин, любитель хорошей наживы, не умеющий продолжать своё существование в Англии, приезжает сюда [в Баку], думая воспользоваться «дикарями» (так они называют бакинцев). Эти общественные отбросы, из коих ни один никогда не бывал в хорошем, порядочном обществе в Англии, сразу попадают в круг гостеприимных русских, татар и армян» [Агаев 2019, с. 38–41]. Статья требует отдельного рассмотрения, но из этого фрагмента вид-

но, что, во-первых, автор по-разному воспринимает представителей государствообразующих народов двух империй, а во-вторых, ставит русских в один ряд с другими этническими группами, составляющими гетерогенное «тело» Российской империи, стремясь усилить чувство солидарности.

Попытка создания подобного идеализированного образа бакинского общества и концепции надэтнической, бакинской идентичности особенно важна в условиях постоянной межэтнической напряженности в городе, о которой Агаев косвенно говорит в статье 1898 г.: «Связующим цементом между людьми служит их душа и чувства... без этого цемента... Они останутся чуждыми и закрытыми друг другу; страдания, потребности, нужды одного не будут понятны другому и зачастую останутся неудовлетворенными; отчужденность, подстрекательная ежедневными столкновениями интересов, будет все усугубляться и, наконец, приведет к фатальной пагубной вражде» [Гаджиева 2018, с. 159].

В своем проекте А. Агаев предлагает отказаться от насильственной русификации и силовых методов в пользу взаимного знакомства, названного в статье «духовным проникновением». Он выступает как «просвещенный модернизатор», предлагая план по интеграции периферии в модерное пространство империи. Он искренне верит в концепцию прогресса и, воспринимая России в качестве проводника, стремится ускорить процесс распространения благ «цивилизации» на окраины, чтобы поднять их уровень развития до общероссийского. Он с идеалистических и либеральных позиций воспринимает отношения государства и общества, пытаясь найти более справедливую и гуманную модель сосуществования народов внутри империи.

В этом смысле его статья удивительно созвучна с сочинением «Русское мусульманство» (1881) крымскотатарского интеллектуала и создателя бахчисарайской газеты «Терджиман» («Переводчик», 1883–1918 гг.) Исмаила Гаспринского (1851–1914), написанной более чем за 15 лет до публикации А. Агаева [Гаспринский 1881]. В обоих текстах звучат идеи единства и объединения народов, лояльности власти и в той или иной форме идет поиск места мусульманских сообществ в общероссийском контексте. Их обоих глубоко беспокоит проблема отчужденности мусульман в Российской империи, и в качестве примера подобного положения дел А. Агаев приводит недавние события в Андижане², когда местный житель Мухаммад Али Мадали, ишан суфийского тариката Накшбандиййа, организовал нападение на российский военный гарнизон под лозунгами газавата и восстановления Кокандского ханства.

Автор статьи подает этот эпизод в следующем ключе: «...непонимание духовных потребностей окраин, их отчужденность и обособленность от центра, отсутствие местной и внутренней связи между ними, а все это в свою оче-

2. Андижанское восстание произошло в мае 1898 г., а статья была опубликована в июне того же года.

редь приводит к возможности появления таких феноменов, как психопат Ишан и его сообщники-головорезы. Нет сомнения, что при лучшем знании Востока, при более умелом приспособлении к его особенностям, такие феномены были бы невозможны и немыслимы» [Гаджиева 2018, с. 161]. Для него очевидно, что главная причина подобных событий кроется в ошибках управления. Другими словами, непонимание и игнорирование «Востока» могут приводить к катастрофическим последствиям, тогда как его проект предлагает универсальное «лекарство» от подобных девиаций.

Статья А. Агаева пронизана духом европейского Просвещения. Ссылаясь на трактат французского философа Ш.Л. Монтескьё «О духе законов» (1748), он акцентирует внимание на необходимости адаптации законодательства к местным условиям [там же, с. 160]. При этом он явно симпатизирует идеалистической концепции «души/духа народа», одной из самых плодотворных и влиятельных в истории европейской и российской мысли, истоки которой уходят в философию И.Г. Гердера и Г.В. Ф. Гегеля.

Под «общегосударственной душой», вероятно, кроется прообраз гражданской политической нации в имперских границах, где разнородные элементы объединены общими идеями и солидарностью. Этот утопический идеал, предлагаемый Агаевым, представляется попыткой вписать альтернативный сценарий в официальный проект общероссийской нации³.

Заключение

Выступая за гражданскую интеграцию, А. Агаев предлагает, как ему кажется, единственно верный и исторически оправданный путь для России на Кавказе. Его политическим идеалом на данном этапе выступает единое, централизованное государство, где различия между окраинами и центром стираются ненасильственным путем через просвещение и создание общей гражданской идентичности. Он предлагает проект превращения «инородцев» в полноправных подданных империи, отличных от образа колониальных «туземцев», для чего обосновывает необходимость изучения языков, истории, культуры народов окраин, а также развития печати на местных языках.

В определенном смысле можно рассматривать эту статью как программный текст, отражающий не только официальную позицию редакции «Каспия» (и потому неслучайно помещенный в первый номер под редакцией А. Топчибашева), но и созвучный взглядам определенной части российской администрации.

Особенно интересна она в свете того, как происходила эволюция взглядов А. Агаева в дальнейшем – в 1909 г. он эмигрировал в Османскую империю, где

3. Про концепцию общероссийской нации см., напр.: [Миллер 2010].

принимал участие в младотурецком движении и сформировался как идеолог тюркской идентичности. Статью 1898 г. можно рассматривать как отражение одного из этапов его интеллектуального поиска.

Библиография

Агаев А.Б. Где же наша интеллигенция? Подборка избранных статей из газеты «Каспий» / сост. В.К. Гулиев. Баку: Ганун, 2019. 159 с.

Балаев А.Г. Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX–XX вв. М.: Флинта, 2020. 407 с.

Гаджиева Л.О. Вопросы периодической печати на страницах газеты «Каспий» (1881–1919). Баку: Ляман, 2018. 493 с.

Гаспринский И. Русское мусульманство. Симферополь: Тип. Спиро, 1881. 45 с.

Гулиев В.К. Самый плодовитый автор «Каспия» [вступ. статья] // Агаев А.Б. Где же наша интеллигенция? Подборка избранных статей из газеты «Каспий» / сост. В.К. Гулиев. Баку: Ганун, 2019. С. 9–19.

Жигульская Д.В. Эволюция политических взглядов Ахмед-бека Агаева (Агаоглу) // Проблемы востоковедения. 2018. №4 (82). С. 24–30.

Западные окраины Российской империи / сост. М. Долбилов, А. Миллер. НЛЮ, 2006. 606 с.

Ларин А.Б. «Записка» консула в Басре К.В. Иванова: постановка вопроса об изучении Востока в российском МИД начала XX века // Новая и Новейшая история. 2023. Вып. 6. С. 95–108.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛЮ, 2010. 246 с.

Миллер А.И. Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // Политическая наука. 2013. № 3. С. 30–42.

Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: НЛЮ, 2013. 332 с.

Akçuraoglu Y. Türkçülüğün tarixi. Bakı: Qanun, 2006. 144 p.

Bhabha H. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse // Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 152–160.

Said E.W. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.

References

Agayev A.B. Gde zhe nasha intelligentsiya? Podborka izbrannykh statei iz gazety “Kaspii”. Sost. V.K. Guliev [Where Is Our Intelligentsia? A Selection of Articles from the Newspaper “Kaspii”]. Baku: Ganun, 2019. 159 p. (In Russ.)

Akçuraoglu Y. Türkçülüğün tarixi. Bakı: Qanun, 2006. 144 p. (In Aze)

Balaev A.G. Azerbajjanskaya natsiya: osnovnye etapy stanovleniya na rubezhe XIX–XX vv. [The Azerbaijani Nation: Main Stages of Formation at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Moscow: Flinta, 2020. 407 p. (In Russ.)

Bhabha H. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse. Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 152–160.

Gadzhieva L.O. Voprosy periodicheskoi pechati na stranitsakh gazety “Kaspii” (1881–1919) [Issues of the Periodical Press on the Pages of the Newspaper “Kaspii” (1881–1919)]. Baku: Lyaman, 2018. 493 p. (In Russ.)

Gasprinskii I. Russkoe musul'manstvo [Russian Islam]. Simferopol: Tipografiya Spiro, 1881. 45 p. (In Russ.)

Guliev V.K. Samyi plodovityi avtor "Kaspiya" [vstup. stat'ya] [The Most Prolific Author of Kaspii (Introductory Article)]. In: Agaev A.B. Gde zhe nasha intelligentsiya? Podborka izbrannykh statei iz gazety "Kaspii" / comp. V.K. Guliev. Baku: Ganun, 2019. P. 9–19. (In Russ.)

Larin A.B. "Zapiska" konsula v Basre K.V. Ivanova: postanovka voprosa ob izuchenii Vostoka v rossiiskom MID nachala XX veka [The "Memorandum" of Consul K.V. Ivanov in Basra: Raising the Question of Oriental Studies in the Russian Foreign Ministry in the Early 20th Century]. Novaya i Noveishaya istoriya. 2023. Iss. 6. P. 95–108. (In Russ.)

Miller A.I. Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research]. Moscow: NLO, 2010. 246 p. (In Russ.)

Miller A.I. Modernye imperii: problemy klassifikatsii, mekhanizmy konsolidatsii i raspada [Modern Empires: Problems of Classification, Mechanisms of Consolidation and Disintegration]. Politicheskaya nauka. 2013. No. 3. P. 30–42. (In Russ.)

Said E.W. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.

Tolts V. "Sobstvennyi Vostok Rossii": Politika identichnosti i vostokovedenie v pozднеimperiiskii i rannesovetskii period ["Russia's Own East": Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period]. Moscow: NLO, 2013. 332 p. (In Russ.)

Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii / comp. M. Dolbilov, A. Miller [The Western Borderlands of the Russian Empire]. Moscow: NLO, 2006. 606 p. (In Russ.)

Zhigul'skaya D.V. Evolyutsiya politicheskikh vzglyadov Akhmed-beka Agaeva (Agaoglu) [The Evolution of the Political Views of Akhmed-bek Agaev (Agaoglu)]. Problemy vostokovedeniya. 2018. N 4 (82). P. 24–30. (In Russ.)

Ю.В. Варфоломеев

**РЕЦ. НА: КОЧУКОВА О.В., КОЧУКОВ С.А. «ХУДОЖНИК НА БОЕВОМ ПОЛЕ»:
РЕПОРТАЖНАЯ ГРАФИКА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ. (М., 2024)**

Аннотация. В рецензии представлен развернутый анализ монографии О.В. и С.А. Кочуковых ««Художник на боевом поле»: репортажная графика Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.». Рецензируемая работа рассматривается в контексте развития визуальной истории – нового междисциплинарного направления в гуманитарных науках, которое постепенно преодолевает традиционную ориентацию историков исключительно на текстовые источники. В рецензии рассматривается содержание монографического иллюстрированного издания, представляющего собой первый опыт исследования событий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. посредством визуальной журнальной хроники – гравюр, опубликованных на страницах российской и зарубежной иллюстрированной прессы. Определяется значение монографии с позиций актуальных направлений и жанров современной исторической науки. Публикация произведений журнальной репортажной графики Русско-турецкой войны в сочетании с историко-культурным исследованием ее содержательной стороны позволила авторам рецензируемой работы выявить роль средств массовой информации и представителей творческой интеллигенции в репрезентации главных событий военной истории России XIX в. Автор статьи подчеркивает новаторский характер рецензируемой монографии, которая является первым обобщающим исследованием, посвященным журнальной репортажной графике как визуальному нарративу Русско-турецкой войны. Отмечается, что издание вводит в научный оборот обширный массив из 475 гравюр из российской и зарубежной прессы, что само по себе является значительным вкладом в источниковую базу. Монография Кочуковых в качестве ключевых аспектов анализирует графику как инструмент формирования концепции «освободительной войны» в общественном мнении и культуре России. Исследование раскрывает мотивы художников-корреспондентов (гражданский долг, эстетический поиск, этнографический интерес) и их роль как «солдат информационной войны». При этом авторы, как указывает рецензент, применяют методы исторической имажологии, сравнивая визуальные образы, созданные российскими и зарубежными художниками. Особое внимание в монографии уделено творчеству ключевых фигур журнальной репортажной графики, таких как Н.Н. Каразин, чьи работы представляют собой синтез визуального и вербального текста. Авторы подчеркивают роль иллюстрированных журналов («Нива», «Всемирная иллюстрация») как главных российских медиаресурсов для визуальной репрезентации войны. В заключение сделан вывод о том, что монография О. В. и С. А. Кочуковых – это важный шаг в развитии визуальной истории, который будет интересен как специалистам, так и широкой аудитории, интересующейся военной историей, культурой и искусством России.

Ключевые слова: Русско-турецкая война; репортажная графика; художники-корреспонденты; визуальная хроника; гравюры.

Варфоломеев Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». Россия, Саратов.

E-mail: ybartho@mail.ru

WoS Researcher ID – D-8174-2013

Varfolomeev Yu. V.

Review of: Kochukova O.V., Kochukov S.A.

“An Artist on the Battlefield”: Reportage Graphics of the Russo-Turkish War of 1877–1878 (Moscow, 2024).

Abstract. *The review presents a detailed analysis of the monograph by O.V. and S.A. Kochukov, «“An Artist on the Battlefield”: Reportage Graphics of the Russian-Turkish War of 1877–1878». The reviewed work is considered in the context of the development of visual history, a new interdisciplinary field in the humanities that is gradually overcoming the traditional orientation of historians solely toward textual sources. The review examines the content of the illustrated monograph, which represents the first attempt to study the events of the Russian–Turkish War of 1877–1878 through visual magazine chronicles – engravings published in the Russian and foreign illustrated press.*

The significance of the monograph is assessed from the perspective of current trends and genres in modern historical scholarship. The publication of journalistic reportage graphics of the Russian-Turkish War, combined with a historical and cultural analysis of their content, has allowed the authors of the reviewed work to identify the role of the media and representatives of the creative intelligentsia in representing key events in Russia’s nineteenth-century military history. The author of the review emphasizes the innovative nature of the monograph, which is the first generalizing study devoted to journalistic reportage graphics as a visual narrative of the Russian-Turkish War. It is noted that the publication introduces into scholarly circulation an extensive corpus of 475 engravings from the Russian and foreign press, which in itself constitutes a significant contribution to the source base.

The monograph by O.V. and S.A. Kochukov analyzes these graphics as a key tool in shaping the concept of the “liberation war” in Russian public opinion and culture. The study reveals the motives of correspondent artists (civic duty, aesthetic search, ethnographic interest) and their role as “soldiers of the information war”. At the same time, as the reviewer notes, the authors apply the methods of historical imagology, comparing visual images created by Russian and foreign artists. The monograph pays special attention to the work of key figures in journalistic reportage graphics, such as N. N. Karazin, whose oeuvre represents a synthesis of visual and verbal texts. The authors also emphasize the role of illustrated magazines (Niva, World Illustration) as the main Russian media outlets for the visual representation of the war.

In conclusion, the monograph by O.V. and S.A. Kochukov is regarded as an important step in the development of visual history and will be of interest both to specialists and to a wider audience interested in the military history, culture, and art of Russia.

Keywords: *Russian-Turkish war; reportage graphics; artist-correspondents; visual chronicle; engravings.*

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History and Archaeology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky. Russia, Saratov.

E-mail: ybartho@mail.ru

WoS Researcher ID – D-8174-2013

В современных исторических исследованиях все более отчетливо проявляется интерес и обращение к новому научному направлению – визуальной истории. Почти четверть века назад американский ученый – теоретик и историк искусства Уильям Митчелл – актуализировал проблему визуальных исследований (visual studies), но задался при этом вопросом – это «Дисциплина на стадии становления, особая и самостоятельная область культурных штудий... или вспомогательный инструмент, призванный помочь Медиатеории, Истории искусств или Эстетике?» [Mitchell 2002, с. 165]. И сегодня, очевидно, уже можно дать ответ на этот вопрос: визуальные исследования – это весьма продуктивное междисциплинарное направление в гуманитарных науках, которое вышло за рамки исключительно философского или искусствоведческого дискурса. Правда, на данный момент, судя по историографической ситуации, следует отметить, что преобладают все-таки научные разработки социологов, философов и искусствоведов. «В целом в исторической науке визуальный поворот совершается медленнее, чем в социологии или культурологии, и имеет свои особенности, поскольку «видимость» для историка понятие условное, Текст, письменный источник остается основой исторического познания и его символом. Он определяет основные методы и технологии работы историка», – размышляет по этому поводу Л.Н. Мазур. Однако вселяет оптимизм констатация сформировавшейся и прогрессирующей тенденции, которую ученые определяют как «новый поворот в развитии исторического познания» [Мазур 2015, с. 163–164]. С данной перспективы рецензируемое издание представляется значительным шагом в наращивании потенциала визуальной истории, и не только с точки зрения концептуальной разработки исследуемой темы, но и с точки зрения введения в научный оборот внушительного массива визуальных источников по истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Представляется, что вышеуказанное, сравнительно новое, исследовательское направление с учетом междисциплинарных подходов получает своё развитие в монографии О.В. и С.А. Кочуковых [Кочукова, Кочуков 2024].

Люди и события освободительной войны России на Балканах, безусловно, нашли отражение в самых разнообразных формах в изобразительном искусстве. Вместе с тем отдельное внимание в качестве визуальных исторических

источников заслуживают произведения живописи и графики, иллюстрации и фотоальбомы; гравюры и карикатуры в периодических изданиях той эпохи. «Но эти источники, как и сама проблема визуальной репрезентации внешне-политических целей и национальных интересов России, сравнительно редко и фрагментарно попадали в поле зрения историков» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 5], – справедливо замечают авторы рецензируемой монографии.

Между тем высокий исследовательский потенциал, в частности, произведений изобразительного искусства, для изучения различных исторических тем и сюжетов, отмечают современные ученые. На уникальность и информативность русской живописи XIX в. обратила внимание немецкая исследовательница Гертруда Пикхан, заметив, что в этих произведениях «представлена вся история России, все важные темы того времени. Произведения художников могут быть историческим источником» [Пикхан 2014, с. 49], – приходит она в итоге к обоснованному выводу. При этом замечено, что до XX в. живопись являлась главным способом визуальной репрезентации. Однако главными интерпретаторами визуальных образов, по мнению Т.В. Вдовиной, были искусствоведы [Вдовина 2012, с. 24]. Век нынешний вносит существенную поправку в эту ситуацию – полноправными и квалифицированными исследователями изобразительных источников становятся и специалисты визуальной истории.

В то же время исследовательский ракурс визуалистики на протяжении долгого времени был привычно смещен в пространство микроистории. «В области истории повседневности, тела, одежды использование визуальных источников считается оправданным, а политическая и социальная история пока еще традиционно избегают изобразительного материала» [Бойцова 2009, с. 366], – констатирует преобладавшую до недавнего времени историографическую ситуацию О.Ю. Бойцова. Однако в последнее время наметилась существенная донастройка исследовательской оптики: появились работы по проблемам визуальной репрезентации внешней и внутренней политики России, что свидетельствует о переходе на макроисторический уровень визуальной истории, и в данном смысле рецензируемая монография О.В. и С.А. Кочуковых стала весомым и заметным исследованием этого тренда.

Визуализация истории военных конфликтов в настоящее время становится актуальным направлением. Одной из первых работ по этой проблематике стала новаторская статья австрийского ученого Ханнеса Лейдингера, в которой автор определил роль и содержательное значение визуального материала суровой реальности военного времени на примере Восточного фронта периода Первой мировой войны [Лейдингер 2014, с. 112–128]. Участию художников в военных и научных экспедициях посвящена монография Б.В. Воробьева и Э.Г. Швеца, в которой они раскрывают заявленную проблематику через художественные репортажи и визуальный нарратив научных и военных экспедиций [Воробьев, Швец 2021]. В продолжение изучения этого направления, Швец в соавторстве

с В.С. Белгородским и М.Г. Котовской рассмотрела графику и живопись войны 1877–1878 гг. с точки зрения документального нарратива [Белгородский, Котовская, Швец 2022]. «Чем больше проходит времени после окончания войн, тем ценнее графические и живописные документальные свидетельства участников военных событий для исследователей и для потомков <...> Глазами художника читатель и зритель увидел Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. в режиме рисованных репортажей, графических очерков, живописных картин» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 298], – приходят к логичному выводу авторы рецензируемой монографии. И вот, наконец, в прошлом году вышло в свет первое обобщающее исследование саратовских ученых О.В. и С.А. Кочуковых, посвященное рассмотрению журнальной репортажной графики Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в качестве визуального нарратива, порожденного историческим контекстом формирования и эволюции концепции «освободительной войны» в общественном мнении и культуре России. Следует подчеркнуть, что рецензируемое издание основано на солидном публикационном заделе авторов и является результатом их многолетнего труда.

Освободительная война России на Балканах отличалась целым рядом новаций: это и преобразованная в результате военной реформы армия, и общество, патриотично и деятельно включившееся в волонтерско-добровольческую деятельность и активную помощь фронту. Между тем именно на полях сражений Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. впервые в качестве военных корреспондентов появляются художники и фотографы, призванные запечатлеть визуальную интерпретацию фронтовой страды. «В изобразительном искусстве складывалось новое направление – появилась профессия иллюстратора-журналиста» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 4], – отмечают Кочуковы. На полях сражений Русско-турецкой войны рядом с офицерами и солдатами находились военных корреспонденты и художники, такие как: В.В. Верещагин, Н.Н. Каразин, П.О. Ковалевский, В.Д. Поленов и мн. др. Они стали прямыми свидетелями и непосредственными участниками драматичных событий на Балканах, что предопределило разнообразные темы их творчества – от батальных сцен до бытовых зарисовок. Именно благодаря им в российском обществе формировался аутентичный и зримый образ балканской войны. При этом «самая широкая и значительная реакция деятелей общественного движения и культуры России сформировала среду для рождения и жизни многочисленных художественных образов войны» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 298], – подчеркивают авторы.

Первая часть заглавия книги Кочуковых заимствует название одноименного очерка В.И. Немировича-Данченко – «Художник на боевом поле», что само по себе имеет эпиграфиальный смысл, подчеркивая цель монографии – сохранение исторической памяти о подвиге художников-корреспондентов и всестороннее исследование их творческого наследия, в частности – репортажной графики с полей сражения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Именно гра-

фика на страницах иллюстрированной прессы впервые открыла визуальную сторону боевых действий и военной повседневности, благодаря своему явному преимуществу – оперативности. Наряду с этим, авторы справедливо отмечают еще одну важную сторону журнальной графики – функцию ««визуальной пропаганды» целей и ценностей Русско-турецкой войны в общественном мнении России» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 298]. Уточняющий подзаголовок в названии книги («Репортажная графика Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.») выявляет особенности подхода её авторов к способу изучения визуальной репрезентации исследуемого события посредством одного из видов изобразительного искусства.

При подготовке книги «Художник на боевом поле» авторы обратились к внушительному массиву материалов репортажной графики, разбросанной по страницам русских и европейских иллюстрированных газет, и журналов, предприняв ее комплексное изучение. До настоящего времени эти визуальные источники можно было встретить на страницах дореволюционных иллюстрированных альбомов, ставших библиографической редкостью, и включавших лишь некоторые гравюры и портреты героев войны [Альбом 1881]. В современных изданиях опубликованы гравюры, сохранившиеся в качестве отдельных листов-эстампов в различных музейных фондах [За други своя... 2017]. Среди специально посвященных репортажной графике изданий выделяется альбом гравюр Русско-турецкой войны, подготовленный болгарским исследователем А. Будевым на основе зарубежных журнальных публикаций [Будев 1978]. Все это свидетельствует о том, что рецензируемое издание впервые представило читателям самое большое по объему собрание визуальной журнальной хроники – 475 (!) гравюр, опубликованных в свое время на страницах как российской, так и зарубежной иллюстрированной прессы.

Рубрикацию книги предопределил исследовательский замысел авторов, подразумевающий рассмотрение журнальной репортажной графики Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в качестве визуального нарратива, порожденного историческим контекстом формирования и эволюции концепта «освободительная война» в общественном мнении и культуре России. Экзистенциальная репрезентация Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. как «освободительной» стала квинтэссенцией символических смыслов, сложившихся в отечественном общественном сознании в XIX в.: концепта «народной войны» 1812 г. и дискурса «жертвенности» Крымской войны 1853–1856 гг.

В первой главе «Репортажная графика Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в историко-культурном контексте эпохи» авторы последовательно анализируют особенности интерпретации Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в социокультурном пространстве; интеллектуальную среду создания репортажной графики, а также разнообразие типов и образов восприятия войны в творчестве отдельных художников-корреспондентов; вклад русских иллюстриро-

ванных журналов в информационное освещение и культурную репрезентацию грандиозного исторического события. В этой главе О. В. и С. А. Кочуковы обращают внимание на взаимосвязь и взаимообусловленность художественных исканий и общественной позиции ведущих мастеров, отмечая, их «патриотический отклик на глубоко волновавший все российское общество призыв о помощи братьям-славянам» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 48]. Кроме того, речь идет об «эстетических переживаниях» художников, а также об «этнографическом» интересе к войне на Балканах. Вводимое авторами определение «этнографический» основано на представлении ими этого региона, ставшего театром военных действий, в качестве своеобразного «этнографического музея», а населявшие Балканы народы, и, прежде всего, славяне были для художников «предметом самого пристального интереса, а в способе осмысления их национальной идентичности заметно влияние ориентализма» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 45].

Комплекс иллюстраций, представленных автором в разделе «Визуальная хроника освободительной войны в репортажной графике», авторами уместно подразделен на цельные тематические блоки, отражающие тот или иной аспект визуального нарратива освободительной войны на Балканах.

Наряду с этим, хотелось бы подчеркнуть еще два момента, характеризующих эту часть книги. Во-первых, авторы удачно и уместно применяют методы исторической имагологии, воспроизводя диалог визуальных образов войны, сотворенных российскими и зарубежными художниками. Во-вторых, определение «репортажная графика», широко используемое в монографии, наполняется реальным смыслом – органичным сочетанием рисунка и текста в журнальной публикации. Ярким примером этого может служить творчество кадрового военного, этнографа, писателя и художника Н. Н. Каразина, который не только создал очень большое количество рисунков, ставших основой для сотен гравюр, напечатанных не только в русских, но и иностранных изданиях, но и выступал в качестве талантливого автора текстов, сопровождавших его рисунки. Его короткие, но емкие повествования отличались высокой художественностью, и, по сути, являлись самостоятельными литературными произведениями – рассказами или новеллами. «Сочетание таланта писателя и художника обеспечило выдающийся пример единства вербального и визуального текста в репрезентации Русско-турецкой войны и на новую высоту подняло традицию репортажной графики в России» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 62], – справедливо оценивают его творчество О. В. и С. А. Кочуковы. Таким образом, авторы убедительно показывают, что участие художников в визуализации такого исторического события как освободительная война России на Балканах было продолжением традиции и опыта художественных репортажей.

В названии одного из параграфов книги Кочуковых встречаем интригующее словосочетание «солдаты информационной войны», вызывающее неволь-

ные ассоциации и перекликающееся с проблематикой современной «информационной войны». «Художники-корреспонденты выступали в роли настоящих «солдат информационной войны», – пишут авторы, – принимая при этом самое непосредственное участие в походах и сражениях русской армии, проявляя истинный героизм и гражданское мужество» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 51]. Как видим, лексему «солдат» авторы понимают, в употребляемом ими контексте, в прямом смысле – боец, принимающий участие как воин «на боевом поле».

Однако, думается, что понятие «солдат информационной войны» следует толковать и в другом смысле, а именно позиционировать художника-репортера как участника журнальных батальи, которые в то время охватили информационное пространство стран – участников балканского противостояния, и эту трактовку мы также встречаем в тексте рецензируемой книги. «На страницах периодических изданий России, Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, Франции в ходе основных событий Великого Восточного кризиса развернулись самые настоящие «журнальные войны»» [там же, с. 48], – отмечают авторы. Тогдашние «журнальные войны» – это, очевидно, предвестник и прообраз современных информационных войн. Кстати, визуальной репрезентации ценностных ориентиров внешней политики Российской империи в пространстве информационного противоборства европейской и российской прессы в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. посвящена монография О.В. и С.А. Кочуковых «Смех как оружие: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в российской и европейской сатирической печати» [Кочукова, Кочуков 2022], опубликованная двумя годами ранее рецензируемого издания. В ней авторы убедительно показали, что в сатирической графике российских и европейских журналов противостояли самостоятельные и в разной мере успешные проекты «войны карикатур», отражавшие перипетии дипломатической и общественной борьбы по поводу балканского вектора внешней политики России.

О.В. и С.А. Кочуковыми подмечено, что на некоторых гравюрах, напечатанных в российских изданиях, оказались запечатлены и иностранные корреспонденты. В итоге авторы приходят к выводу: «В конкретном взаимодействии репортажной графики, создаваемой русскими художниками-корреспондентами и иностранными, было сложное переплетение нескольких направлений. Русские художники, прежде всего, создавали собственный визуальный нарратив освободительной войны. При этом они с равным успехом противостояли враждебным стратегиям русофобии и использовали примеры честного, объективного освещения событий отдельными западноевропейскими корреспондентами» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 60].

Авторы рецензируемого издания предприняли также основательную попытку подсчета числа русских военных корреспондентов, трудившихся в горах Русско-турецкой войны. При этом они понимали, что определить этот показатель будет весьма сложно. «Неразбериха с цифровыми данными объяс-

няется тем, что Немирович-Данченко, Мак-Гахан, Крестовский и др. считали одних и тех же газетчиков по несколько раз, – поясняют причины некорректных подсчетов О. В. и С. А. Кочуковы. – Определенную путаницу вносил тот факт, что ряд корреспондентов писали свои материалы сразу в несколько периодических изданий» [там же, с. 55]. Тем не менее, сравнивая материалы из различных источников, авторы пришли к выводу о том, что всего на полях сражений Русско-турецкой войны было приблизительно 34 корреспондента, и приводят в книге составленный ими список [там же, с. 55].

Несомненно, основная роль в интерпретации художественных образов освободительной войны России на Балканах средствами репортажной графики принадлежала иллюстрированным журналам. ««Тонкие» иллюстрированные журналы-еженедельники во второй половине XIX века шли на смену «толстым» общественно-политическим журналам, – подчеркивают авторы, – и с самого начала были рассчитаны на массовую читательскую аудиторию, а иллюстративная часть в них играла подчас определяющую роль» [Кочукова, Кочуков 2024, с. 86]. Среди русских иллюстрированных журналов второй половины XIX в. авторы выделяют журналы «Нива», «Всемирная иллюстрация», а также специальное издание, получившее название «Иллюстрированная хроника войны».

Завершающей частью рецензируемого издания, как необходимым и важным элементом научного аппарата книги стал «Список иллюстраций», полноценно выполняющий три своих неотъемлемых предназначения: подготовительно-ориентирующее, информационно-пояснительное и справочно-поисковое. В «Списке иллюстраций» авторами указаны основные элементы атрибуции произведений репортажной графики – авторство рисунков и гравюр; название; место и дата первой публикации в периодической печати. Вместе с тем научный аппарат издания, к сожалению, не дополнен указателем имен, а этот раздел, для книги, в которой встречается большое количество персоналий, на мой взгляд, просто необходим.

Подводя итог обзору содержания новой книги, следует констатировать, что на суд читателя представлено первое комплексное, обобщающее исследование которое воссоздает визуальную картину исторической реальности Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Публикация произведений журнальной репортажной графики Русско-турецкой войны в сочетании с историко-культурным исследованием ее содержательной стороны позволила выявить роль средств массовой информации и представителей творческой интеллигенции в репрезентации главных событий военной истории России XIX в. Квалифицированный анализ большого массива визуальных источников представлен авторами в доступной научно-популярной форме. Издание адресовано всем интересующимся военно-политической историей России, а также историей культуры, искусства и общественного движения. Можно с большой долей уверенности

предположить, что монографическое издание ««Художник на боевом поле»: репортажная графика Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» вызовет интерес у современной читательской аудитории, поскольку помогает вспомнить и визуально воспринять картины и образы героических и славных страниц российской истории периода Русско-турецкой войны.

Библиография

Альбом Русско-турецкой войны в европейской Турции. 1877–1878. Девяносто девять портретов и рисунков. СПб., Тип. Товарищ. «Общественная польза», 1881. 82 с.

Белгородский В.С., Котовская М.Г., Шве́ц Э.Г. Социология повседневности: русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами художников // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 279–296.

Бойцова О.Ю. Рецензия: Очевидная история: проблемы визуальной истории России XX столетия: сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2008. 479 с. // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 365–373.

Будев А. Старинные гравюры. Русско-турецкая война 1877–1878 годов, принесшая свободу Болгарии. София: София Прес, 1978. 173 с.

Вдовина Т.В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. № 1. С. 16–26.

Воробьев Б.В., Шве́ц Э.Г. Художественные репортажи и визуальный нарратив научных и военных экспедиций. М.: Изд-во ВУ Минобороны РФ, 2021. 80 с.

За други своя. К 140-летию войны за освобождение Болгарии. 1877–1878. Каталог выставки. М.: Государственный исторический музей, 2017. 334 с.: цв. ил.

Кочукова О.В., Кочуков С.А. Смех как оружие: Русско-турецкая война 1877–1878 годов в российской и европейской сатирической печати. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 231 с.: ил.

Кочукова О.В., Кочуков С.А. «Художник на боевом поле»: репортажная графика Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М.: Научно-политическая книга, 2024. 447 с.: ил.

Лейдингер Х. Визуализация Восточного фронта в австро-венгерской пропаганде Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 112–128.

Мазур Л.Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 163–164.

Пикхан Г. Моя Россия. Темы и образы // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 35–52.

Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture // Journal of visual culture. London, 2002. Vol. 1, N 2. P. 165–181.

References

Al'bom Russko-turetskoi voiny v evropeiskoi Turtsii. 1877–1878. Devyanosto devyat' portretov i risunkov [Album of the Russo-Turkish War in European Turkey, 1877–1878: Ninety-Nine Portraits and Drawings]. St. Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, 1881. 82 p. (In Russ.)

Belgorodskii V.S., Kotovskaya M.G., Shvets E.G. Sotsiologiya povsednevnosti: russko-turetskaya voyna 1877–1878 gg. glazami khudozhnikov [The Sociology of Everyday Life: The Russo-Turkish War of 1877–1878 through the Eyes of Artists]. Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2022. Vol. 65. P. 279–296. (In Russ.)

Boitsova O.Yu. Retsenziya: Ochevidnaya istoriya: problemy vizual'noi istorii Rossii XX stoletiya [Review: Visible History: Problems of Visual History of 20th-Century Russia]. *Antropologicheskii forum*. 2009. N 10. P. 365–373. (In Russ.)

Budev A. Starinnye gravyury. Russko-turetskaya voina 1877–1878 godov, prineshchaya svobodu Bolgarii [Old Engravings: The Russo-Turkish War of 1877–1878 That Brought Freedom to Bulgaria]. Sofia: Sofia Pres, 1978. 173 p. (In Russ.)

Kochukova O.V., Kochukov S.A. “Khudozhnik na boevom pole”: reportazhnaya grafika Russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. [“Artist on the Battlefield”: Reportage Graphics of the Russo-Turkish War of 1877–1878]. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2024. 447 p., ill. (In Russ.)

Kochukova O.V., Kochukov S.A. Smekh kak oruzhie: Russko-turetskaya voina 1877–1878 godov v rossiiskoi i evropeiskoi satiricheskoi pechati [Laughter as a Weapon: The Russo-Turkish War of 1877–1878 in Russian and European Satirical Press]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2022. 231 p., ill. (In Russ.)

Leidinger H. Vizualizatsiya Vostochnogo fronta v avstro-vengerskoi propagande Pervoi mirovoi voiny [Visualizing the Eastern Front in Austro-Hungarian Propaganda of World War I]. *Quaestio Rossica*. 2014. N 1. P. 112–128. (In Russ.)

Mazur L.N. Vizualizatsiya istorii: novyi povорот v razvitii istoricheskogo poznaniya [Visualization of History: A New Turn in the Development of Historical Knowledge]. *Quaestio Rossica*. 2015. N 3. P. 163–164. (In Russ.)

Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture. *Journal of visual culture*. London, 2002. Vol. 1, N 2. P. 165–181.

Pikhkhan G. Moya Rossiya. Temy i obrazy [My Russia: Themes and Images]. *Quaestio Rossica*. 2014. N 1. P. 35–52. (In Russ.)

Vdovina T.V. Vizual'nye issledovaniya: osnovnye metodologicheskie podkhody [Visual Studies: Main Methodological Approaches]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2012. N 1. P. 16–26. (In Russ.)

Vorob'ev B.V., Shvets E.G. Khudozhestvennye reportazhi i vizual'nyi narrativ nauchnykh i voennykh ekspeditsii [Artistic Reports and the Visual Narrative of Scientific and Military Expeditions]. Moscow: Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, 2021. 80 p. (In Russ.)

Za drugi svoya. K 140-letiyu voiny za osvobozhdenie Bolgarii. 1877–1878. Katalog vystavki [For Their Brethren: On the 140th Anniversary of the War for the Liberation of Bulgaria, 1877–1878. Exhibition Catalogue]. Moscow: State Historical Museum, 2017. 334 p., col. ill. (In Russ.)

И.А. Алешкова

**РЕЦ. НА: ЗАСЛАВСКАЯ Н.М. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ. М., 2024**

***Аннотация.** В настоящее время цифровые технологии в экологическом праве активно внедряются для ускорения и упрощения процедур по предоставлению информации о состоянии окружающей среды, мониторинга окружающей среды, прогнозирования и др., а также используются для создания эффективного эколого-экономического механизма рационального природопользования. В рецензии на монографию «Цифровизация государственного экологического управления: правовые основы» анализируется вклад автора в науку экологического права и развитие института экологического управления. В монографии Н.М. Заславской, выбранной для рецензирования, предлагается научная концепция правового регулирования государственного экологического управления, оценено современное его состояние, определены система взглядов на понятия, цели, принципы, инструменты его организации, а также порядок его осуществления. Отмечается, что в рецензируемой работе проведен глубокий и всесторонний анализ вопросов применения и развития риск-ориентированного подхода в государственном экологическом управлении, сформулированы авторские позиции по поводу цифровизации в экологическом праве. В настоящее время вопросы цифровизации в системе государственного экологического управления мало исследованы. В связи с чем можно надеяться, что обзор представленной монографии будет способствовать определению направлений для дальнейших исследований, а рецензируемая работа будет востребована всеми, кто интересуется проблемами экологического права.*

***Ключевые слова:** экологическое управление; цифровизация; охрана окружающей среды; экологическая информация; риск-ориентированный подход.*

Алешкова Ирина Александровна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: ialeshkova@mail.ru

Aleshkova I.A.

Review of: Zaslavskaya N.M. Digitalization of State Environmental Governance: Legal Foundations (Moscow, 2024)

Abstract. Digital technologies are currently being actively implemented in environmental law to expedite and simplify procedures for providing information on the state of the environment, environmental monitoring, forecasting, and related activities, and are also used to create an effective environmental and economic mechanism for rational natural resource management. This review of the monograph «Digitalization of State Environmental Governance: Legal Foundations» analyzes the author's contribution to the science of environmental law and the development of the institution of environmental management. N.M. Zaslavskaya's monograph, selected for review, proposes a scientific concept for the legal regulation of state environmental management, assesses its current state, and defines a system of views on the concepts, goals, principles, and tools for its organization, as well as the procedure for its implementation. It is noted that the work under review provides an in-depth and comprehensive analysis of the application and development of a risk-based approach in state environmental management and formulates the author's positions on digitalization in environmental law. Currently, issues of digitalization in the state environmental management system remain under-researched. In this regard, it is hoped that the review of the presented monograph will help identify directions for further research, and that the work under review will be in demand by all those interested in issues of environmental law.

Keywords: environmental governance; digitalization; environmental protection; environmental information; risk-oriented approach.

Aleshkova Irina Aleksandrovna – candidate of legal sciences, leading researcher of the Department of Jurisprudence of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: ialeshkova@mail.ru

В научной юридической литературе вопросы правового регулирования государственного экологического управления являются достаточно традиционными. Вместе с тем поиск эффективных управленческих механизмов – насущная актуальная задача для научных исследований. Соответственно система научных взглядов в основном обращена к определенным актуальным проблемам, в числе которых: разработка и внедрение инновационных технологий в систему государственного управления; критерии оценки экологического управления; институционализация цифровых технологий в природоохранную и природоресурсную деятельность; анализ применяющихся на практике механизмов защиты баз данных.

Ознакомившись с монографией Надежды Михайловны Заславской «Цифровизация государственного экологического управления: правовые основы», ставшей основой для ее диссертации на соискание ученой степени доктора

юридических наук, можно утверждать, что в ней представлена новая концепция по данной тематике.

Учитывая устоявшиеся позиции выдающихся специалистов в области экологического права С.А. Боголюбова, М.М. Бринчука, Г.В. Выпхановой, О.Л. Дубовик, Н.Г. Жаворонковой, О.С. Колбасова, И.О. Красновой, В.В. Петрова и др., исходя из анализа правоотношений в области охраны окружающей среды и практики реализации экологического законодательства, Н.М. Заславская предложила оригинальную концепцию правового регулирования цифровизации государственного экологического управления.

Представленная система взглядов на понятия, цели, принципы, инструменты организации, а также порядок осуществления государственного экологического управления выступает основой, опираясь на которую, автор формулирует предложения по изменению и дополнению правовых средств. Они направлены на обеспечение действенного и эффективного правового взаимодействия общества и государства в области охраны окружающей среды, достижение более совершенного, основанного на использовании цифровых технологий правового регулирования деятельности и процессов в области государственного экологического управления, а также решение ряда актуальных проблем в области экологического права.

Особенностью концепции, выдвинутой Н.М. Заславской, является то, что в ней исходя из структуры правоотношения установлены характерные черты государственного экологического управления. В ходе проведенного исследования автор не только раскрывает особенности форм и методов управления, но и рассматривает их взаимосвязи. Обоснованно обращается внимание на необходимость при реализации государственного экологического управления координации мер правовой охраны окружающей среды и установления критериев эффективности цифровизации государственного экологического управления.

В целом, с опорой на достижения, полученные правовыми науками, в монографии определяется оптимальная модель современного государственного экологического управления.

Монография состоит из предисловия, пяти глав и заключения. Структура монографии позволила охватить теоретические и методологические аспекты правового регулирования, а также организационные и функциональные характеристики инструментов и мер государственного экологического управления, связывая их между собой и формируя из них единую систему.

В первой главе Н.М. Заславская обратила пристальное внимание на термины и определения по существующей проблематике. По мнению автора, выражения «экологическое управление» и «управление в области охраны окружающей среды» являются синонимами [Заславская 2024, с. 16]. Учитывая активное развитие и применение в государственном экологическом управлении цифровых технологий, в работе акцентируется внимание на его состоянии, а также на характеристике свойств его инновационного развития [там же, с. 24–26].

Отмечая существование различных концепций понимания информационного общества и цифрового общества, а также выделяя в них общее и особенное, автор обращает внимание на то, что цифровое оборудование и технологии, подлежащие разработке, созданию и внедрению в современных условиях, как и большинство вещей, связанных с человеком, вступают в конфликт и присоединяются к уже существующему экологическому конфликту [там же, с. 29–39].

Плодотворны мысли автора об основаниях классификаций конфликтов. Н.М. Заславская указывает на то, что такая их разновидность как эколого-правовой конфликт отличается от имманентного конфликта между человеком и природой. Заслуживает внимание утверждение автора об определении понятия «эколого-правовой конфликт» и его специфике [там же, с. 44–49].

На протяжении всей книги читатели знакомятся с анализом современного российского экологического права, но с особым акцентом на стратегии, законы, регламенты и инициативы, реализуемые на государственном, региональном и корпоративном уровнях. В работе представлен и широкий спектр примеров, охватывающих различные контексты государственного управления. Автор начинает с концепции отношений управления и последовательно исследует эколого-правовой механизм в контексте с целями экологического права, его предметом [Заславская 2024, с. 65–69]. Такой подход позволяет Н.М. Заславской прийти к выводу о том, что в рамках государственного экологического управления формируется сложносоставная система регуляторов. Среди них особое внимание уделяет принципам. Это поднимает ряд дополнительных вопросов. Например, какие принципы следует включать в систему регулятором государственного экологического управления, можно ли рассматривать как универсумы принцип рационального природопользования, принцип экологической безопасности и др., какое значение они имеют для развития в этой сфере цифровизации?

Н.М. Заславская обращает внимание на то, что для комплексного решения вопросов, связанных с воздействием цифровизации на государственное экологическое управление, существенное значение имеют правовые императивы, которые для каждого этапа цифровизации формулируются как экологические требования. Особенно важны они в области природопользования [там же, с. 91].

Рассматривая во второй главе вопрос об информационном обеспечении государственного экологического управления, автор исходит из целеполагания. Соответственно предлагается сведения об окружающей среде подразделять на статистические, т.е. сведения о количественной и качественной стороне экологических процессов – реестры, кадастры, экологический мониторинг и др., и стратегические, т.е. сведения перспективного характера – задачи управления, пути решения поставленных задач, контрольные показатели и др. [Заславская 2024, с. 108–109]. Такой вариант классификации сведений позволяет решить многие проблемы, в том числе создать их упорядоченную систему.

Значимым является и то, что автор подчеркивает ценность экологического мониторинга, выражающуюся в анализе и в оценке данных, полученных в результате наблюдений и сбора данных о состоянии окружающей среды в целом или по отдельным ее элементам [там же, с. 113].

Выделенные автором организационно-правовые, материально-технические проблемы, а также проблемы координации и следствия (проблемы актуальности) предлагается преодолевать через формирование системы информационного обеспечения. При построении этой системы предлагается исходить из определенных принципов. Их перечень требует дополнительного изучения и анализа. Он привлекателен с точки зрения широты охвата аспектов, но не ясны их взаимосвязи и особенности [там же, с. 117–120].

Также Н.М. Заславская обращает внимание на то, что в процессе цифровой трансформации информационного обеспечения государственного экологического управления существуют конкретные стадии: автоматизация (внедрение ИТ-решений, основанных на типовых, стандартизированных подходах) и информатизация (улучшение существующих процессов, внедрение платформенных решений) [там же, с. 120].

Акцентируя внимание на характерных чертах права на экологическую информацию: достоверность [там же, с. 136], доступность и открытость [там же, с. 144], в монографии обращается внимание на то, что в современный период разграничить экологическую информацию от иной информации, в том числе от информации о состоянии окружающей среды, сложно. И это, по мнению автора, одна из проблем, требующих законодательного решения.

Сравнение понятий «экологическая информация» и «пространственные данные» дает возможность Н.М. Заславской определить их особенности, а сопоставление правовых и организационных подходов к практике обращения такого рода информации, сформировавшихся в зарубежных странах, позволяет автору отметить их достоинства и недостатки. При этом обращается внимание на то, что цифровые платформы и системы постоянно совершенствуются [Заславская 2024, с. 149–162]. Приоритетным направлением развития, по мнению Н.М. Заславской, должно стать создание интегрированной системы, в которой будет реализована, по сути, комплексная модель, включающая географические, экологические, природоресурсные данные. Автор предлагает разместить эту систему на единой технологической платформе национальной системы пространственных данных [там же, с. 162–163].

В третьей главе, рассматривая принципы дифференциации и интеграции, методы – императивный и диспозитивный, и способы – дозволения, запрет, требования и др. в правовом регулировании государственного экологического управления в условиях цифровизации, Н.М. Заславская подчеркивает публично-правовой характер отношений в сфере охраны окружающей среды. Интересны суждения автора о важности одновременности дифференциации и ин-

теграции в экологических отношениях [там же, с. 169]. Исходя из различного рода взаимосвязей экологического права с другими отраслями права, предлагается при осуществлении правового регулирования государственного экологического управления исходить из концепции «межотраслевой кодификации» экологического законодательства, которая была предложена А.К. Голиченковым [там же, с. 171]. Кроме того, обращается внимание на то, что правовое регулирование ряда институтов экологического права периодически меняется, что, в свою очередь, вызвано в том числе поиском оптимальной модели сочетания, интегрированного и дифференцированного подходов в правовом регулировании экологических отношений, следовательно, вопрос о конкретных правовых моделях еще формируется [Заславская 2024, с. 176–179].

Автором выделяются тенденции преобразования методологии правового регулирования государственного экологического управления в условиях цифровизации. В качестве таковых рассматриваются: усиление влияния цифровизации на экологическое право; уменьшение дискретных полномочий органов государственного экологического управления; изменение субъектного состава управленческого правоотношения; увеличение влияния диспозитивного метода правового регулирования на отношения, возникающие в области государственного экологического управления; появление нового пространства для осуществления управленческой деятельности [там же, с. 189–196].

При этом особое внимание обращено на риск-ориентированный подход. Автор не только раскрывает понятие и виды рисков в области охраны окружающей среды, но и раскрывает их характерные черты [там же, с. 196–213]. Такой подход позволяет обосновать важность внедрения дифференцированного подхода к регулированию экологических отношений.

В четвертой главе раскрываются правовые проблемы построения организационной и функциональных структур государственного экологического управления в условиях цифровизации. Следует отметить, что этот вопрос как в экономическом, так и в правовом отношениях требует постоянного совершенствования. В монографии особое внимание уделяется практике внедрения в деятельность органов государственного экологического управления такого экономического и правового инструмента, как координация. По мнению Н.М. Заславской, координация способствует созданию действенного государственного экологического управления и оптимизации системы органов такого управления [там же, с. 214–232]. Вместе с тем подчеркивается, что именно цифровые технологии будут способствовать качественной и эффективной результативности государственного экологического управления, а также четкости разграничения в практике реализации полномочий в сфере охраны окружающей среды и максимальной вовлеченности органов местного самоуправления в реализацию экологического контроля [там же, с. 233–267]. Определенное внимание в монографии уделено перспективам участия граждан в обсуждении и принятии

решений, касающихся охраны окружающей среды. И несмотря на то, что система такого участия граждан в России еще только создается, инструменты, которые возможно использовать для повышения транспарентности государственного экологического управления и других целей – экологический референдум, электронное правительство, общественные (публичные) слушания, подробно рассматриваются в монографии. Заслуживающим внимания является вывод о том, что в экологической сфере переход к цифровому правительству позволяет вовлечь в процесс публичного управления не только граждан, но и коммерческие, а также некоммерческие организации [там же, с. 284].

В пятой главе внимание автора сосредоточено на качестве окружающей среды как критерии оценки эффективности цифровизации государственного экологического управления. Подчеркивается, что при нормировании необходимо учитывать различные факторы. Интересным с научной точки зрения является и представленный в монографии зарубежный опыт нормирования качества окружающей среды [там же, с. 299–305].

В условиях развития системы принципов экологического права концепция, сформированная Н.М. Заславской, не только способствует модернизации системы принципов государственного экологического управления, но и порождает дальнейшие углубленные размышления об их особенностях и взаимосвязях. Очевидно, что благодаря такого рода научным исследованиям создается качественно новая, но в то же время основанная на научной доктрине система правовых инструментов, которые способны обеспечить статичным правовым предписаниям реальное действие.

Нельзя не обратить внимание на то, что на современном этапе, принципы экологического права и принципы таких комплексных институтов как экологическое управление, охрана окружающей среды, природопользование, экологический контроль, экологическое нормирование, а также экологический мониторинг находятся во взаимосвязи и представляют в совокупности каскадную систему, мало изученную в научной литературе. Соответственно рассмотрение некоторых из них в рецензируемой работе представляется научно значимым. Кроме того, своевременный и комплексный подход к рассмотрению многих актуальных вопросов в области цифровизации государственного экологического управления дает возможность развития эффективного механизма обеспечения адаптивного государственного экологического управления, в котором цифровизация – это объективная реальность. Уже сейчас очевидно, что информационные системы, используемые при реализации государственных функций и содержащиеся в них сведения (данные) стали основой для принятия экологически значимых решений. Вместе с тем в этом направлении предстоит еще много сделать.

Поскольку любое исследование можно продолжать, автору интересной книги следует предложить в дальнейшем в работах подробнее осветить сов-

ременный зарубежный опыт внедрения цифровых технологий в сферу государственного экологического управления, а также обосновать значимость при развитии цифровизации экологического просвещения и экологического образования.

Библиография

Заславская Н.М. Цифровизация государственного экологического управления: правовые основы. Москва: Статут, 2024. 360 с.

References

Zaslavskaya N.M. Tsifrovizatsiya gosudarstvennogo ekologicheskogo upravleniya: pravovye osnovy [Digitalization of state environmental management: legal foundations]. Moscow: Statut, 2024. 360 p.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Россия и современный мир № 3 – 2025 (128)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.С. Николаева

Корректор
О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 30.12.2025 г.
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1

Усл. печ. л. 22,5 Уч.-изд. л. 19,5
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел печати и распространения
изданий**

Тел.: 8 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6